Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 12 2021 Декабрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт государства и права РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 12 2021 December

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of State and Law of the RAS, 2021
© Editorial Board of "State and Law", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 12, 2021

Закон РФ «О средствах массовой информации»: новации, тенденции, перспективы
М.А. Федотов 7

Юридическая ответственность в правовой системе России: некоторые итоги исследования и перспективы проекта 24
А.В. Малько, Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина, Р.С. Маркунин

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прошлое и настоящее Конституционного Суда РФ: формирование и изменение параметров его конституционно-правовой модели
В.А. Кряжков, М.А. Митюков 35

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Будущее государства как формы и способа бытия человека: перспективы и противоречия
А.Л. Панищев 61

Бюрократизация науки недопустима (заметки после прочтения книги В.Н. Протасова «Методологические проблемы защиты диссертаций (на примере юриспруденции)»)
Ю.В. Голик 67

Следователь и его полномочия. Не пора ли обновить парадигму?
И.В. Глазунова, В.А. Образцов 73

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Криминологические и уголовно-правовые аспекты безопасности транспортного комплекса России в контексте регулирования иностранных инвестиций
О.В. Дамаскин, В.В. Красинский 83

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее)
Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кроткова 97

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Современное значение понимания сущности и идеи государства
А.Г. Чернявский, Н.А. Синяева 109

Доктрина возрождения постсоветской туркменской государственности Сапармурата Ниязова
Г.Г. Небратенко, О.Г. Ларина 118

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Conflict of laws regulation of the international family relations in the Russian Federation (legislation and jurisprudence)
I.V. Getman-Pavlova, A.S. Kasatkina 127

Особенности применения международно-правового стандарта экспроприации в спорах энергетического характера
А.В. Шиянов 143

ЗА РУБЕЖОМ

Реформирование Уголовного кодекса Китайской Народной Республики: неоднозначные решения законодателя
А.И. Чучаев, А.И. Коробеев 153

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дух права – фундаментальная категория юридической науки
В.В. Сорокин 164

Роль собственника в реализации трудовых прав работника
В.И. Миронов, Т.П. Барбашова, В.И. Симонов 168

Концептуальная модель объекта, предмета и методологии уголовно-процессуальной науки
А.Ю. Афанасьев, А.Ф. Лубин 174

О мерах по противодействию мошенничеству (на примере фишинга)
А.Б. Сабырбаева 181

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзор Международной научной конференции «Александр Невский и пути российской идентичности», посвященной 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского
С.Н. Бабурин, Н.В. Кроткова, И.Л. Данилевская 186

Конституционализм: национальное и наднациональное измерения. Всероссийская научная конференция с международным участием к 95-летию со дня рождения В.А. Туманова
Н.В. Варламова, Т.А. Васильева, Н.В. Колотова, Е.А. Сорокина 195

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Галины Георгиевны Шинкарецкой 211

Авторский указатель за 2021 год 213

CONTENTS

Number 12, 2021

The Law of the Russian Federation "On Mass Media": innovation, trends, perspectives
M.A. Fedotov 7

Legal responsibility in the legal system of Russia: some research results and project prospects
A.V. Mal'ko, D.A. Lipinsky, A.A. Musatkina, R.S. Markunin 24

CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Past and present of the Constitutional Court of the Russian Federation: formation and change of parameters of its constitutional and legal model
V.A. Kryazhkov, M.A. Mityukov 35

DISCUSSIONS AND DEBATES

The future of the state as a form and method existence of human: perspectives and contradictions
A.L. Panishchev 61

Bureaucratization of science is unacceptable (notes after reading the book by V.N. Protasov "Methodological problems of dissertation defense (on the example of jurisprudence)")
Yu. V. Golik 67

The investigator and his authority. Is it time to update the paradigm?
I.V. Glazunova, V.A. Obraztsov 73

LAW AND ECONOMY

Security of the transport complex of Russia in the context of foreign investment regulation
O.V. Damaskin, V.V. Krasinsky 83

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Development of the science of Information Law and legal provision of information security: formation of the scientific school of Information Law (past and future)
T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, N.V. Krotkova 97

LEGAL, POLITICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

The modern meaning of understanding the essence and idea of the state
A.G. Chernyavsky, N.A. Sinyaeva 109

The doctrine of the revival of post-Soviet Turkmen statehood by Saparmurat Niyazov
G.G. Nebratenko, O.G. Larina 118

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Conflict of laws regulation of the international family relations in the Russian Federation (legislation and jurisprudence)
I.V. Getman-Pavlova, A.S. Kasatkina 127

Features of the application of the international legal standard of expropriation in energy disputes
A.V. Shiyanov 143

ABROAD

Reforming the Criminal Code of the People's Republic of China: ambiguous decisions of the legislator
A.I. Chuchaev, A.I. Korobeev 153

SCIENTIFIC REPORTS

Spirit of law – fundamental category of legal science
V.V. Sorokin 164

Owner's role in realization of labor rights of employee
V.I. Mironov, T.P. Barbashova, V.I. Simonov 168

Conceptual model of the object, subject and methodology of criminal procedure science
A. Yu. Afanasyev, A.F. Lubin 174

On measures to counter fraud (using the example of phishing)
A.B. Sabyrbaeva 181

SCIENTIFIC LIFE

Review of the International Scientific Conference "Alexander Nevsky and the ways of Russian identity", dedicated to the 800th anniversary of the birth of the Holy Prince Alexander Nevsky
S.N. Baburin, N.V. Krotkova, I.L. Danilevskaya 186

Constitutionalism: national and supranational dimensions. All-Russian Scientific Conference with international participation devoted to the 95th anniversary of V.A. Tumanov
N.V. Varlamova, T.A. Vasilieva, N.V. Kolotova, E.A. Sorokina 195

PERSONALIA

To the anniversary of Galina G. Shinkaretskaya 211

The author index for 2021 213

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 7–23
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 7–23

ЗАКОН РФ «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»: НОВАЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2021 г. М. А. Федотов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: MFedotov@hse.ru

Поступила в редакцию 14.09.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена 30-летию Закона РФ «О средствах массовой информации», принятого 27 декабря 1991 г. Данный нормативный правовой акт рассматривается как инновационный, положивший начало ряду новаций в отечественной юридической науке и законодательной практике. Среди этих новаций: авторский характер законопроектной деятельности, закрепление тезауруса соответствующей отрасли законодательства в виде отдельной статьи, введение механизма кумулятивной ответственности и т.д. За последующие три десятилетия исследуемый нормативный правовой акт претерпел многочисленные изменения, которые предопределили правоприменительную практику. В статье анализируются тенденции происходившей трансформации: расширение понятия злоупотребления свободой массовой информации, повышение разнообразия видов средств массовой информации и т.д. В рамках рассмотрения дальнейших перспектив данного Закона раскрывается необходимость приведения его в терминологическое соответствие с Конституцией РФ, Гражданским кодексом РФ и другими федеральными законами, устранения юридико-логических дефектов, образовавшихся в процессе его создания и последующей корректировки. Обосновывается необходимость его трансформации в федеральный закон о массовых коммуникациях.

Ключевые слова: средства массовой информации, Закон о СМИ, инициативные авторские законопроекты, тезаурус закона, кумулятивная ответственность, свобода слова, цензура, злоупотребление свободой массовой информации, массовые коммуникации, Роскомнадзор.

Цитирование: *Федотов М.А.* Закон РФ «О средствах массовой информации»: новации, тенденции, перспективы // Государство и право. 2021. № 12. С. 7–23.

DOI: 10.31857/S102694520016755-1

THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION “ON MASS MEDIA”: INNOVATION, TRENDS, PERSPECTIVES

© 2021 M.A. Fedotov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

E-mail: MFedotov@hse.ru

Received 14.09.2021

Abstract. The article is dedicated to the 30th anniversary of the Law of the Russian Federation “On Mass Media”, adopted on December 27, 1991. This Law is proposed to be considered as innovative, which laid the foundation for a number of innovations in national legal science and legislative practice. Among these innovations are: the author’s nature of drafting, consolidation of the thesaurus of the Law in a separate article of the Law, the establishment of a cumulative liability mechanism, etc. Over the next three decades, the Law has undergone numerous changes that have predetermined law enforcement practice. The article analyzes the trends of the ongoing transformation: the expansion of the concept of abuse of freedom of the media, expansion of diversity of types of mass media, etc. As part of considering the future prospects of the Law, the need is revealed to bring it into terminological compliance with the Constitution of the Russian Federation, the Civil and other codes, to eliminate legal and logical defects formed in the process of its creation and subsequent adjustment. The necessity of the Law transformation into the Mass Communications Law is substantiated.

Key words: mass media, the Law of the Russian Federation "On Mass Media", proactive authors' drafting, thesaurus of the law, cumulative responsibility, freedom of speech, censorship, abuse of freedom of the media, mass communications, Roskomnadzor.

For citation: *Fedotov, M.A. (2021).* The Law of the Russian Federation "On Mass Media": innovation, trends, perspectives // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 7–23.

27 декабря 2021 г. исполнится 30 лет со дня принятия Закона РФ № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ). Тот факт, что данный нормативный правовой акт действует и доныне, несмотря на многочисленные внесенные в него изменения, свидетельствует не только о качестве нормативно-правового материала, но и о структурообразующей роли этого Закона в системе правового обеспечения свободы массовой информации как одного из важнейших конституционных институтов демократического правового государства. Сошлёмся на оценку Президента РФ В.В. Путина: «Наш народ сделал свой осознанный выбор в пользу демократии. Важнейшим гарантом его необратимости по-прежнему остается свобода СМИ. Это наше ценностное завоевание, закрепленное Конституцией Российской Федерации. А Закон "О средствах массовой информации", принятый еще в 1991 году, признан одним из самых либеральных в мире»[1]. С этим согласны большинство и отечественных, и зарубежных экспертов[2].

Новации. Представляется, что имеется достаточно оснований, чтобы рассматривать Закон о СМИ как инновационный, положивший начало целому ряду новаций в отечественной юридической науке и законодательной практике[3]. Во-первых, как и его предшественник – Закон СССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации» (далее – Закон о печати), – он принимался из инициативного авторского проекта. Причем оба проекта были подготовлены одним и тем же творческим коллективом, состоявшим из трех правоведов, работавших в Институте государства и права АН СССР (РАН) и ВЮЗИ (ныне – МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА))[4]. Закон РСФСР отличался от Закона СССР прежде всего тем, что он фактически дословно воспроизвел текст авторского проекта, тогда как союзный – приблизительно на три четверти.

Практика создания инициативных авторских законопроектов, в свою очередь, породила в Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева идею закрепления авторских прав за создателями подобных произведений юридической науки. Эта идея в конечном счете нашла отражение в ст. 1264 части четвертой ГК РФ: право авторства на проект официального документа принадлежит лицу, создавшему соответствующий проект (разработчику). Разработчик вправе обнародовать такой проект с указанием своего имени, если это не запрещено заказчиком – государственным органом, органом местного самоуправления или международной организацией (другие возможные заказчики – общественные объединения, коммерческие организации и т.д. – при этом не упоминаются, что связано с истолкованием понятия официального документа как нормативного или ненормативного акта, исходящего от органа государственной власти, органа местного самоуправления или международной организации, что следует из п. 2 той же статьи).

В случаях с Законом о печати и Законом о СМИ у проектов не было заказчиков. Подобная ситуация ныне предусмотрена п. 2 ст. 1264 ГК РФ: государственный или муниципальный орган либо международная организация вправе использовать авторский проект для подготовки официального документа без согласия разработчика, если разработчик по собственной инициативе передал им этот проект либо обнародовал его именно с такой целью. Именно по такому алгоритму развивались события с обоими инициативными авторскими проектами в начале 90-х годов: сначала они были опубликованы в средствах массовой информации, а вслед за этим использованы законодательными органами для подготовки соответствующих нормативных правовых актов.

---

[1] *Путин В.В.* Выступление на церемонии открытия 59-го Всемирного газетного конгресса, 5 июня 2006 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23614

[2] См., напр.: *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учеб. для юрид. вузов и ф-тов. 2-е изд., изм. и доп. М., 1999. С. 203–205; *Colton Timothy J.* Yeltsin: a life. N.Y., 2008. P. 316; Russian Media Challenge / ed. by K. Nordenstreng, E. Vartanova and Ya. Zassoursky. Helsinki, 2002. P. 116, 117.

[3] В.Н. Монахов отмечает, что «Закон РФ "О СМИ" как объект научного интереса и анализа можно уподобить дереву, на котором внимательный исследователь заметит годовые кольца определенных политико-культурных и информационно-правовых слоев» (см.: *Монахов В.Н.* Закон РФ «О СМИ» как объект научного анализа, выявления пороков и извлечения уроков // Труды по интеллектуальной собственности. 2017. № 1 (т. XXVIII). С. 8).

[4] См.: *Батурин Ю.М., Федотов М.А., Энтин В.Л.* Закон СССР о печати и других средствах массовой информации. Инициативный авторский проект. М., 1989; *Их же.* Закон о средствах массовой информации. Республиканский вариант. Инициативный авторский проект. М., 1991; *Федотов М.А.* К разработке концепции закона о печати и информации // Сов. государство и право. 1987. № 3.

Практика разработки авторских законопроектов ныне охватила многие сферы законодательства[5], породив дискуссию о необходимости обязать субъектов законодательной инициативы указывать имя автора проекта, «утвердить размер вознаграждения разработчику законопроекта в зависимости от степени сложности поставленной задачи и объема подготовленного документа, а также формализовать систему критериев соответствия разработки статусу законопроекта»[6] и т.д.

Во-вторых, говоря о новациях, содержащихся в Законе о СМИ, отметим наличие в нем специальной статьи, содержащей максимально полный тезаурус нормативно-правового регулирования в соответствующей сфере. Статья 2 последовательно определяла понятия, выводя их из базового «массовая информация» и далее – «средства массовой информации», отдельные виды СМИ, «редакция средства массовой информации», «главный редактор», «журналист», «продукция средства массовой информации», «распространение продукции средства массовой информации» и т.д. К сожалению, внесенные уже в XXI в. поправки изменили логически выстроенную конструкцию последовательного определения понятий. Так, определения понятий «телеканал, радиоканал» и «сетевое издание», внесенные Федеральным законом от 14 июня 2011 г. № 142-ФЗ[7], следуют не за определениями других видов СМИ, а за определением понятия «распространитель продукции средства массовой информации». Впрочем, как будет показано ниже, это далеко не единственный случай привнесённого нарушения логической архитектоники нормативного правового акта.

Данный прием законодательной техники, опробованный на Законе о печати и многократно усовершенствованный в Законе о СМИ[8], получил с течением времени широкое распространение в отечественном законодательстве. Так, уже в 1991 г. специальные статьи, определяющие тезаурус в соответствующей сфере законодательства, появились в трех Законах СССР: от 1 марта 1991 г. «О валютном регулировании», от 22 мая 1991 г. «О защите прав потребителей» и от 10 июля 1991 г. «Об ограничении монополистической деятельности в СССР».

В российском законодательстве новый прием законодательной техники получил еще более масштабное распространение. За период до принятия Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. были приняты более двух десятков законов, содержащих специальные статьи об основных понятиях в соответствующих отраслях и подотраслях законодательства[9]. Причем в подавляющем большинстве случаев эти статьи были построены по той же логической схеме, что и в Законе о СМИ: от общего к частному. Напротив, алфавитный принцип расположения понятий был применен только в двух законах: «Об авторском праве и смежных правах» и «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». После вступления в силу Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. практика законодательного закрепления тезауруса в отдельной статье получила отражение более чем в трехстах федеральных законах.

---

[5] См., напр.: Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М., 2014; *Любарев А.Е.* О кодификации Избирательного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 7; *Соловьев А.А.* Концепция проекта Спортивного кодекса РФ: науч. издание. М., 2009; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: концепция и основные положения, сопоставительный текст, постатейный комментарий к новеллам / авт.-сост.: В.И. Селиверстов и др. М., 1997; *Авакьян С.А.* Конституционное Собрание Российской Федерации: проект и концепция Федерального конституционного закона. URL: http://www.law.msu.ru/uploads/pages/81/files/Проект%20и%20концепция%20федерального%20конституционного%20закона%20«О%20Конституционном%20Собрании%20Российской%20Федерации»%20(автор%20-%20профессор%20С%20(1).pdf

[6] *Трофимова Г.А.* Авторство на законопроект: частный и публичный аспекты проблемы правового регулирования // Законодательство о экономика. 2015. № 2 (370). С. 48; *Соловьев Е.А.* Право авторства на проект нормативно-правового акта: проблемы правового регулирования // Молодежный науч. вестник. 2018. № 4 (29). С. 478–486.

[7] См.: СЗ РФ. 2011. № 25, ст. 3535.

[8] В Законе о печати имелась специальная статья (ст. 2), призванная определить основные понятия: «массовая информация» и «средства массовой информации». В Законе о СМИ (ст. 2) тезаурус был расширен до 12 понятий.

[9] См.: Законы РФ: от 07.02.1992 г. «О защите прав потребителей»; от 11.03.1992 г. «О коллективных договорах и соглашениях»; от 11.03.1992 г. «О частной детективной и охранной деятельности»; от 20.03.1992 г. «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации»; от 19.06.1992 г. «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации»; от 14.07.1992 г. «Об основах градостроительства в Российской Федерации»; от 23.09.1992 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем»; от 23.09.1992 г. «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных»; от 09.10.1992 г. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»; от 19.11.1992 г. «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»; от 24.12.1992 г. «Об основах федеральной жилищной политики»; от 19.02.1993 г. «О беженцах»; от 15.04.1993 г. «Об основах бюджетных прав и прав по формированию и использованию внебюджетных фондов представительных и исполнительных органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления»; от 15.04.1993 г. «О вывозе и ввозе культурных ценностей»; от 27.04.1993 г. «Об обеспечении единства измерений»; от 21.05.1993 г. «О таможенном тарифе»; от 20.05.1993 г. «Об оружии»; от 25.06.1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»; от 07.07.1993 г. «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах»; от 09.07.1993 г. «Об авторском праве и смежных правах»; от 06.08.1993 г. «О селекционных достижениях»; от 21.07.1993 г. «О государственной тайне».

В-третьих, важной новацией Закона о СМИ стал кумулятивный принцип возложения ответственности, почерпнутый из уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях и впервые примененный в отношении злоупотребления свободой массовой информации. Согласно этому принципу прекращение судом деятельности средства массовой информации становилось возможным только в случае получения редакцией в течение 12 месяцев неоднократных (двух и более) письменных предупреждений регистрирующего органа по поводу имевших место случаев злоупотребления свободой массовой информации (ст. 16 Закона о СМИ). Авторы закона полагали, что в данном механизме предупреждение является мерой административного взыскания, которая накапливается в течение года и в случае своей неэффективности может вести к более строгому наказанию, налагаемому в судебном порядке по иску регистрирующего органа.

Идея кумулятивного возложения ответственности попала позднее в законодательство о противодействии экстремизму. Так, ст. 7 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[10] предусматривает возможность ликвидации общественного или религиозного объединения в случае *повторного в течение 12 месяцев выявления фактов, свидетельствующих о наличии признаков экстремизма в их деятельности*. Аналогичное правило касается и средств массовой информации. Нашлось место институту кумулятивного возложения ответственности и в Жилищном кодексе РФ, где семи- или более кратное неполное или несвоевременное внесение платы за жилое помещение и коммунальные услуги является основанием для расторжения договора социального найма (ст. 91)[10].

В-четвертых, Закон о СМИ впервые применил метод табуирования названий (наименований). Согласно Закону (ст. 2), средство массовой информации определяется как «форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)». В свою очередь, строгая санкция в отношении средства массовой информации выражается в «прекращении его деятельности», т.е. прекращении его производства и выпуска под тем же названием. Ничто в Законе не мешает учредителю СМИ, деятельность которого прекращена, учредить и зарегистрировать новое СМИ, но только под другим названием. Именно так случилось в 1993 г. с газетой «День», в отношении которой Министерство печати и информации РФ предъявило иск с требованием прекратить ее деятельность: не дожидаясь решения суда, ее учредители создали и законным образом зарегистрировали в том же министерстве газету «Завтра», ставшую идейным преемником газеты «День».

Приведенный пример ясно доказывает, что прекращение выпуска СМИ означает на практике лишь табуирование его названия. В свою очередь, совпадение названия нового СМИ с названием ранее зарегистрированного СМИ является по закону основанием для отказа в регистрации. При этом Закон (п. 3 ч. 1 ст. 13) не делает различия между действующими и прекратившими свой выпуск СМИ и не устанавливает, на какой срок табуируется название СМИ, деятельность которого прекращена учредителем или судом. Отсюда следует, что *табуирование названия является бессрочным*, что не имеет разумного обоснования. Правда, правоприменительная практика Роскомнадзора исходит из того, что прекратившиеся СМИ уже не являются зарегистрированными и, следовательно, их названия (наименования) можно свободно использовать при учреждении и регистрации новых СМИ.

Идея табуирования названий (наименований) впоследствии была применена законодателем для регулирования деятельности некоммерческих организаций (далее – НКО). Например, Закон предусматривает возможность прекращения в судебном порядке деятельности общественного объединения, но не препятствует его воссозданию под новым названием[11]. Правда, с 2014 г. существует правило, согласно которому лицо, ранее входившее в руководство общественного объединения, признанного экстремистским или террористическим и на этом основании ликвидированного или запрещенного, не может быть учредителем нового общественного объединения в течение 10 лет со дня вступления в законную силу соответствующего решения суда. Однако ничто не мешает такому лицу стать членом вновь создаваемого общественного объединения, уступив полномочия учредителя своему единомышленнику. Сходную эффективность имеет существующий с 2017 г. в Законе о СМИ (ст. 7) запрет учреждать СМИ гражданам, имеющим судимость за совершение преступлений с использованием СМИ или Интернета.

Идея табуирования названий проявляется в запрете упоминать в средствах массовой информации без соответствующей маркировки экстремистские, террористические и нежелательные организации, а также лиц, выполняющих функции иностранного агента. Отсутствие маркировки Закон о СМИ

[10] См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

[11] В п. 4 ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 30.12.2020 г.) «Об общественных объединениях» предусматривается возможность отказа в регистрации общественного объединения «если ранее зарегистрированное общественное объединение с тем же наименованием осуществляет свою деятельность в пределах той же территории» (см.: СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1930).

рассматривает как разновидность злоупотребления свободой массовой информации (ст. 4), за которое может последовать не только предупреждение со стороны регистрирующего органа, но и административное наказание (п. 2, 2.1–2.4 ст. 13.15 КоАП РФ). Отметим, что подобное правило преодолевается на практике, когда в СМИ вместо, например, названия «Национал-большевистская партия», требующего маркировки как экстремистской и запрещенной, используются словообразования, производные от фамилии ее лидера Эдуарда Лимонова («лимоновцы», «партия Лимонова» и т.п.).

В-пятых, важной новацией Закона о печати, развитой Законом о СМИ, стало появление правовой нормы о возмещении морального вреда (ст. 39 Закона о печати, ст. 62 Закона о СМИ): «Моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный вред, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами в размере, определяемом судом».

До принятия Закона о печати отечественное законодательство не знало понятия морального вреда. Тот факт, что данная категория впервые появилась именно в законе, регулирующем деятельность СМИ, объясняется, видимо, тем, что в условиях гласности участились случаи конфликтов по поводу публикаций, затрагивавших честь и достоинство граждан, а постепенный переход к рыночной экономике логично поставил вопрос о компенсации морального вреда в денежной форме.

Первым подхватил эту новеллу Верховный Суд СССР, внеся в марте 1991 г. дополнение в постановление Пленума от 2 марта 1989 г. и в качестве основания сославшись при этом на Закон о печати[12]. Только три месяца спустя категория морального вреда из законодательства о СМИ перешла в Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (ст. 7), где было закреплено, что «гражданин или юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением». Более того, Основы вывели категорию возмещения морального вреда за пределы собственно диффамационных исков, распространив ее на все случаи, когда физические или нравственные страдания причинены гражданину неправомерными действиями другого лица (ст. 131)[13].

Хотя Основы (ст. 132) текстуально не связывали размер возмещения морального вреда со степенью вины причинителя в делах о диффамации, ограничиваясь случаями, когда неосторожность самого пострадавшего содействовала возникновению или увеличению вреда (в этом случае размер возмещения должен быть уменьшен в зависимости от степени вины пострадавшего и причинителя), однако этот шаг сделал упомянутый выше Пленум Верховного Суда СССР. Согласно правовой позиции Верховного Суда СССР размер возмещения морального вреда определяется «в зависимости от характера и содержания публикации, умаляющей честь и достоинство данного гражданина, его репутацию, степени вины средства массовой информации либо конкретных лиц в опубликовании не соответствующих действительности сведений и от установления других заслуживающих внимания обстоятельств, связанных с публикацией».

К сожалению, позднее Верховный Суд РФ, уточняя и расширяя эту позицию, исключил значение такого обстоятельства как «степень вины средства массовой информации либо конкретных лиц» при определении размера компенсации морального вреда[14]. Это было естественным следствием появления в Гражданском кодексе РФ указания на то, что компенсация морального вреда в случае диффамации осуществляется «независимо от вины причинителя вреда» (ст. 1100). Не спасает положение норма, согласно которой при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости (ст. 1101): принцип «независимо от вины» здесь доминирует. Представляется, что возвращение к идее дифференциации гражданской ответственности в зависимости от степени вины причинителя вреда в делах о диффамации позволило бы окончательно декриминализировать клевету, не переводя этот состав в КоАП, как это было ошибочно сделано в 2011 г.[15]

[12] См.: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.03.1991 г. № 4 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 г. № 2 “О применении в судебной практике статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций”» // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 6.

[13] См.: Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 г. № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26, ст. 733.

[14] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

[15] Статья 129 «Клевета» была исключена из Уголовного кодекса РФ Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420 и была возвращена в качестве ст. 128.1 «Клевета» Федеральным законом от 28.07.2012 г. № 141-ФЗ.

Ныне институт компенсации морального вреда, появившийся в законодательстве о СМИ, достаточно укоренился в гражданском законодательстве (ст. 12, 151, 1099–1101 ГК РФ) и правоприменительной практике. При этом он сохранился в неизменном виде в Законе о СМИ, где говорится о праве граждан на *возмещение* морального вреда (ст. 62). Возникает вопрос: говоря о возмещении морального вреда и о его компенсации, законодатель имеет в виду одно и то же? Если так, то почему тождественные правовые нормы текстуально различаются? А если они не тождественны, то возможно ли требовать как возмещения морального вреда, так и его компенсации? К сожалению, законодатель до сих пор не устранил эту исторически сложившуюся двойственность, а Верховный Суд РФ даже не обратил на нее внимание, используя оба термина как равнозначные[16].

В-шестых, именно Закон о печати и Закон о СМИ впервые закрепили свободу массовой информации и запрет цензуры. Именно из законодательства о средствах массовой информации эти нормы имплементированы в Конституцию РФ (ч. 5 ст. 29).

В-седьмых, именно в Законе о печати и в Законе о СМИ впервые в отечественном законодательстве появилась норма, выводящая определенную категорию лиц за пределы ответственности за отказ от дачи показаний. Так, ст. 28 Закона о печати запрещала редакции и журналисту «называть лицо, предоставившее сведения с условием неразглашения его имени, за исключением случаев, когда этого требует суд». Закон о СМИ детализирует эту норму: «Редакция обязана сохранять в тайне источник информации и не вправе называть лицо, предоставившее сведения с условием неразглашения его имени, за исключением случаев, когда соответствующее требование поступило от суда в связи с находящимся в его производстве делом» (ст. 41). Более того, журналист обязан в любом случае «сохранять конфиденциальность информации и (или) ее источника»: он не может быть привлечен к ответственности за отказ раскрыть источник информации, поскольку обязанность журналиста сохранять конфиденциальность источника не имеет исключений. В то же время журналист обязан ставить в известность главного редактора о возможных исках и предъявлении иных предусмотренных законом требований (например, требовании раскрыть источник информации) в связи с распространением подготовленного им сообщения или материала (ст. 49).

Институт освобождения от ответственности за отказ от дачи показаний заимствован из законодательства о СМИ в законодательство о свободе вероисповедания, где конкретизировался в следующей норме: «Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может допрашиваться или давать объяснения кому бы то ни было по обстоятельствам, которые стали известными из исповеди гражданина»[17]. В дальнейшем ст. 51 Конституции РФ генерализировала это положение – «Федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания».

Отметим, что институт защиты источника журналистской информации появился в российском законодательстве на 10 лет раньше, чем Совет Европы принял соответствующую Рекомендацию № R(2000)7[18].

Хотя тайна источника информации журналиста опирается теперь не только на отраслевое законодательство, но и на Конституцию РФ, однако нормы действующих процессуальных кодексов далеко не в полной мере корреспондируют ей. Так, ч. 2 ст. 144 УПК РФ предусматривает лишь одну ситуацию, когда должна соблюдаться тайна источника информации: при проведении доследственной проверки по распространенному в СМИ сообщению о преступлении редакция, главный редактор обязаны передать имеющиеся в их распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации. Отсюда, конечно, не следует, что за пределами доследственной проверки тайна источника информации не действует: она закреплена федеральным законом, опирающимся на Конституцию РФ. В то же время ч. 3 ст. 56 УПК РФ, перечисляя лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, не забывает назвать священнослужителя – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди,– но забывает журналистов, которых Закон о СМИ обязывает сохранять конфиденциальность источника информации. Аналогичный пробел наблюдается и в ст. 69 ГПК РФ.

[16] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Росс. газ. 1995. 8 февр.

[17] См.: ст. 13 Закона РСФСР от 25.10.1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 21, ст. 240.

[18] См.: Рекомендация Совета Европы № R(2000)7 относительно права журналистов не раскрывать свои источники информации. URL: https://rm.coe.int/0900001680739ed7; см. также: *Kase K.M.* (1989). When a Promise is Not a Promise: The Legal Consequences for Journalists Who Break Promises of Confidentiality to Sources. P. 12; *Aquilina K.* Protection of journalistic sources in maltese law: An appraisal from the viewpoint of the European convention of human rights // International Journal of Public Law and Policy. 2011. Vol. 1 (3). P. 245–263.

Наконец, в-восьмых, среди новаций, внесенных Законом о СМИ в отечественную правовую систему, назовём институт «относительной привилегии», предусматривающий перечень оснований для освобождения редакции, главного редактора, журналиста от ответственности в случае диффамации, злоупотребления свободой массовой информации и некоторых других нарушений законодательства о СМИ. Начало этому институту было положено Законом СССР о печати (ст. 38), который предусмотрел четыре случая освобождения главного редактора и журналиста от ответственности за распространение не соответствующих действительности сведений (о порочащем характере сведений речь не шла): а) если эти сведения содержались в официальных сообщениях, б) если они получены от информационных агентств или пресс-служб государственных и общественных органов, в) если они являются дословным воспроизведением официальных выступлений депутатов, а также должностных лиц государственных и общественных органов, г) если они содержались в выступлениях, идущих в эфир без предварительной записи («прямой эфир»).

Закон о СМИ (ст. 57) несколько расширил границы «относительной привилегии», распространив ее на случаи распространения сведений, не только не соответствующих действительности, но и порочащих честь и достоинство граждан и организаций, либо ущемляющих права и законные интересы граждан, либо наносящих вред здоровью и (или) развитию детей, либо представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста. При этом к перечисленным выше четырем основаниям для освобождения от ответственности было добавлено одно – если распространенные сведения являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства о СМИ.

Институт т.н. «относительной привилегии» имеет отдаленное сходство с известным англосаксонской правовой системе институтом «абсолютной привилегии», освобождающей от ответственности в случае обвинения в клевете, если распространенные сведения содержатся, например, в справедливом и точном отчете о судебном процессе или расследовании. Как отмечает американский исследователь Дж. Оренстайн, «абсолютная привилегия защищает ораторов от ответственности за клевету, когда ценность их речи для общества перевешивает ущерб, который их высказывания могут нанести репутации других лиц. Такая привилегия обеспечивает полную защиту от ответственности даже за ложные и злонамеренные высказывания. Тем не менее суды редко предоставляют абсолютную привилегию, поскольку это лишает опороченных лиц каких-либо средств правовой защиты. Соответственно, суды США традиционно ограничивают распространение абсолютной привилегии на следующие ситуации: 1) высказывания участников судопроизводства, 2) высказывания парламентариев, 3) некоторые публикации исполнительных органов власти» и т.д. Кроме того, «большинство штатов распространяют абсолютную привилегию на “квазисудебные” разбирательства»[19], т.е. такие, которые включают процедуры, подобные тем, что используются в суде для обеспечения честности и добросовестности участников процесса.

Примененный в законодательстве Российской Федерации о СМИ институт освобождения от ответственности полагаем правильным именовать институтом «относительной привилегии», поскольку он распространяется не на все источники обнародования сведений, дефектных с точки зрения законодательства, а только на: а) зарегистрированные средства массовой информации и б) журналистов, т.е. лиц, занимающихся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакций зарегистрированных СМИ и связанных с ними трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающихся такой деятельностью по их уполномочию.

Институт освобождения от ответственности и прежде был известен отечественному законодательству, применяясь преимущественно в сфере гражданской, уголовной и административной ответственности (например, невменяемость исключает уголовную ответственность), однако никогда прежде он не увязывался ни с защитой чести, достоинства и деловой репутации, ни, как правило, с определенной профессиональной деятельностью. Вслед за Законом о СМИ идея «относительной привилегии» нашла применение и в других законодательных актах, попав и в Налоговый кодекс РФ (применительно к налоговым агентам, ст. 81, 123 и др.), и в Трудовой кодекс РФ (применительно к работодателям, ст. 84^1), и в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (применительно к изготовителям товаров,

[19] *Orenstein J.B.* Absolute privilege from defamation claims and the devaluing of teachers' professional reputations. // Wisconsin Law Review. 2005, issue 1. P. 262; See more: Journalism and media privilege. European Audiovisual Observatory, Strasbourg, 2017. URL: https://rm.coe.int/journalism-and-media-privilege-pdf/1680787381; *McNichol S.B.* (1992). Law of Privilege. P. 341; *Carney D.* Theoretical underpinnings of the protection of journalists' confidential sources: Why an absolute privilege cannot be justified // Journal of Media Law. 2009. Issue 1. P. 97–127; *Koepke J.B.* Reporter Privilege: Shield or Sword? Applying a Modified Breach of Contract Standard when a Newsperson "Burns a Confidential Source" // Federal Communications Law Journal. 1989. Issue 42 (278). P. 277; *Nestler J.S.* (2005). The Underprivileged Profession: The Case for Supreme Court Recognition of The Journalists Privilege. P. 154.

ст. 13, 14, 35) и т.д. Таким образом, можно констатировать, что и институт «относительной привилегии» нашел свое место в отечественной правовой системе.

Тенденции. За 30 лет действия Закона о СМИ сформировались определенные тенденции, связанные с его применением и изменением. Во-первых, законодатель, хотя и далеко не сразу, исправил некоторые ошибки, которые были допущены при создании Закона. Например, в Законе изначально имелась логическая ошибка, связанная с некорректным использованием понятия «средства массовой информации» при конструировании целого ряда норм. В латентно-дефектных нормах средство массовой информации понималось как *субъект правоотношений*, чья *деятельность* может быть урегулирована, организована, приостановлена, прекращена, возобновлена и т.д. (ст. 6, 11, 13, 16, 18–20, 31.7, 58, 60), тогда как в тезаурусе Закона – как «форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» (ч. 2 ст. 2), т.е. как *объект правоотношений*.

Представление о СМИ как об объекте, а не субъекте правоотношений представляется верным, соответствующим не только концептуальным положениям законодательства о средствах массовой информации, но также законодательству об интеллектуальной собственности. Обобщая положения п. 7 ст. 1260 ГК РФ о правах издателей в отношении своих периодических изданий и ст. 1330 ГК РФ о правах организаций эфирного и кабельного вещания в отношении своих передач и вещания в целом, можно прийти к выводу, что средства массовой информации следует рассматривать как *результат интеллектуальной деятельности, имеющий название в качестве средства индивидуализации и форму периодического печатного издания, радио- или телепрограммы, радио- или телеканала, сетевого издания или иную форму периодического распространения массовой информации*[20].

С таким пониманием согласен и Верховный Суд РФ, полагающий, что «само по себе средство массовой информации не может иметь каких-либо прав и обязанностей», а его название «предназначено главным образом для отличия его от других средств массовой информации», поскольку «использование сходных до степени смешения названий может вводить в заблуждение потребителей (аудиторию) относительно продукции средства массовой информации»[21].

Естественно, отмеченные выше ошибки, содержавшиеся в Законе о СМИ, сказались и на других, содержательно связанных с ним федеральных законах. Так, в Федеральном законе от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» определенные обязанности возлагались непосредственно на средства массовой информации (например, п. 6 ст. 37 гласит: «При публикации результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами и референдумом, средства массовой информации обязаны указывать организацию, проводившую опрос». Аналогичная ошибка содержится в п. 14 ст. 47), а не на тех лиц, которые осуществляют производство и выпуск этих СМИ, что было бы юридически корректно. Аналогичные ошибки допущены и в Федеральном законе от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (ст. 5, 6, 11 и др.)[22], Федеральном законе от 24 ноября 1995 г. № 177-ФЗ «Об экономической поддержке районных (городских) газет» (ст. 7)[23], Федеральном законе от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ст. 21)[24] и т.д.

Близкая к оптимальной модель исправления отмеченных ошибок была найдена при обновлении избирательного законодательства в 2002 г. путем расширения и уточнения тезауруса Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...». В частности, тезаурус пополнился понятиями *«организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации»* и *«представитель средства массовой информации»*, т.е. лицо, имеющее редакционное удостоверение или иной документ, удостоверяющий его полномочия *представителя организации, осуществляющей выпуск СМИ*[25]. Используя эти понятия, законодатель смог корректно сформировать комплекс норм, касающихся использования средств массовой информации в избирательном процессе. Правда, в последние годы наметился *возврат к прежним ошибкам*: в Федеральном законе

[20] См.: *Федотов М.А.* Право массовой информации в Российской Федерации. М., 2002. С. 177. Данную позицию разделяла и И.Л. Бачило, заложившая основы отечественной науки информационного права (см.: *Бачило И.Л.* Информационное право: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 356, 357).

[21] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

[22] См.: СЗ РФ. 1995. № 3, ст. 170.

[23] См.: СЗ РФ. 1995. № 48, ст. 4559.

[24] См.: СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2206.

[25] См.: пункты 46, 52 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24, ст. 2253.

«Об основных гарантиях избирательных прав...» появились упоминания о «работниках иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента» (п. 35^1 ст. 2), однако это следует считать не собственным дефектом избирательного законодательства, а рефлексом некорректного построения понятия «иностранное СМИ, выполняющее функции иностранного агента» в Законе о СМИ (ст. 6).

К сожалению, в самом Законе о СМИ большинство дефектных норм, перечисленных выше, так и не были исправлены. В то же время ряд новых норм, появившихся в Законе за прошедшие три десятилетия, уже не содержал ошибок в использовании понятия «средства массовой информации». Так, ст. 6^1 объединяет всех субъектов правоотношений, складывающихся на основе данного нормативно-правового акта, понятием «лица, осуществляющие деятельность в области средств массовой информации», а ст. 16^1 вместо «*приостановления деятельности СМИ*» говорит о «*приостановлении выпуска средства массовой информации*».

Во-вторых, очевидной тенденцией в трансформации Закона о СМИ является последовательное расширение понятия «злоупотребление свободой массовой информации». Начиная с 1995 г. ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» Закона о СМИ подвергалась изменениям не менее полутора десятков раз. При этом оказался полностью разрушен концептуальный подход к определению данного понятия, который исходил из того, что злоупотребление свободой массовой информации заключается в *использовании средства массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний*.

Уголовно-правовой генезис прослеживался в исходной редакции ст. 4 Закона при перечислении видов злоупотребления: разглашение государственной или иной охраняемой законом тайны, призыв к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжигание национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, пропаганда войны (ср.: ст. 70, 71, 74, 75, 124^1, 128^1, 259 УК РСФСР). Естественно, закон не перечислял составы всех преступлений, для совершения которых могли использоваться СМИ: вполне достаточно было обобщающей формулы – «использование средства массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний».

Но уже в 1995 г. логическая стройность этой конструкции была нарушена: появился новый вид злоупотребления свободой массовой информации – «распространение передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости»[26]. Дополнение было внутренне противоречиво и порождало множество вопросов: что такое *пропаганда порнографии* и зачем нужно ее запрещать, если изготовление и распространение порнографических материалов уже образует состав преступления; что такое культ насилия и жестокости и состав какого уголовно наказуемого деяния образует пропаганда этого культа?

Одновременно была дополнена ч. 2 ст. 4, которая в первоначальной редакции запрещала использование в теле-, видео- и кинохроникальных программах скрытых вставок, влияющих исключительно на подсознание людей (речь шла о т.н. «25-м кадре», чье воздействие на поведение человека психологическая наука не считает доказанным). Новелла состояла в распространении данного запрета, во-первых, *далеко за пределы предмета регулирования* законодательства о СМИ – на документальные и художественные фильмы, а также на «информационные компьютерные файлы и программы обработки информационных текстов» (смысл этих терминов до сих пор остается невыясненным), а во-вторых, на случаи нанесения вреда здоровью. Однако, судя по ежегодным докладам Роскомнадзора, ни одного случая использования скрытых вставок, воздействующих на подсознание или наносящих вред здоровью людей так и не выявлено[27]. Напротив, скрытые субтитры стали обычным сервисом в телевизорах и, в частности, облегчают просмотр передач людьми с нарушениями слуха.

Это, однако, не помешало в первоначальной редакции ст. 13.15 КоАП РФ свести все разнообразие видов злоупотребления свободой массовой информации именно к использованию пресловутых «скрытых вставок». И в этом была логика, поскольку на момент вступления в силу КоАП РФ 2001 г. ст. 4 Закона о СМИ знала всего три вида злоупотребления свободой массовой информации: а) использование СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний, б) «распространение передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости» и в) «скрытые вставки». В такой ситуации установление административной ответственности за использование СМИ для совершения уголовных преступлений было бы нарушением основ дифференциации видов юридической ответственности[28], а за пропаганду культа насилия

[26] См.: Федеральный закон от 19.07.1995 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 30, ст. 2870.

[27] См.: URL: https://rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/

[28] Как отмечает И.А. Кузьмин, «виды юридической ответственности позволяют адекватно дифференцировать меры ответственности, исходя из требуемого уровня и степени охраны социальных ценностей в различных сферах общественной жизни» (см.: *Кузьмин И.А.* Юридическая ответственность в ценностном измерении: инструментальный подход // Академический юрид. журнал. 2020. № 3 (81). С. 18).

и жестокости – нарушением требований правовой определенности. Как отмечал русский правовед И.А. Покровский, «индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком "праве" не может быть речи»[29].

Впоследствии пресловутая «пропаганда культа насилия и жестокости» так и не оформилась в состав административного правонарушения и не получила *легального определения*. Видимо, этим объясняется крайне редкое использование данного основания для вынесения предупреждений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и средств массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Так, за 2010–2020 гг. Роскомнадзор вынес по этому основанию всего 12 предупреждений, что составило 1.56% от их общего числа (768). Наибольшую известность получили предупреждения, вынесенные в адрес ЗАО «Телеканал "2х2"» в связи с показом анимационного сериала для взрослых «Южный парк»[30]. Обращает на себя внимание тот факт, что предупреждения каждый раз выносились незадолго до окончания срока действия лицензии телекомпании на вещание и могли негативно повлиять на решение вопроса о ее пролонгации. В целом же, как представляется, отсутствие правовой определенности в понятии «пропаганда культа насилия и жестокости» должна в принципе исключать возможность его использования в правоприменительной практике контрольно-надзорных органов.

Впоследствии законодатель всё дальше отходил от уголовно-правового генезиса понятия злоупотребления свободой массовой информации. В результате в содержание понятия попали разнородные деликты: одни имели уголовно-правовой генезис, другие – административно-правовой, третьи не имели правовой связи с каким-либо видом ответственности, четвертые обрели эту связь уже после включения в объем понятия «злоупотребление свободой массовой информации». Например, такой вид злоупотребления свободой массовой информации как распространение материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, одновременно появился и в ст. 4 Закона о СМИ, и в ст. 205^2 УК РФ[31]. Напротив, содержащийся в ч. 5 ст. 4 Закона о СМИ запрет при освещении контртеррористической операции на распространение сведений о специальных средствах, технических приемах и тактике проведения такой операции, если их распространение может препятствовать проведению контртеррористической операции или поставить под угрозу жизнь и здоровье людей, не имеет корреспондирующей ему нормы об ответственности ни в УК РФ, ни в КоАП РФ.

Отдельного рассмотрения заслуживает соотношение публично-правовой ответственности, предусмотренной Законом о СМИ, и административной ответственности. Так, изначально нецензурная брань упоминалась в законодательстве как один из признаков мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ). В 2013 г. «распространение материалов, содержащих нецензурную брань», пополнило содержание понятия «злоупотребление свободой массовой информации»[32] наряду с «использованием СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний». Это привело к тому, что несоразмеримые по своей общественной опасности деликты оказались равны перед мерами публично-правовой ответственности, предусмотренными Законом о СМИ: а) предупреждением и б) «прекращением деятельности СМИ».

На это обращено внимание в апелляционном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ по иску Роскомнадзора о прекращении деятельности электронного периодического издания «Информационное агентство "Росбалт"». Поводом для соответствующего иска Роскомнадзора стали два случая распространения видеоматериалов, содержавших нецензурную брань, под заголовками «Джигит из Краснодара» и «Девушки спели новую песню». Суд сформулировал следующий вывод: «Применяя к электронному средству массовой информации информационного агентства "Росбалт" такой вид публично-правовой ответственности, как прекращение его деятельности, суд не разрешил вопроса о том, является ли такая мера соразмерной и адекватной содеянному. Как следует из положений части 1 статьи 4 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации", использование средства массовой информации для

[29] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 89 («Классика российской цивилистики»).

[30] В связи с показом данного мультсериала ЗАО «Телеканал "2х2"» дважды, в 2008 и 2013 гг., получал предупреждения регистрирующего органа, а также в 2009 г. – предупреждение от прокуратуры, усмотревшей в мультипликационных фильмах признаки экстремизма.

[31] См.: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3452; Федеральный закон от 02.05.2015 г. № 116-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 18, ст. 2619.

[32] См.: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" и статью 13.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1642.

распространения материалов, содержащих нецензурную брань, в сравнении с разглашением сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, распространением материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, за совершение которых деятельность средства массовой информации также может быть прекращена, по степени общественной опасности является самым малозначительным правонарушением»[33].

Одновременно суд обратил внимание на то, что по фактам распространения указанных видеоматериалов уже имеются вступившие в законную силу постановления мирового судьи судебного участка № 19 района «Кунцево» г. Москвы от 25 октября 2013 г. о привлечении главного редактора ИА «Росбалт» к административной ответственности. И хотя суд не сослался в данном случае на ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, согласно которой «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление», однако, представляется, основания для этого были. Согласно доктринальному толкованию этой конституционной нормы, опирающейся на древнеримскую формулу *non bis in idem*, «невозможно проведение параллельно двух расследований и предъявление двух тождественных обвинений, как и назначение двух и более однородных наказаний за одно и то же деяние»[34].

Приведенные выше аргументы подводят к нескольким выводам: а) удвоение публично-правовой ответственности за злоупотребление свободой массовой информации обладает, как минимум, сомнительной конституционностью; б) использование одной и той же меры публично-правовой ответственности (прекращение деятельности СМИ) в качестве государственной реакции на разнородные и разновеликие по своей общественной опасности правонарушения нарушает принцип дифференциации наказания. В этой связи уместно сослаться на правовую позицию Конституционного Суда РФ об обязательности соблюдения критериев разумности, соразмерности, справедливости и необходимости в демократическом государстве при ограничении тех или иных прав и свобод человека и гражданина (см., напр.: постановления Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 г. № 15-П, от 16.06.2006 г. № 7-П, от 22.06.2010 г. № 14-П и др.).

Оптимальным представляется такой механизм разграничения мер публично-правовой ответственности за злоупотребление свободой массовой информации, когда «прекращение деятельности СМИ», т.е. прекращение производства и выпуска СМИ с одновременным табуированием его названия, применялось бы исключительно в случаях использования СМИ в целях совершения *уголовно наказуемых деяний*, как это предусмотрено ч. 1 ст. 4 Закона о СМИ. Все иные виды злоупотребления свободой массовой информации, включая «скрытые вставки», «нецензурную брань» и проч., должны влечь исключительно административную ответственность в соответствии со ст. 13.15 КоАП РФ. В подобную конструкцию могло бы вписаться и «приостановление деятельности СМИ», поскольку ст. 3.12 КоАП РФ предусматривает такую меру наказания, как административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Примечательно, что расширение понятия «злоупотребление свободой массовой информации» происходит за счет не только ст. 4 Закона о СМИ, но и ст. 13.15 КоАП РФ. В последние годы здесь появились составы, которые *отсутствуют* в ст. 4 Закона о СМИ, а следовательно, *не являются злоупотреблением свободой массовой информации*: а) публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества; б) публичное распространение информации, отрицающей факты, установленные приговором Нюрнбергского трибунала; в) распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений *(fake-news)*. Это свидетельствует в пользу необходимости разграничения публично-правовой ответственности за использование СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний, выражающейся в приостановлении и прекращении производства и выпуска СМИ, и административной ответственности за менее значимые виды злоупотребления свободой массовой информации.

В-третьих, очевидной тенденцией в изменении Закона о СМИ стало увеличение оснований для приостановления и прекращения «деятельности СМИ». Это стало результатом: а) многократного расширения перечня видов злоупотребления свободой массовой информации (ст. 4); б) установления возможности прекращения «деятельности СМИ» в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; в) введения процедуры приостановления выпуска СМИ до окончания избирательной кампании за неоднократное нарушение избирательного законодательства; г) введения процедуры приостановления выпуска СМИ в связи

[33] См.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 19.03.2014 г. по делу № 5-АПГ13-57.

[34] Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009. С. 459.

с нарушением запретов и ограничений, связанных с иностранным участием.

Сравнивая основания прекращения «деятельности СМИ», предусмотренные Законом о СМИ и Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», можно выявить следующие значимые противоречия. Прежде всего обратим внимание на то, что ст. 1 Закона о СМИ устанавливает возможность ограничения свободы массовой информации *исключительно* законодательством о СМИ. Бланкетная норма ч. 4 ст. 16 Закона о СМИ, содержащая ссылку на Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», не делает его частью законодательства о СМИ, а следовательно, создает противоречие со ст. 1. Кроме того, данный Закон (ст. 8, 11) допускает возможность прекращения в судебном порядке «деятельности СМИ» после одного прокурорского предупреждения, и даже вообще без предупреждений, тогда как ст. 16 Закона о СМИ говорит о необходимости нескольких предупреждений в течение 12 месяцев по поводу злоупотребления свободой массовой информации. При этом ч. 1 ст. 4 Закона о СМИ полностью покрывает случаи использования СМИ для осуществления экстремистской деятельности, а значит, налицо удвоение механизмов правового реагирования на правонарушение и явное противоречие между ними. Налицо «дискредитация хорошей самой по себе идеи дефектными нормами»[35].

В-четвертых, Закон о СМИ за последние три десятилетия неоднократно пополнялся нормами, призванными ограничить иностранное участие в медийной отрасли. В изначальной редакции закона подобные ограничения также имели место: иностранные граждане и апатриды, не проживающие постоянно на территории Российской Федерации, не имели права учреждать средства массовой информации. Начиная с 2001 г. последовательно вводились ограничения в отношении иностранного участия в капитале учредителей СМИ, издателей, вещателей. Сначала эти правила касались только федеральных телерадиокомпаний, а верхняя граница участия устанавливалась на уровне 50%[36]. В 2014 г. предельный уровень иностранного участия был снижен до 20% и распространён на все без исключения СМИ[37].

Анализ практики применения этих норм показывает, что снижение допустимого уровня иностранного участия, задуманное как мера сугубо политическая, имело почти исключительно экономические последствия. Новые правила коснулись даже телекомпаний с государственным участием (например, ООО «Первый канал») и привели к перераспределению собственности, сокращению иностранных инвестиций в медийную отрасль, уменьшению объема рекламного рынка. В отраслевом докладе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям за 2015 г. отмечалось: «всё это привело к тому, что в первом квартале 2015 года сегмент показал рекордно низкую динамику к аналогичному периоду прошлого года – 59%»[38].

В 2015 г. к этому добавилась обязанность редакций, издателей и вещателей ежеквартально уведомлять Роскомнадзор о получении денежных средств от иностранных источников[39]. Данное правило не касалось средств, полученных от учредителя СМИ, от распространения рекламы и продукции СМИ, а также сумм менее 15 тыс. руб. единовременно. Эта мера, как представляется, не привела к сколько-нибудь значимым изменениям, поскольку все подобные транзакции и до этого контролировались Росфинмониторингом, а размещенные на официальном сайте Роскомнадзора списки получателей иностранного финансирования свидетельствовали лишь о том, что данная практика в равной мере не чужда и государственным, и негосударственным участникам медийной отрасли.

Видя такой результат, Минцифры в 2021 г. выступило с инициативой вывести СМИ с государственным участием из-под действия данной нормы, мотивируя это тем, что «попытки влиять извне на российское информационное пространство с целью предвзятого информирования и создания искаженной картины политической действительности могут иметь место только в отношении коммерческих средств массовой информации, не имеющих государственного финансирования (субсидий) и установленных органами государственной власти приоритетных целей и видов деятельности таких средств массовой информации»[40]. Однако, как показывает анализ публикуемых Роскомнадзором перечней, большинство получателей иностранного финансирования составляют издательские дома, выпускающие по иностранным лицензиям так называемые «глянцевые журналы», абсолютно стерильные с точки зрения «искаженной картины политической действительности». В результате

---

[35] *Авакьян С.А.* Размышления конституционалиста: избр. ст. М., 2010. С. 455.

[36] См.: Федеральный закон от 04.08.2001 г. № 107-ФЗ «О внесении дополнения в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // СЗ РФ. 2001. № 32, ст. 3315.

[37] См.: Федеральный закон от 14.10.2014 г. № 305-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // СЗ РФ. 2014. № 42, ст. 5613.

[38] URL: https://fapmc.gov.ru/rospechat/activities/reports/2016/television-in-russia.html

[39] См.: Федеральный закон от 30.12.2015 г. № 464-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I), ст. 84.

[40] URL: https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=116235

законопроект, построенный на принципе «двойных стандартов», лишь создает неравные условия экономической конкуренции на медийном рынке.

Наиболее конфликтогенным следует признать дополнение Закона о СМИ институтом «иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента», которое стало ответом на понуждение телеканала Russia Today – America к регистрации в США в качестве иностранного агента[41]. Впрочем, как указывалось в Экспертном заключении Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека от 20 ноября 2017 г., в этом не было никакой необходимости, поскольку в гл. VI «Межгосударственное сотрудничество в области массовой информации» Закона о СМИ «уже есть правовая норма, согласно которой «Правительством Российской Федерации могут быть установлены ответные ограничения в отношении корреспондентов средств массовой информации тех государств, в которых имеются специальные ограничения для осуществления профессиональной деятельности журналистов средств массовой информации, зарегистрированных в Российской Федерации». Аналогичная правовая модель, опирающаяся на международно признанный принцип взаимности, могла бы быть сконструирована применительно к иностранным средствам массовой информации»[42].

При таком подходе иностранное СМИ, выполняющее функции иностранного агента, должно быть определено как *не зарегистрированное в Российской Федерации средство массовой информации, продукция которого распространяется на территории Российской Федерации и которое финансируется иностранным государством, применяющим дискриминационные меры по отношению к средствам массовой информации, зарегистрированным в Российской Федерации*. Подобная конструкция позволила бы избежать ситуации, когда «любое иностранное СМИ может быть признано выполняющим функции иностранного агента совершенно произвольно, по решению Министерства юстиции Российской Федерации»[43].

Нормы об иностранных СМИ, выполняющих функции иностранного агента, включенные в ст. 6 «Применение Закона», не только нарушили структуру и архитектонику Закона о СМИ, в котором имелась специальная глава для регулирования вопросов международного сотрудничества, но и создали внутренние противоречия с рядом других норм. Так, определение понятия иностранного СМИ, выполняющего функции иностранного агента, противоречит определениям общих понятий «средства массовой информации» (ч. 2 ст. 2) и «зарубежные периодические печатные издания» (ч. 3 ст. 54). В частности, здесь ставится знак равенства между «юридическим лицом, зарегистрированным в иностранном государстве, иностранной структурой без образования юридического лица, физическим лицом, распространяющих предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы», т.е. *субъектом правоотношений*, и *«формой периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)»*, т.е. *объектом правоотношений*.

Юридические дефекты понятия иностранного СМИ, выполняющего функции иностранного агента, привели к тому, что при конструировании на его основе правовых регуляторов неминуемо возникли противоречия с действующим законодательством. Например, положение, согласно которому «иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента, несет права и обязанности, предусмотренные Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» для некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», оказывается лишенным смысла, поскольку, с одной стороны, СМИ, будучи объектом правоотношений, вообще не могут нести прав и обязанностей, а с другой – распространение норм Закона об НКО на коммерческие организации и физических лиц противоречит предмету регулирования данного закона и нарушает основополагающие положения дифференциации отраслей права и законодательства.

Указанные противоречия не только не минимизировались, но усугубились при конструировании института физического лица – иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента[44].

В-пятых, важной позитивной тенденцией в изменении Закона о СМИ стало его приближение к потребностям развития экосистемы массовых коммуникаций. На смену морально устаревшим, хотя и прогностически точным нормам об «иных средствах массовой информации», продукция которых создаётся «с помощью компьютеров» и (или) хранится в их базах данных, и распространяется «через системы телетекста, видеотекста и иные телекоммуникационные сети» (ст. 24), пришло понятие *сетевого издания* – сайта в сети Интернет, зарегистрированного в качестве СМИ. При этом интернет-сайт, который

[41] «Нам нужно дать симметричный ответ», – заявил председатель Государственной Думы седьмого созыва В.В. Володин на пленарном заседании 10.11.2017 г. при обсуждении вопроса о дискриминации телеканала Russia Today – America (см.: URL: http://duma.gov.ru/news/14660/).

[42] URL: http://president-sovet.ru/documents/read/576/

[43] Там же.

[44] См.: Федеральный закон от 02.12.2019 г. № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СЗ РФ. 2019. № 49 (ч. V), ст. 6985.

не зарегистрирован в качестве СМИ, средством массовой информации не является (ч. 2 ст. 8), и, следовательно, Закон о СМИ на него не распространяется.

Развитие социальных сетей и блогосферы делает актуальным вопрос о возможности добровольной регистрации блогов (страниц сайтов, аккаунтов социальных сетей и видеохостингов, каналов мессенджеров и т.д.) в качестве средств массовой информации. Как известно, попытка принудительной регистрации блогеров потерпела фиаско и Закон, принятый в 2014 г., был признан утратившим силу уже в 2017 г.[45]

Обратим внимание также на дополнение Закона о СМИ в 2011 г. большим комплексом правовых норм, регулирующих вопросы лицензирования телерадиовещания. В отсутствие специального закона о телевизионном вещании и радиовещании[46] эти положения были призваны прийти на смену бланкетным нормам в Законе о СМИ и тем самым восполнить пробел, подняв регулирование данной сферы с уровня подзаконного акта на уровень федерального закона. Однако нельзя не заметить, что этот комплекс норм создал некоторую неопределенность в структуре закона, нарушил его архитектонику, поскольку распределение законодательного материала между различными видами СМИ стало несбалансированным. Более того, оказалась нарушена роль Закона о СМИ как структурообразующего элемента всей системы законодательства о средствах массовой информации (ч. 1 ст. 5). Вот почему представляется целесообразным вернуться к разработке федерального закона о телевидении и радио, урегулировав в нем не только вопросы лицензирования вещания, но и многие другие вопросы, включая транспарентность владения, ограничение концентрации и монополизации, законодательное оформление общественного телевидения и т.д.

В то же время стремление законодателя модернизировать Закон о СМИ, отразив в нем процесс конвергенции традиционных и онлайн-СМИ привело к частичному размыванию предмета правового регулирования данного нормативного правового акта. Эта тенденция зародилась еще в 1995 г., когда в законе появились упомянутые выше художественные фильмы, а также «информационные компьютерные файлы и программы обработки информационных текстов». Начиная с 2013 г. в Законе (преимущественно в ст. 4) стали появляться нормы, призванные регулировать распространение информации не только в СМИ, но и в «информационно-телекоммуникационных сетях». Тем самым возникало очевидное противоречие с ч. 1 ст. 6, согласно которой «Закон применяется в отношении средств массовой информации, учреждаемых в Российской Федерации, а для создаваемых за ее пределами – лишь в части, касающейся распространения их продукции в Российской Федерации». Иными словами, применительно к информационно-телекоммуникационным сетям данный закон может регулировать только отношения, которые связаны с распространением продукции СМИ, тогда как распространение всякой иной информации относится уже к предмету регулирования Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые соотносятся между собой как частное и общее в соответствии с правилом римского права *Lex specialis derogat generali*.

Перспективы. Представляется, что Закон о СМИ далеко не исчерпал свой потенциал, однако нуждается в корректировке.

Во-первых, необходимо привести Закон в терминологическое соответствие с Конституцией РФ, федеральными конституционными законами (например, «О военном положении»), федеральными законами о судопроизводствах, с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», иными федеральными законами. В частности, термин «возмещение морального вреда», использующийся в ст. 62 Закона о СМИ, должен быть заменен на «компенсацию морального вреда», чтобы не порождать противоречие со ст. 151, 1099, 1100 и 1101 ГК РФ.

Во-вторых, целесообразно устранить те дефекты, которые изначально имелись в Законе о СМИ или образовались в результате внесения в него изменений и дополнений. Например, в 2007 г. в ст. 4 были включены нормы, касающиеся порядка освещения в СМИ контртеррористических операций. Данные нормы нарушают не только структуру статьи, озаглавленной «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации», но и общую архитектонику Закона о СМИ[47]. В связи с этим целесообразно исключить данные нормы из ст. 4 и одновременно дополнить Закон двумя статьями, первая из которых установит общие правила распространения в СМИ информации о террористическом акте и контртеррористической операции, а вторая определит особые условия работы журналистов в зоне проведения такой операции.

[45] См.: ст. 10^2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», введенная Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 97-ФЗ и утратившая силу в соответствии с Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 276-ФЗ.

[46] Федеральный закон «О телевизионном вещании и радиовещании» был принят Государственной Думой 12.05.1995 г., поддержан Советом Федерации, но отклонен Президентом РФ. Дума сумела 20.03.1996 г. преодолеть президентское вето, но при голосовании в Совете Федерации 10.04.1996 г. закон собрал лишь 16% голосов (см.: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/94700395-1).

[47] О важности строгой архитектоники правового материала для обеспечения его соответствия требованиям формальной логики и логики права см.: *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 6: Восхождение к праву. С. 82–85.

В-третьих, необходимо восполнить имеющиеся в Законе о СМИ пробелы, связанные с формированием новой экосистемы массовых коммуникаций, в которой понятие СМИ подлежит расширению и уточнению. В соответствующей Рекомендации Совета Европы Rec(2011)7 отмечается, что «развитие информационно-коммуникационных технологий и их применение в массовых коммуникациях привело к значительным изменениям в медийной экосистеме, в широком смысле охватывающей всех участников и факторы, взаимодействие которых позволяет СМИ функционировать и выполнять свою роль в обществе. <...>. Новые формы включают беспрецедентные уровни взаимодействия и участие пользователей, предоставляя новые возможности для демократической гражданственности. Новые системы способствуют также участию пользователей в творческом процессе и в распространении информации и контента, затушевывая тем самым границы между государственными и частными формами коммуникаций. Присущие СМИ формы редакционной практики стали более многообразными, приобретая новые формы и процедуры и приводя к новым результатам»[48].

При этом нередко информационно-посреднические структуры[49] становятся не только «маршрутизаторами» информационных услуг, но и присваивают себе право устанавливать правила пользования созданными ими коммуникационными пространствами, невзирая на то что сами эти пространства уже приобрели характер среды обитания многих миллионов людей. Таким образом, мы наблюдаем появление нового социального регулятора, не имеющего в своем генезисе ни государственную власть, ни гражданское общество, но способного влиять на деятельность индивидуальных и коллективных акторов в пространстве массовой коммуникации.

Другой отличительной особенностью этого социального регулятора является то, что установленные информационно-посреднической структурой правила пользования ее услугами действуют, как правило, без участия человека, автоматически, благодаря программным алгоритмам и основанным на машинном обучении технологиям искусственного интеллекта. Иными словами, программный код в реалиях киберпространства становится своего рода «источником права», а также «правоприменителем» с функциями надзора, контроля, рассмотрения претензий, принятия, вынесения и исполнения решений. Естественно, сюда попадают и функции цензуры, несмотря на ее запрет конституциями многих государств. Отсюда следует высокая ответственность программистов как создателей алгоритмов и их заказчиков, ошибки, халатность или злой умысел которых могут иметь катастрофические последствия, особенно в ситуациях, когда информационно-посредническая структура обеспечила себе доминирующую позицию на национальном уровне или даже в глобальном масштабе.

В-четвертых, целесообразно дополнить Закон нормами, касающимися саморегулирования в сфере массовой информации. В качестве ориентира могут быть взяты нормы Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»[50], в котором данной теме посвящена отдельная глава. В то же время неоднократно предпринимавшиеся ранее попытки депутатов Государственной Думы взять за основу Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»[51] были заведомо обречены на провал, поскольку он не предназначен для организации саморегулирования в столь гетерогенном сообществе, каким, несомненно, является медийная экосистема.

Наконец, в-пятых, очевидной перспективой Закона о СМИ является его постепенная трансформация в федеральный закон о массовых коммуникациях, призванный не только упорядочить существующую нормативно-правовую базу в этой сфере, но и системно урегулировать складывающиеся в медийной экосистеме общественные отношения при безусловном сохранении тех демократических принципов, включая свободу слова и недопустимость цензуры[52], которые были в него заложены три десятилетия назад и по сей день не потеряли своей актуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционное Собрание Российской Федерации: проект и концепция Федерального конституционного закона. URL: http://www.law.msu.ru/uploads/pages/81/files/Проект%20и%20концепция%20федерального%20конституционного%20закона%20«О%20Конституционном%20Собрании%20Российской%20Федерации»%20(автор%20-%20профессор%20С%20(1).pdf
2. *Авакьян С.А.* Размышления конституционалиста: избр. ст. М., 2010. С. 455.
3. *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. М., 2010. Т. 6: Восхождение к праву. С. 82–85.

[48] См.: Рекомендация CM/Rec(2011)7 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о новом понятии СМИ. Принята Комитетом Министров 21.09.2011 г. на 1121-м заседании постоянных представителей министров. URL: https://www.refworld.org.ru/publisher, COEMINISTERS,,,5511765c4,0.html

[49] В данном контексте речь идет не об информационном посреднике в смысле ст. 1253[1] ГК РФ, а о социальных сетях, видеохостингах, интернет-агрегаторах, магазинах приложений и т.д.

[50] См.: СЗ РФ. 2006. № 12, ст. 1232.

[51] См.: СЗ РФ. 2007. № 49, ст. 6076.

[52] См.: *Батурин Ю.М.* Нейроцензура против когнитивной свободы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. № 3–4. Т. XXXVI. С. 5–23.

4. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учеб. для юрид. вузов и ф-тов. 2-е изд., изм. и доп. М., 1999. С. 203–205.
5. *Батурин Ю.М.* Нейроцензура против когнитивной свободы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. № 3–4. Т. XXXVI. С. 5–23.
6. *Батурин Ю.М., Федотов М.А., Энтин В.Л.* Закон о средствах массовой информации. Республиканский вариант. Инициативный авторский проект. М., 1991.
7. *Батурин Ю.М., Федотов М.А., Энтин В.Л.* Закон СССР о печати и других средствах массовой информации. Инициативный авторский проект. М., 1989.
8. *Бачило И.Л.* Информационное право: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 356, 357.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009. С. 459.
10. *Кузьмин И.А.* Юридическая ответственность в ценностном измерении: инструментальный подход // Академический юрид. журнал. 2020. № 3 (81). С. 18.
11. *Любарев А.Е.* О кодификации Избирательного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 7.
12. *Монахов В.Н.* Закон РФ «О СМИ» как объект научного анализа, выявления пороков и извлечения уроков // Труды по интеллектуальной собственности. 2017. № 1 (т. XXVIII). С. 8.
13. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М., 2014.
14. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 89 («Классика российской цивилистики»).
15. *Соловьев А.А.* Концепция проекта Спортивного кодекса РФ: науч. издание. М., 2009.
16. *Соловьев Е.А.* Право авторства на проект нормативно-правового акта: проблемы правового регулирования // Молодежный науч. вестник. 2018. № 4 (29). С. 478–486.
17. *Трофимова Г.А.* Авторство на законопроект: частный и публичный аспекты проблемы правового регулирования // Законодательство о экономика. 2015. № 2 (370). С. 48.
18. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: концепция и основные положения, сопоставительный текст, постатейный комментарий к новеллам / авт.-сост.: В.И. Селиверстов и др. М., 1997.
19. *Федотов М.А.* К разработке концепции закона о печати и информации // Сов. государство и право. 1987. № 3.
20. *Федотов М.А.* Право массовой информации в Российской Федерации. М., 2002. С. 177.
21. *Aquilina K.* Protection of journalistic sources in maltese law: An appraisal from the viewpoint of the European convention of human rights // International Journal of Public Law and Policy. 2011. Vol. 1 (3). P. 245–263.
22. *Carney D.* Theoretical underpinnings of the protection of journalists' confidential sources: Why an absolute privilege cannot be justified // Journal of Media Law. 2009. Issue 1. P. 97–127.
23. *Colton Timothy J.* Yeltsin: a life. N.Y., 2008. P. 316; Russian Media Challenge / ed. by K. Nordenstreng, E. Vartanova and Ya. Zassoursky. Helsinki, 2002. P. 116, 117.
24. Journalism and media privilege. European Audiovisual Observatory, Strasbourg, 2017. URL: https://rm.coe.int/journalism-and-media-privilege-pdf/1680787381
25. *Kase K.M.* (1989). When a Promise is Not a Promise: The Legal Consequences for Journalists Who Break Promises of Confidentiality to Sources. P. 12.
26. *Koepke J.B.* Reporter Privilege: Shield or Sword? Applying a Modified Breach of Contract Standard when a Newsperson "Burns a Confidential Source" // Federal Communications Law Journal. 1989. Issue 42 (278). P. 277.
27. *McNichol S.B.* (1992). Law of Privilege. P. 341.
28. *Nestler J.S.* (2005). The Underprivileged Profession: The Case for Supreme Court Recognition of The Journalists Privilege. P. 154.
29. *Orenstein J.B.* Absolute privilege from defamation claims and the devaluing of teachers' professional reputations // Wisconsin Law Review. 2005, issue 1. P. 262.

REFERENCES

1. *Avakian S.A.* Constitutional Assembly of the Russian Federation: draft and concept of the Federal Constitutional Law. URL: http://www.law.msu.ru/uploads/pages/81/files/Проект%20и%20концепция%20федерального%20конституционного%20закона%20"О%20Конституционном%20Собрании%20Российской%20Федерации"%20(автор%20-%20профессор%20С%20(1).pdf (in Russ.).
2. *Avakian S.A.* Reflections of a constitutionalist: elected art. M., 2010. P. 455 (in Russ.).
3. *Alekseev S.S.* Collected works: in 10 vols. [+ Reference. volume]. M., 2010. Vol. 6: Ascent to the Law. P. 82–85 (in Russ.).
4. *Baglay M.V.* Constitutional Law of the Russian Federation: textbook for legal universities. 2nd ed., additional. M., 1999. P. 203–205 (in Russ.).
5. *Baturin Yu. M.* Neuro-censorship against cognitive freedom // Proceedings on intellectual property. 2020. No. 3–4. Vol. XXXVI. P. 5–23 (in Russ.).
6. *Baturin Yu. M., Fedotov M.A., Entin V.L.* Law on Mass Media. The Republican version. Initiative author's project. M., 1991 (in Russ.).

7. *Baturin Yu. M., Fedotov M.A., Entin V.L.* The Law of the USSR on the press and other mass media. Initiative author's project. M., 1989 (in Russ.).
8. *Bachilo I.L.* Information Law: textbook. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2011. P. 356, 357 (in Russ.).
9. Commentary to the Constitution of the Russian Federation / ed. by V.D. Zorkin, L.V. Lazarev. M., 2009. P. 459 (in Russ.).
10. *Kuzmin I.A.* Legal responsibility in the value dimension: instrumental approach // Academic legal journal. 2020. No. 3 (81). P. 18 (in Russ.).
11. *Lyubarev A.E.* On the codification of the Electoral Code of the Russian Federation // State and Law. 2010. No. 7 (in Russ.).
12. *Monakhov V.N.* The Law of the Russian Federation "On Mass media" as an object of scientific analysis, identification of defects and extraction of lessons // Proceedings on intellectual property. 2017. No. 1 (vol. XXVIII). P. 8 (in Russ.).
13. The concept of the Information Code of the Russian Federation / ed. by I.L. Bachilo. M., 2014 (in Russ.).
14. *Pokrovsky I.A.* The main problems of Civil Law. M., 1998. P. 89 ("Classics of Russian Civil Law") (in Russ.).
15. *Soloviev A.A.* The concept of the draft Sports Code of the Russian Federation: scientific edition. M., 2009 (in Russ.).
16. *Soloviev E.A.* The right of authorship to the draft normative legal act: problems of legal regulation // Youth scientific herald. 2018. No. 4 (29). P. 478–486 (in Russ.).
17. *Trofimova G.A.* Authorship of the bill: private and public aspects of the problem of legal regulation // Legislation on Economics. 2015. No. 2 (370). P. 48 (in Russ.).
18. The Criminal Executive Code of the Russian Federation: the concept and main provisions, comparative text, article-by-article commentary to the novels / author-comp.: V.I. Seliverstov et al. M., 1997 (in Russ.).
19. *Fedotov M.A.* To the development of the concept of the law on press and information // Soviet State and Law. 1987. No. 3 (in Russ.).
20. *Fedotov M.A.* The right of mass information in the Russian Federation. M., 2002. P. 177 (in Russ.).
21. *Aquilina K.* Protection of journalistic sources in maltese law: An appraisal from the viewpoint of the European convention of human rights // International Journal of Public Law and Policy. 2011. Vol. 1 (3). P. 245–263.
22. *Carney D.* Theoretical underpinnings of the protection of journalists' confidential sources: Why an absolute privilege cannot be justified // Journal of Media Law. 2009. Issue 1. P. 97–127.
23. *Colton Timothy J.* Yeltsin: a life. N.Y., 2008. P. 316; Russian Media Challenge / ed. by K. Nordenstreng, E. Vartanova and Ya. Zassoursky. Helsinki, 2002. P. 116, 117.
24. Journalism and media privilege. European Audiovisual Observatory, Strasbourg, 2017. URL: https://rm.coe.int/journalism-and-media-privilege-pdf/1680787381
25. *Kase K.M.* (1989). When a Promise is Not a Promise: The Legal Consequences for Journalists Who Break Promises of Confidentiality to Sources. P. 12.
26. *Koepke J.B.* Reporter Privilege: Shield or Sword? Applying a Modified Breach of Contract Standard when a Newsperson "Burns a Confidential Source" // Federal Communications Law Journal. 1989. Issue 42 (278). P. 277.
27. *McNichol S.B.* (1992). Law of Privilege. P. 341.
28. *Nestler J.S.* (2005). The Underprivileged Profession: The Case for Supreme Court Recognition of The Journalists Privilege. P. 154.
29. *Orenstein J.B.* Absolute privilege from defamation claims and the devaluing of teachers' professional reputations // Wisconsin Law Review. 2005, issue 1. P. 262.

Сведения об авторе

ФЕДОТОВ Михаил Александрович –
доктор юридических наук, профессор,
директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 109028 г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

Authors' information

FEDOTOV Mikhail A. –
Doctor of law, Professor, Director of the International Research and Educational Center "UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights", National Research University "Higher School of Economics"; 3 B. Trehsvyatitelskiy lane, 109028 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 24–34
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 24–34

УДК 340.11

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЕКТА

© 2021 г. А. В. Малько[1, *], Д. А. Липинский[2, **], А. А. Мусаткина[2, *], Р. С. Маркунин[3, ***]**

[1]Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Саратов
[2]Тольяттинский государственный университет
[3]Саратовская государственная юридическая академия

**E-mail: alex25–58@mail.ru*
***E-mail: Dmitri8@yandex.ru*
****E-mail: alamus13@yandex.ru*
*****E-mail: markunin88@yahoo.com*

Поступила в редакцию 11.05.2021 г.

Аннотация. Статья содержит наиболее важные выводы и результаты по проекту, поддержанному Российским фондом фундаментальных исследований, над которым коллектив авторов работал с 2019 г. Определены особенности взаимосвязей, взаимодействия и имеющихся противоречий юридической ответственности с отдельными элементами правовой системы. Исследованы коллизии между доктринальными выводами о принципах ответственности и их воплощением в действующей системе правовых норм и правоприменительной практике. Обобщена практика Конституционного Суда РФ и установлена его роль в процессе выявления правовых дефектов института юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правовая система, орган публичной власти, институты защиты и безопасности, общерегулятивные правоотношения, правовая политика, полиструктурность правового института, меры наказания, правовая доктрина, правоприменитель.

Цитирование: *Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Маркунин Р.С.* Юридическая ответственность в правовой системе России: некоторые итоги исследования и перспективы проекта // Государство и право. 2021. № 12. С. 24–34.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

DOI: 10.31857/S102694520017756-2

LEGAL RESPONSIBILITY IN THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA: SOME RESEARCH RESULTS AND PROJECT PROSPECTS

© 2021 A. V. Mal'ko[1, *], D. A. Lipinsky[2, **], A. A. Musatkina[2, *], R. S. Markunin[3, ****]**

[1]Volga Institute (the brunch) of the All-Russian state University of Justice (Russian law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Saratov
[2]Togliatti state University
[3]Saratov state Law Academy

**E-mail: alex25–58@mail.ru*
***E-mail: Dmitri8@yandex.ru*
****E-mail: alamus13@yandex.ru*
*****E-mail: markunin88@yahoo.com*

Received 11.05.2021

Abstract. The article contains the most important conclusions and results from a project supported by the Russian Foundation for Basic Research, on which a team of authors has been working since 2019. The features of the relationship, interaction and existing contradictions between legal responsibility and the legal system are determined. The existing contradictions between the doctrinal conclusions about the principles of responsibility and their implementation in the current system of legal norms and law enforcement practice have been investigated. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation is generalized and its role in the mechanism of identifying legal defects of the institution of legal responsibility is established.

Key words: legal responsibility, legal system, public authority, institutions of protection and security, general regulatory legal relations, legal policy, polystructurality of the legal institution, penalties, legal doctrine, law enforcement.

For citation: *Mal'ko, A.V., Lipinsky, D.A., Musatkina, A.A., Markunin, R.S. (2021).* Legal responsibility in the legal system of Russia: some research results and project prospects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 24–34.

The article was supported by the RFBR, project No. 19-011-00103 A "Legal responsibility in the Russian legal system: the concept of interaction, interrelationships and elimination of contradictions with other elements of the legal system".

Введение. Более двух лет научный коллектив в составе докторов юридических наук, профессоров А.В. Малько, Д.А. Липинского, Н.В. Макарейко и кандидатов юридических наук, доцентов Е.В. Чукловой, А.Н. Станкина, Р.С. Маркунина и И.А. Кузьмина под руководством кандидата юридических наук, доцента А.А. Мусаткиной выполняли научный проект, поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), на тему «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

В любом длящемся исследовании наступает момент, когда необходимо подвести предварительные итоги, обобщить полученные результаты, одновременно наметив дальнейшие пути исследования. Следует отметить, что за два года научным коллективом была опубликована одна монография[1] и более 60 научных статей, в т.ч. и в зарубежных журналах[2]. Особо следует отметить, что ряд научных разработок заинтересовал зарубежные издательства и участники гранта (Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина, Н.В. Макарейко) выполнили две главы в коллективной монографии, изданной на

[1] См.: *Липинский Д.А., Малько А.В., Мусаткина А.А. и др.* Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского и А.А. Мусаткиной. М., 2020.

[2] См., напр.: *Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С.* Позитивная и негативная ответственность как проявления диалектической логики в юридический исследованиях // Государство и право. 2021. № 1. С. 17–25; *Их же.* Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 4. С. 4–24.

английском языке в Нью-Йорке[3]. В научных статьях и монографиях был изложен весь ход исследования, сформулированы некоторые выводы, но тем не менее существует необходимость произвести абстрагирования более высокого уровня, представив в обобщенном виде полученные результаты на суд научной общественности.

Однако, прежде чем перейти к выводам и обобщениям, необходимо указать на актуальность работы. Так, научная проблема построения концепции взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий юридической ответственности с различными элементами правовой системы Российской Федерации обусловлена реальным состоянием общественных отношений, уровнем развития общества и противоречивыми тенденциями развития законодательства. Она предопределена также необходимостью выявления механизмов оптимального соотношения и взаимодействия юридической ответственности с различными элементами правовой системы с учетом того, что юридическая ответственность – один из элементов правовой системы, способная при этом выступать в качестве самостоятельного системного феномена и рассматриваться в качестве межотраслевого института права, который оказывает интегральное воздействие на правосознание, деятельность государственных органов, их структуру, правовую культуру, реализацию норм права, правовую доктрину, а также систему права, элементом которой она выступает.

Кроме того, ввиду динамичного изменения правовой действительности возникла необходимость в новом осмыслении элементов структуры юридической ответственности во взаимосвязи и взаимодействии с элементами правовой системы общества. Так, в самой системе юридической ответственности происходят постоянные трансформации, в результате чего появляются новые институты, укрупняются уже существующие, что обусловлено непрерывными процессами унификации и специализации. Постоянные динамические процессы как в системе юридической ответственности, так и в системе права неизбежно порождают различного рода противоречия, которые в итоге приводят к сбоям во всей правовой системе Российской Федерации.

Следует также обозначить и цели, которые ставились авторским коллективом в своем исследовании. В частности, они заключаются в следующем: комплексная разработка концепции взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий юридической ответственности с элементами правовой системы; получение новых данных о взаимных зависимостях и взаимодействии юридической ответственности с элементами правовой системы и построение механизма взаимодействия юридической ответственности с элементами правовой системы. В целом данная цель вписывается в глобальную проблему эффективного функционирования отечественной правовой системы.

В одной статье сложно указать все выводы и обобщения, которые были получены в результате, поэтому во вводной части данной статьи мы отметим основные обобщения, сделанные в ходе реализации проекта:

были получены новые данные о согласованности элементов правовой системы на основе ее современного состояния; выявлены координационные, субординационные и генетические связи юридической ответственности с различными элементами правовой системы;

установлены взаимосвязи и взаимодействия юридической ответственности: с системой права и системой законодательства; с системой органов публичной власти, уполномоченных применять меры юридической ответственности; с правоотношениями и отдельными формами реализации права;

сделаны выводы о взаимосвязях и взаимодействии юридической ответственности с правовой культурой и правосознанием, а также разработаны рекомендации, направленные на устранение возможных противоречий, существующих между названными элементами правовой системы с юридической ответственностью;

определены характеристики и выявлен ряд особенностей взаимосвязей межотраслевого института юридической ответственности с такими элементами системы права, как публичное и частное право, материальное и процессуальное право; с охранительными правовыми институтами мер защиты и мер безопасности;

предложена общая теоретическая модель системы юридической ответственности органов публичной власти; установлена роль доктринальных позиций, а также актов Конституционного Суда РФ в процессе формирования и совершенствования системы юридической ответственности;

выявлены имеющиеся противоречия действующей системы юридической ответственности с положениями правовой доктрины, а также разработаны рекомендации, направленные на их устранение.

Методы и подходы, используемые при реализации проекта. Любое исследование основывается на определённой методологии, предопределяя во многом весь его ход получения выводов. В основу рассматриваемого проекта были положены различные

[3] См.: *Lipinsky D.A., Bolgova V.V., Makareiko N.A., etc.* Implementation of International Anti-Corruption Standards in Laws and Legal Practices of the Russian Federation / ed. D.A. Lipinsky. N.Y., 2020.

методы научного познания. Так, категории диалектики позволили анализировать юридическую ответственность и элементы правовой системы комплексно, в развитии и сопоставлении их друг с другом, выявляя взаимосвязи и противоречия, взаимную обусловленность, возможную парность, а также положительные и отрицательные стороны существующих противоречий между юридической ответственностью и отдельными элементами правовой системы общества. Одновременно диалектический метод позволил связать теорию юридической ответственности с практикой ее реализации. Вследствие сочетания диалектического, структурного и функционального методов удалось в значительной степени оценить архитектонику (структуру), функциональные характеристики и реальные проявления юридической ответственности как института права – элемента системы права и элемента системы законодательства во взаимодействии с иными охранительными институтами.

В ходе реализации проекта применялись философские категории общего и особенного, единства и борьбы противоположностей. В том числе при помощи данных категорий были получены результаты и выстроены такие понятийные ряды, как правовая система – система права – система юридической ответственности; а также: межотраслевой институт юридической ответственности – отраслевой институт юридической ответственности – субинститут юридической ответственности. Поэтому можно отметить, что ряд теоретических выводов отличает высокая степень абстрагирования, свойственная для науки теории государства, которые затем экстраполировались на отраслевой уровень и позволяли выявить конкретные несовершенства и коллизии в действующем законодательстве, а также разработать рекомендации, направленные на их устранение.

Нашел свое применение и закон перехода количественных изменений в качественные. В частности, накопление нормативного массива еще не означает, что сформировался новый отраслевой институт юридической ответственности, наличие которого необходимо определять и на основе других признаков. Так, увеличение количества нормативных правовых актов, предусматривающих юридическую ответственность, может порождать не улучшение качества правового регулирования, а противоречия.

Выводы о противоречиях юридической ответственности были основаны не только на формально-юридическом методе, но и на философском законе единства и борьбы противоположностей. Во многом обобщения о парных юридических категориях основаны также на диалектическом методе исследования.

Классический для юриспруденции формально-юридический метод позволил анализировать существующие в нормативных правовых актах дефиниции, а также разработать юридические понятия, для которых свойственно использование именно данной методологии. При этом в процессе формулирования понятия или теоретической конструкции он сочетался в совокупности с другими методами и подходами.

Обращение к системному методу, сопряженное с использованием приемов структурного и функционального анализа, обусловило возможность рассмотреть юридическую ответственность как системное образование, которое находится в постоянных внутренних и внешних связях с государственно-правовой действительностью. Модельное (вследствие использования приема правового моделирования) выражение нормативной конструкции юридической ответственности представлено в конструкте «система юридической ответственности». Системный метод способствовал рассмотрению юридической ответственности в виде сложного многоуровневого системного явления с изучением взаимосвязей как структурных элементов внутри системы, так и связей с системами более высокого уровня, в частности системой права. Рассматривая юридическую ответственность как систему, был установлен перечень необходимых структурных элементов в виде субъекта ответственности, основания, меры и процедуры реализации мер ответственности. Подчеркивается прочность связи вышеназванных структурных элементов системы, которая лишает возможности удаления какого-либо из перечисленных элементов, поскольку последствия приводят к разрушению системного явления.

В отношении юридической ответственности в целом и юридической ответственности государственных органов, в частности, диалектическая логика помогала раскрыть принцип взаимодействия и установить особенности проявления двух парных категорий в виде позитивной и негативной ответственности.

Нашел свое применение сравнительно-правовой метод исследования, выразившийся в сопоставлении отечественного законодательства, направленного на борьбу с коррупцией, с требованиями международных нормативных правовых актов, а также с законодательством зарубежных государств, где уровень коррупции относительно низок. Кроме того, указанный метод применялся в процессе исследования юридической ответственности органов публичной власти.

Общетеоретические проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий юридической ответственности с элементами правовой системы общества. Исследование нормативного аспекта взаимосвязей, взаимодействия и противоречий юридической ответственности с элементами правовой

системы предполагает прежде всего обращение к институциональной основе данного феномена, а именно системе права и системе юридической ответственности; к элементам института юридической ответственности и элементам системы права. Исследование показало, что наиболее существенные признаки института юридической ответственности производны от характеристик системы права. Ему также свойственна системность, которая объединяет различные структурные образования и тяготение к императивному методу правового регулирования. Метод властных предписаний выступает в данном случае как основной, а поощрение как метод регулирования имеет вспомогательное значение. Институту юридической ответственности свойственна публично-правовая природа, которая отчетливо прослеживается в процессе правового регулирования. На уровне системы права юридическая ответственность проявляет свой межотраслевой характер за счет существования субинститутов, которые при их анализе на уровне отрасли права становятся самостоятельными институтами.

Комплексность института юридической ответственности также проявляется в его сложном характере, включающем в себя следующие аспекты: межотраслевой, регулятивно-охранительный и функциональный. Помимо этого ответственности свойственна полиструктурность, проявляющаяся в наличии на микроуровне отраслевых субинститутов, а на макроуровне позитивной и негативной юридической ответственности; процессуальной и материальной ответственности. При этом нельзя не обратить внимание на дуализм процессуальной ответственности, предопределённый философским законом единства и борьбы противоположностей. С некоторыми условностями ее природа носит процессуально-материальный характер, т.к. в содержание данного института вкрапляются материальные нормы, входящие, в свою очередь, в структуру процессуальной ответственности. Макроуровень юридической ответственности включает в свою структуру институциональную основу позитивной ответственности, состоящей из норм-принципов, формализованных запретов, обязанностей и дозволений, а также такого крупного элемента, как институт поощрения.

Значительное внимание было уделено критериям выделения отраслевых и межотраслевых институтов юридической ответственности во взаимосвязи с системой права. Обосновано, что обособление новых отраслей и подотраслей права не означает автоматического наличия в них собственных отраслевых институтов юридической ответственности. В связи с чем критикуются позиции ученых, пытающихся обосновать существование «вексельной», «таксовой», «инновационной» и т.п. «видов» юридической ответственности. Одновременно указывается, что искусственность выделения некоторых «отраслей права» порождает и аналогичные «институты» юридической ответственности. Не вдаваясь во всю сложную проблему системы права, необходимо отметить, что не любая отрасль права содержит в своей структуре собственный отраслевой институт юридической ответственности. Обеспечение исполнения предписаний ряда отраслей права гарантируется собственными мерами защиты и нормами юридической ответственности с иной отраслевой принадлежностью. В связи с этим были раскрыты основные методологические ошибки, заключающиеся в произвольности выборов критериев для выделения отраслевых и межотраслевых институтов юридической ответственности, которые основаны не на объективных процессах, а на субъективизме исследователя, законодателя или иных факторах, не обусловленных объективными процессами, существующими в правовой системе общества. Изменения, происходящие в системе законодательства, могут выступать в качестве индикатора трансформаций института юридической ответственности, но не абсолютного и безусловного. Здесь необходимо учитывать субъективизм законодателя, а также отсутствие тождества между структурой законодательства и структурой межотраслевого института юридической ответственности.

Одним из межотраслевых институтов выступает институт юридической ответственности государства, которому присущи: генетические, координационные и субординационные связи. Генетические связи находят свое отражение во взаимодействии юридической ответственности с политикой, культурой, экономикой. Данный вид связей присущ отдельным видам ответственности, которые входят в состав единого института юридической ответственности государства. Связи координации можно увидеть при взаимодействии ответственности государства с мерами государственного принуждения и иными видами ответственности. Существование субординационных связей объясняется признаками иерархичности самого права. Данный тип связей наблюдается при сопоставлении целей, принципов и функций права и юридической ответственности государства. В ходе исследования также устанавливаются имеющиеся коллизии института ответственности государства, которые носят устойчивый характер. По этой причине основное направление правовой политики должно быть сконцентрировано на обнаружении и предупреждении образования противоречий, которые негативно сказываются на развитии института ответственности государства[4]. Таким образом, обосновыва-

[4] См.: *Кузьмин И.А.* О координационных, субординационных и генетических связях юридической ответственности с системой права и системой законодательства // Юридические исследования. 2019. № 10. С. 99–110.

ется идея постоянного мониторинга деятельности законодательных и правоприменительных органов власти на предмет выявления и устранения возможных противоречий в правовом регулировании института юридической ответственности государства.

Исследователи в процессе реализации проекта обосновывают недопустимость проявления субъективизма правотворческих органов в вопросах выделения новых комплексных отраслей права. В связи с чем требуется проведение взвешенной правовой политики в вопросе поддержания высокого уровня эффективности юридической ответственности. Для этого необходимо определение взаимосвязи правотворческой деятельности и качества принимаемых нормативных правовых актов. Подобная взаимосвязь будет способствовать предупреждению неправомерных действий со стороны властных субъектов при осуществлении юридически значимых действий. Помимо этого основное направление правовой политики должно сосредоточиться на выстраивании единого механизма юридической ответственности органов публичной власти за результаты своей деятельности.

Исследования показали отсутствие прямой зависимости элемента системы ответственности с одноуровневым элементом системы права. Это несоответствие выражается в частичном отсутствии в некоторых структурных элементах системы права соответствия элементам системы ответственности. К примеру, материальным и процессуальным отраслям права соответствует материальная и процессуальная ответственность, но такого совпадения не наблюдается на уровне частного и публичного права. Весьма часто имеющиеся коллизии между элементами системы права и системы ответственности устанавливаются на конституционном уровне и в процессуальных отношениях. Несовпадение можно увидеть между общей и специальной правовой нормой и между нормами различных отраслей права.

Система юридической ответственности – это одна из подсистем, причем наиболее важная, всей системы права. Между тем выявлено отсутствие прямых зависимостей в виде соответствия или несоответствия отдельного отраслевого института юридической ответственности отрасли права или субинститута юридической ответственности отраслевому институту юридической ответственности. Для пояснения приведём примеры. Семейное право как отрасль давно обособилось от гражданского права, а отраслевого института семейно-правовой ответственности не существует, ибо предписания обеспечиваются мерами защиты. Вместе с тем от опасных нарушений семейно-правовых предписаний происходит охрана нормами с иной отраслевой принадлежностью. Не наблюдаются прямые зависимости и на макроуровне. Так, выявлено наличие материальной и процессуальной ответственности, соответствующее делению системы права на материальное и процессуальное. Между тем нельзя утверждать о наличии частноправовой ответственности ввиду публично-правовой природы юридической ответственности в целом.

Авторы особо отмечают недопустимость механического отождествления отрасли законодательства или отдельного нормативного правового акта (пусть даже и кодифицированного) с соответствующими институтами юридической ответственности. Принятие Градостроительного, Водного, Лесного, Бюджетного, Воздушного и иных кодексов не породило соответствующих отраслевых институтов юридической ответственности. Одновременно исследователи считают обоснованной возможность выделения межотраслевых институтов юридической ответственности, но и к обоснованию их наличия не следует подходить произвольно, оно часто основано на стандартной законодательной формулировке (присутствующей во многих нормативных правовых актах) о том, что нарушение той или иной нормы, сформулированной в нем, «влечет административную, гражданско-правовую и иную ответственность». Комплексность охраны и регулирования некоторых разновидностей общественных отношений автоматически не порождает комплексных межотраслевых институтов юридической ответственности. Выделение межотраслевых институтов юридической ответственности должно основываться не только на общем предмете правовой охраны, но и на межотраслевых принципах, существовании схожих целей и задач, наличии норм-дефиниций, применимых к различным нормативным образованиям, в составе межотраслевого института. Иными словами, должна существовать «цементирующая» основа. В противном случае он будет представлять собой искусственное образование. Комплексные нормативные правовые акты не приводят автоматически к наличию комплексного института юридической ответственности. Важное значение при этом играет и накопление соответствующего нормативного массива, в связи с чем вызывает существенные возражения представление в виде отраслевого института юридической ответственности отдельной нормы, предусмотренной тем или иным законодательным актом. Именно благодаря такому подходу обязаны своим появлением «земельный», «лесной» и иные подобного рода «институты» юридической ответственности. Анализ значительного количества нормативных правовых актов показал, что, решая вопрос обособления как отраслевого, так и межотраслевого института юридической ответственности, следует учитывать ошибочность

и бессистемность отдельных положений нормативных правовых актов.

Определенное влияние на трансформацию института юридической ответственности оказывают решения Конституционного Суда РФ. Так, было выявлено, что основными направлениями воздействия решений Конституционного Суда РФ на систему юридической ответственности являются: определение системы и содержания принципов юридической ответственности; установление системы обязанностей для правотворческих и правоприменительных органов по применению принципов юридической ответственности; формирование системообразующих критериев дифференциации юридической ответственности; формирование системы признаков видов юридической ответственности.

Исследование юридической ответственности в системе права было бы не полным без ее сопоставления с правовыми институтами, выполняющими схожие задачи и закрепляющими различные формы государственного принуждения, не являющиеся юридической ответственностью. Речь идет прежде всего об институтах защиты и безопасности, объединяемых с юридической ответственностью под общим «знаменателем» защиты права. Так, было определено, что единство институтов мер безопасности и юридической ответственности обеспечивается межотраслевым характером и охранительной функцией. При этом ярко выражены различия в целях, субъектах, формах реализации и мерах воздействия. Между тем данные институты находятся в постоянном взаимодействии, заключающемся в том, что они взаимно обеспечивают друг друга на функциональном уровне. Названные институты обладают публичным характером и направлены на защиту общественного интереса и эффективную работоспособность правовых институтов в рамках регулируемой правом сферы на микро- и макроуровнях. Юридическая ответственность, меры защиты и меры безопасности относятся к различным самостоятельным формам государственного принуждения, которые обусловлены разнообразными правоохранительными задачами. В этой связи их следует применять в качестве взаимодействующих и взаимодополняющих институтов, а не противопоставлять друг другу. Целесообразно сочетать меры защиты и юридическую ответственность при решении правоохранительных задач в различных сферах деятельности.

В ходе исследования значительное внимание было уделено выявлению существующих противоречий между доктринальными положениями о принципах юридической ответственности и их реальным воплощением в действующем законодательстве и практике его применения. Было определено неполное отражение доктринальных положений о принципах справедливости и законности, а также были обоснованы новые принципы, которые ранее входили в содержание других отправных идей, но ввиду их особой важности получили относительно самостоятельное обособление и закрепление. Была показана дуалистическая природа взаимной юридической ответственности, являющейся не только принципом правового государства, но и основополагающим началом, на котором должна основываться вся система юридической ответственности. Проведенный анализ показал наличие дисбаланса между принципами справедливости и законности, нивелирование морального содержания юридической ответственности и подмены ее формализмом с иррациональными требованиями. При этом определялись координационные, субординационные и генетические связи принципов юридической ответственности как между собой, так и с принципами права. Были определены противоречия между доктринальным положением об обязательности принципов юридической ответственности и его практическим воплощением.

Исследование деятельности Конституционного Суда РФ показало, что она оказывает непосредственное влияние на доктрину юридической ответственности, а именно формирует отдельный ее вид, который можно назвать официальным и закрепленным в решениях Конституционного Суда РФ. Неофициальная доктрина юридической ответственности выстраивается благодаря научным работам ученых-правоведов. В связи с этим весьма часто можно наблюдать противоречия между официальной и неофициальной доктриной ответственности, поскольку субъекты их формирования различны. В рамках официальной доктрины весьма часто не наблюдается единства в связи с дефектами правосознания законодателя и правоприменителя, а также существующей правовой неопределенности актов Конституционного Суда РФ на практике. Низкий уровень правосознания правоприменителя также выступает одной из основных причин противоречия между признаваемой в науке силой принципов ответственности и их реальным действием в процессе реализации отдельных видов ответственности. Принцип законности, который предусматривает обязанность проводить нормативное регулирование ответственности лишь на уровне закона нивелируется за счет динамичного подзаконного нормотворчества ведомственных органов власти. Государственные органы на постоянной основе устанавливают новые требования, обязанности и запреты для субъектов правоотношений, тем самым снижая уровень эффективности действия института юридической ответственности.

Сформулирован также вывод о том, что ныне существует дисбаланс между справедливостью как принципом юридической ответственности и законностью со

свойственным ей формализмом, исключающим моральное содержание, которое в совокупности с иррациональными требованиями, содержащимися в подзаконных нормативных правовых актах, порождают их не восприятие субъектами и, как следствие, приводят к правонарушениям. Стало очевидно, что некоторые западные модели регулирования, исключающие справедливость самих требований, чужды российской правовой культуре, ее традициям и не приводят к положительным результатам в упорядочивании общественных отношений. Показано, что формализм действий в конечном счете приводит и к формализму самого результата, а также к отсутствию достижения целей правового регулирования.

Исходя из проведенного анализа, считаем, что законодателю требуется разработать основные критерии, которые позволяли бы соотносить запреты, полномочия и обязанности с принципом справедливости. Государству следует также проводить тщательный анализ при заимствовании конструкций зарубежного законодательства и адаптировать их с учётом существующих правовых традиций. Данное требование является обязательным, поскольку представления о справедливом и несправедливом может разительно отличаться по причине несовпадения культурно-исторических особенностей правовых систем различных стран. По результатам исследования правовых принципов ответственности можно сделать вывод о том, что в действующей законодательной базе должны быть отражены рекомендации, выработанные практикой Конституционного Суда РФ и наукой в вопросах совершенствования правового регулирования принципов юридической ответственности.

В этой связи обозначены перспективы дальнейших научных изысканий, заключающиеся в анализе правовых норм ответственности на предмет их соответствия принципу справедливости и отражения в них ценностей российского общества. Отсюда требуется сформировать парадигму для законодателя в виде системы ценностей, по которой можно будет соотносить обязанности, запреты и правомочия с общепринятыми идеалами о справедливости. В кодифицированных нормативных правовых актах, устанавливающих юридическую ответственность, необходимо провести ревизию законодательных дефиниций принципов с учетом положений, выработанных наукой и практикой Конституционного Суда РФ. Следует на законодательном уровне указать на особую юридическую силу принципов, а также установить обязанность законодателя при внесении изменений и дополнений в нормативный правовой акт, руководствоваться сформулированными ранее принципами.

В проекте нашла свое развитие концепция общерегулятивных правоотношений, исследуемая во взаимосвязи с общеправовыми принципами и принципами юридической ответственности. Например, наличие общерегулятивных правоотношений обусловлено закреплением таких принципов, как: права и свободы – высшая ценность; взаимная юридическая ответственность. Повлияли на их объективацию также и основные принципы международного права: уважения прав человека и основных свобод; мирного разрешения международных споров; суверенного равенства прав; неприменения силы и др. В государственно организованном обществе действует система общерегулятивных правоотношений ввиду того, что общие обязанности, запреты и ответственность присутствуют в различных отраслевых институтах юридической ответственности. Принцип взаимной юридической ответственности основывается в том числе и на триаде: права (свободы) – обязанности – ответственность, существующие в общерегулятивных правоотношениях. Общерегулятивное правоотношение – это правоотношение ответственности, но ответственности позитивной, без существования которой не может возникнуть правоотношение ретроспективной юридической ответственности.

Некоторые отраслевые и межотраслевые проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий юридической ответственности с элементами правовой системы общества. Распределение научного поиска между исполнителями было осуществлено так, что ряд ученых работали над общетеоретическими проблемами юридической ответственности в правовой системе общества, а другие посвятили свои усилия отраслевым и межотраслевым вопросам. В этой связи большое внимание было уделено конституционной ответственности, которую также можно назвать составным элементом системы права. В рамках института конституционной ответственности можно выделить формирующиеся субинституты конституционно-процессуальной и муниципальной ответственности. Проведенные исследования строились на основе многоуровнего подхода к юридической ответственности, в котором взаимодействие этого института с системой права рассматривалось на микро- и макроуровнях. Конституционная ответственность не стала исключением, вследствие чего макроуровень данного института представлен его видовыми проявлениями, в частности негативной и позитивной, материальной и процессуальной ответственностью. Микроуровень представлен ответственностью отдельных субъектов конституционной ответственности (Президента РФ, глав субъектов Российской Федерации и т.д.)[5].

Исследования затронули и административную ответственность, вопросы ее соотношения с другими отраслевыми институтами, наличие между ними генетических, координационных и субординационных взаимосвязей. Взаимосвязь административной

[5] См.: *Станкин А.Н.* Конституционная ответственность в системе права и системе юридической ответственности // Теория государства и права. 2019. № 4. С. 209–217.

и уголовной ответственности требует синхронности проведения их реформирования. В настоящее время размер административных наказаний в ряде случаев не только конкурирует с уголовными наказаниями, но и существенно их превосходит. Подобная ситуация недопустима в связи с пониженной социальной вредностью административных правонарушений. В этой связи данный дисбаланс должен быть устранен в ходе реформы института юридической ответственности. Задачей законодателя является закрепление новой нормативной основы правового регулирования института административной ответственности. Установлено, что расширение правоохранительного спектра административной ответственности во многом обусловлено усилением ее потенциала в отношении юридических лиц. Институту административной ответственности свойственна существенная динамика. Развитие общественных отношений предъявляет повышенные требования к законодательству об административных правонарушениях, которое не должно «запаздывать» с охраной общественных отношений. Эффективность действия института административной ответственности зависит от качественных связей с иными видами ответственности и административным принуждением.

Значительное внимание было уделено исследованию института финансово-правовой ответственности. Сделан вывод о существовании двух сложных, но не тождественных институтов, а именно составного отраслевого и функционального межотраслевого институтов финансовой ответственности. Составной институт включает в себя ряд самостоятельных субинститутов, представленных, в частности, налоговой, банковской, бюджетно-правовой ответственностью. Функциональный аспект института финансовой ответственности представлен нормами административного, уголовного и финансового права, регулирующими правонарушения в сфере финансовых правоотношений. Существование отраслевых и межотраслевых начал в институте финансово-правовой ответственности объясняется полиструктурностью системы права.

В проводимом научном проекте подвергается исследованию процессуальная ответственность, результаты которого указывают на межотраслевой характер этого института. Данный тезис подтверждается наличием взаимосвязей между субинститутами гражданско-процессуальной, уголовно-процессуальной и иными видами ответственности процессуального типа. Ряд процессуальных правонарушений по-прежнему регулируется материально-правовыми отраслями права, что лишь доказывает сложную и межотраслевую природу института процессуальной ответственности[6].

Заключение. В одной обзорной статье невозможно осветить все аспекты исследуемой несколько лет темы. Однако для возможности ознакомления с результатами исследования подробнее следует обозначить ряд дополнительных выводов в наиболее сжатом виде, с размещением ссылок на основные работы авторов. Таким образом, в ходе реализации проекта:

установлена тесная связь между уровнем эффективности юридической ответственности и качеством ее связей с другими средствами правоохранительного блока механизма правового регулирования[7];

определена юридическая ответственность в качестве комплексного правового явления, проявляющего себя в различных аспектах, что является свидетельством межотраслевого характера[8];

разработаны понятия: «межотраслевой институт юридической ответственности»; «микроуровень юридической ответственности; «макроуровень юридической ответственности»; «коллизия юридической ответственности»; «социальная ценность юридической ответственности»; «полиструктурность института юридической ответственности» и др.;

установлен сложный характер института процессуальной ответственности, благодаря которому ответственность можно представить в виде следующей схемы: 1) система, представленная процессуальной ответственностью в целом; 2) подсистема, включающая в себя позитивное и негативное проявления ответственности; 3) структурные элементы системы, представляющие собой конкретные виды юридической ответственности; 4) первичный элемент системы, а именно правовые нормы, устанавливающие процессуальную ответственность[9];

доказано, что позитивная юридическая ответственность стимулирует социальную активность индивидов, которая в дальнейшем может быть направлена на реализацию полезных для общества и государства задач[10];

разработаны основные направления правовой политики в сфере построения эффективной

[6] См.: *Чуклова Е.В.* Взаимосвязь института процессуальной ответственности с правоотношениями и юридической практикой // Юридические исследования. 2019. № 10. С. 73–85.

[7] См.: *Кузьмин И.А.* Институт мер безопасности и институт юридической ответственности: проблемы соотношения и взаимодействия // Сибирский юрид. вестник. 2019. № 3. С. 10–16.

[8] См.: *Малько А.В., Маркунин Р.С.* Правовая система общества и юридическая ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2. С. 6–13.

[9] См.: *Чуклова Е.В.* Место института процессуальной ответственности в системе права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 6–15.

[10] См.: *Липинский Д.А, Мусаткина А.А.* Позитивная и негативная ответственность как элемент макроуровня системы юридической ответственности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 10–13.

системы юридической ответственности органов публичной власти[11];

доказано, что в современном законодательстве наблюдается процесс «размывания границ» между различными видами ответственности, в частности уголовной и административной, что свидетельствует о нарушении принципов их дифференциации[12];

обобщена практика Конституционного Суда РФ, в результате которой конкретизированы требования принципа законности и заложена основа по формированию нового самостоятельного принципа правовой определенности[13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кузьмин И.А.* Институт мер безопасности и институт юридической ответственности: проблемы соотношения и взаимодействия // Сибирский юрид. вестник. 2019. № 3. С. 10–16.
2. *Кузьмин И.А.* О координационных, субординационных и генетических связях юридической ответственности с системой права и системой законодательства // Юридические исследования. 2019. № 10. С. 99–110.
3. *Липинский Д.А., Малько А.В., Мусаткина А.А. и др.* Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского и А.А. Мусаткиной. М., 2020.
4. *Липинский Д.А, Мусаткина А.А.* Позитивная и негативная ответственность как элемент макроуровня системы юридической ответственности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 10–13.
5. *Липинский Д.А., Станкин. А.Н.* Роль решений Конституционного Суда Российской Федерации в формировании системы юридической ответственности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 25–33.
6. *Макарейко Н.А.* Влияние постановлений Конституционного Суда РФ на реформирование института административной ответственности // Социально-политические науки. 2019. № 2. С. 178–183.
7. *Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С.* Позитивная и негативная ответственность как проявления диалектической логики в юридический исследованиях // Государство и право. 2021. № 1. С. 17–25.
8. *Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С.* Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 4. С. 4–24.
9. *Малько А.В., Маркунин Р.С.* Концепция правовой политики в сфере построения системы юридической ответственности органов публичной власти: о необходимости формирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 13–16.
10. *Малько А.В., Маркунин Р.С.* Правовая система общества и юридическая ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2. С. 6–13.
11. *Станкин А.Н.* Конституционная ответственность в системе права и системе юридической ответственности // Теория государства и права. 2019. № 4. С. 209–217.
12. *Чуклова Е.В.* Взаимосвязь института процессуальной ответственности с правоотношениями и юридической практикой // Юридические исследования. 2019. № 10. С. 73–85.
13. *Чуклова Е.В.* Место института процессуальной ответственности в системе права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 6–15.
14. *Lipinsky D.A., Bolgova V.V., Makareiko N.A., etc.* Implementation Of International Anti-Corruption Standards in Laws and Legal Practices of the Russian Federation / ed. D.A. Lipinsky. N.Y., 2020.

REFERENCES

1. *Kuzmin I.A.* Institute of security measures and institute of legal responsibility: problems of correlation and interaction // Siberian legal herald. 2019. No. 3. P. 10–16 (in Russ.).
2. *Kuzmin I.A.* On coordination, subordination and genetic links of legal responsibility with the system of law and the system of legislation // Legal research. 2019. No. 10. P. 99–110 (in Russ.).
3. *Lipinsky D.A., Mal'ko A.V., Musatkina A.A., etc.* Legal responsibility in the Russian legal system: normative and law-realization problems of interrelations, interactions and contradictions / ed. by A.V. Mal'ko, D.A. Lipinsky and A.A. Musatkina. M., 2020 (in Russ.).
4. *Lipinsky D.A., Musatkina A.A.* Positive and negative responsibility as an element of the macro-level of the

[11] См.: *Малько А.В., Маркунин Р.С.* Концепция правовой политики в сфере построения системы юридической ответственности органов публичной власти: о необходимости формирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 13–16.

[12] См.: *Макарейко Н.А.* Влияние постановлений Конституционного Суда РФ на реформирование института административной ответственности // Социально-политические науки. 2019. № 2. С. 178–183.

[13] См.: *Липинский Д.А., Станкин. А.Н.* Роль решений Конституционного Суда Российской Федерации в формировании системы юридической ответственности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 25–33.

system of legal responsibility // Civil society in Russia and abroad. 2019. No. 4. P. 10–13 (in Russ.).

5. *Lipinsky D.A., Stankin A.N.* The role of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of the system of legal responsibility // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4. P. 25–33 (in Russ.).
6. *Makareiko N.A.* The impact of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the reform of the institute of administrative responsibility // Socio-political sciences. 2019. No. 2. P. 178–183 (in Russ.).
7. *Mal'ko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S.* Positive and negative responsibility as manifestations of dialectical logic in legal studies // State and Law. 2021. No. 1. P. 17–25 (in Russ.).
8. *Mal'ko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S.* Legal responsibility as a means of preventing offenses: actual problems // Law. HSE journal. 2020. No. 4. P. 4–24 (in Russ.).
9. *Mal'ko A.V., Markunin R.S.* The concept of legal policy in the field of building a system of legal responsibility of public authorities: on the need to form // Legal policy and legal life. 2019. No. 3. P. 13–16 (in Russ.).
10. *Mal'ko A.V., Markunin R.S.* The legal system of society and legal responsibility // Legal science and law enforcement practice. 2020. No. 2. P. 6–13 (in Russ.).
11. *Stankin A.N.* Constitutional responsibility in the system of law and the system of legal responsibility // Theory of state and law. 2019. No. 4. P. 209–217 (in Russ.).
12. *Chuklova E.V.* The relationship of the institute of procedural responsibility with legal relations and legal practice // Legal research. 2019. No. 10. P. 73–85 (in Russ.).
13. *Chuklova E.V.* The place of the institute of procedural responsibility in the system of law // Legal science and law enforcement practice. 2019. No. 3. P. 6–15 (in Russ.).
14. *Lipinsky D.A., Bolgova V.V., Makareiko N.A., etc.* Implementation Of International Anti-Corruption Standards in Laws and Legal Practices of the Russian Federation / ed. D.A. Lipinsky. N.Y., 2020.

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич –
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Тольяттинского государственного университета;
445056 г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

МУСАТКИНА Александра Анатольевна –
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета;
445056 г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

МАРКУНИН Роман Сергеевич –
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии;
410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Authors' information

MAL'KO Aleksander V. –
Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga Institute (branch) of the All-Russian state University of justice (Russian Law Academy of the Ministry of justice of Russia);
55 named of Radishchev A.N. str.,
410003 Saratov region, Saratov, Russia

LIPINSKY Dmitry A. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of theory and history of state and law, Togliatti state University; 14 Belorusskaya str.,
445056 Togliatti, Russia

MUSATKINA Aleksandra A. –
PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Togliatti state University;
14 Belorusskaya str., 445056 Togliatti, Russia

MARKUNIN Roman S. –
PhD in Law, associate Professor of the Department of theory state and law, Saratov state Law Academy;
1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 35–60
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 35–60

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ: ФОРМИРОВАНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ЕГО КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ

© 2021 г. В. А. Кряжков[1, *], М. А. Митюков[2, **]

[1]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
[2]Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
Национальный исследовательский Томский государственный университет

**E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru*
***E-mail: mma070142@mail.ru*

Поступила в редакцию 11.08.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена эволюции Конституционного Суда РФ за 30 лет. Показано, как формировались дореволюционные представления о государственном органе, способном охранять Основной Закон, отношение к нему в СССР – от полного отрицания к признанию допустимости его встраивания на определенных условиях в систему советской власти. Рассматриваются подходы, связанные с учреждением и созданием начальных законодательных основ Конституционного Суда в перестроечной России, сориентированных на европейскую модель конституционного правосудия. Анализируются предпосылки, содержание и процесс трансформации ключевых элементов этой модели в посткризисный период (1993–1994 гг.), их последующего изменения (2001–2018 гг.) и радикального обновления в результате конституционной реформы 2020 года.

Ключевые слова: Россия, орган конституционного контроля, Конституционный Суд Российской Федерации, модель конституционного правосудия, модификация и модернизация атрибутивных характеристик Конституционного Суда РФ.

Цитирование: *Кряжков В.А., Митюков М.А.* Прошлое и настоящее Конституционного Суда РФ: формирование и изменение параметров его конституционно-правовой модели // Государство и право. 2021. № 12. С. 35–60.

При написании статьи использована нормативно-правовая база СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S102694520017757-3

PAST AND PRESENT OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION: FORMATION AND CHANGE OF PARAMETERS OF ITS CONSTITUTIONAL AND LEGAL MODEL

© 2021 V. A. Kryazhkov[1, *], M. A. Mityukov[2, **]

[1]National Research University "Higher School of Economics", Moscow
[2] Kutafin Moscow state Law University (MSLA);
National Research Tomsk state University

**E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru*
***E-mail: mma070142@mail.ru*

Received 11.08.2021

Abstract. The article is devoted to the evolution of the Constitutional Court of the Russian Federation over 30 years. It is shown how pre-revolutionary ideas about a state body capable of protecting the Basic Law were formed, the attitude towards it in the USSR – from complete denial to recognition of the permissibility of its embedding under certain conditions in the system of Soviet power. The approaches related to the establishment and creation of the initial legislative foundations of the Constitutional Court in perestroika Russia, oriented to the European model of constitutional justice, are considered. The prerequisites, content and process of transformation of the key elements of this model in the post-crisis period (1993–1994), their subsequent changes (2001–2018) and radical renewal as a result of the constitutional reform of 2020 are analyzed.

Key words: Russia, constitutional control body, Constitutional Court of the Russian Federation, model of constitutional justice, modification and modernization of attributive characteristics of the Constitutional Court of the Russian Federation.

For citation: *Kryazhkov, V.A., Mityukov, M.A. (2021).* Past and present of the Constitutional Court of the Russian Federation: formation and change of parameters of its constitutional and legal model // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 35–60.

When writing the article, the regulatory framework of the legal reference system "ConsultantPlus" was used.

Понимая модель Конституционного Суда РФ как определенную организационную форму осуществления им конституционного правосудия, мы посредством историко- и конституционно-правового обзора анализируем динамику зарождения, развития и нынешнее состояние данного высшего института государственной власти. При этом для нас аксиоматична неизменность европейской модели Конституционного Суда. Однако на протяжении 30 лет наблюдается модификация и модернизация её основных элементов – конституционного статуса, состава судей и порядка их избрания (назначения), сроков пребывания в должности, формирования руководства, организационной структуры, полномочий, форм деятельности и юридической силы решений, что меняло облик Конституционного Суда РФ, представления о нём и его месте в системе органов публичной власти. Как подобное происходило и каковы последствия трансформации идентификационных признаков российского правосудия – ниже.

1. Предыстория формирования модели Конституционного Суда РФ

Процесс «моделирования» конституционного суда как специализированного и независимого судебного органа в сфере контроля за соблюдением Основного Закона в России начался задолго до реального воплощения его в жизнь. Этому способствовали социально-политическая обстановка в стране последних столетий, проникновение либеральных политических и правовых учений в науку русского государственного права, опыт конституционного строительства в отдельных государствах. Естественно, что сначала это были идеи (образы), предложения и суждения в политических и научных произведениях, а затем отдельные положения в конституционных проектах. Причём взгляды о подобном суде «пробивались» с большим трудом сквозь «превалирующие» с конца XVIII по начало XX в. традиционные мнения о приспособлении к указанной цели с точки зрения организационно-правовой одного из нескольких альтернативных вариантов: 1) Сената[1]; 2) особого высшего суда (Верховное судилище)[2]; 3) особого несудебного органа (Верховного Собора и др.)[3]; 4) Верховного Суда по американскому прототипу[4].

Идея же о специализированном конституционном суде среди западных и отечественных государствоведов была известна и «популяризировалась» уже в последней трети XIX в.[5] Предложения об учреждении в России специализированного суда под названием «конституционный суд» появились в теоретических трудах по русскому государственному праву в начале XX в.[6] Более развернуто образ такого суда был предложен крупным ученым и практиком в области государственного, административного

[1] См.: *Тарановский Ф.В.* Политическая доктрина в Наказе Императрицы Екатерины II. Киев, 1904. С. 4–9; *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.– Л., 1961. С. 143–221.

[2] Цит. по: *Дружинин Н.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 356–363.

[3] См.: Избр. социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 161, 162, 243.

[4] См.: *Дурденевский В.Н.* Судебная проверка конституционности закона // Вопросы права. М., 1912. Кн. XI (3). С. 104; *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1915. С. 383, 384; *Рейснер М.А.* Государство. М., 1912. Ч. II, III. С. 194, 195.

[5] См.: *Кокошкин Ф.Ф., Вышеславцев Б.П.* Австро-Венгрия // Политический строй современных государств: сб. ст. СПб., 1906. Т. 2. С. 125–219; *Кокошкин Ф.* С.А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев: сб. ст. М., 1911. С. 203–250.

[6] См.: *Шалланд Л.А.* Верховный суд и конституционные гарантии // Конституционное государство: сб. ст. 2-е изд. СПб, 1905. С. 412–421; *Ященко А.* Теория федерализма. Юрьев, 1912. С. 352–354.

и финансового права Э.Н. Берендтсом[7]. Под «верховным конституционным судом» он подразумевал «суд всех инстанций», независимый от парламента и правительства, формируемый по одному из судей всеми коллегиями судебных палат и окружных судов, а также коллегиями уголовного и гражданского департаментов Правительствующего Сената Российской Империи, пожизненно и несменяемо. Им бы осуществлялся предварительный конституционный контроль законопроектов, а также разрешались споры о конституционности соответствующих актов при рассмотрении конкретных дел в судах.

Последующие намерения Временного правительства закрепить «судебные гарантии конституции»[8] в связи с кратковременностью его существования не были развиты в нормативную модель и прерваны Великой Октябрьской социалистической революцией. Судебный конституционный контроль оказался идеологически и организационно чуждым для советского государства. О нём в 20–30-е годы прошлого столетия вспоминали в сугубо критическом ключе, а также использовали в качестве «жупела» в борьбе против «поползновений» Верховного Суда СССР расширить пределы участия в конституционном надзоре, осуществляемом совместно с ЦИК СССР и его Президиумом[9].

Позднее в недрах системы исподволь стали формироваться идеи обеспечения охраны конституции специализированными государственными органами. Тогда реализация подобных идей связывалась с существовавшим государственным строем и системой социалистических «идеологических ценностей» (руководящей ролью правящей партии и верховенством представительных органов власти). Интеллектуальному освоению мирового опыта развития судебной и квазисудебной проверки конституционности законов был по-прежнему свойствен классовый «критический» подход советского государствоведения к западным институтам конституционного контроля и надзора. Причем накал этой критики постепенно с годами смягчался: от резкого неприятия в 30-х – начале 60-х годов[10] к «дифференцированной» оценке полезности этих институтов (конец 60-х – середина 80-х годов), затем – к доброжелательной готовности их экстраполирования[11].

Идеи – «прообразы» комитета конституционного надзора и конституционного суда «родились» почти одновременно при подготовке проекта новой Конституции СССР. Исходили они с «низов» в виде предложений граждан, а лишь затем были материализованы в докладных записках ведущих научных центров, а идея конституционного суда даже – в одном из проектов Конституции СССР (1964 г.). Из их числа заслуживало внимания предложение С.Н. Крылова (Черкассы) образовать конституционный суд, как «специальный орган по наблюдению за точным и безусловным выполнением Конституции СССР всеми без исключения учреждениями и гражданами». Автор, репрессированный в годы сталинизма, аргументировал свою идею необходимостью обеспечения прав и свобод граждан, преодоления «гнета последствий культа личности»[12].

На официальном уровне – в «Предварительных соображениях подкомиссии по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства к составлению проекта новой Конституции СССР» фиксировалось: «Обсудить на Конституционной комиссии, не следует ли для решения вопросов охраны Конституции и на случай возникновения споров Союза с республиками создать Союзный конституционный суд, например, в составе Председателя Верховного Суда СССР и председателей Верховных судов союзных республик...» (п. 8). Позднее подкомиссия уточняет круг споров, подлежащих рассмотрению Союзным конституционным судом, включая в это число их споры и между республиками[13].

Гипотетически об очертаниях возможной модели Конституционного Суда можно рассуждать по «окончательному» проекту Конституции СССР, обнаруженному среди бумаг, сданных Л.Ф. Ильичевым в Общий отдел ЦК КПСС 12 апреля 1965 г., после приостановления работы Конституционной комиссии[14]. В проекте в разделе «Органы государственной власти СССР» предусматривалась специальная гл. XVIII «Государственный Конституционный Суд». В ее двух статьях регулировались срок полномочий, состав и компетенция Суда. Указывалось, что Государственный Конституционный Суд

---

[7] См.: *Берендтс Э.Н.* Кое-что о современных вопросах. СПб., 1907. С. 116, 117.

[8] Красный архив: истор. журнал. М.–Л., 1928. Т. 3 (28). С. 107–141.

[9] См.: *Загорье Б.* Нужна ли нам судебная охрана конституции? // Вестник сов. юстиции. 1928. № 17. С. 501, 502; *Дябло В.* Нужна ли нам судебная охрана конституции. // Вестник Верховного Суда и Прокуратуры Верхсуда СССР. 1928. № 4 (13). С. 11–14.

[10] Советская правовая доктрина к этому времени четко сформулировала, по существу, демагогическое положение о том, что «в нашей стране конституционный контроль осуществляется самим народом в лице его высших представительных органов» (см.: Правовые гарантии законности в СССР / под ред. М.С. Строговича. М., 1962. С. 60–62).

[11] Подробно об этом см.: *Митюков М.А.* Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30 – начало 90-х гг. XX в.). М., 2006. С. 3–58.

[12] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 385. Л. 143; Д. 470. Л. 322; Д. 472. Л. 276.

[13] См.: РГАНИ. Ф. 5.Оп. 30. Д. 466. Л. 1–16; Д. 385. Л. 22–100; Д. 466. Л. 132; Д. 468. Л. 2–8, 13; Д. 467. Л. 110, 115.

[14] См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 466. Л. 158–267.

создается на срок полномочий Верховного Народного Совета СССР (т.е. сроком на четыре года) в составе Председателя Верховного Суда СССР и председателей Верховных судов всех союзных республик. В его состав могли войти и другие лица (ст. 165).

На Государственный Конституционный Суд предполагалось возложить:

осуществление наблюдения за точным и неуклонным соблюдением Конституции СССР;

по требованию Верховного Народного Совета СССР и его Президиума дачу заключения о законности тех или иных решений союзных республик с точки зрения Конституции СССР;

рассмотрение вопросов отношений между отдельными союзными республиками и Союза ССР с отдельными союзными республиками в случае возникновения споров;

доклады о результатах рассмотрения вопросов и споров Верховному Народному Совету СССР, а в период между его сессиями – Президиуму Верховного Народного Совета СССР (ст. 166).

Этот проект предполагал главным образом «парламентский» конституционный контроль. Он придавал Государственному Конституционному Суду второстепенную подчиненную роль под эгидой Верховного Народного Совета СССР и его Президиума. Причем с точки зрения исторической ретроспективы по своим основным полномочиям и процедуре деятельности контроль Государственного Конституционного Суда во многом аналогичен конституционному надзору, осуществляемому Верховным Судом СССР в 1924–1933-х гг. Он ограничивался лишь проблемами контроля в сфере федерализма, исключая его в области защиты прав и свобод личности, нормоконтроля за актами правительства, не говоря уже о законах и постановлениях Верховного Народного Совета СССР и его Президиума.

Свой вклад в формирование модели отечественного конституционного суда внес и Институт государства и права АН СССР, предлагая в рамках Конституции 1936 г. «для повышения роли Верховного Совета СССР в системе органов Советского государства... установить гарантии верховенства законов СССР». По мнению Института, «одной из таких гарантий может служить учреждение Комитета конституционного надзора или Конституционного Суда СССР. Такой комитет (или суд), избранный Верховным Советом СССР, следовало бы наделить правом объявлять неконституционными любые акты, противоречащие союзной Конституции или законам СССР». Кроме этого предлагалось наделить названный орган полномочием привлекать к политической ответственности высших должностных лиц, нарушивших Конституцию СССР[15]. С учетом нынешнего времени можно утверждать, что объективно (и в определенной альтернативе) намечались для судебного конституционного контроля такие цели-задачи, как обеспечение верховенства законов, осуществление функции политической ответственности должностных лиц, юридическая сила актов конституционного суда.

На рубеже 70-х годов отечественным государствоведением в целом еще отрицалась идея конституционного суда, но уже отдельными учеными заявлялось, что она при определенных обстоятельствах не чужда социалистическому строю. В частности, Л.Я. Дадиани сформулировал вывод о том, что принцип конституционного контроля сам по себе не является абсолютно реакционным, если он не отрицает верховенства высшего представительного органа и высшей юридической силы принимаемых им актов, если конституционный суд обладает определенной компетенцией и не превращается в учреждение, стоящее над всеми другими государственными органами и фактически формирующее конституционные нормы[16].

Это уже свидетельствовало о том, что «намечался некоторый отход от точки зрения, объявляющей конституционный надзор абсолютно антидемократическим институтом», к позиции признания такого института целесообразным в современном сложном обществе с его разветвленной правовой системой, всевозрастающей нормотворческой деятельностью и «юридическим производством»[17]. Он обусловливался в определенной мере и появлением специализированных органов охраны конституции в зарубежных социалистических странах, что требовало переосмысления прежнего негативного отношения к внепарламентскому конституционному контролю и надзору. Значительный интерес к обобщению правовой регламентации и практики конституционного контроля в зарубежных социалистических государствах проявили крупные отечественные ученые-государствоведы[18].

---

[15] См.: Докладная записка «О мерах по улучшению работы Верховного Совета СССР», представленная директором Института государства и права АН СССР В.М. Чхиквадзе Председателю Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояну 6 февраля 1965 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 469. Л. 23–37.

[16] См.: *Дадиани Л.Я.* К вопросу о сущности, формах и оценке института конституционного надзора // Труды Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы. Т. 20: Экономика и право. М., 1967. Вып. 2. С. 39–64. Схожие идеи высказывал и А.Б. Венгеров (см.: *Венгеров А.Б.* Проблема непосредственного действия советских конституционных норм // Проблемы конституционного права: сб. ст. / отв. ред. И.Е. Фарбер. Саратов, 1969. С. 80, 81).

[17] *Вильданов Р.Х.* Конституции в политической системе буржуазного общества. М., 1968. С. 125–140.

[18] См., напр.: *Ильинский И.П., Щетинин Б.В.* Конституционный контроль и охрана конституционной законности в социалистических странах // Сов. государство и право. 1969. № 9. С. 44–47.

В литературе 70-х – начала 80-х годов фактически в виде научных идей-гипотез начала формироваться модель *пока социалистического советского* специализированного конституционного надзора: определялись его задачи; проводилось отличие конституционного контроля от конституционного надзора, хотя во многих случаях эти категории отождествлялись; рассмотрение их как механизма непосредственного применения правовосстановительной санкции конституционной нормы[19]. Но исходя из концепции верховенства представительных органов власти, многие советские государствоведы на рубеже 70-х годов выступали против наименования органов охраны Конституции Конституционным Судом. Оно представлялось им «менее удачным, поскольку этот орган не является органом, отправляющим правосудие». М.А. Шафир считал, что наименование «Конституционный суд» нежелательно, «поскольку речь в данном случае не идет о предоставлении права окончательного решения вопроса о конституционности закона или другого нормативного акта и соблюдении при этом какой-то определенной судебной процедуры»[20].

Сообразно с достигнутым уровнем теоретического знания о конституционном надзоре и контроле шла подготовка, а затем обсуждение проекта Конституции СССР 1977 г., где обозначились противники учреждения конституционного надзора, не говоря уже о более совершенной форме правовой охраны конституции – конституционном суде. На завершающем этапе содержащиеся в проекте положения о Комитете конституционного надзора были признаны «сомнительными», «искусственной идеей» и исключены из текста[21]. Состояние юридических воззрений того времени на специализированный конституционный надзор (контроль) отразила и полемика между В.М. Савицким и специалистами сектора прокурорского надзора Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, соответственно, сторонником и противниками специализированного конституционного надзора (контроля). Позиция ученого[22] получила резкую отповедь, заслуживающую подробной цитаты: «Сектор... считает совершенно неприемлемым предложение о создании некоего специального органа конституционного надзора. Нам неизвестны случаи конфликтных ситуаций, когда конституции союзных республик расходились бы с Конституцией СССР, или законы СССР – с Конституцией СССР, или законы союзных республик – с законами СССР. Если (теоретически) такие ситуации в отдельных случаях и могут возникнуть, то лишь как досадные недоразумения, и Верховный Совет СССР сам, без какого-то еще органа конституционного надзора, может устранить возникшую коллизию. Учреждение органа конституционного надзора может вызвать у многих предположение, что в нашей стране появилась проблема коллизий между Союзом ССР и союзными республиками, и поэтому потребовалось создавать специальный орган для их разрешения. Это не соответствует практике нашего государственного строительства, многолетнему опыту взаимоотношений союзных республик»[23]. Этот спор разрешили время, последующая судьба Союза ССР и реальное появление конституционной юстиции в стране.

Возобладавшим к концу 80-х годов являлось направление, выражавшееся в предложениях учредить в рамках высшего представительного органа государственной власти специальный орган (конституционный комитет, комиссию, совет и т.п.), на который возложить конституционный надзор. Законодатель, а точнее господствующая тогда КПСС и ее руководители, не пошли на создание судебного конституционного контроля, а ограничились конституционным надзором. Но трансформация воззрений политиков, юристов и публицистов на специализированную правовую охрану конституции прослеживается тогда в направлении материализации идеи конституционного правосудия. Сначала предполагалось, что она реализуется в новой Конституции СССР, затем её связывали с будущим Союзным договором.

Начиная с 1986 г. в противоборстве различных предложений, представляющих конгломерат идей общего и специализированного конституционного надзора и контроля, последовательно выкристаллизуются идеи охвата этими методами подзаконных актов, а затем законов и действий должностных лиц. В качестве инструментария одни ученые видят суды общей юрисдикции, Верховный Суд СССР, специальный консультативный орган конституционного надзора, Конституционный совет при Верховном Совете СССР, а другие – Конституционный суд[24]. Модель последнего была названа Институтом государства и права АН СССР в 1987 г. в качестве «возможного средства» борьбы с постоянным ростом ведомственных нормативных

[19] См.: *Коток В.Ф.* Конституционная законность, конституционный надзор и конституционный контроль в СССР // Труды Иркутского гос. ун-та, 1971. Т. 81. Вып. 12, ч. 2. С. 97–115; *Венгеров А.Б.* Указ. соч. С. 78–82.

[20] *Шафир М.А.* Компетенция Союза ССР и союзной республики (конституционные вопросы). М., 1968. С. 218–220.

[21] См.: Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 79. Д. 5. Л. 132, 134–135; Д. 6. Л. 2–47, 180, 124; Д. 296. Док. № 5. Д. 7. Л. 220.

[22] См.: Обсуждение проекта Конституции СССР // Сов. государство и право. 1977. № 8. С. 18.

[23] См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 79. Д. 92. Л. 21–23.

[24] См.: *Савицкий В.М.* Правосудие и перестройка // Сов. государство и право. 1987. № 9. С. 32, 33.

актов, подменяющих собой законы[25]. Затем «самостоятельный» конституционный суд упоминается Б.Н. Топорниным в числе вариантов решения вопроса конституционного контроля[26]. Идея подхватывается известным публицистом, вице-президентом Советской ассоциации политических наук Ф.М. Бурлацким, связывая создание такого суда уже с принципом разделения власти[27].

И после создания Комитета конституционного надзора СССР вопрос о конституционном суде продолжал обсуждаться[28]. Законодательные и временные ограничения полномочий ККН СССР не позволяли ему влиять на конституционно-правовые процессы в стране. В условиях политического и экономического кризиса деятельность ККН СССР оказалась «парализованной». Шел поиск путей эффективности конституционного надзора. Предлагались различные варианты. Многие политики и ученые видели выход в преобразовании конституционного надзора в конституционный суд.

Представленный в апреле 1990 г. проект структуры новой Конституции СССР, подготовленный рабочей группой Конституционной комиссии, уже предусматривал Конституционный Суд среди высших органов Союза ССР. Предполагалось, что в Основном Законе должны быть решены вопросы о порядке формирования и функциях этого Суда, о порядке обращения в него и юридической силе актов этого высшего органа в системе конституционного надзора[29]. Вице-президент АН СССР В.Н. Кудрявцев в целях политической стабильности федерации предлагает «строить формирование Конституционного Суда (а не Комитета конституционного надзора) на базе консенсуса всех союзных республик...»[30].

К этому времени относится и разработка детальных предложений, касающихся модели будущего Конституционного Суда СССР. По мнению Ю.Л. Шульженко, данный орган должен осуществлять все полномочия в области конституционного контроля, в т.ч. и те, которые ранее принадлежали высшим органам государственной власти, решать все спорные вопросы, имеющие конституционное значение, толковать законы, самостоятельно издавать принимаемые им акты. Влияние парламента на Конституционный Суд должно быть ограничено его избранием и правом возбуждения в нем дел. Автор считал также необходимым отказаться от представительства субъектов федерации и формировать Конституционный Суд на основе паритетного равенства от высших законодательных, исполнительных и судебных органов. Одновременно он полагал целесообразным закрепить за ним не свойственное судебным органам право самостоятельно возбуждать дела о несоответствии любого акта Конституции[31]. Но августовские и последующие события 1991 г. поставили точку на дальнейших поисках путей эффективности развития правовой охраны Конституции на союзном уровне.

Существенное влияние на оживление идеи конституционного правосудия оказали политические процессы в РСФСР и других союзных республиках. В сентябре-октябре 1990 г. Верховный Совет РСФСР окончательно определился с выбором конституционного суда в качестве организационно-правовой модели охраны Конституции РСФСР. Немного позднее аналогичным образом решился вопрос в первых версиях Конституции РСФСР, подготовленных рабочей группой Конституционной комиссии РСФСР (октябрь-ноябрь 1990 г.)[32].

Развернутая модель Конституционного Суда РСФСР была создана в конце ноября 1990 г. рабочей группой (М.А. Митюков, Ю.Д. Рудкин, С.Н. Бабурин, В.Д. Мазаев) по подготовке проекта Закона об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР к рассмотрению его Вторым Съездом народных депутатов РСФСР. В этом проекте предлагалось закрепить избрание Конституционного Суда Съездом народных депутатов РСФСР по представлению Председателя Верховного Совета РСФСР и наделить данный орган правом законодательной инициативы. Избрание судей предусматривалось из числа специалистов в области права в составе Председателя, заместителя Председателя и 11 членов на срок 10 лет. Закреплялось положение о несовместимости должности судьи с занятием другой должности в составе органов государственной власти и управления, судов, арбитража и прокуратуры

[25] См.: Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. 1987. № 14. С. 42–50.

[26] См.: *Топорнин Б.Н.* Чтобы исключить обход закона // Известия. 1988. 12 янв.

[27] См.: *Бурлацкий Ф.М.* О советском парламентаризме // Лит. газ. 1988. 15 июня.

[28] Т.Г. Морщакова квалифицировала организацию конституционного надзора в СССР «половинчатой мерой». Она полагала, что его должна осуществлять судебная власть, отделенная от законодательной и исполнительной властей (см.: *Морщакова Т.Г.* Судебная реформа. М., 1990. С. 51).

[29] См.: Концепция новой Конституции Союза ССР // Сов. государство и право. 1990. № 4. С. 20.

[30] Ситуация в обществе (после I Съезда народных депутатов СССР): аналитическая записка. ИГП АН СССР, 10 мая 1990 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 110. Д. 2. Л. 122–132.

[31] См.: *Шульженко Ю.Л.* Парламент и специализированный орган конституционного надзора и контроля // Разделение властей и парламентаризм. М., 1992. С. 120, 121.

[32] См.: Конституция (Основной закон) Российской Федерации. Проект рабочей группы и группы экспертов Конституционной комиссии РСФСР – с параллельными местами и вариантами [Дата: 11.10.90. Время: 12.57]. Б/м. С. 48–51; Аргументы и факты. 1990. № 47 (528). Спец. вып.

и о независимости судей и подчинении их только Конституции РСФСР и иному закону.

Проектом предполагалось, что «в целях защиты конституционного строя» Конституционный суд будет осуществлять последующий конституционный контроль законодательных актов, принятых Съездом народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР и Президиумом Верховного Совета РСФСР, а также предварительный конституционный контроль проектов законов РСФСР и иных актов, внесенных на рассмотрение Съезда, конституций и законов республик, входящих в состав РСФСР, постановлений и распоряжений Совета Министров РСФСР, международных договорных и иных обязательств РСФСР; рассматривать конституционно-правовые споры между РСФСР и субъектами Федерации, а также между самими субъектами Российской Федерации; давать заключения по делам по обвинению Председателя Верховного Совета РСФСР в нарушении Конституции и законов РСФСР и др. Таким образом, на «проектном» уровне впервые не только обозначались, но и приобретали нормативную определенность такие элементы отечественной модели конституционного суда, как его возможный численный и профессиональный состав, срок полномочий, общий механизм избрания и требования к судьям и их независимость, наделение суда законодательной инициативой, его подробные полномочия.

В проекте Закона об изменениях и дополнениях в Конституцию РСФСР, по существу, впервые формулировалась официальная модель Конституционного Суда. Она складывалась под влиянием многих факторов: во-первых, текущего политического момента, общественного мнения, расстановки политических сил в парламенте; во-вторых, законодательства и практики ККН СССР; в-третьих, учета опыта правовой регламентации и практики деятельности конституционных судов в других государствах; в-четвертых, теоретических разработок в науке дореволюционного и советского периодов и иностранном праве по проблемам правовой охраны конституции.

Но в последующем «компромиссном» варианте возможных к тому времени изменений и дополнений в Конституцию РСФСР всё свелось к замене раннее предусмотренных слов «Комитет конституционного надзора» на «Конституционный Суд». Статью же 119 Конституции РСФСР о составе и статусе членов Комитета конституционного надзора и его компетенции предлагалось заменить краткой формулой: «Конституционный Суд РСФСР избирается Съездом народных депутатов РСФСР. Порядок избрания и деятельности Конституционного Суда РСФСР определяется Законом РСФСР о Конституционном Суде РСФСР, утвержденным Съездом народных депутатов РСФСР». Такие поправки в Конституцию связывались с предполагаемым введением в России института президентства, который требовал соответствующих «сдержек и противовесов».

В соответствии с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и необходимостью обеспечения дальнейшего развития политических и экономических процессов, происходящих в России, 15 декабря 1990 г. Второй Съезд народных депутатов РСФСР, приняв Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции Российской Федерации», учредил Конституционный Суд и поручил Верховному Совету РСФСР разработать проект Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» и представить его на рассмотрение очередного Съезда народных депутатов РСФСР[33].

Подводя итог предшествующему исследованию, обобщенно можно утверждать, что к началу работы над проектом «первого» Закона о Конституционном Суде сложились представления об основных элементах отечественной модели этого Суда. Во многом по каждому из них они чаще всего были противоречивы, инвариантны и, по сути, нередко исключающие (лишь позднее – дополняющие) друг друга. Так, *по правовому статусу* закладывались такие альтернативы: 1) Конституционный Суд – специализированный институт, но в системе высшего представительного органа государственной власти; 2) независимый от парламента и правительства орган; 3) как один из равных органов в системе высших органов государственной власти. *По задачам, целям и функциям:* 1) создаваемый для обеспечения прав и свобод граждан; 2) для решения лишь вопросов федерализма; 3) для поддержания принципа разделения властей и (или) разрешения межнациональных проблем. *По способу формирования*: 1) создаваемый судейским сообществом из числа судей всех инстанций; 2) состоящий из судей, но по должности; 3) избираемый народом из числа выдающихся представителей общественности; 4) организуемый из всех представителей субъектов федерации; 5) образуемый на основе паритетного равенства из представителей высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти; 6) формируемый на конкурсных началах из юристов, обладающих большим опытом практической и научной деятельности в области права. *По сроку полномочий*, осуществляемых судьями, обозначились лишь две позиции: 1) пожизненное и несменяемое исполнение их; 2) избрание (назначение) их на определенный срок. Среди предполагаемых *полномочий для будущего Конституционного Суда* в литературе и практических инициативах были названы предварительный и последующий

[33] См.: Ведомости СНД ВС РСФСР. 1990. № 29, ст. 395.

конкретный конституционный контроль нормативных актов, толкование Конституции и законов, право законодательной инициативы, участие в процедурах привлечения к политической ответственности должностных лиц. Помимо этого в зависимости от избираемого статуса Конституционного Суда предопределялось регулирование их деятельности либо непосредственно Конституцией (в главе о высшем представительном органе) и Регламентом о последнем, либо также в Конституции и особом законе о конституционном суде.

2. Конституционно-правовое воплощение идей о Конституционном Суде РСФСР – РФ (1991–1993)

«Выкристаллизация» модели Конституционного Суда началась на основе проекта Закона о «первом» Конституционном Суде РСФСР, подготовленного и обсужденного первоначально в Комитете по законодательству, затем – в Верховном Совете и на Съездах народных депутатов РСФСР (январь-май 1991 г.). Его непосредственным разработчиком был С.А. Пашин, а в качестве эксперта по данному законопроекту выступал Б.А. Страшун.

Концепция проекта рассматривалась на заседании Комитета 25 марта 1991 года, на котором его членами были сформулированы первые требования к будущему Конституционному Суду. В частности, Ю.Д. Рудкин предложил регламентировать в законе порядок выдвижения кандидатов в судьи Конституционного Суда, избирать их двумя третями состава Съезда народных депутатов РСФСР, установить для кандидатов в судьи минимальный возраст 40 лет и 10 лет необходимого стажа работы по юридической специальности. В.Д. Мазаев выступил против идеи отмены Судом актов Съезда народных депутатов, считая, что это подрывает верховенство высшего органа государственной власти. По указанной же причине он не поддержал положения об «обязательности решений Конституционного Суда как норм Основного закона» и о толковании им Конституции и законов, полагая, что по концепции «Конституционный Суд превращается в орган, подменяющий законотворческую деятельность». По инициативе С.Н. Бабурина было одобрено предложение о включении в проект закона нормы об избрании председателя Конституционного Суда и его заместителя самим Судом[34]. Тем самым этим обсуждением наметились три «болевых» точки для дальнейшего развития модели Конституционного Суда: порядок формирования Суда и избрания его руководства, юридическая сила решений.

На совместном заседании палат Верховного Совета РСФСР 19 апреля 1991 г. председатель Комитета по законодательству С.М. Шахрай дал теоретическое обоснование концепции взаимосвязанных «в пакете» законопроектов о Президенте, о порядке его выборов и Конституционном Суде РСФСР[35]. Согласно ей учреждение этих институтов взаимообусловливалось. Предполагалось, что президент наделяется правом предоставления кандидатур судей Конституционного Суда Съезду народных депутатов РСФСР. Хотя и объявлялось, что судьи действуют в личном качестве и не являются представителями партий, однако предполагалось «отражение многонационального, федеративного характера государства... обеспечивать на стадии подбора и выдвижения кандидатур в члены Конституционного Суда». Судьи избираются пожизненно и независимы от законодательной и исполнительной власти. Как сообщил докладчик, «устанавливается баланс: предлагает кандидатуры президент, утверждает парламент, далее в своей деятельности Конституционный Суд независим». Полномочия Конституционного Суда определяются в соответствии с принципом, что «суд не может быть использован в решении политических споров... и будет заниматься только одним – решением вопросов о буквальном соответствии правотворческих и правоприменительных актов тексту Конституции...». Закладывалось положение, по которому президент отстраняется от должности парламентом по заключению Конституционного Суда.

Представленный Комитетом по законодательству для рассмотрения Верховному Совету РСФСР 6 мая 1991 г. Закон о Конституционном Суде «по своему объему, по уровню правовой регламентации» определялся как «документ равный кодексу», сочетающий судоустройственные, материальные и процессуальные нормы. И был «первым шагом судебной реформы». В нем акцентировалось внимание на закреплении «новых принципов для нашего законодательства» (несменяемость судей, их независимость и самостоятельность). Главным направлением деятельности Конституционного суда предусматривалась проверка конституционности нормативных актов (нормоконтроль). Среди других основных направлений обозначались – проверка по жалобам граждан обыкновений правоприменительной практики и дача заключений в случаях, предусмотренных законом. Подчеркивались обязательный характер решений и консультативный – заключений Конституционного Суда. Предусматривалось, что закон, признанный им неконституционным, автоматически считается

[34] См.: Заседание Комитета по законодательству ВС РСФСР. 25.03.1991 // История. Право. Политика. 2011. № 1. С. 49, 50.

[35] См.: Третья сессия Верховного Совета РСФСР. Бюл. № 22 совм. засед. Совета Республики и Совета Национальностей 19 апреля 1991 г. С. 46–49.

утратившим силу без какого-либо последующего подтверждения парламентом.

На этом заседании у большинства депутатов не нашли поддержки глава проекта «Рассмотрение дел о правоприменительной практике», как посягающая на прерогативы других судов, и положение о «большей» юридической силе решений Конституционного Суда, чем обычных законов, подрывающее их авторитет. Однако была поддержана поправка об установлении кворума для начала деятельности Суда – избрание не менее двух третей его состава. Были отвергнуты предложения о наделении Конституционного Суда функцией консультирования высших органов государственной власти, свойственной предварительному конституционному контролю, и об увеличении предельного возраста для кандидатов в судьи до 65, а для пребывания в должности до 70 лет[36]. Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР», принятый Верховным Советом, подлежал утверждению на очередном Съезде народных депутатов РСФСР, но был опубликован в официальных изданиях еще до его утверждения[37].

До этого утверждения IV Съездом народных депутатов РСФСР в Конституцию были внесены ряд изменений и дополнений, касающихся статуса Конституционного Суда. Он был включен в судебную систему, объявлялся высшим органом конституционного контроля в РСФСР, осуществляющим судебную власть в форме конституционного судопроизводства. Определялось, что Суд состоит из 15 судей. Предусматривалось также, что решение Съезда народных депутатов об отрешении Президента от должности могло быть принято лишь на основании заключения Конституционного Суда (ст. 121^{10})[38].

V Съезд народных депутатов РСФСР под влиянием изменений в политической ситуации (избранием первого Президента России) практически без дискуссий 12 июля 1991 г. утвердил Закон с включением вызывающей споры вышеназванной главы и ряда новых положений, обусловленных последней редакцией Конституции РСФСР, изменениями в текущем законодательстве, в т.ч. терминологического и содержательного характера. В числе их, как уже называлось, нормы об избрании судей Конституционного Суда тайным голосованием, об институте восстановления пропущенного срока при устранении недостатков оформления ходатайств и запросов, уточнении порядка взимания процессуальных штрафов, о запрещении в решениях суда разглашать сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, и др.[39]

В соответствии с этим Законом РСФСР Конституционный Суд обрел право разрешать дела о конституционности законов и правовых актов, не только нормативных федерального уровня, но также актов представительных и исполнительных органов субъектов Федерации, договоров между субъектами. Другая группа полномочий Суда была связана с разрешением дел о конституционности международных договоров РСФСР, а также с дачей заключений о конституционности подписанных международных договоров России до их ратификации или утверждения. Третья группа полномочий позволяла Суду рассматривать дела о конституционности правоприменительной практики. Он мог давать заключения в связи с решением вопроса об отрешении от должности соответствующих федеральных и региональных должностных лиц. Конституционный Суд наделялся полномочиями рассматривать иные дела, предусмотренные законами, если это не противоречило его юридической природе. К его специфическим полномочиям относились: право законодательной инициативы, право ежегодных обращений с посланиями к парламенту и с представлениями к компетентным органам и должностным лицам.

Модель Конституционного Суда РСФСР от 12 июля 1991 г. была сконструирована на основе множества источников, в том числе под влиянием других моделей правовой охраны Конституции. У Комитета конституционного надзора СССР переняты: право собственной инициативы в рассмотрении конституционных вопросов, право законодательной инициативы и представлений другим органам и должностным лицам, формирование органа лишь одним представительным органом. У Верховного Суда США – несменяемость судей. У европейских конституционных судов (Австрия, ФРГ) – многие элементы, касающиеся атрибутивных (классических) полномочий.

Модификация этой модели имела место уже в рассматриваемый период деятельности Конституционного Суда. Она связана с «наращиванием» его полномочий. Особенность этого процесса состояла в том, что подобное происходило при использовании Судом своего права законодательной инициативы, посредством которого Конституция была дополнена ст. 165^{1} о полномочиях данного

[36] См.: Третья сессия Верховного Совета РСФСР. Бюл. № 26 совм. засед. Совета Республики и Совета Национальностей 6 мая 1991 г. С. 12–40.

[37] См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 19, ст. 621, 622.

[38] См.: Закон РСФСР от 24.05.1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22, ст. 776.

[39] См.: постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 12.07.1991 г. «Об утверждении Закона РСФСР “О Конституционном Суде РСФСР”» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30, ст. 1016, 1017.

органа[40]. В результате законодатель, не изменяя текст Закона о Конституционном Суде, наделил его новыми полномочиями: разрешать споры о компетенции; рассматривать вопросы о конституционности политических партий и иных общественных объединений; рассматривать конституционность нормативных актов и договоров не только республик, но и краев, областей, автономных областей и округов; давать заключения о стойкой неспособности должностного лица исполнять обязанности (то, что позже назвали «медицинским импичментом»).

Помимо этого конституционная норма конкретизировала, акты каких федеральных и региональных органов вправе проверять Конституционный Суд. Редакция ст. 165[1] позволяла ее понимать таким образом, что не только нормативные акты соответствующих органов государственной власти могли быть объектом конституционного контроля, но и любой другой акт этих органов. Конституция также допускала возможность наделения Суда новыми полномочиями посредством принятия обыкновенных законов. Не трудно заметить, что во всём этом присутствовал элемент конъюнктуры («подстраивание» Конституционного Суда под конкретные политические задачи) в контексте текущих событий, что противоречило гипотетически задуманному такому элементу российской модели конституционной юстиции, как решение судом только правовых вопросов, подразумевающих отстраненность от участия судей в политическом процессе.

К концу 1992 г. стала очевидной необходимость совершенствования Закона о Конституционном Суде РФ. Это обусловливалось не только трудностями, связанными с наличием конституционно-правовой доктрины, конституционными изменениями и неурегулированностью процедуры рассмотрения некоторых категорий дел, но и отсутствием эффективного механизма исполнения решений Конституционного Суда и ответственности за их игнорирование. В Конституционной комиссии, Верховном Совете РФ вернулись к обсуждению проблем формирования и полномочий данного органа, соотношения его компетенции и судов общей юрисдикции в области нормоконтроля. Критиковалась процедура рассмотрения обыкновений правоприменительной практики (Ю.Х. Калмыков). Предлагалось передать функции конституционной юстиции Верховному Суду (С. Алексеев, А. Собчак). Вызывала вопросы внеюрисдикционная деятельность Конституционного Суда, связанная с политической активностью его Председателя и судей, которые стремились в личном качестве быть арбитрами в разрешении конфликтов между законодательной и исполнительной властью.

В этом контексте в Секретариате Конституционного Суда готовятся поправки в Закон о Конституционном Суде. Его сотрудником Б.А. Страшуном была создана новая редакция названного Закона, соответствующая конституционным изменениям и дополнениям, а также учитывающая потребности практики и опыт конституционного правосудия. Данный проект не был реализован в связи с последующими политическими событиями в стране, а затем принятием Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

3. Конституционный Суд РФ в посткризисный период: новые параметры

Конституционный кризис 1993 г. поставил под угрозу вообще существование Конституционного Суда как организационно-правовой формы специализированного конституционного контроля[41]. Возникла дилемма: Конституционный Суд либо иная «форма осуществления конституционного правосудия» (под последней многими тогда подразумевался Верховный Суд с конституционной в его составе палатой или коллегией).

Конституционное совещание, обсуждавшее этот вопрос, под влиянием его участников, в первую очередь судей Конституционного Суда, поддержало предложенную ими «конституционную формулу» и склонилось к необходимости сохранения этого органа при условии модернизации существенных элементов его модели, направленной на «деполитизацию» конституционного судопроизводства, установление процедур и повышение его эффективности. В пользу сохранения Конституционного Суда в одном из его документов рекомендовалось «при определении в Конституции и в Законе о Конституционном Суде организационных начал и полномочий суда перекрыть каналы, через которые политика проникала в его деятельность. А именно:

— предусмотреть такой порядок назначения судей, который включал участие в этом парламента и исполнительную власть,

— предусмотреть возможность предварительного контроля за конституционностью принятых, но не вступивших в силу законов РФ и указов Президента РФ,

— сократить объем компетенции Суда, исключив из нее:

[40] См.: Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России. М., 1992. С. 74, 75.

[41] Это, в частности, не исключал Указ Президента РФ от 07.10.1993 г. № 1612 «О Конституционном Суде Российской Федерации» (см.: САПП РФ. 1993. № 41, ст. 3921).

а) все формы защиты конституционного строя, не выражающиеся в определении конституционности нормативных актов,

б) рассмотрение конституционности общественных объединений,

в) дачу заключений о состоянии здоровья федеральных должностных лиц субъектов федерации, а также о наличии оснований для их отрешения от должности (сохранив возможность дачи заключений о наличии или отсутствии факта нарушения ими Конституции РФ)»[42].

Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. и Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[43] многие из указанных рекомендаций были реализованы в конкретных юридических нормах с поправками на текущий момент и незначительное заимствование опыта ряда европейский государств. Была осуществлена замена сугубо «парламентского» способа избрания конституционных судей на назначение их Советом Федерации – одной из палат Федерального Собрания по представлению главы государства. Состоялась и смена порядка инициирования предложений о кандидатурах с чисто политического (фракционного) на смешанный (политико-профессиональный): предусматривалось, что они вносятся Президенту РФ членами Совета Федерации и депутатами Государственной Думы, законодательными органами субъектов Российской Федерации, высшими судебными органами и федеральными юридическими ведомствами, всероссийскими юридическими сообществами, юридическими научными и учебными заведениями. Увеличилось до 19 количество судей под предлогом интенсификации и сокращения сроков рассмотрения обращений в Конституционный Суд. Срок полномочий назначенных судей был ограничен 12 годами. Вследствие этого произошла легитимация двух категорий судей по сроку пребывания их в должности: избранных в 1991 г. и назначенных согласно Федеральному конституционному закону о Конституционном Суде. Организация суда переводилась с пленарной на пленарно-палатную структуру: при сохранении главенствующей роли пленарного заседания создавались две палаты с соответствующей компетенцией по рассмотрению обращений в Суд. Устанавливалась периодическая сменяемость руководителей Суда с возможностью их досрочного либо повторного переизбрания самими судьями через каждые три года, их деятельность ставилась под контроль множеством организационных и регламентных норм.

Произведены были также существенные изменения, касающиеся определения конституционно-правового статуса и компетенции Конституционного Суда. Он был лишен формального статусного признака «высшего» суда. Конституция не воспроизводила прежних полномочий, «провоцирующих» политические и внутрисистемные конфликты (проверки конституционности политических партий и общественных объединений, правоприменительной практики и действий должностных лиц и органов). Объём права Конституционного Суда на законодательную инициативу ограничивался лишь вопросами его ведения. В то же время Конституционный Суд наделялся и новыми полномочиями (толкование Конституции РФ, разрешение споров о компетенции, проверка по жалобам и запросам судов конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле). Наметившаяся ещё в конце 1990 г. тенденция регламентации Конституционного Суда законом, отличающимся порядком утверждения, развилась в конституционное положение о том, что его полномочия, порядок образования и деятельность устанавливаются персонифицированным федеральным конституционным законом, принимаемым в усложненной процедуре, по сравнению с обыкновенными законами (ст. 128 Конституции РФ).

В отличие от Закона 1991 г. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде детально регламентировал не только общие правила производства в Конституционном Суде, но и особенности производства отдельных категорий дел, и в этом плане представлял собой развернутую кодификацию процессуальных норм. Ключевой же новеллой в данном отношении явился отказ им от собственной инициативы в конституционном судопроизводстве.

Ряд идей, затрагивающих сущность складывающейся модели Конституционного Суда, в преобразованиях 1993–1994 гг. были отвергнуты по причинам политического и юридического свойства. В частности, не получили поддержки предложения: о разделении полномочий судебного конституционного контроля между проектируемым Высшим судебным присутствием и Конституционным Судом; о паритетном порядке представления к назначению кандидатур судей Конституционного Суда, соответственно, по одной трети состава Суда каждой палатой Федерального Собрания и главой государства, как «конфликтноопасного» способа формирования; об исключении из числа проектируемых конституционных положений нормы о посланиях Конституционного Суда Федеральному

[42] Протокол совещания судей Конституционного Суда РФ 15 октября 1993 г. в 16–18 часов [с прилагаемыми документами] // Архив Конституционного Суда РФ (далее – АКС). 1993. Д. 16. Т. 1. Л. 97–101.

[43] См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

Собранию как конкурирующей с одноименным институтом главы государства; о численном составе Конституционного Суда в количестве 21 судьи и образовании в нем трех и более палат, что объективно позволяло бы осуществить их специализацию, эффективное и быстрое разрешение дел.

Однако и после преобразований организация и деятельность Конституционного Суда оставались незавершенными в отдельных материально-правовых и процессуальных аспектах либо дискуссионными (например, в части непризнания федеральных конституционных законов, а позднее – законов о поправках в Конституцию как объектов конституционного контроля, а юридических лиц – как субъектов обращения с конституционной жалобой; «резервирования» возможности принятия федерального закона о разрешении отдельных процедур рассмотрения дел, допустимого расширения круга субъектов обращения в Конституционный Суд и круга объектов конституционного контроля, исполнения актов Конституционного Суда, его взаимоотношений с конституционными судами субъектов Российской Федерации и др.). Решение названных проблем осуществлялось последующей практикой «второго» Конституционного Суда. Доурегулирование в этой части уже производилось на основе толкования им конституционно-правовых положений как допустимое восполнение пробелов в конституционном судопроизводстве[44].

Некоторые из отвергнутых и спорных идей, затрагивающих образ Конституционного Суда РФ, в последующем были приняты на вооружение в результате состоявшихся законодательных изменений в 2001–2018 гг. и конституционной реформой 2020 года.

4. Законодательная модернизация Конституционного Суда РФ (2001–2018)

Изменение различных параметров Конституционного Суда РФ начинается с 2001 г. Причем в период до 2018 г. это происходило путем принятия законов, обновляющих и дополняющих Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде[45], при сохранении в неизменном состоянии положений Конституции РФ о Конституционном Суде. К особенностям данного процесса можно отнести и то, что имела место ситуативная корректировка законоположений без видимой концептуальной основы, но чаще всего «вымывались» или уточнялись те нормы, которые были включены в Закон о Конституционном Суде 1994 г.

Численный состав Конституционного Суда

Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. устанавливала: Конституционный Суд состоит из 19 судей (ч. 1 ст. 125). Положениями Федерального конституционного закона о Конституционном Суде (до их изменения в 2014 г.) указанная численность судей определялась как полный и необходимый состав Суда (ч. 2 ст. 4, ч. 4. ст. 18, ч. 5 ст. 23, ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 72, п. 2, 3 «Переходных положений»), что предопределяло порядок его наполнения новыми судьями. В частности, Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде устанавливал: в случае выбытия судьи из состава Конституционного Суда представление о назначении другого лица на вакантное место судьи вносится Президентом РФ в Совет Федерации не позднее месяца со дня открытия вакансии (ч. 4 ст. 9). Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ названные положения Федерального конституционного закона о Конституционном Суде были изменены. Он устанавливал:

Конституционный Суд правомочен осуществлять свою деятельность при наличии двух третей (ранее было – не менее трех четвертей) от общего числа судей (ч. 2 ст. 4);

если в случае выбытия судьи из состава Конституционного Суда число судей окажется менее двух третей от общего числа судей, представление о назначении другого лица на вакантное место судьи вносится Президентом РФ в Совет Федерации не позднее месяца со дня открытия вакансии (ч. 4 ст. 9).

Из приведенных положений следует, что они фактически (в скрытой форме) были нацелены на сокращение общей численности состава судей Конституционного Суда, установленной Конституцией РФ, на одну треть. Такое регулирование, на наш взгляд, расходилось с требованием Конституции РФ о составе Конституционного Суда из 19 судей (ч. 1 ст. 125), которое Федеральным конституционным законом о Конституционном Суде в его первичной редакции на протяжении 20 лет

---

[44] См.: *Митюков М.А.* Конституция Российской Федерации 1993 г. и модернизация полномочий Конституционного Суда Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов. СПб., 2005. Вып. 1 (12). С. 90–96.

[45] Всего таких законов по состоянию на 2018 год было принято 16, в т.ч.: от 08.02.2001 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2001. № 7, ст. 607; от 15.12.2001 г. № 4-ФКЗ // СЗ РФ. 2001. № 51, ст. 48–24; от 07.06.2001 г. № 3-ФКЗ // СЗ РФ. 2004. № 24, ст. 23–34; от 05.04.2005 г. № 5-ФКЗ // СЗ РФ. 2005. № 15, ст. 1273; от 05.02.2007 г. № 2-ФКЗ // СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 829; от 02.06.2009 г. № 2-ФКЗ // СЗ РФ. 2009. № 23, ст. 2754; от 03.11.2010 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2010. № 45, ст. 5742; от 28.12.2010 г. № 8-ФКЗ // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 1; от 25.12.2012 г. № 5-ФКЗ // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7572; от 05.04.2013 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1637; от 12.03.2014 г. № 5-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 11, ст. 1088; от 04.06.2014 г. № 9-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 23, ст. 2922; от 08.06.2015 г. № 5-ФКЗ // СЗ РФ. 2015. № 24, ст. 3362; от 14.12.2015 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. I), ст. 7229; от 28.12.2016 г. № 11-ФКЗ // СЗ РФ. 2017. № 1 (ч. I), ст. 2; от 29.04.2018 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2018. № 31, ст. 4811.

однозначно признавалось как обязательное, связанное с необходимостью поддержания именно данного состава с целью обеспечения нормального функционирования Суда.

В конструкции 2014 г. Президент РФ должен был обеспечивать наполняемость Конституционного Суда новыми судьями только с момента, когда их число окажется менее двух третей, но он не был лишен возможности это делать и в иных случаях в целях сохранения полноты состава Суда, определенного Конституцией РФ. Однако, несмотря на то что к 2020 г. состав Конституционного Суда сократился до 15 судей, Президент РФ так и не предложил новые кандидатуры для заполнения вакансий. То есть установленная норма по наполнению Конституционного Суда новыми судьями по умолчанию была истолкована им не как дозволение для экстраординарной ситуации, а как возможность не представлять их в течение неограниченного срока до критического предела численного состава судей. Эта президентская интерпретация ни кем под сомнение не ставилась[46].

Судьи Конституционного Суда

Применительно к судьям первые изменения касались срока их полномочий. В начальной редакции Федерального конституционного закона о Конституционном Суде судья, как отмечалось выше, назначался на должность на срок 12 лет при предельном возрасте пребывания в должности 70 лет. При этом предполагалось, что названные ограничения распространяются только на судей, назначенных на основе Конституции РФ и Федерального конституционного закона о Конституционном Суде 1994 г.; ранее же назначенные судьи, срок полномочий которых не был ограничен, должны были оставаться в должности до 65 лет[47]. В последующем срок полномочий судьи удлинялся до 15 лет (Федеральный конституционный закон от 08.02.2001 г. № 1-ФКЗ), а позднее было установлено, что его полномочия не ограничены определенным сроком, но с сохранением предельного возраста пребывания в должности 70 лет; причем данное положение распространялось на всех действующих судей Конституционного Суда (Федеральный конституционный закон от 05.04.2005 г. № 2-ФКЗ). Такой подход мотивировался стремлением обеспечить выравнивание их правового статуса (см. паспорт проекта Закона № 115938-4).

Заметно трансформировалось регулирование отношений, связанных с неприкосновенностью судей Конституционного Суда РФ. Первоначально она обеспечивалась исключительно Федеральным конституционным законом о Конституционном Суде и под контролем Конституционного Суда примерно на уровне неприкосновенности членов (ныне – сенаторов) Совета Федерации и депутатов Государственной Думы (ст. 98 Конституции РФ). После изменений, внесенных в указанный Закон Федеральным конституционным законом от 15 декабря 2001 г. № 4-ФКЗ, Конституционный Суд в полном объеме решает только вопросы дисциплинарной ответственности судей, а в остальных случаях, согласно уже Закону РФ «О статусе судей в Российской Федерации» (ст. 16)[48], он либо соучаствует в процедурах (дает согласие о возбуждении уголовного дела в отношении судьи и при использовании к нему как меры пресечения заключения под стражу), либо его участие в них не предусмотрено (при решении вопросов привлечения судьи к административной ответственности и осуществления по отношению к нему оперативно-розыскных мероприятий).

Была скорректирована и процедура прекращения полномочий судьи Конституционного Суда. В начальной редакции Федерального конституционного закона о Конституционном Суде (ст. 18) этот вопрос преимущественно находился в компетенции Конституционного Суда РФ: он принимал соответствующее решение и направлял его Президенту РФ и в Совет Федерации, что рассматривалось как официальное уведомление об открытии вакансии. Только в двух случаях – при нарушении порядка назначения судьи на должность и при совершении им поступка, порочащего честь и достоинство судьи, – Совет Федерации принимал решение о прекращении полномочий судьи по представлению Конституционного Суда, причем во втором случае представление принималось большинством, не менее двух третей от общего числа судей. Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ года данные отношения были уточнены: Совет Федерации получил возможность прекращать полномочия судьи по представлению Конституционного Суда не только по выше названным основаниям, но и в случае продолжения судьей, несмотря на предупреждение со стороны Конституционного Суда, занятий или совершения действий, не совместимых с его должностью, а также неучастия судьи в заседаниях Конституционного Суда или уклонения его от голосования свыше двух раз подряд без уважительных причин.

В рассматриваемый период начинается модификация института особого мнения конституционного судьи. Изначально данное мнение

[46] См.: *Сорокин М.Ю.* В поисках «политического» конституционализма в России (роль несудебной интерпретации Основного Закона) // Закон. 2020. № 1. С. 117.

[47] См.: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. М., 1996. С. 340.

[48] См.: Ведомости ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

публиковалось вместе с решением Конституционного Суда в официальных изданиях. Однако после внесения в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде изменений (Федеральный конституционный закон от 15.12.2001 г. № 4-ФКЗ) публикация особого мнения допускалась только в журнале «Вестник Конституционного Суда РФ» (ч. 1 ст. 76). Подобное вполне справедливо оценивалось как сигнал федерального законодателя, адресованный к «диссиденствующим» судьям, свидетельство того, что особое мнение воспринимается скорее как зло, чем благо[49].

Руководство Конституционного Суда

Изменения Федерального конституционного закона о Конституционном Суде в данном отношении были осуществлены Федеральными конституционными законами от 2 июня 2009 г. № 2-ФКЗ, от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ и от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ. Изначально статус руководителей Конституционного Суда определялся, исходя из идеи коллегиальности, равенства прав судей и независимости Конституционного Суда[50]. На данной основе Председатель, его заместитель (с 2009 г. их стало два) и судья-секретарь (должность упразднена в 2009 г.) избирались самими судьями из своего состава на три года с возможностью быть избранными на новый срок. При этом устанавливалась процедура досрочного освобождения от должности указанных лиц по инициативе не менее пяти судей Конституционного Суда, считающих, что Председатель, заместитель Председателя или судья-секретарь Суда недобросовестно исполняет свои обязанности или злоупотребляет своими правами. Данный вопрос решался большинством, не менее двух третей от общего числа судей Конституционного Суда тайным голосованием.

После внесения изменений в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде вышеупомянутыми Законами Председатель Конституционного Суда и его заместитель (с 2020 г. у Председателя один заместитель) назначаются на должность Советом Федерации по представлению Президента РФ сроком на шесть лет из числа судей Конституционного Суда с возможностью быть назначенными на должность на новый срок (ст. 23). На Председателя не распространяются положения Закона о предельном возрасте пребывания в должности судьи, а предельный возраст заместителя Председателя Конституционного Суда – 76 лет (ст. 12). Участие судей в данных процедурах не предусмотрено. Полномочия Председателя и его заместителя могут быть досрочно прекращены Советом Федерации по представлению Президента РФ, если решением Конституционного Суда, принятым большинством не менее двух третей голосов от числа действующих судей Конституционного Суда тайным голосованием, будет признано, что они не исполняют должностные обязанности или исполняют их ненадлежащим образом (ст. 23).

Изменения статуса Председателя Конституционного Суда РФ и его заместителя объяснялись необходимостью оптимизировать процедуру наделения их полномочиями, унифицировать порядок назначения должностных лиц высших судов страны. Однако такой подход создал предпосылки для политизации руководства Конституционного Суда, возвышения его по отношению к судьям и снижения уровня самостоятельности и независимости Конституционного Суда РФ.

Организационно-правовые формы деятельности Конституционного Суда

Изменения в данном отношении были связаны, прежде всего, с упразднением палат Конституционного Суда РФ. Оно было осуществлено Федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ. Нововведение обосновывалось тем, что это точнее соответствует конституционным требованиям о численности Конституционного Суда (Г.В. Минх), а принятие решения одним составом определялось как условие, минимизирующее вероятность возникновения коллизий между ними (В.Н. Плигин). Однако подобное пояснение не очень убедительно с учетом, что «двухпалатность» не подрывала статус Конституционного Суда как единого органа конституционного правосудия[51], но обеспечивала децентрализацию и оперативность его деятельности, не приводила к правовым коллизиям решений между палатами, которые могли устраняться пленумом Суда.

Упразднение палат сопровождалось легализацией новой формы деятельности Конституционного Суда – разрешения дел без проведения слушания. Соответствующее установление было введено в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде (ст. 47^1) также Федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ. Им признавалось, что Конституционный Суд РФ может рассматривать дела в данной процедуре с вынесением постановления, если:

придет к выводу о том, что оспариваемые заявителем положения нормативного правового акта аналогичны нормам, ранее признанным не

[49] См.: *Гаджиев Г.А.* Публикация особого мнения судьи, или история нормы, которая является камертоном судебной реформы в России// Кодекс. Правовой науч.-практ. журнал. 2003. Ноябрь-декабрь. С. 4, 7.

[50] См.: *Тиунов О.И.* Новый закон о Конституционном Суде Российской Федерации // Росс. юрид. журнал. 1995. № 1 (5). С. 25.

[51] См.: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. С. 99.

соответствующими Конституции РФ постановлением Конституционного Суда, сохраняющим свою силу;

оспариваемая заявителем норма, ранее признанная неконституционной постановлением Конституционного Суда, сохраняющим свою силу, применена судом в конкретном деле, а подтверждение Конституционным Судом неконституционности нормы необходимо для устранения фактов нарушений конституционных прав и свобод граждан в правоприменительной практике.

Разрешение дел без проведения слушания исключалось в ситуации, когда предметом проверки (в порядке абстрактного нормоконтроля) являлись федеральные законы и конституции (уставы) субъектов Российской Федерации, а также если:

1) ходатайство с возражением против применения такой процедуры подано Президентом РФ, Советом Федерации, Государственной Думой, Правительством РФ или органом государственной власти субъекта Российской Федерации в случае, когда предполагается разбирательство дела о соответствии Конституции РФ принятого соответствующим органом нормативного правового акта;

2) ходатайство подано заявителем в случае, когда проведение слушаний необходимо для обеспечения его прав.

В последующем названные положения Федерального конституционного закона о Конституционном Суде были скорректированы Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ. В частности, данная процедура исключалась для проверки аннулированных норм, но признавалась допустимой (также с учетом поправки, внесенной в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ):

по отношению ко всем нормативным правовым актам, указанным в п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде;

при осуществлении проверки Конституционным Судом нормативных правовых актов как в порядке абстрактного нормоконтроля, так и конкретного нормоконтроля – по жалобам граждан и запросам судов, а также при возникновении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;

при условии, если Конституционный Суд придет к выводу о том, что, во-первых, вопрос о конституционности нормативного правового акта может быть разрешен на основании содержащихся в ранее принятых постановлениях Конституционного Суда правовых позиций и, во-вторых, проведение слушания не является необходимым для обеспечения прав стороны.

В качестве гарантий прав участников конституционного судопроизводства устанавливалось, что ходатайство с возражением против применения процедуры разрешения дела без проведения слушания может подать орган государственной власти в случае, когда предполагается разбирательство дела о соответствии Конституции РФ принятого соответствующим органом государственной власти нормативного правового акта, или заявитель.

Оценивая данную процессуальную форму рассмотрения дел, отметим, что она:

согласуется с особенностями конституционного судопроизводства, где доминирует анализ правовых норм и, соответственно, Конституционный Суд, по определению К.В. Арановского, может выполнить добросовестное исследование в уединении и даже нуждается в нем отчасти[52];

легализовала сложившуюся практику Конституционного Суда по вынесению определений «с позитивным содержанием» без слушания дела путем распространения им правовых позиций, получивших отражение в ранее принятых постановлениях Конституционного Суда, на аналогичные конституционно-правовые ситуации;

сближала конституционное судопроизводство, осуществляемое Конституционным Судом, с практикой зарубежных конституционных судов, во многих из которых письменное судопроизводство имеет давнюю традицию[53].

Полномочия Конституционного Суда

Федеральный законодатель модифицировал конституционные полномочия Конституционного Суда. Это имело место прежде всего по отношению к *жалобам граждан*. Конституция РФ (ч. 4 ст. 125) определяла, что Конституционный Суд по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном законом. С некоторыми уточнениями данную формулу воспроизводил Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде (п. 3 ч. 1 ст. 3, ст. 96, 97), согласно которому признавалось, что правом на обращение в Конституционный Суд РФ с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод

[52] См.: *Арановский К.В.* О письменном производстве в конституционной юстиции России // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2 (20). С. 23.

[53] См.: *Митюков М.А., Станских С.Н.* Письменное разбирательство в конституционном судопроизводстве: Россия и опыт зарубежных стран // Государство и право. 2005. № 10. С. 9–12.

обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе. При этом жалоба считалась допустимой, если: 1) закон затрагивает конституционные права и свободы граждан; 2) закон применен или подлежит применению в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде или ином органе, применяющем закон.

Впервые указанные положения были изменены Федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ. В соответствии с ним Суд получил полномочие по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверять конституционность закона, примененного в конкретном деле, при условии, что его рассмотрение завершено в суде. Такой подход обосновывался расширением принципа субсидиарности, основное содержание которого составляет требование об исчерпании возможностей по защите прав человека одними судами до того, как дело может быть рассмотрено Конституционным Судом[54].

Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ положения Федерального конституционного закона о Конституционном Суде в части допустимости жалобы вновь были уточнены: Конституционный Суд обрел возможность рассматривать жалобы на нарушение законом конституционных прав и свобод, если, в частности, «закон применен в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, при этом жалоба должна быть подана в срок не позднее одного года после рассмотрения дела в суде» (п. 2 ст. 97). Иными словами, в российском конституционном судопроизводстве, как и в некоторых других странах (ФРГ, Австрия, Королевство Испания), появился срок подачи жалобы, что в целом имеет положительное значение для публичных правоотношений.

Состоялась модификация и некоторых других полномочий Конституционного Суда:

по рассмотрению дел о конституционности законов по запросам судов (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, п. 3^1 ч. 1 ст. 3, ст. 101, 102 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде). Они в соответствии с Федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ получили возможность направлять запросы в Конституционный Суд только относительно проверки закона, подлежащего применению судом в конкретном деле (но не примененного закона, как допускала Конституция РФ). Согласно Федеральному конституционному закону от 4 июля 2014 г. № 9-ФКЗ суды также были наделены специальным полномочием, позволяющим им инициировать проверку закона в ситуации его применения в связи с исполнением решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;

о даче толкования Конституции РФ (ч. 5 ст. 125 Конституции РФ, ст. 104, 105 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде). Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ дополнительно к конституционным положениям было закреплено исключительное право Президента РФ и Правительства РФ в ситуации, связанной с исполнением решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, обращаться в Конституционный Суд с запросом о толковании Конституции РФ. Это привело к тому, что наряду с классическим абстрактным толкованием Конституции РФ появилось специальное (или конкретное) её толкование, осуществляемое Конституционным Судом.

Федеральный законодатель не только модифицировал конституционные полномочия Конституционного Суда РФ, но и дополнительно к ним устанавливал законами новые его полномочия. К таковым относится *полномочие Конституционного Суда РФ в специальной процедуре рассматривать дела о возможности исполнения Российской Федерацией решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человек*. В таком виде оно было первоначально установлено Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ, внесшим соответствующие изменения в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде (п. 3^2 ч. 1 ст. 3, ст. 104^1–104^4). При его принятии законодатель следовал правовым позициям Конституционного Суда, который в своем Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П[55] признал: постановления Европейского Суда по правам человека должны исполняться с учетом верховенства Конституции РФ, которое, в свою очередь, может быть обеспечено исключительно Конституционным Судом РФ, в т.ч. в процедуре рассмотрения специального запроса государственных органов, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является.

Данное полномочие Конституционного Суда РФ неоднозначно было воспринято научным сообществом[56] и достаточно критично оценивалось

[54] См.: *Гаджиев Г.А.* Вступительная статья // Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2012. С. 12, 13.

[55] См.: СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4658.

[56] Анализ позиций и оценок по данному вопросу см: *Кряжков В.А.* Конституционный Суд РФ как участник процесса исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Государство и право. 2017. № 5. С. 25–27.

Венецианской комиссией[57]. По состоянию на 2020 г. Конституционный Суд РФ по запросу Министерства юстиции РФ вынес два постановления о возможности исполнения Российской Федерацией решений Европейского Суда по правам человека: по делу Анчугова и Гладкова об избирательных правах осужденных (Постановление от 19 апреля 2016 г. № 12-П[58]) и по делу ЮКОСа о выплате бывшим акционерам этой компании компенсации в размере 1.8 млрд евро (Постановление от 19 января 2017 г. № 1-П[59]).

В рассматриваемый период Конституционный Суд РФ обрел также полномочия:

на основе Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» *проверять конституционность международного договора, в соответствии с которым иностранное государство или его часть входит в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта Российской Федерации* (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 8)[60]. Данное полномочие Конституционного Суда в доктрине трактовалось как самостоятельное, отличающееся от его полномочия по проверке международных договоров (п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ)[61];

проверять конституционность вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом, регулирующим проведение референдума Российской Федерации. Первоначально названное полномочие закреплялось в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации» (ч. 17 ст. 15, ч. 1, 1^1, 2 ст. 23)[62], а с 2014 г. и в Федеральном конституционном законе о Конституционном Суде (п. 5^1 ч. 1 ст. 3).

Расширение типов итоговых решений Конституционного Суда

Конституция РФ (ч. 6 ст. 125) изначально определяла: акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции РФ международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. На этой основе Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде (ст. 79, 87, 91, 100) закреплял, что Конституционный Суд РФ вправе принимать решение о признании проверяемого правового акта соответствующим либо не соответствующим Конституции РФ. Федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ в ст. 79 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде было внесено дополнение (ч. 5), которым придавалось обязательное юридическое значение позиции Конституционного Суда РФ относительно того, соответствует ли Конституции РФ смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, выраженной в постановлении Конституционного Суда РФ; данная позиция подлежала учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего его постановления. Этим легализовывалась устойчивая практика Конституционного Суда РФ по вынесению постановлений с выявлением конституционно-правового смысла оспариваемой нормы.

Федеральным конституционным законом от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ вновь были внесены изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде (ст. 79, 87, 100), касающиеся типов итогового решения Конституционного Суда РФ: им непосредственно выделяется постановление о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом истолковании. Такое истолкование признается общеобязательным. Исключается любое иное истолкование при применении указанных актов или их отдельных положений. При этом признаётся, что последствия подобных постановлений аналогичны тем, какие установлены для случаев признания нормативного акта или договора либо их отдельных положений не соответствующими Конституции РФ.

5. Конституционный Суд РФ после конституционной реформы 2020 года

Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[63] внес существенные изменения в Конституцию РФ, затрагивающие почти все элементы статуса Конституционного Суда РФ. Эти изменения в расширительном ключе получили конкретизацию в Федеральном конституционном законе от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный

[57] См.: URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2016)005-e (дата обращения: 29.12.2016).

[58] См.: СЗ РФ. 2016. № 17, ст. 2480.

[59] См.: СЗ РФ. 2017. № 5, ст. 866.

[60] См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4916.

[61] См.: *Брежнев О.В.* Особенности судебного конституционного контроля при принятии в состав России нового субъекта Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 18–21.

[62] См.: СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2710.

[63] См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"»[64], которым было уточнено и дополнено 83 статьи (или 70% от их числа) ранее действующего Федерального конституционного закона о Конституционном Суде, а также добавлено в указанный Закон три новых главы об особенностях производства по отдельным категориям дел[65]. Рассмотрим наиболее важные из состоявшихся новелл.

Общие моменты

В результате конституционной реформы Конституционный Суд стал монопольным органом конституционного контроля в Российской Федерации. Это произошло в связи с упразднением конституционных (уставных) судов Федеральным конституционным законом от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ (ст. 2)[66], что было сделано ввиду невключения по ходу конституционной реформы указанных судов в судебную систему Российской Федерации (ч. 3 ст. 118 Конституции РФ). Такое положение ослабило в целом конституционную юстицию и, как ни парадоксально, на наш взгляд, сделала слабее и уязвимее Конституционный Суд РФ в системе публичной власти.

Вместе с тем Конституционный Суд был объявлен «высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 125 Конституции РФ). Приведенное определение воспроизводит его характеристику в Конституции (Основном Законе) РСФСР – РФ (в ред. от 24.05.1991 г. и от 21.04.1992 г.). Оно, если судить по прошлому опыту, представляет собой «фасадный» элемент улучшения статуса Конституционного Суда, не имеющий для него и конституционного правосудия в целом практического значения, поскольку он обретает качество высшего конституционного и судебного органа не по формальному признанию, а по факту своего положения в механизме конституционного контроля в государстве.

Следует отметить и изменение подхода к регулированию полномочий Конституционного Суда: Закон о поправке к Конституции РФ 2020 г. дополнил ст. 125 Конституции РФ положением о том, что кроме перечисленных в ней полномочий, «Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет иные полномочия, установленные федеральным конституционным законом» (ч. 8). Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ, внося изменения в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде в соответствии с конституционной поправкой, воспроизводит эту нормы с некоторыми уточнениями:

Конституционный Суд РФ кроме приведенных в ст. 3 указанного Закона полномочий осуществляет иные полномочия, предоставленные ему Конституцией РФ и федеральными конституционными законами (п. 7 ч. первой ст. 3), т.е. подразумевается, что полномочия Конституционного Суда могут устанавливаться не только Федеральным конституционным законом о Конституционном Суде, но и другими федеральными конституционными законами;

из п. 7 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде изъято положение о возможности предоставления Конституционному Суду РФ полномочий Федеративным договором и договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, заключаемыми в порядке ч. 3 ст. 11 Конституции РФ.

Развитие положений, касающихся организации и деятельности Конституционного Суда

Конституционная реформа продолжила начатые преобразования Конституционного Суда РФ. Закон о поправке к Конституции РФ 2020 года: сократил количество судей Конституционного Суда с 19 до 11 (ч. 1 ст. 125 Конституции РФ)[67]. При этом Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ, внося изменения в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде, установил: Конституционный Суд РФ правомочен функционировать при наличии не менее восьми судей (ч. 2 ст. 4); Президент РФ должен в течение месяца инициировать заполнение вакантной должности, только если судей станет меньше восьми (ч. 4 ст. 9); Суд правомочен принимать решения, если в заседании участвуют шесть судей (ч. 2 ст. 30);

упростил механизм досрочного прекращения полномочий судей Конституционного Суда: теперь по представлению Президента РФ, а не Конституционного Суда и без какого-либо его участия вообще Совет Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом прекращает полномочия конституционных судей, включая Председателя Конституционного Суда РФ и его

[64] См.: СЗ РФ. 2020. № 46, ст. 7196.

[65] См.: *Кряжкова О.* Как изменится Конституционный Суд. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-izmenitsya-konstitutsionnyy-sud/

[66] См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I), ст. 8029.

[67] По данному показателю Конституционный Суд РФ будет уступать конституционным судам Украины (18 судей), ФРГ (16 судей), Чехии, Италии и Польши (в их суды входит по 15 членов), Португалии (13 судей), Австрии, Болгарии, Королевства Испания (суды состоят из 12 членов) (см.: Венецианская комиссия о конституциях, конституционных поправках и конституционном правосудии: сб. аналитических материалов Венецианской комиссии Совета Европы / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2016. С. 227–251).

заместителя, в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий (п. «е.3» ст. 83, п. «л» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ)[68]. Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ, конкретизируя это положение, расширяет возможности Президента РФ по собственной инициативе вносить представления о досрочном прекращении полномочий судей в Совет Федерации по семи основаниям (п. 1–7 ч. 1, ч. 3, 5, 6 ст. 18 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде);

закрепил в Конституции РФ порядок назначения на должность Председателя Конституционного Суда РФ и его заместителя (п. «е» ст. 83, п. «ж» ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 128), ранее установленный Федеральным конституционным законом о Конституционном Суде. Он был скорректирован Федеральным конституционным законом от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ, который позволяет Президенту РФ предлагать на указанные должности не только кандидатуры из числа судей Конституционного Суда РФ, но и иных лиц, которые будут обретать соответствующие полномочия одновременно с назначением их судьей (ч. 1 ст. 23 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде);

завершил начатый процесс легитимации постановлений Конституционного Суда РФ, придающих проверяемому нормативному правовому акту или его отдельному положению конституционно-правовой смысл, определив на уровне Конституции РФ: акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данном Конституционным Судом РФ, не подлежат применению в ином истолковании (ч. 6 ст. 125). Здесь можно констатировать достаточно высокий удельный вес таких постановлений: с 2016 по 2020 г. их было принято 119, или 58% от их общего числа за указанный период[69];

лишил Конституционный Суд РФ возможности направлять Федеральному Собранию послание, исключив соответствующее положение из ч. 3 ст. 100 Конституции РФ. До некоторой степени это было логично с учетом, что после возобновления своей деятельности в 1995 г. Конституционный Суд РФ не использовал данную форму взаимодействия с Федеральным Собранием и признавал приемлемым ограничиться выпуском документов, именуемых Информацией, по наиболее актуальным аспектам конституционной законности[70]. Вместе с тем утрата Конституционным Судом прерогатив на послание Федеральному Собранию реально понижает конституционный статус и политический вес Конституционного Суда РФ в системе публичной власти, лишает его канала дополнительной актуализации своих решений и правовых позиций.

Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ, изменяя в Федеральном конституционном законе о Конституционном Суде, также:

ввёл дополнительные ограничения прав судей Конституционного Суда. Им отныне запрещено обнародовать особые мнения или ссылаться на них[71]; открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации; критиковать в какой бы то ни было форме решения Конституционного Суда РФ; обнародовать свое несогласие с решением по вопросу принятия обращения к рассмотрению и по результатам голосования в ходе совещания судей по принятию итогового решения Конституционного Суда РФ (ст. 11, 43, 70, 76 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде);

признал – допустимость использования процедуры разрешения дел без проведения слушания применительно к делам о проверке конституционности проектов законов и неподписанных или необнародованных законов, а также при разрешении вопроса о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию; допустимость обращаться к этой процедуре не только в ситуации, когда имеются соответствующие правовые позиции в ранее вынесенных постановлениях Конституционного Суда РФ, но и тогда, когда с учетом характера поставленного вопроса и обстоятельств дела отсутствует явная необходимость в устном представлении позиции заявителя и другой стороны

[68] На неопределенность и порочность подобного способа прекращения полномочий конституционных судей обращает внимание М.И. Клеандров (см.: *Клеандров М.И.* Конституционные изменения 2020 г. и механизмы правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 15, 16).

[69] См.: *Кряжкова О.* Итоги работы российского Конституционного Суда в 2020 году: от конституционной реформы до пандемии. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HHbUufiARwc

[70] См.: Интервью с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации Валерием Дмитриевичем Зорькиным // Юрист. 2018. № 12. С. 8.

[71] О значении особых мнений конституционных судей и необходимости отмены запрета на их публикацию см.: *Кряжкова О.Н.* Три причины отменить запрет на публикацию особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный вестник. 2021. № 6 (24). С. 128–139.

при ее наличии; невозможность возражений участников конституционного судопроизводства против применения процедуры разрешения дела без проведения слушания (ст. 47[1] Федерального конституционного закона о Конституционном Суде). На текущий момент рассмотрение дел без проведения слушаний в Конституционном Суде становится доминирующей формой: с её использованием с 2011 по 2020 г. он принял 224 постановления (или 61% от их общего числа за указанный период) и только 144 (или 39%) – с проведением слушаний[72]. Эта тенденция, имеющая предпосылки к расширению, способна привести к умалению прав участников конституционного судопроизводства и закрытости деятельности Конституционного Суда РФ вопреки установленным принципам гласности и устности конституционного судопроизводства;

закрепил новое понимание экспертиз в конституционном судопроизводстве. Согласно Федеральному конституционному закону о Конституционном Суде (ст. 63) в заседание Конституционного Суда РФ в качестве эксперта может быть вызвано лицо, обладающее специальными познаниями по вопросам, касающимся рассматриваемого дела, но непосредственно не относящимся к сфере российского права. Подобное означает отказ от прежней практики привлечения Конституционным Судом РФ специалистов по вопросам различных отраслей права. Трудно понять логику дистанцирования от юридического сообщества[73], особенно в контексте сокращения численного состава судей Конституционного Суда РФ и, как следствие, сужения их представительства по правовым специальностям;

изъял из Федерального конституционного закона о Конституционном Суде (ст. 41, 42, 47) положения о процессуальных сроках рассмотрения дела в Конституционном Суде РФ в ситуациях, связанных с предварительным изучением обращения судьями, принятием его к рассмотрению и назначением дела к слушанию. Безграничное усмотрение Конституционного Суда РФ по совершению ключевых процессуальных действий, на наш взгляд, понижает его ответственность по рассмотрению обращений и в первую очередь их доминирующей категории – конституционных жалоб, что в конечном счете не может не сказываться на своевременной и эффективной защите прав и свобод граждан.

Изменения полномочий Конституционного Суда

Изменения вновь коснулись конституционной жалобы. Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 2020 г. определил: Конституционный Суд РФ проверяет «по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан – конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах “а” и “б” настоящей статьи, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты» (п. «а» ч. 4 ст. 125 Конституции РФ). Такое регулирование, согласно Заключению Конституционного Суда от 16 марта 2020 г. № 1-З[74], обеспечит эффективность обжалования в рамках согласованного функционирования всех судов. Поэтому Конституционный Суд РФ приходит к выводу: «требование об исчерпании иных предусмотренных законом способов судебной защиты в качестве условия допустимости жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации не вступает в противоречие с правом граждан на судебную защиту (статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации) и, более того, будет способствовать его реализации».

Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ, внося соответствующие изменения в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде по конституционной жалобе (п. 3 ч. 1 ст. 3, ст. 96, 97),

уточнил круг субъектов, имеющих право направлять жалобы в Конституционный Суд РФ, к коим, кроме граждан, отнес юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления, а также – в интересах таких граждан и юридических лиц (при их письменном согласии) – уполномоченных по правам, предусмотренных федеральными законами, иные органы и должностные лица в соответствии с федеральным законом, общероссийские организации, которые в соответствии с федеральным законом могут представлять интересы таких граждан и юридических лиц;

раскрыл понимание того, что означает исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты прав, связав это с использованием заявителем кассационной и / или надзорной инстанций, а также с позицией Конституционного Суда РФ по данному вопросу и имеющимся официальным толкованием относительно оспариваемого нормативного акта.

Т. Г. Морщакова, системно анализируя рассматриваемое нововведение, констатирует, что уровень защиты прав граждан при таком регулировании понижается, поскольку они получают

[72] См.: *Кряжкова О.* Итоги работы российского Конституционного Суда в 2020 году: от конституционной реформы до пандемии.

[73] Подобное же дистанцирование просматривается и в изъятии в январе 2021 г. из Регламента Конституционного Суда РФ положений о «друзьях суда» – научных организациях и гражданах, в инициативном порядке представляющих Конституционному Суду РФ свои научные заключения по делу, рассматриваемому Судом.

[74] См.: СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

возможность направить жалобу в Конституционный Суд РФ, пройдя в течение длительного времени апелляционную, две кассационные и надзорную инстанции, причем в ситуации уже исполняемого решения. Следствием этого, прогнозирует она, станет то, что право конкретного гражданина не будет восстановлено – даже если Конституционный Суд РФ признает в конце концов его конституционные права нарушенными[75].

Отметим, новации, связанные с конституционной жалобой, пока ведут к их сокращению: если в 2010 г. общее количество жалоб в Конституционном Суде РФ было 18 178, то в 2020 г. их стало 12 838, т.е. на одну треть меньше[76].

Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. модифицировал также ранее установленное Федеральным конституционным законом о Конституционном Суде полномочие Конституционного Суда РФ о возможности исполнения Российской Федерацией решения межгосударственного органа о защите прав и свобод человека. В Конституции РФ закреплено положение о том, что Конституционный Суд РФ «разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации» (п. «б» ч. 5^1 ст. 125).

Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ названное полномочие Конституционного Суда РФ, установленное Конституцией РФ как его единое полномочие, разделяет на два полномочия: по разрешению вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ (п. 3^2 ч. 1 ст. 3), и по разрешению вопроса о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации (п. 3^3 ч. 1 ст. 3). Применительно к каждому случаю устанавливается своя процедура рассмотрения дел (гл. XIII.1 и XIII.2 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде), которые могут быть инициированы по запросам Президента РФ, Правительства РФ, Верховного Суда РФ и с 1 июля 2021 г. – Генеральной прокуратурой РФ[77].

В целом характеризуя данное правовое регулирование, отметим следующее:

посредством его Конституционный Суд РФ потенциально становится еще более активным участником международных отношений, но при этом принимаемые им решения обладают обязательной юридической силой только на территории Российской Федерации и не способны в принципе отменить решения международных судов и арбитражей (они будут исполняться за пределами Российской Федерации);

на его основе создаются предпосылки для выборочного исполнения решений межгосударственных органов, международных судов и арбитражей, что свидетельствует о движении Российской Федерации в сторону отказа от примата международного права, установленного ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ, перехода от абсолютного приоритета норм международного права к приоритету условному[78].

Законом о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. Конституционный Суд РФ был наделен новыми полномочиями:

по запросу Президента РФ проверять конституционность проектов законов о поправке к Конституции РФ, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также принятых в порядке, предусмотренном ч. 2 и 3 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 Конституции РФ, законов до их подписания Президентом РФ (п. «а» ч. 5 ст. 125 Конституции РФ);

по запросу Президента РФ проверять конституционность законов субъектов Российской Федерации до их обнародования высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) (п. «в» ч. 5^1 ст. 125 Конституции РФ).

---

[75] См.: *Морщакова Т.Г.* Комментарий к Заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года. URL: https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zacklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/

[76] См.: URL: http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/NewReference.aspx

[77] См.: Федеральный закон от 17.01.1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» (ч. 4 ст. 39^1) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде (п. 3^2, 3^3 ч. 1 ст. 3, ст. 104^1, 104^5).

[78] См.: *Исполинов А.С.* Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. 2020. № 12. С. 63, 72.

Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ, внося изменения в Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде, объединил данные полномочия Конституционного Суда РФ в одно его полномочие (п. 5^2 ч. 1 ст. 3), которое обобщенно можно именовать как полномочие Конституционного Суда РФ по осуществлению предварительного (превентивного) нормоконтроля в установленной процедуре (гл. XVII). Оценивая это нововведение, обратим внимание на следующее:

вопрос о наделении Конституционного Суда РФ полномочием осуществлять предварительный нормоконтроль правовых актов поднимался уже в первый период его функционирования и при подготовке Федерального конституционного закона о Конституционном Суде, но подобные предложения тогда не получили поддержки[79];

предварительный нормоконтроль – в целом нетипичное полномочие для конституционных судов ряда государств Европы. Это объясняется присущими ему недостатками: в подобном случае конституционному суду приходится оценивать нормы достаточно оперативно, в отсутствии опыта их реализации на практике, тогда как часто неконституционность становится очевидной только при применении соответствующих норм судами и административными органами, в контексте конкретной социально-экономической и правовой ситуации; результаты, полученные при проведении предварительного нормоконтроля спорных норм, могут не совпадать с выводами по их проверке в порядке последующего нормоконтроля (такая возможность не исключается ч. 7 ст. 110^{12} Федерального конституционного закона о Конституционном Суде), создавая тем самым трудности для органа конституционного контроля и участников конституционно-правовых отношений[80];

установленная модель превентивного нормоконтроля, который может быть инициирован только Президентом РФ и без обязательного предварительного использования им иных конституционно-правовых средств улаживания возникающих противоречий с законодательными органами, не согласуется с принципом сбалансированного разграничения властей, поскольку еще более усиливает за счет Конституционного Суда РФ позиции Президента РФ во взаимоотношениях с Федеральным Собранием и субъектами Российской Федерации, способствует втягиванию судебного органа конституционного контроля в законотворческий, по сути, политический процесс.

Принимая во внимание особенности предварительного нормоконтроля, остается надеяться, что он будет иметь вспомогательное значение в соотношении с оправдавшим себя последующим конституционным контролем. Данный институт, как предполагает судья Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотов, может оказаться востребованным Президентом РФ преимущественно в кризисных ситуациях, связанных с обострением отношений законодательной и исполнительной власти, Российской Федерации и ее субъектов[81].

* * *

Появление Конституционного Суда в России в 1991 г. стало заметным политико-правовым событием. Данный институт вписывался в контекст начавшихся в стране реформ, отвечал общественным ожиданиям и его учреждение не вызывало особых споров. При этом за основу была взята австрийская модель конституционного правосудия с привнесением в неё некоторых самобытных элементов, отражающих советское прошлое и представления о названном правосудии тех, кто его создавал.

На протяжении 30 лет российская модель конституционного правосудия остается неизменной. Но в то же время можно констатировать, что за годы функционирования Конституционного Суда РФ неоднократно под влиянием различных обстоятельств модифицировались и модернизировались его ключевые характеристики. Подобное имело место при принятии Конституции РФ 1993 г. и Федерального конституционного закона о Конституционном Суде 1994 г., внесении изменений и дополнений в указанный Закон в период с 2001 по 2018 г. и, наконец, после состоявшихся поправок к Конституции РФ 2020 г. и принятого в их развитие Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ, существенно обновившего Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде.

Итогом данных преобразований стала смена практически всех изначальных атрибутивных элементов конституционно-правовой модели Конституционного Суда РФ. Это прослеживается прежде всего по линии полномочий Конституционного Суда РФ, которые часто неоднозначно

[79] См.: *Митюков М.А.* Штрихи к истории Конституционного Суда России. М., 2014. С. 180; *Его же.* Проблемы предварительного судебного конституционного контроля (по материалам подготовки и принятия Федерального конституционного закона о Конституционном Суде) // Личность, власть, экономика: правовые проблемы: материалы X Междунар. науч. конф. по конституционному праву. Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2012 г. СПб., 2012. С. 34–38.

[80] См.: Венецианская комиссия о конституциях, конституционных поправках и конституционном правосудии: сб. аналитических материалов Венецианской комиссии Совета Европы / под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 173, 174; *Штайнбергер Г.* Модели конституционной юрисдикции. Издание Совета Европы, 1994. С. 7, 8.

[81] См.: *Кокотов А.Н.* Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России // Закон. 2020. № 12. С. 36.

модифицировались и конъюнктурно расширялись, а также гарантий его независимости и самостоятельности, которые последовательно сокращались при усилении подконтрольности данного института Президенту РФ. Принимаемые меры привели также к сужению демократических начал в устройстве Конституционного Суда РФ, повышению роли его Председателя как администратора по отношению к судьям, к большей закрытости от общественности и труднодоступности для граждан.

В результате можно прогнозировать определенное снижение способности Конституционного Суда РФ в опоре на Конституцию РФ уравновешивать законодательную и исполнительную власть, эффективно защищать права и свободы граждан. В таком состоянии и без ясных перспектив быть укорененным в российской государственности он продолжит свою деятельность в ближайшие годы, испытывая влияние обновленной конституционно-правовой среды, нивелировки принципов несменяемости и разделения власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арановский К.В.* О письменном производстве в конституционной юстиции России // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2 (20). С. 23.
2. *Берендтс Э.Н.* Кое-что о современных вопросах. СПб., 1907. С. 116, 117.
3. *Брежнев О.В.* Особенности судебного конституционного контроля при принятии в состав России нового субъекта Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 18–21.
4. *Бурлацкий Ф.М.* О советском парламентаризме // Лит. газ. 1988. 15 июня.
5. *Венгеров А.Б.* Проблема непосредственного действия советских конституционных норм // Проблемы конституционного права: сб. ст. / отв. ред. И.Е. Фарбер. Саратов, 1969. С. 78–82.
6. Венецианская комиссия о конституциях, конституционных поправках и конституционном правосудии: сб. аналитических материалов Венецианской комиссии Совета Европы / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2016. С. 173, 174, 227–251.
7. *Вильданов Р.Х.* Конституции в политической системе буржуазного общества. М., 1968. С. 125–140.
8. *Гаджиев Г.А.* Вступительная статья // Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2012. С. 12, 13.
9. *Гаджиев Г.А.* Публикация особого мнения судьи, или история нормы, которая является камертоном судебной реформы в России// Кодекс. Правовой науч.-практ. журнал. 2003. Ноябрь-декабрь. С. 4, 7.
10. *Дадиани Л.Я.* К вопросу о сущности, формах и оценке института конституционного надзора // Труды Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы. Т. 20: Экономика и право. М., 1967. Вып. 2. С. 39–64.
11. *Дружинин Н.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 356–363.
12. *Дурденевский В.Н.* Судебная проверка конституционности закона // Вопросы права. М., 1912. Кн. XI (3). С. 104.
13. *Дябло В.* Нужна ли нам судебная охрана конституции. // Вестник Верховного Суда и Прокуратуры Верхсуда СССР. 1928. № 4 (13). С. 11–14.
14. *Загорье Б.* Нужна ли нам судебная охрана конституции? // Вестник сов. юстиции. 1928. № 17. С. 501, 502.
15. Избр. социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. С. 161, 162, 243.
16. *Ильинский И.П., Щетинин Б.В.* Конституционный контроль и охрана конституционной законности в социалистических странах // Сов. государство и право. 1969. № 9. С. 44–47.
17. Интервью с Председателем Конституционного Суда Российской Федерации Валерием Дмитриевичем Зорькиным // Юрист. 2018. № 12. С. 8.
18. *Исполинов А.С.* Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. 2020. № 12. С. 63, 72.
19. *Клеандров М.И.* Конституционные изменения 2020 г. и механизмы правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 15, 16.
20. *Кокотов А.Н.* Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России // Закон. 2020. № 12. С. 36.
21. *Кокошкин Ф.* С.А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев: сб. ст. М., 1911. С. 203–250.
22. *Кокошкин Ф.Ф., Вышеславцев Б.П.* Австро-Венгрия // Политический строй современных государств: сб. ст. СПб., 1906. Т. 2. С. 125–219.
23. Концепция новой Конституции Союза ССР // Сов. государство и право. 1990. № 4. С. 20.
24. *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1915. С. 383, 384.
25. *Коток В.Ф.* Конституционная законность, конституционный надзор и конституционный контроль в СССР // Труды Иркутского гос. ун-та, 1971. Т. 81. Вып. 12, ч. 2. С. 97–115.
26. Красный архив: истор. журнал. М.– Л., 1928. Т. 3 (28). С. 107–141.

27. *Кряжков В.А.* Конституционный Суд РФ как участник процесса исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Государство и право. 2017. № 5. С. 25–27.

28. *Кряжкова О.* Итоги работы российского Конституционного Суда в 2020 году: от конституционной реформы до пандемии. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HHbUufiARwc

29. *Кряжкова О.* Как изменится Конституционный Суд. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-izmenitsya-konstitutsionnyy-sud/

30. *Кряжкова О.Н.* Три причины отменить запрет на публикацию особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный вестник. 2021. № 6 (24). С. 128–139.

31. *Митюков М.А.* Конституция Российской Федерации 1993 г. и модернизация полномочий Конституционного Суда Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов. СПб., 2005. Вып. 1 (12). С. 90–96.

32. *Митюков М.А.* Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30 – начало 90-х гг. XX в.). М., 2006. С. 3–58.

33. *Митюков М.А.* Проблемы предварительного судебного конституционного контроля (по материалам подготовки и принятия Федерального конституционного закона о Конституционном Суде) // Личность, власть, экономика: правовые проблемы: материалы X Междунар. науч. конф. по конституционному праву. Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2012 г. СПб., 2012. С. 34–38.

34. *Митюков М.А.* Штрихи к истории Конституционного Суда России. М., 2014. С. 180.

35. *Митюков М.А., Станских С.Н.* Письменное разбирательство в конституционном судопроизводстве: Россия и опыт зарубежных стран // Государство и право. 2005. № 10. С. 9–12.

36. *Морщакова Т.Г.* Комментарий к Заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года. URL: https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zacklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/

37. *Морщакова Т.Г.* Судебная реформа. М., 1990. С. 51.

38. Обсуждение проекта Конституции СССР // Сов. государство и право. 1977. № 8. С. 18.

39. Правовые гарантии законности в СССР / под ред. М.С. Строговича. М., 1962. С. 60–62.

40. *Рейснер М.А.* Государство. М., 1912. Ч. II, III. С. 194, 195.

41. *Савицкий В.М.* Правосудие и перестройка // Сов. государство и право. 1987. № 9. С. 32, 33.

42. *Сорокин М.Ю.* В поисках «политического» конституционализма в России (роль несудебной интерпретации Основного Закона) // Закон. 2020. № 1. С. 117.

43. *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.–Л., 1961. С. 143–221.

44. *Тарановский Ф.В.* Политическая доктрина в Наказе Императрицы Екатерины II. Киев, 1904. С. 4–9.

45. *Тиунов О.И.* Новый закон о Конституционном Суде Российской Федерации // Росс. юрид. журнал. 1995. № 1 (5). С. 25.

46. *Топорнин Б.Н.* Чтобы исключить обход закона // Известия. 1988. 12 янв.

47. *Шалланд Л.А.* Верховный суд и конституционные гарантии // Конституционное государство: сб. ст. 2-е изд. СПб, 1905. С. 412–421.

48. *Шафир М.А.* Компетенция Союза ССР и союзной республики (конституционные вопросы). М., 1968. С. 218–220.

49. *Штайнбергер Г.* Модели конституционной юрисдикции. Издание Совета Европы, 1994. С. 7, 8.

50. *Шульженко Ю.Л.* Парламент и специализированный орган конституционного надзора и контроля // Разделение властей и парламентаризм. М., 1992. С. 120, 121.

51. Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. 1987. № 14. С. 42–50.

52. *Ященко А.* Теория федерализма. Юрьев, 1912. С. 352–354.

REFERENCES

1. *Aranovsky K.V.* On written proceedings in the constitutional justice of Russia // Journal of Constitutional Justice. 2011. No. 2 (20). P. 23 (in Russ.).

2. *Berendts E.N.* Something about modern issues. SPb., 1907. P. 116, 117 (in Russ.).

3. *Brezhnev O.V.* Features of judicial constitutional control when a new subject of the Russian Federation is admitted to Russia // Journal of Constitutional Justice. 2009. No. 6 (12). P. 18–21 (in Russ.).

4. *Burlatsky F.M.* About Soviet parliamentarism // Lit. gaz. 1988. June 15 (in Russ.).

5. *Vengerov A.B.* The problem of direct action of Soviet constitutional norms // Problems of Constitutional Law: collection of articles / ed. by I.E. Farber. Saratov, 1969. P. 78–82 (in Russ.).

6. The Venice Commission on the Constitution, constitutional amendments and constitutional justice: collection of analytical materials of the Venice Commission of the Council of Europe / ed. by T. Ya. Khabrieva. M., 2016. P. 173, 174, 227–251 (in Russ.).

7. *Vildanov R. Kh.* The constitution in the political system of bourgeois society. M., 1968. P. 125–140 (in Russ.).

8. *Gadzhiev G.A.* Introductory article // Commentary to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" / ed. by G.A. Gadzhiev. M., 2012. P. 12, 13 (in Russ.).

9. *Gadzhiev G.A.* Publication of a judge's dissenting opinion, or the history of the norm that is the tuning fork of judicial reform in Russia // The Code. Legal scientific-practical journal. 2003. November-December. P. 4, 7 (in Russ.).

10. *Dadiani L. Ya.* To the question of the essence, forms and evaluation of the Institute of Constitutional Supervision // Proceedings of the P. Lumumba Peoples' Friendship University. Vol. 20: Economics and Law. M., 1967. Issue. 2. P. 39–64 (in Russ.).

11. *Druzhinin N.* Decembrist Nikita Muravyev. M., 1933. P. 356–363 (in Russ.).

12. *Durdenevsky V.N.* Judicial review of the constitutionality of the law // Questions of law. M., 1912. Book XI (3). P. 104 (in Russ.).

13. *Dyablo V.* Do we need judicial protection of the constitution // Bulletin of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the Supreme Court of the USSR. 1928. No. 4 (13). P. 11–14 (in Russ.).

14. *Zagorye B.* Do we need judicial protection of the constitution? // Herald of Sov. justice. 1928. No. 17. P. 501, 502 (in Russ.).

15. Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists. M., 1951. Vol. 2. P. 161, 162, 243 (in Russ.).

16. *Ilyinsky I.P., Shchetinin B.V.* Constitutional control and protection of constitutional legality in socialist countries // Soviet State and Law. 1969. No. 9. P. 44–47 (in Russ.).

17. Interview with the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation Valery Dmitrievich Zorkin // Lawyer. 2018. No. 12. P. 8 (in Russ.).

18. *Giants A.C.* New powers of the constitutional Court to review the constitutionality of decisions of international courts and tribunals // Law. 2020. No. 12. P. 63, 72 (in Russ.).

19. *Kleandrov M.I.* Constitutional changes in 2020 and mechanisms of justice: pros and cons // State and Law. 2020. No. 10. P. 15, 16 (in Russ.).

20. *Kokotov A.N.* Preliminary control of legal acts by the Constitutional Court of Russia // Law. 2020. No. 12. P. 36 (in Russ.).

21. *Kokoshkin F.* S.A. Muromtsev and Zemstvo congresses // Sergey Andreevich Muromtsev: collection of articles. M., 1911. P. 203–250 (in Russ.).

22. *Kokoshkin F.F., Vysheslavtsev B.P.* Austro-Hungary // Political system of modern States: collection of articles. SPb., 1906. Vol. 2. P. 125–219 (in Russ.).

23. The concept of the new Constitution of the USSR // Sov. State and Law. 1990. No. 4. P. 20 (in Russ.).

24. *Kotlyarevsky S.A.* Power and law. Problems of a legal state. M., 1915. P. 383, 384 (in Russ.).

25. *Kotok V.F.* Constitutional Law, constitutional review and constitutional control in the USSR // Proceedings of Irkutsk state University. 1971. Vol. 81. Issue 12, part 2. P. 97–115 (in Russ.).

26. Red files: historical journal. M.– L., 1928. Vol. 3 (28). P. 107–141 (in Russ.).

27. *Kryazhkov V.A.* The Constitutional Court of the Russian Federation as a participant in the process of execution of decisions of the interstate body for the protection of human rights and freedoms // State and Law. 2017. No. 5. P. 25–27 (in Russ.).

28. *Kryazhkova O.* The results of the work of the Russian Constitutional Court in 2020: from constitutional reform to a pandemic. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HHbUufiARwc (in Russ.).

29. *Kryazhkova O.* How the Constitutional Court will change. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/kak-izmenitsya-konstitutsionnyy-sud/ (in Russ.).

30. *Kryazhkova O.N.* Three reasons to lift the ban on the publication of a dissenting opinion of a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation // Constitutional Bulletin. 2021. No. 6 (24). P. 128–139 (in Russ.).

31. *Mityukov M.A.* Constitution of the Russian Federation in 1993 and upgrade the powers of the constitutional Court of the Russian Federation // Scientific notes of the law faculty of St. Petersburg state University of Economics and Finance. SPb., 2005. Vol. 1 (12). P. 90–96 (in Russ.).

32. *Mityukov M.A.* The forerunner of the constitutional justice: the views, projects and institutional background (30 – early 90^{s} of XX century). M., 2006. P. 3–58 (in Russ.).

33. *Mityukov M.A.* Problems of preliminary judicial constitutional control (based on the materials of preparation and adoption of the Federal Constitutional Law on the Constitutional Court) // Personality, power, economy: legal problems: materials of the X International Scientific Conference on Constitutional Law. St. Petersburg, April 20–21, 2012. SPb., 2012. P. 34–38 (in Russ.).

34. *Mityukov M.A.* Strokes to the history of the Constitutional Court of Russia. M., 2014. P. 180 (in Russ.).

35. *Mityukov M.A., Stanskikh S.N.* Written proceedings in constitutional court proceedings: Russia and the experience of foreign countries // State and Law. 2005. No. 10. P. 9–12 (in Russ.).

36. *Morshchakova T.G.* Commentary to the Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020. URL: https://academia.ilpp.ru/kommentariy-k-zacklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/ (in Russ.).

37. *Morshakova T.G.* Judicial reform. M., 1990. P. 51 (in Russ.).

38. Discussion of the draft Constitution of the USSR // Soviet State and Law. 1977. No. 8. P. 18 (in Russ.).

39. Legal guarantees of legality in the USSR / ed. by M.S. Strogovich. M., 1962. P. 60–62 (in Russ.).

40. *Reisner M.A.* State. M., 1912. Part II, III. P. 194, 195 (in Russ.).

41. *Savitsky V.M.* Justice and perestroika // Soviet State and Law. 1987. No. 9. P. 32, 33 (in Russ.).

42. *Sorokin M. Yu.* In search of the "political" constitutionalism in Russia (the role of non-judicial interpretation of the Basic Law) // Law. 2020. No. 1. P. 117 (in Russ.).

43. *Speransky M.M.* Projects and notes. M.– Leningrad, 1961. P. 143–221 (in Russ.).

44. *Taranovsky F.V.* Political doctrine in order of Empress Catherine II. Kiev, 1904. P. 4–9 (in Russ.).

45. *Tiunov O.I.* New Law on the Constitutional Court of the Russian Federation // Russ. legal journal. 1995. No. 1 (5). P. 25 (in Russ.).

46. *Topornin B.N.* To exclude circumvention of the law // News. 1988. January 12 (in Russ.).

47. *Shalland L.A.* The Supreme Court and constitutional guarantees // Constitutional state: collection of art. 2nd ed. SPb., 1905. P. 412–421 (in Russ.).

48. *Shafir M.A.* Competence of the USSR and the Union Republic (constitutional issues). M., 1968. P. 218–220 (in Russ.).

49. *Steinberger G.* Models of constitutional jurisdiction. Publication of the Council of Europe, 1994. P. 7, 8 (in Russ.).

50. *Shulzhenko Yu. L.* Parliament and the specialized body of constitutional supervision and control // Separation of powers and parliamentarism. M., 1992. P. 120, 121 (in Russ.).

51. Legal science and practice in the conditions of perestroika // Communist. 1987. No. 14. P. 42–50 (in Russ.).

52. *Yashchenko A.* The theory of federalism. Yuryev, 1912. P. 352–354 (in Russ.).

Сведения об авторах

КРЯЖКОВ Владимир Алексеевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор Департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

МИТЮКОВ Михаил Алексеевич –
кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 123995 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; профессор кафедры конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета; 634050 г. Томск, пр. Ленина, д. 36

Authors' information

KRYAZHKOV Vladimir A. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Public Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics"; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

MITYUKOV Mikhail A. –
PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow state Law University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 123995 Moscow, Russia; Professor of the Department of Constitutional and International Law of the National Research Tomsk state University; 36 Lenin ave., 634050 Tomsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 61–66
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 61–66

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВА КАК ФОРМЫ И СПОСОБА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

© 2021 г. А. Л. Панищев

Славяно-Греко-Латинская академия, г. Москва;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Курский филиал)

E-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Поступила в редакцию 27.10.2020 г.

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу будущего государства как формы и способа бытия человека и общества. Отмечается, что государство являет собой часть антропологического бытия, следовательно, поддерживается высоким уровнем интеллектуального и духовного развития общества. В условиях антропологического кризиса государство может мутировать и прекратить существование как государство в традиционном его понимании.

Ключевые слова: цивилизация, государство, общество, человек.

Цитирование: *Панищев А.Л.* Будущее государства как формы и способа бытия человека: перспективы и противоречия // Государство и право. 2021. № 12. С. 61–66.

DOI: 10.31857/S013207690010016-9

THE FUTURE OF THE STATE AS A FORM AND METHOD EXISTENCE OF HUMAN: PERSPECTIVES AND CONTRADICTIONS

© 2021 A. L. Panishchev

Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow;
Financial University under the Government of the Russian Federation (Kursk branch)

E-mail: Alexeipl1980@mail.ru

Received 27.10.2020

Abstract. This article is devoted to the question of the future of state as a form and a way of human and society entity. It is noted that a state is a part of anthropology entity, therefore, supported by high level of intellectual and moral development of society. In the conditions of anthropology crisis the state transforms and terminates existence as a state in the traditional meaning.

Key words: civilization, state, society, human.

For citation: *Panishchev, A.L. (2021).* The future of the state as a form and method existence of human: perspectives and contradictions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 61–66.

Развитие человеческого общества – процесс не только сложный, но и труднопрогнозируемый, поскольку проблематично учесть множество внешних и внутренних факторов, влияющих на вектор социального движения человечества. Принято считать, что обобщённым эталоном развития человечества является цивилизация. Впервые это понятие ввёл в научный оборот шотландский философ А. Фергюсон, считавший, что для цивилизации свойственно классовое деление, а развивается она не только по планам общества, но и в силу текущих ситуаций, в которых находится народ.

Категория *цивилизации* наряду с категорией *культуры* стала базовой при обсуждении фундаментальных проблем человечества как на научном, так и на бытовом уровнях. В среде повседневной культуры под *цивилизацией*, как правило, понимают высокий уровень развития общества, отвечающий

требованиям современности и содействующий прогрессу. Обычно с цивилизацией связывается научно-техническое развитие человечества, что отображает лишь одну из сторон цивилизации.

Слово *«цивилизация»* происходит от латинского термина *civilis*, означающий *гражданский*. Термин также указывает на органичную связь с городской культурой, поскольку слово *civilis* связано со словом *civitas – город*. Таким образом, правомерно связывать генезис цивилизации с зарождением *государственности*. Французский просветитель О.Г.Р. Мирабо, употребляя термин «цивилизация», подразумевал принципы справедливости, прав и свобод граждан, гарантируемые государством. В таком подходе мы видим категории, являющиеся элементами естественного права, при этом принимающие форму понятий, осмысленных концептов позитивного права. Государственность является сутью цивилизации. Подчеркнём, не всякое общество способно выстроить государство. Для национального, т.е. государственного, становления необходимы высокий уровень развития общественного сознания, осмысление народом общих ценностей, норм и цели своего совместного бытия. «Строительство государства невозможно, если народное сознание не способно отвергнуть привычную форму общежития и, мало того, вообразить новую, ещё невиданную... Первоначально государство возникает как чистый плод воображения»[1]. Более того, государственность требует от народов, объединённых в его границах, развитой способности к антиципации, т.е. к планированию будущего не только для ближайших двух-трёх поколений, но будущего в смысле видения стратегических государственных задач, иными словами, задач, которые общество должно решить в течение нескольких столетий. На цивилизационном уровне развития также имеет немаловажное значение формирование принципов и законов, позволяющих гражданам верить в нерушимость их родины. Так, в Государственном гимне СССР понятие нерушимости было прописано в первой строке. Действительно, «нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего»[2]. В XV–XVII вв. в России первоначальной программой грядущего было национальное служение Богу и соборное спасение в Царствии Божьем; потом, уже в период СССР, – построение нового мира – коммунистического общества.

Итак, термином «цивилизация» обозначается тот этап общественного бытия, который характеризуется наличием *государства*. Надо признать то, что не все исследователи проводят жёсткую и однозначную связь между государством и цивилизацией. Некоторые исследователи цивилизацию определяют как стадию «в развитии человеческого общества, при которой социальные связи начинают доминировать над природными, и общество функционирует и развивается на своей собственной основе, можно сказать, что в системе бытия человека и как биологического, и как социального существа проходят качественные изменения[3]. В данном определении допускается возможность государственности как надбиологической формы бытия человека, однако однозначной связи между государством и цивилизацией нет.

Немецкий учёный А. Боземен пишет: «Международная история точно подтверждает тезис о том, что политические системы являются недолговечными средствами для достижения целей на поверхности цивилизации и что судьба каждого сообщества, объединённого лингвистически и духовно, зависит в конечном счёте от выживания определённых фундаментальных идей, вокруг которых сплачивались многочисленные поколения...»[4]. Эта позиция представляется разумной, подчёркивающей то, что и государство не существует само по себе, а подчинено определённой фундаментальной идее, вне которой государство теряет смысл своего бытия, быстро распадается, а общество, её создавшее, деградирует и погибает. Такая мысль подчёркивает зависимость цивилизации от культуры, отрыв от которой чреват выхолащиванием права и крушением государства. В данном исследовании мы будем исходить из того, что цивилизация характеризуется именно наличием государственности.

С. Хантингтон делает умозаключение, согласно которому «государства являются основными, даже единственными важными игроками на международной сцене»[5]. Аналогичной мысли придерживается и учёный Р. Нильз[6]. Надо полагать, на данный период исторического развития человечества нет более эффективной, чем государство, формы бытия человека, в пределах которой общественные силы столь быстро и действенно могут мобилизоваться и достигать поставленной цели. Бесспорно, вне культуры немыслимо функционирование никакого государства, однако и существование культуры и народа в отрыве от государства представляется маловероятным. Именно государство призвано обеспечить защиту культуры, что одновременно является

[1] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2002. С. 147.

[2] Там же. С. 281.

[3] См.: *Иконникова Г.И., Иконникова Н.И.* Цивилизационный сдвиг – действительность или возможность? М., 2009. С. 62.

[4] Цит. по: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 52.

[5] Там же. С. 34.

[6] См.: *Нильз Р.* Глобализация и философия: существует ли универсальная теория справедливости // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 20.

выражением заботы государства о себе самом, поскольку без культуры оно обречено на вырождение и распад. В этом отношении было справедливым мнение правителей Российской Империи, русских царей XVII в., считавших, что без государства Православная Церковь не выживет, но без православного христианства государство окажется неправедным и небогоугодным. Говоря о значении государства как внешнего фактора для консолидации людей и стимулирования развития социальных институтов, приведём цитату из работы исследователя М.Л. Бережновой: «Любое объединение, как правило, требует внешней силы, которая поддерживала бы это единство: Русская православная церковь поддерживает православных, государство – русских, государство и армия – казачества...»[7].

Ряд исследователей видят в государстве рациональные основы, связанные с властью и расширением территории нации. Так, М. Вебер, анализируя феномен государства, «акцентирует своё внимание в первую очередь на таких его аспектах, как нация и территория, а также насилии как специфическом средстве поддерживания легитимного порядка внутри него»[8]. Для русской философии такой подход является неприемлемым, поскольку в основе государства видятся нравственные, духовные основы. Разумеется, нравственные основы не отменяют и силовых действий по принуждению к чему-либо и расширения государственных владений, однако они значимы не сами по себе, а лишь в силу нравственных мотивов нации. «Общественный порядок должен быть не только целесообразным – в смысле наилучшего удовлетворения земных нужд человека, – но и праведным...», – пишет С.Л. Франк[9]. Отсюда для России проистекает особая потребность в мощной культуре, благодаря которой обеспечивается национальное единство многоэтнического полирелигиозного государства.

Формирование государств обосновывалось не только стремлением к безопасности и материальному развитию, но также и нравственным совершенствованием человека. Одним из критериев государственного порядка был высокий уровень развития общественной морали, в то время как народы, живущие за пределами Российской Империи, рассматривались как аморальные и беспринципные, существующие как хищники в прайдах. Данное обстоятельство подчёркивалось ещё в цивилизациях Древнего мира, когда народы, претендующие на создание империи, акцентировали внимание на низких нравах соседних народов, причём нередко независимо от степени справедливости и объективности[10]. Таким образом, одним из факторов, оправдывавших государственную власть, был этический, а именно: в империи человеку предоставляются наиболее благоприятные условия для духовно-нравственного развития. Государства Древнего мира обычно противопоставлялись народам, не ведавшим государственных порядков. Эта мысль нашла своё отражение в работах немецкого проф. Г. Мюнклера: «Империи... полагают себя создателями и гарантами порядка, зависящего исключительно от них самих... Страшащаяся хаоса империя видит себя в роли защитника порядка, носителя добра, борющегося со злом. В этом состоит имперская миссия, которая позволяет империи легитимировать свои действия»[11]. В данном случае государство-империя характеризуется способностью обеспечивать правовой порядок как внутри своего государства, так и на территориях сопредельных государств.

В гуманитарном знании считается, что основными чертами цивилизации являются следующие: *оседлость; наличие письменности; наличие города*.

Данные особенности предполагают наличие базы для образования государства. Таким образом, цивилизация являет собой культуру, в среде которой было сформировано государство. Государство позволяет объединяться многим культурам в пределах одной цивилизации. Соответственно, духовный потенциал многих народов, каждый из которых – носитель собственной уникальной культурной традиции, объединяется в одном русле развития общества, предполагающего наличие осознанных единых задач, единых принципов социального бытия.

Тем не менее, говоря о данных чертах цивилизации, необходимо учесть то, что все они обязывают человечество к интеллектуальному и духовному росту. Город в цивилизациях Древнего мира мыслился как земное отражение мира богов, а потому нормы благочестия в городе считались фундаментальными. Наличие письменности предполагает умственное развитие общества, в котором большая или меньшая его часть владеет искусством письма. Принимая во внимание то, что первые системы письма были – относительно современных алфавитов индоевропейских языков – сложными, можно предположить, что овладевание древним письмом (например, шумерской клинописью) требовало больших умственных усилий. Поэтому для того, чтобы цивилизация сохранялась, необходима

[7] *Бережнова М.Л.* Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. М., 2012. С. 6.

[8] *Игнатьева О.А.* Социология господства Макса Вебера: эвристический потенциал. СПб., 2018. С. 32.

[9] См.: *Франк С.Л.* С нами Бог. М., 2003. С. 384.

[10] См.: *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015. С. 180, 181.

[11] Там же. С. 15.

непрерывная интеллектуальная и духовная работа. Причём, чем большим историческим опытом обладает нация, тем больше знаний по истории своей страны приходится осваивать её представителям. Заметим и то, чем богаче этнокультурное многообразие содержится в границах цивилизации, тем большее количество информации о культурах народов необходимо осваивать. Фактически для титульной нации владение территорией означает освоение культур этносов, проживающих на ней, при обязательном сохранении собственной национальной культуры. Ввиду этого система образования как область интеллектуального и нравственного развития нации имеет для цивилизации принципиально важное значение. Цивилизация остро нуждается в высоком умственном и нравственном развитии общества, на основе которых обеспечивается её жизнеспособность. Необходимо признать неабсолютность цивилизации, её производность от человеческого бытия. Если А. Боземен пишет, что «международная история точно подтверждает тезис о том, что политические системы являются недолговечными средствами для достижения целей на поверхности цивилизации...»[12], то это может означать и хрупкость любого государства. В условиях антропологического кризиса государственность может подвергнуться деструкции, распаду или трансформации в то, что уместно назвать прайдовыми образованиями[13]. К сожалению, процесс кризиса и последующего распада государств может происходить исключительно при условии разгосударствления, сосредоточенности его интересов на своих амбициях, безразличии к своему народу, к своей государственности, потребительском отношении к своим ближним. Ж. Аттали отмечает, что в будущем государства будут исчезать, причём на фоне господства индустрии развлечений и страхований[14]. При этом исследователь прогнозирует, что ценности семейной жизни уступят место частным амбициям. «Воспитанные в свободных семьях, не принадлежащие ни одной культуре и не привязанные к постоянному месту жительства, они останутся верны только себе. Их больше интересуют собственные достижения, винные погреба... и планирование суицида...», – так Ж. Аттали не без оснований описывает характерные особенности сознания людей в недалёком будущем. Необходимо констатировать то, что сущность государства, хотя и относительно устойчива, но не имеет абсолютной неизменности, постоянства. В этой связи В.С. Петров утверждает следующее: «Сущность государства, будучи относительно устойчивым его свойством, тем не менее не является метафизически неизменной субстанцией»[15]. Вопрос состоит в том, чем можно заменить цивилизацию (государство) как форму и способ бытия человека. Этот вопрос ставился уже достаточно давно[16].

Впрочем, процессы гибели государств сопровождали всю историю человечества, однако в древнем периоде такого рода явления были локальными. Известно множество примеров крушения государств, на смену которым приходили новые. В XXI в. кризис государственности может стать настолько массовым, что поставит под вопрос саму возможность государственного бытия человеческого сообщества. Ж. Аттали в работе «Краткая история будущего» прямо пишет о высокой вероятности распада и гибели государства, которое окажется вытесненным частными корпорациями[17].

«Государствам нравится представлять себя некими надёжно построенными и поэтому нерушимыми структурами. Я бы с этим поспорил, поскольку, вполне вероятно, мы стоим на пороге глубочайшего системного сдвига в функциях, если не в самих основах государства», – замечает В. Коровкин[18]. Действительно, политические процессы, наблюдаемые в Европе, свидетельствуют о существенном снижении роли государства в жизни человека и общества. Не случайно британский политолог М. Леонард считает, что «Европейский союз... уже сейчас ближе к структуре “Visa”, чем к государству...»[19]. Уподобление государства банковской системе превращает его в механизм финансовых манипуляций и лишает его духовно-нравственного смысла. Разумеется, в истории человечества можно найти примеры, когда банкиры или торговцы определённым образом влияли на государственные структуры власти. Однако такое воздействие имело в большей степени форму сотрудничества, не всегда с соблюдением должного баланса, но всё же с сохранением государственной власти. Сейчас речь идёт о том, что государство перенимает черты финансовых корпораций, которые ориентированы на принцип рентабельности. На фоне таких негативных явлений категория чести человека и семьи утрачивает государственную значимость и становится вопросом локального интереса, более того, принимает рудиментарный характер. Государство, будучи поставленным вне

[12] Цит. по: *Хантингтон С.* Указ. соч. С. 52.

[13] *Панищев А.Л.* Проблема деструкции государственности. Прайдовое право животного мира и закон человеческого общества // Вопросы культурологии. 2010. № 1. С. 50–55.

[14] См.: *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб., 2014. С. 195.

[15] *Петров В.С.* Сущность, содержание и форма государства. Л., 1971. С. 15.

[16] См., напр.: Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева и др. М., 2000.

[17] См.: *Аттали Ж.* Указ. соч. С. 181.

[18] См.: *Коровкин В.* Оцифрованное государство // BRICS. 2017. № 1 (17). С. 117.

[19] *Леонард М.* XXI век – век Европы. М., 2006. С. 38.

антропологических смыслов, становится чужеродным теме чести и достоинства. Области, связанные с воспитанием человека, его умственным, духовным развитием, оказываются за пределами должного государственного интереса, поскольку не могут считаться рентабельными. Только острая необходимость в подготовке кадров для технического обеспечения работы современных технологий заставляет уделять системе образования определённое внимание. Однако такой технологический подход к человеческому потенциалу однобокий. При сложившихся условиях гуманитарная область теряет свою функциональную силу, превращаясь лишь в средство обслуживания текущих интересов политических или финансовых группировок.

* * *

Утрата государством духовного наполнения отчуждает его от норм человеческого бытия. Данное обстоятельство приводит к разрыву между природой человека, давшей начало государству, и самим государством, переставшим действенно защищать антропологические свойства. В силу такого рода обстоятельств необходимы многосторонние исследования возможностей социального бытия человека вне государства, а также возможностей сохранения государственности как формы и способа антропологического бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева и др. М., 2000.
2. *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб., 2014. С. 181, 195.
3. *Бережнова М.Л.* Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. М., 2012. С. 6.
4. *Игнатьева О.А.* Социология господства Макса Вебера: эвристический потенциал. СПб., 2018. С. 32.
5. *Иконникова Г.И., Иконникова Н.И.* Цивилизационный сдвиг – действительность или возможность? М., 2009. С. 62.
6. *Коровкин В.* Оцифрованное государство // BRICS. 2017. № 1 (17). С. 117.
7. *Леонард М.* XXI век – век Европы. М., 2006. С. 38.
8. *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015. С. 15, 180, 181.
9. *Нильз Р.* Глобализация и философия: существует ли универсальная теория справедливости // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 20.
10. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2002. С. 147, 281.
11. *Панищев А.Л.* Проблема деструкции государственности. Прайдовое право животного мира и закон человеческого общества // Вопросы культурологии. 2010. № 1. С. 50–55.
12. *Петров В.С.* Сущность, содержание и форма государства. Л., 1971. С. 15.
13. *Франк С.Л.* С нами Бог. М., 2003. С. 384.
14. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 34, 52.

REFERENCES

1. Alternative paths to civilization / ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotaev et al. M., 2000 (in Russ.).
2. *Attali Zh.* A brief history of the future. SPb., 2014. P. 181, 195 (in Russ.).
3. *Berezhnova M.L.* The Riddle of cheldonov. The history of the formation and features of the culture of the old-time population of Siberia. M., 2012. P. 6 (in Russ.).
4. *Ignatieva O.A.* Sociology of Max Weber's domination: heuristic potential. SPb., 2018. P. 32 (in Russ.).
5. *Ikonnikova G.I., Ikonnikova N.I.* Civilizational shift – reality or possibility? M., 2009. P. 62 (in Russ.).
6. *Korovkin V.* The digitized state // BRICS. 2017. No. 1 (17). P. 117 (in Russ.).
7. *Leonard M.* XXI century – the century of Europe. M., 2006. P. 38 (in Russ.).
8. *Munkler G.* Empires. The Logic of domination over the world: from Ancient Rome to the USA. M., 2015. P. 15, 180, 181 (in Russ.).
9. *Nils R.* Globalization and philosophy: is there a universal theory of justice // Social policy and sociology. 2006. No. 4. P. 20 (in Russ.).
10. *Ortega-i-Gasset H.* The Uprising of the masses. M., 2002. P. 147, 281 (in Russ.).
11. *Panishchev A.L.* The problem of the destruction of statehood. The pride law of the animal world and the law of human society // Questions of cultural studies. 2010. No. 1. P. 50–55 (in Russ.).
12. *Petrov V.S.* The essence, content and form of the state. L., 1971. P. 15 (in Russ.).
13. *Frank S.L.* God is with us. M., 2003. P. 384 (in Russ.).
14. *Huntington S.* Clash of Civilizations. M., 2003. P. 34, 52 (in Russ.).

Сведения об авторе

ПАНИЩЕВ Алексей Леонидович –
кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник науки и образования РАЕ, профессор РАЕ, профессор кафедры «Теология» Славяно-Греко-Латинской академии; 105005 г. Москва, ул. Радио, д. 20; старший научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Курский филиал); 305016 Курская область, г. Курск, ул. Ломоносова, д. 3
ORCID 0000-0003-4327-1225

Authors' information

PANISHCHEV Alexey L. –
candidate of philosophy, associate Professor, Honored Worker of Science and Education of the RAE, Professor of RAE, Professor of the Department of Theology, Slavic-Greek-Latin Academy; 20 Radio str., 105005 Moscow, Russia; senior researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Kursk branch); 3 Lomonosov str., 305016 Kursk region, Kursk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 67–72
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 67–72

БЮРОКРАТИЗАЦИЯ НАУКИ НЕДОПУСТИМА (заметки после прочтения книги В.Н. Протасова «Методологические проблемы защиты диссертаций (на примере юриспруденции)»[1])

© 2021 г. Ю. В. Голик

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: akskrf@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.06.2021 г.

Аннотация. Настоящая статья – размышления автора, вызванные работой В.Н. Протасова «Методологические проблемы защиты диссертаций (на примере юриспруденции)». В монографии рассматриваются общие проблемы бюрократического управления наукой, образованием и процессом защиты диссертаций в современной России. Как полагает автор статьи, В.Н. Протасов высветил пласт проблем, мимо которых пройти нельзя.

Ключевые слова: В.Н. Протасов, защита диссертаций, бюрократия, наука, юриспруденция, образование.

Цитирование: *Голик Ю.В.* Бюрократизация науки недопустима (заметки после прочтения книги В.Н. Протасова «Методологические проблемы защиты диссертаций (на примере юриспруденции)») // Государство и право. 2021. № 12. С. 67–72.

DOI: 10.31857/S102694520017758-4

THE BUREAUCRATIZATION OF SCIENCE IS UNACCEPTABLE (notes after reading the book by V.N. Protasov "Methodological problems of dissertation defense (on the example of jurisprudence)"[2])

© 2021 Yu. V. Golik

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: akskrf@yandex.ru

Received 02.06.2021

Abstract. This article is the author's reflections caused by the work of V.N. Protasov "Methodological problems of dissertation defense (on the example of jurisprudence)". The monograph examines the general problems of bureaucratic management of science, education and the process of defending dissertations in modern Russia. According to the author of the article, V.N. Protasov highlighted a layer of problems that cannot be passed by.

Key words: V.N. Protasov, dissertation defense, bureaucracy, science, jurisprudence, education.

For citation: *Golik, Yu. V. (2021).* Bureaucratization of science is unacceptable (notes after reading the book by V.N. Protasov "Methodological problems of dissertation defense (on the example of jurisprudence)") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 67–72.

[1] *Протасов В.Н.* Методологические проблемы защиты диссертаций (на примере юриспруденции) / рец. В.А. Северухин. М.: Первый том, 2021. – 141 с.

[2] *Protasov V.N.* Methodological problems of dissertation defense (on the example of jurisprudence). M.: The first volume, 2021. – 141 pp.

Автор известен юридической научной общественности и представлять его дополнительно нет особой нужды. Последние годы он обратил на себя внимание публикациями в журнале «Государство и право» по проблемам защиты диссертаций по правовым проблемам и организации науки в целом[3]. Данная книга как бы подводит итог под ранее высказанными размышлениями.

Настоящая работа не является рецензией в собственном смысле этого слова. Это размышления, вызванные работой В.Н. Протасова. Он поднял, точнее высветил, такой пласт проблем, мимо которых пройти нельзя. Конечно, мы об этих проблемах знали и часто обсуждали их в своём кругу, но «на публику» такие обсуждения как-то не выносили. В тайне надеялись, что утрясётся,– не утряслось и уже не утрясётся.

Первое, что бросается в глаза при анализе оглавления книги – автор по кругу рассматриваемых вопросов вышел далеко за пределы обозначенной темы. Как ни странно, это только радует. Начинает своё исследование он с главы, посвящённой проблемам бюрократического управления наукой, образованием и диссертационным процессом в современной России. Дальше он ссылается на знаменитые слова К. Маркса о бюрократии из работы «К критике Гегелевской философии права». В советский период времени эти слова и мысли не были так актуальны. Конечно, бюрократы и бюрократия были и в то время, но они тогда, как правило, были какими-то малозначительными. Строго говоря, тогда к бюрократам не относились как к опасности. Их высмеивали в журнале «Крокодил», и это считалось вполне достаточным.

Совсем иное дело сейчас. Мы «строим» капитализм, поэтому все капиталистические оценки бюрократии, данные К. Марксом в 1843 г., актуальны и ныне.

Итак, бюрократия есть «*особое, замкнутое* общество в государстве»; она есть «иллюзия государства»; «дух бюрократии есть «формальный дух государства»; «бюрократия считает самоё себя конечной целью государства»[4].

Какое отношение всё это имеет к науке? – Самое непосредственное: «*действительная* наука представляется бюрократу бессодержательной, как действительная жизнь – мёртвой, ибо знание и эта мнимая жизнь принимаются им за самую сущность»[5]. Иными словами, бюрократия и наука несовместимы, несовместимы ни при каких обстоятельствах. Не поняв этого, мы просто можем погибнуть, ибо бюрократия просто задушит науку. Она её уже душит мы все это знаем и чувствуем, каждый из нас может привести множество самых невероятных примеров на этот счёт. Одни бесконечные и никому не нужные справки и отчёты чего стоят.

Как-то на просторах Интернета мне попались слова Кима Филби, кадрового сотрудника британской разведки и агента СССР с 1933 г.: «Благодаря мне, сотрудники Первого Главного Управления КГБ СССР могли работать в Великобритании, как говорится – в полный рост, т.к. работники контрразведки МИ-6 были мной отвлечены на написание никчемных бумажных справок и отчётов... Когда мой сотрудник начинал активно вести работу, вербовать агентуру, выявлять резидентов, я заваливал его никому не нужной бумажной рутиной, и его активность очень быстро сводилась на нет. Я горжусь тем, что лично разработал и ввёл несколько новых форм отчётов».

Разве это не напоминает бурную деятельность наших «образовательных» структур?

Мы и только мы должны положить этому конец. Мы – частица государства, а вовсе не бюрократия со всеми своими корпорациями. Они лишь балласт на наших ногах, раковый нарост на теле государства. А вообще сегодня это реальный враг. Никакого преувеличения здесь нет. Конечная цель любой бюрократии – уничтожение или замещение собой государства. В случае её достижения государство погибает, но погибает вместе с ним и сама бюрократия. Она ест государство как ржа железо. Когда кончается железо, исчезает и ржавчина. Конечный замкнутый цикл. Именно поэтому бюрократия создаёт такой круг, из которого никто не мог бы вырваться. Она работает по принципу создания сети, куда пускают только своих и проверенных. Кстати, также работает и сетевая коррупция, которую власть упорно не хочет замечать, пытаясь всю коррупцию свести к примитивному взяточничеству, которого сетевые коррупционеры просто избегают и стараются не допускать в своей среде.

После описания бюрократии автор переходит к анализу правовой политики и политики в праве. Проблемы, близкие большинству исследователей. Так, занимаясь проблемами борьбы с преступностью, я пришёл к выводу о том, что у нас нет никакой политики в этой сфере. Рефлекторных дёрганий очень много, а выверенного курса нет. Напомню, что около 10 лет назад группой ведущих учёных

[3] См.: *Протасов В.Н.* Некоторые проблемы защиты диссертаций в современной российской юриспруденции // Государство и право. 2013. № 5. С. 16–23; *Его же.* Некоторые официальные категории и документы, связанные с присуждением ученых степеней в современной России: проблемы теории и практики // Государство и право. 2015. № 4. С. 93–97; *Его же.* Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 55–61.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 271.

[5] Там же. С. 272.

по поручению Общественной палаты РФ была разработана концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. Концепция разрабатывалась как документ, которым могли бы пользоваться все заинтересованные лица. Документ был опубликован, разослан во все органы верховной власти. Этим всё и закончилось. Даже спасибо никто не сказал. На мой взгляд, большинство чиновников, которым было поручено «изучить и доложить», просто не поняли большую часть того, что там написано. Те же кто понял, были резко против. Почва из-под ног бюрократов выбивалась. Нужно было действовать по правилам, а не по привычному «что хочу – то и ворочу». Кто же из бюрократов это потерпит.

Это и есть прямая связь науки, бюрократии и политики. Участвуют все, выигрывает только один игрок, надеюсь, всем понятно, какой.

К сожалению, работа, не успев выйти, уже устарела. Дело в том, что автор много внимания уделяет всестороннему анализу специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Не буду даже вникать в суть его рассуждений. Как известно, 21 февраля 2021 г. Министерство науки и высшего образования РФ издало приказ № 118, которым утверждена новая номенклатура научных специальностей. И там такой специальности нет. Теперь у юристов осталось пять специальностей. Значительно меньше, чем было. Хорошо это или плохо? С точки зрения науки – никак. К науке это не имеет отношения. Где-то там «наверху» всю нашу науку вновь разложили по ящичкам, «не осознавая, – как писал И. Валлерстайн, – что эти ящички существуют по большей части в нашем воображении, а не в реальной жизни»[6]. Сам В.Н. Протасов в какой-то мере это подтверждает и иллюстрирует, пытаясь отгородить теорию от истории и наоборот. При таком делении, которое, конечно же, возможно и даже необходимо, но в строго ограниченных пределах, мы с неизбежностью теряем целостность мировосприятия, «когда идеи, основываясь прежде всего одна на другой, приобретают смысл только в совокупности»[7].

На совещании 20 апреля 2021 г., организованном вышеназванным Министерством и ВАК, «Координационное совещание руководителей диссертационных советов по юридическим наукам» И.М. Мацкевич как главный учёный секретарь ВАК прокомментировал резкое сокращение числа научных специальностей в праве. И это, как полагает, – не предел. Он привёл примеры из мировой практики, где таких специальностей бывает только две и даже одна. И ничего – работают. Во Франции, например, выделяется только две специальности по юриспруденции: 01 – частное право и уголовно-правовые науки; 02 – публичное право[8]. Всего две специальности. При этом французская правовая наука занимает, похоже, ведущее место в Европе и даже в мире. Одной из особенностей французской правовой науки (и культуры!) является то, что теория права как таковая скрыта внутри каждой из этих специальностей. Нельзя быть теоретиком права вообще. Французам это не понятно. Это вовсе не значит, что мы должны делать так же. Каждый идёт своим путём. Новая номенклатура специальностей, кстати, в какой-то мере приближается к французской модели. Не копирует, но приближается. Уже есть повод для размышлений.

Новая номенклатура специальностей ещё не начала действовать, а уже появились противники. Они, как правило, утверждают, что в нынешних условиях необходима специализация. Не возражаю, необходима. Однако причём здесь директивная номенклатуризация? Делайте сколь угодно узкую, точечную специализацию в самой работе. Отразите это в названии, в перечне описываемых вопросов и проблем, в самом содержании диссертации. Это и будет наука. Мне, например, хочется заняться криминографией, не ограничиваясь рамками судебной статистики и криминологии. Но у меня даже в мыслях не было предложить это выделить в отдельную научную специальность.

Первая защита кандидатской диссертации, на которой я присутствовал, стоя в проходе большого зала, где она проходила (места студенту-второкурснику другого не было), была защита диссертации А.М. Барнашовым (ныне он известный учёный). Совет был по философии, праву, филологии и, по-моему, ещё что-то там было. И он работал! И защиты проходили! Потом всё поменялось. Поменяется и ещё, и не раз. Такова жизнь.

Ключевой вопрос работы – бюрократизация процесса написания и защиты диссертационной работы. Автор поднимает массу болезненных вопросов: от паспорта научной специальности до эффективных контрактов и эффективных менеджеров. Могу со всей ответственностью заявить, что многое из того, что происходит сейчас в этой сфере, никак не способствует развитию творческой мысли. Более того, это её угнетает, принижает, делает ненужной. Как тут опять не вспомнить Маркса: действительная наука представляется бюрократу бессодержательной. Иными словами, она

[6] *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М., 2006. С. 44.

[7] Там же. С. 49.

[8] См.: *Головко Л.В.* Вступительная статья // *Кабрияк Р.* Кодификация. М., 2007. С. 12. Автор справедливо замечает, что юристы занимают первые места в перечне всех специальностей. Это радует.

не приносит ему деньги на блюдечке, значит, она вредна и не нужна.

В 2013 г. по чьей-то прихоти была создана нелепая организация – Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). В 2018 г. её расформировали. За всё это время я не видел ни одной (!!!) публикации в обоснование необходимости существования этой организации. Внешне она стремилась только овладеть имуществом научных учреждений и организаций. Известный юрист Ю.М. Батурин написал великолепный памфлет по этому поводу, в котором описал во всей красе «деятельность» этой конторы[9]. Ко всему прочему он выяснил, что механизм расчёта заработной платы фановцы просто списали у Льюиса Кэролла, который этот мудрец изложил в своём искромётном юмористическом произведении «Новый метод нахождения значений заработной платы» более ста лет назад. При этом они привнесли и нечто своё, постановив, что доход руководителя этой незабвенной организации должен превышать доход какого-то там доктора наук в сорок (!) раз. Это понятно: бороться с наукой намного труднее и даже опаснее, чем эту науку делать. Да и конец свой и своей борьбы эти борцы видят очень отчётливо, поэтому надо урвать по максимуму. При этом, как отмечает В.Н. Протасов, «бюрократия меркантильна по самой своей природе» (с. 113). Это всегда надо иметь в виду.

ФАНО убрали, но борьба между чиновниками и учёными никуда не делась. Она просто приобретает новые формы. И, судя по всему, усиливается.

Например, расширяются требования об обязательной публикации преподавателями статей в изданиях под грифом Scopus. При этом те, кто требуют, даже не знают, что это такое. А это всего лишь известная голландская книгоиздательская фирма, разработавшая несколько десятилетий назад некий индекс для отслеживания эффективности своей издательской деятельности. Индекс прижился, его стали использовать другие издатели и библиотеки. И только в России его взяли на вооружение чиновники от образования. Откуда такая трогательная забота о финансовом благополучии голландской фирмы? Исключительно технический, вспомогательный показатель превратился в самодовлеющую величину. Что приобретает наука, если доцент какого-то вуза опубликует статью в журнале, входящем в Scopus, где-нибудь в Бангладеш? – Разумеется, ничего, зато чиновник успокоится.

Нелепое в своей основе требование от вузовских работников публиковать свои статьи обязательно в неких «скоповских» изданиях никак не способствует развитию науки, а в подавляющем большинстве случаев отвлекает интеллектуальные и материальные ресурсы преподавателя. Одновременно такая публикация способствует материальному процветанию этих изданий и их хозяев, которые у нас в стране тщательно скрываются. А. Эйнштейн, например, опубликовал статью со своей знаменитой формулой $E = мс^2$ в каком-то никому в тот период времени не известном журнале. Ныне тысячи людей спорят об этом в самых престижных изданиях. В равной степени Ж. Алферов как-то объяснил, что получил нобелевскую премию, по сути, за свои давнишние публикации в никому не известных изданиях. Это и есть наука. А Scopus – всего лишь развлечение бюрократов. Интернет полон предложений о возможности публикации в таких изданиях. Иногда нужно дать только своё имя и научное направление (хоть ядерную физику, хоть ветеринарию). Конечно, обязательно деньги. В Интернете также полно исследований на предмет научной ценности таких публикаций[10]. Вывод совсем неутешительный: она либо нулевая, либо с отрицательным знаком. Но чиновники не успокаиваются.

Если уж так хочется как-то выделиться, то почему бы не создать свою систему учёта. Появился какой-то процентиль, но...

Да, формальные требования нужны, но требования требованиям рознь. Я защищал кандидатскую диссертацию в 1981 г. Тогда шло очередное переформатирование этой сферы. В числе обязательных требований было прописано, что документы в ВАК отправляются в папке с тремя клапанами на завязках. Папки должны быть тёмного цвета (чёрные или коричневые). Документов тогда отправлялось много и папки должны были быть большими. Моя папка весила около трёх с половиной килограмм. Где было взять эти папки – никто не пояснял. Хорошо, тогдашние умельцы подсуетились и стали их клеить, зарабатывая на этом деньги. В соседнем вузе кто-то отправил документы в ВАК в папке не то белого, не то голубого цвета. Документы вернулись нераспечатанными с указанием, что цвет не тот. Как это могло в принципе повлиять на научную ценность работы? Разве это не было очевидно сразу? – Конечно же, было очевидно. Беда в том, что любой документ проходит ряд согласований, и каждый из согласовывающих стремится внести в него свои правки, чтобы показать свою работу. Следующая инстанция эти замечания, как правило, не смотрит, просто

[9] См.: *Батурин Ю.* Похвала ФАНО // Новая газ. 2018. 18 марта. С. 14–16.

[10] Чего стоит только доклад, анонсированный от имени Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований (см.: Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы. М., 2020). Авторы заявили, что изучили 83 журнала. Вполне достаточно, чтобы появилась чёткая картина происходящего.

проштамповывает. Так мы получаем достаточно много несовершенных нормативных предписаний. Кто в этом виноват? – Сложившаяся система работы. Кстати, если к этому подключить то, что называют искусственным интеллектом, подобных благоглупостей будет значительно меньше, а то они и вовсе исчезнут. Но тогда становятся ненужными и многие ступени бюрократии. Именно поэтому бюрократия и противится внедрению искусственного интеллекта в свою сферу деятельности – пока ещё свою.

Плагиат – бич современного творческого процесса. Автор в монографии уделяет плагиату совсем небольшой раздел «Проблемы плагиата» (с. 76–79). Анализ проводит весьма своеобразный. По сути, на примере из своей жизни. Начинает анализ с упоминания кандидатской диссертации С.П. Нарыковой (2006 г.), в которой он обнаружил элементарное списывание из своих работ. Дальше говорит о плагиате, на который накладывается элементарная неграмотность. Защита, судя по всему, прошла успешно, а в 2015 г. она же защищает уже докторскую диссертацию, правда, по философии. Наверное, наскучило ей право со своими претензиями о воровстве. Плагиат и халтура в этой сфере, увы, были всегда, но только «в “постсоветское” время они расцвели пышным цветом» (с. 79). Закономерно возникает вопрос: почему?

В советское время за это хоть как-то наказывали, а плагиатор становился нерукопожатым. Сегодня этого нет. Некоторые воры (а плагиатор – это вор) даже не скрывают этого. Уличившим их в плагиате авторам они говорят, что таким образом пропагандируют идеи автора. Я знаю случаи, когда под своим именем плагиаторы издавали целые монографии и учебники. Про статьи и говорить нечего. Никто из них не понёс ответственности. А в диссертациях целиком переписываются работы других авторов. Примеров в Интернете хоть отбавляй. Это всё, увы, есть. И ещё какое-то время будет продолжаться. Ныне плагиат и плагиаторы встречаются даже там, где этот плагиат никому не нужен. Публикуют под своим именем чужие произведения не то от скуки, не то для развлечения. Они сами объяснить не могут. В середине «нулевых» я разговаривал с совсем некрупным бизнесменом, который никак не мог решить, в какой сфере ему заказать для написания докторскую диссертацию – физика, химия или экономика, при этом кандидатской степени у него не было.

Система антиплагиат есть. Таких программ несколько. Но все они слабы и явно не отвечают потребностям времени. Единственная надежда, что туда вмонтируют искусственный интеллект. Тогда, будем надеяться, лёд тронется.

В.Н. Протасов несколько раз в разных местах возвращается к теме бюрократизма в науке. Это оправдано. Наука возрождается, что просто бесит бюрократию. Того и гляди наука начнёт обходиться без бюрократии, а то и просто игнорировать её претензии. А претензий хватает.

Например, не нравятся представителям бюрократии монографии учёных. Мне самому доводилось слышать «аргумент»: «Да кто их читает». Статьи скоповские давай и точка. Почему? – Неужели только из-за отсутствия денежных поступлений в бюджет скоповских изданий? Во всяком случае такое требование закреплено нормативно. «Бюрократические требования, как известно, ориентированы не на социально полезный результат, а на создание еще одного рычага (“бюрократического крючка”), позволяющего расширить бюрократический контроль над тем или иным социальным процессом» (с. 135). Увы, с этим не приходится спорить.

Но есть претензии и к публикациям. Они не могут быть старыми. Исключительно за последние пять лет. Наверное, в некоторых случаях это оправдано, например, чтобы показать публикационную активность исследователя. Но в остальных это звучит просто глупо. Я часто привожу пример, что в теории квалификации преступлений считаю лучшей монографию акад. В.Н. Кудрявцева «Общая теория квалификации преступлений» 1972 г. (потом он её переиздавал). Когда появится более хорошая – не знаю. Автор по этому поводу весьма остроумно замечает: «Это равно тому, как если бы в оркестрах запретили использование скрипок, возраст которых превышает пять лет» (с. 20). Скрипки Страдивари, Гварнери и проч. подлежали бы обязательной утилизации.

А требования к сноскам, культивируемые в некоторых диссоветах? – Обязательно должны быть сноски на ведущих специалистов (вроде, понятно, но к числу ведущих причисляют далеко не всех) и обязательно на работы членов диссовета. Иначе, мол, мы будем некомпетентны рассматривать вашу диссертацию[11]. Если некомпетентны, то чего ради вы здесь собрались?

Пандемия, начавшаяся в 2019 г., внесла коррективы в процесс работы диссоветов. Правительством РФ было принято постановление, разрешающее дистанционное участие в работе диссоветов. В принципе решение неплохое и мне оно нравится. Жаль, что его отменяют. Как представляется, такое право надо оставить у диссоветов вне зависимости от пандемии. Единственное, с чем никак нельзя согласиться – это открытое голосование

[11] См.: *Шестаков Д.А.* О рынке диссертаций, синдроме пчелиной матки и не только // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3. С. 30–34.

при принятии решения по диссертации. Говорят, технически нельзя сделать по-другому. Ерунда! Я разговаривал со специалистами, они утверждают, что технически всё решается предельно просто. Нужна специальная программа и не более того. Так почему же этого не сделать? Против открытого голосования выступают очень многие[12]. Ответ, на мой взгляд, лежит на поверхности: нельзя будет по результатам голосования административно воздействовать на «неправильно» голосовавших.

* * *

Итак, бюрократия в науке не сдаётся. Остановить её – наша задача. И мы в состоянии это сделать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батурин Ю.* Похвала ФАНО // Новая газ. 2018. 18 марта. С. 14–16.
2. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М., 2006. С. 44, 49.
3. *Головко Л.В.* Вступительная статья // *Кабрияк Р.* Кодификация. М., 2007. С. 12.
4. Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы. М., 2020.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 271, 272.
6. *Протасов В.Н.* Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 55–61.
7. *Протасов В.Н.* Методологические проблемы защиты диссертаций (на примере юриспруденции) / рец. В.А. Северухин. М., 2021. С. 20, 76–79, 113, 135.
8. *Протасов В.Н.* Некоторые официальные категории и документы, связанные с присуждением ученых степеней в современной России: проблемы теории и практики // Государство и право. 2015. № 4. С. 93–97.
9. *Протасов В.Н.* Некоторые проблемы защиты диссертаций в современной российской юриспруденции // Государство и право. 2013. № 5. С. 16–23.
10. *Скобликов П.А.* Открытое голосование при защите диссертаций как негативный эффект от COVID-19 для науки // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3. С. 72–75.
11. *Шестаков Д.А.* О рынке диссертаций, синдроме пчелиной матки и не только // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3. С. 30–34.

[12] См., напр.: *Скобликов П.А.* Открытое голосование при защите диссертаций как негативный эффект от COVID-19 для науки // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3. С. 72–75.

REFERENCES

1. *Baturin Yu.* Praising FANO // Novaya gazeta. 2018. 18 Mar. P. 14–16 (in Russ.).
2. *Vallerstain I.* World-system analysis: an introduction. M., 2006. P. 44, 49 (in Russ.).
3. *Golovko L.V.* Introduction // *Kabriyak R.* Codification. M., 2007. P. 12 (in Russ.).
4. Foreign predatory journals in Scopus and WoS: conversion of plagiarism and dishonest Russian authors. M., 2020 (in Russ.).
5. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 1. P. 271, 272 (in Russ.).
6. *Protasov V.N.* Irrational methods of ruling as a tool of self-preservation and expansion of bureaucratically organized systems management // State and Law. 2017. No. 10. P. 55–61 (in Russ.).
7. *Protasov V.N.* Methodological problems of dissertation defense (on the example of jurisprudence). M., 2021 (in Russ.).
8. *Protasov V.N.* Some official categories and documents related to the awarding of academic degrees in modern Russia: problems of theory and practice // State and Law. 2015. No. 4. P. 93–97 (in Russ.).
9. *Protasov V.N.* Some problems of dissertation defense in modern Russian jurisprudence // State and Law. 2013. No. 5. P. 16–23 (in Russ.).
10. *Skoblikov P.A.* Open voting in the defense of dissertations as a negative effect of COVID-19 for science // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 3. P. 72–75 (in Russ.).
11. *Shestakov D.A.* On the dissertation market, queen bee syndrome and not only // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2018. No. 3. P. 30–34 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГОЛИК Юрий Владимирович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Московской академии
Следственного комитета Российской
Федерации; 125080 г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Authors' information

GOLIK Yuri V. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation;
12 Vrubel str., 125080 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 73–82
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 73–82

УДК 343.1

СЛЕДОВАТЕЛЬ И ЕГО ПОЛНОМОЧИЯ. НЕ ПОРА ЛИ ОБНОВИТЬ ПАРАДИГМУ?

© 2021 г. И. В. Глазунова[1,*], В. А. Образцов[2]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

[*]E-mail: ginesa@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена дискуссионным аспектам, связанным с понятием и систематизацией полномочий следователя как участника уголовно-процессуальных правоотношений в увязке с проблемой его полномочий. В свете авторской концепции исследуются особенности содержания понятия и полномочий следователя при рассмотрении сообщения о преступлении и производстве предварительного расследования по уголовному делу, предложены оригинальные определения указанных понятий, обоснован и реализован новый подход к дифференциации и систематизации полномочий следователя в сфере досудебного уголовного производства.

Ключевые слова: следователь, следственная практика, полномочия следователя, рассмотрение сообщения о возможном преступлении, предварительное следствие.

Цитирование: *Глазунова И.В., Образцов В.А.* Следователь и его полномочия. Не пора ли обновить парадигму? // Государство и право. 2021. № 12. С. 73–82.

DOI: 10.31857/S102694520017759-5

THE INVESTIGATOR AND HIS AUTHORITY. IS IT TIME TO UPDATE THE PARADIGM?

© 2021 I. V. Glazunova[1,*], V. A. Obraztsov[2]

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Kutafin Moscow state Law University (MSLA)

[*] E-mail: ginesa@mail.ru

Received 11.05.2021

Abstract. The article is devoted to the controversial aspects related to the concept of an investigator as a participant in criminal procedural legal relations in conjunction with the problem of his powers. In the light of the author's concept, original definitions of these concepts are proposed, a new approach to differentiation and systematization of the powers of an investigator in the field of pre-trial criminal proceedings is substantiated and implemented.

Key words: investigator, investigative practice, the powers of the investigator, consideration of a report on a possible crime, preliminary investigation.

For citation: *Glazunova, I.V., Obraztsov, V.A. (2021).* The investigator and his authority. Is it time to update the paradigm? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 73–82.

Одним из достоинств модели Уголовно-процессуального кодекса РФ является включение в ее содержание такого элемента, как «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе». В составленном в алфавитном порядке перечне данных понятий нашлось место и для определения понятия следователя (п. 41 ст. 5), в нем сообщается, что следователем является «должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом». На первый взгляд данное определение достаточно полно, точно и правильно характеризует определяемый объект, т.е. процессуальную фигуру следователя и его профессиональную миссию как участника досудебного уголовного судопроизводства.

Результаты проведенных нами исследований дают основание полагать, что упомянутый продукт научной и нормотворческой активности уязвим для критики, как с правовой, так и с формально-логической и фактической точек зрения.

Одним из упущений авторов, реформаторов и литературных интерпретаторов указанной нормативно-правовой модели, по нашему мнению, является отсутствие в ней указания на служебную принадлежность следователя как должностного лица следственного органа (т.е. подразделений Следственного комитета РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности). Примечательно, что этого недостатка законодателю удалось избежать при формулировании определения понятия дознавателя. Это определение (п. 7 ст. 5 УПК РФ) начинается со слов: «дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное ...».

Существенным является замечание, которое касается использования в тексте определения понятия следователя словосочетания «иные полномочия».

Содержащаяся в определении понятия в сжатом виде информация, разумеется, не может дать достаточно полного знания об отражаемом в нем объекте. Вместе с тем, раскрывая главное в объекте, определение позволяет выделить объект из окружающей материальной среды, отличить его от других объектов, предостеречь от смешения понятий и путаницы в рассуждениях, раскрыть содержание характеризуемой им реалии[1]. Все это имеет значение для теории и практики уголовного судопроизводства. Неправильное толкование юридических понятий и терминов зачастую способствует неправильному пониманию отраженных в них предметов, явлений, действий, процессов, что приводит к ошибкам в принятии решений в области досудебного и судебного уголовного производства. Поэтому определения должны быть не только истинными по содержанию, но и правильными по своему строению и форме. Словосочетание «иные полномочия следователя» относится к группе неявных понятий и терминов, нуждающихся в разъяснениях. Уместное в определенных случаях устно-речевого и письменно-речевого общения (например, в контексте описания, перечисления каких-либо объектов), оно не пригодно для использования в текстах определений понятий. Данное словосочетание не раскрывает характера и содержания стоящей за ним реалии, не дает о ней нового знания и потому, как представляется, подлежит исключению из определения понятия следователя. Тем более что состоятельный претендент на его замену имеется. Но об этом чуть позже.

Здесь же есть смысл задержаться на появлении в одном и том же нормативно-правовом источнике – Уголовно-процессуальном кодексе РФ – своеобразного дублера определения понятия следователя.

В ч. 1 ст. 38 УПК РФ, имеющей заголовок «Следователь», сказано о том, что «следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу». По сути, данное определение ничем не отличается от определения, предложенного в п. 41 ст. 5 УПК РФ: говорится об одном и том же, но несколько другими словами. Основное отличие этого определения от его предыдущего варианта заключается в том, что в нем отсутствует указание на иные полномочия следователя. А теперь обратимся к тому, о чем идет речь в ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Здесь сказано, что следователь уполномочен: 1) возбуждать уголовное дело; 2) принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности; 3) самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа; 4) давать органу дознания в случаях и порядке, установленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении; 5) обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК

[1] См.: Логика: учеб. для юрид. вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. М., 2004. С. 47.

РФ, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

Завершается ч. 2 ст. 38 пунктом 6, в котором указывается, что следователь уполномочен осуществлять все те же «иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом», т.е. то, чем заканчивается текст п. 41 ст. 5 УПК РФ.

Правоприменительная практика следователя непосредственное отношение имеет не только к производству предварительного расследования, но и к тому, что принято называть стадией возбуждения уголовного дела. В этом, на наш взгляд, и заключается основное слабое звено доминирующей по сей день концепции следственной практики, а также нормативно-правовых и научных моделей процессуальной фигуры следователя и его полномочий.

В связи с этим была сформулирована, обоснована и в определенной мере реализована авторская концепция предмета, содержания и пределов следственной практики, и связанных с ней определений основных понятий, в фундамент которой положен подход, позволяющий охватить с системных позиций весь комплекс полномочий следователя, реализуемых им и до, и после возбуждения уголовного дела.

Но, прежде чем высказаться на эту тему, необходимо разобраться в том, насколько точно отражает понятие «возбуждение уголовного дела» характеризуемую им реалию, и пригодно ли оно для наименования начальной стадии уголовного судопроизводства.

Как правовая категория понятие стадии уголовного процесса в теории уголовно-процессуального права интерпретируется как выделенный в законе отрезок уголовно-процессуальной деятельности, направленной на последовательное, поэтапное решение специальных задач, имеющих значение для достижения целей указанного вида судебного производства[2].

В ряде публикаций[3] нами подчеркнуто, что вопреки доминирующему, привычному для восприятия мнению мы пришли к выводу о том, что процессуальной деятельности следователя, направленной на возбуждение уголовного дела, в реальной действительности не существует.

Как таковые нормативно-правовые и научные модели стадии возбуждения уголовного дела существуют лишь в воображении, в головах создателей, реформаторов УПК РФ. В жизни имеет место единая, целостная процессуальная деятельность следователя, как и руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания, осуществляемая в форме процессуального рассмотрения сообщения о возможном преступлении.

Что же касается явления, обозначаемого словосочетанием «возбуждение уголовного дела», статусом категории предметно-практической уголовно-процессуальной деятельности оно не обладает. Под возбуждением уголовного дела подразумевается предусмотренный в Уголовно-процессуальном кодексе РФ один из видов итоговых процессуальных решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о возможном преступлении. Иными словами, это правовой акт, являющийся продуктом анализа и оценки информации, собранной в ходе предварительной проверки указанного сообщения. С этой точки зрения, данное понятие выступает в качестве одного из элементов заключительного этапа уголовно-процессуальной активности, реализуемой на начальном отрезке досудебного уголовного производства.

Таким образом, понятие возбуждения уголовного дела соотносится с понятием рассмотрения сообщения о возможном преступлении, как часть и целое, вид и род, элемент и система. По этой причине разработчиками УПК РФ и их сторонниками как представителями доминирующей, но устаревшей парадигмы следственной практики, уголовно-процессуальной фигуры следователя и его полномочий, допущена серьезная ошибка, которая в логике квалифицируется как подмена понятий, что является следствием нарушения логического закона тождества[4].

Приведенные суждения навеяны внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс РФ изменениями, заложившими основы формирующегося нового правового института о рассмотрении сообщения о преступлении. Это обстоятельство, а также результаты воплощения положений названного института в правоприменительную практику следственных органов и органов дознания стали толчком для инициативы переименования стадии

[2] См., напр.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2007. С. 11, 12; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 64–68.

[3] См.: *Глазунова И.В., Образцов В.А.* Авторская концепция совершенствования нормативно-правовой модели первой стадии досудебного уголовного производства// Вестник Всеросс. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 2 (54). С. 98–104; *Их же.* О новом подходе к интерпретации понятий следователя и следственной практики // Вестник военного права. 2020. № 4. С. 32–43.

[4] Указанный Закон гласит: всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна (равна) самой себе. Нельзя отождествлять различные мысли, как нельзя тождественные мысли принимать за нетождественные (см., напр.: Логика: учеб. для юрид. вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. С. 12, 13).

возбуждения уголовного дела путем замены ее традиционного названия на новое – «Рассмотрение сообщения о возможном преступлении»[5].

Свидетельством тому служит имеющаяся, хотя и нуждающаяся в дальнейшем развитии, но тем не менее весьма внушительная нормативно-правовая база нового правового института под названием «Рассмотрение сообщения о преступлении». Основными элементами этой системы являются нормы, содержащиеся:

1) в п. 9 ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» УПК РФ, о том, что досудебное уголовное производство начинается «с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу»;

2) в ст. 144 «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении»; ст. 145 «Решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении»; ст. 146 «Возбуждение уголовного дела публичного обвинения»; ст. 147 «Возбуждение уголовного дела частного и частно-публичного обвинения»; ст. 148 «Отказ в возбуждении уголовного дела»; ст. 149 «Направление уголовного дела». К ним примыкают нормы, определяющие полномочия прокурора, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания;

3) в п. 1, 3, 12 ч. 2 ст. 37 «Прокурор», в соответствии с которыми прокурор уполномочен: п. 1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; п. 3) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; п. 12) передавать материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому, изымать любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти и передавать их следователю Следственного комитета РФ;

4) в п. 2, 3 ч. 1 ст. 39 «Руководитель следственного органа», в соответствии с которыми руководитель следственного органа уполномочен: п. 2) проверять материалы проверки сообщения о преступлении; п. 3) лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении;

5) в п. 1 ч. 3 ст. 40^1 «Начальник подразделения дознания», в соответствии с которыми начальник подразделения дознания вправе проверять материалы проверки сообщения о преступлении, находящиеся в производстве дознавателя;

6) норм, содержащихся в п. 1–3 ч. 1 ст. 40^2 «Начальник органа дознания», в соответствии с которыми начальник органа дознания уполномочен: п. 1) поручать проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения, лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в их проверке; п. 2) продлевать срок проверки сообщения о преступлении; п. 3) проверять материалы проверки сообщения о преступлении, находящиеся в производстве органа дознания, дознавателя.

Изложенным выше нормативно-правовая основа начальной стадии досудебного уголовного производства не исчерпывается. Ее дополняют нормы, касающиеся приема, регистрации, проверки сообщений о преступлениях, содержащиеся в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации», а также в подзаконных нормативных правовых актах Следственного комитета РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности.

Именно это и произошло в рамках доминирующей концепции следственной практики. Причем, неоднократно. Один из примеров тому имеет отношение к подмене понятия уголовно-процессуальной деятельности следователя, осуществляемой на начальной и последующей стадиях досудебного уголовного производства, т.е. понятия родового уровня, понятием видового порядка – деятельностью, осуществляемой в форме предварительного следствия по уголовному делу. Другой пример касается подмены понятия системы итоговых процессуальных решений, которые могут приниматься в порядке ст. 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, одним из элементов (видов) указанных в законе решений, т.е. решением о возбуждении уголовного дела. Этот перечень может быть продолжен в т.ч. примером подмены повода к рассмотрению сообщения о возможном преступлении понятием повода к возбуждению уголовного дела.

В свете изложенных положений переходим к системному анализу авторской позиции по поводу полномочий следователя, реализуемых на начальной и последующей стадиях уголовного процесса[6].

[5] *Корма В.Д., Миронова Е.А., Образцов В.А.* Процессуальная деятельность следователя как объект межотраслевого исследования. М., 2019.

[6] В авторской редакции определение понятия следователя звучит так: «Следователь – должностное лицо следственного органа, уполномоченное осуществлять рассмотрение сообщения о возможном преступлении и производство предварительного следствия по уголовному делу».

Указанный участник уголовно-процессуальных правоотношений, также как и дознаватель, орган дознания и руководитель следственного органа, в соответствии с ч. 1 ст. 144 «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» наделен следующими видами полномочий: принятие; регистрация; проверка сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении; принятие по нему решения не позднее трех суток со дня поступления указанного сообщения. Это первая группа полномочий. Указания на еще одну группу полномочий содержатся в ч. 1 указанной статьи. В соответствии с ними участники предварительной проверки сообщения о преступлении вправе: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Еще одна группа полномочий (п. 1^1, 1^2 ч. 3 ст. 144 УПК РФ): 1) лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности; 2) указанные лица могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства; 3) при необходимости безопасность участников досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в т.ч. при приеме сообщения о преступлении; 4) полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75, 89 УПК РФ; 5) руководитель следственного органа по мотивированному ходатайству следователя вправе продлить до 10 суток срок проверки, а при необходимости – до 30 суток; 6) по результатам рассмотрения сообщения о преступлении следователь принимает одно из следующих решений: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о передаче сообщения по подследственности по делам публичного и частно-публичного обвинения, а по делам частного обвинения – в суд. О принятом решении сообщается заявителю (ст. 145 УПК РФ); 7) копия постановления о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору (ст. 148 УПК РФ), а также иные полномочия.

Специфика уголовно-процессуальных правоотношений проявляется в ряде моментов. К их числу, в частности, относится то, что участниками (субъектами) данных правоотношений являются как частные лица (физические и юридические), так и должностные лица и государственные органы.

Далее. По своему содержанию уголовно-процессуальные правоотношения состоят: а) из субъективных прав и юридических обязанностей частных лиц; б) профессиональных обязанностей адвокатов и иных лиц, оказывающих частным лицам юридическую помощь; в) полномочий должностных лиц и государственных органов.

Важно также учитывать, что полномочия должностных лиц и государственных органов выступают, с одной стороны, в качестве средства обеспечения субъективных прав частных лиц, а с другой – служат средством обеспечения публичных социально значимых интересов общества и государства, на службе которых находятся указанные лица и органы[7].

В силу публично-правового характера уголовно-процессуальных правоотношений и роли, которую играют следователи и другие должностные лица органов дознания и органов предварительного следствия в обеспечении эффективности механизма функционирования уголовного судопроизводства, закон возлагает на них полномочия, связанные с необходимостью решения обширного круга сложных, ответственных задач. Речь идет о задачах, связанных с выявлением, раскрытием, пресечением и предотвращением преступлений и других общественно опасных проявлений, с установлением значительного комплекса обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также с осуществлением уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых в совершении инкриминируемых им деяний. Вместе с тем на указанных должностных лиц возложена обязанность защиты законных прав, свобод и интересов вовлеченных в уголовный процесс физических и юридических лиц, в т.ч. пострадавших от преступлений, а также защиты ошибочно заподозренных, невиновных подозреваемых и обвиняемых от незаконного обвинения, неправомерного ограничения и ущемления их прав и свобод.

Изложенное подводит к выводу о том, что с точки зрения предмета настоящей статьи возможен другой вариант классификации участников уголовно-процессуальных правоотношений. Он предполагает разделение их на две группы по признаку роли, которую они играют в системе уголовного судопроизводства. Первая – должностные лица

[7] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. С. 107–113.

и государственные органы, осуществляющие уголовное судопроизводство. Вторая – иные физические и юридические лица, вовлекаемые первыми в орбиту уголовно-процессуальных отношений.

Данная классификация позволяет сфокусировать внимание на особенностях полномочий субъектов первой группы и абстрагироваться от полномочий, прав и обязанностей иных участников уголовного процесса.

По словарной трактовке, полномочие – это право, предоставленное физическому или юридическому лицу на осуществление чего-либо. Полномочным (или правомочным) считается лицо, обладающее законным правом, полномочием[8].

Так, в ст. 53 «Полномочия защитника» и ст. 49 «Защитник» УПК РФ сказано, что этот участник уголовного процесса вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи подзащитному в порядке защиты его прав и интересов, а также присутствовать при предъявлении обвинения, знакомиться с протоколом задержания и осуществлять иные, предусмотренные в законе полномочия.

В отличие от защитника и других вовлекаемых в том или ином случае в уголовный процесс лиц, по своему социальному статусу следователь относится к категории должностных лиц, наделенных законом властными полномочиями, т.е. правом давать обязательные для выполнения указания или применять меры принудительного воздействия в отношении других лиц, не находящихся у них в служебном подчинении. Имеются в виду не его личные, субъективного характера права (например, право на отдых или образование), а права, соответствующие целям и задачам его профессиональной миссии, интересам общества, государства и тех лиц, охране, защите прав, свобод и интересов которых посвящена его служба.

В данном контексте процессуальное полномочие следователя – это его должностное право, возведенное в ранг его должностной обязанности. Как категория интегрального порядка, понятие полномочия указанного участника уголовно-процессуальных правоотношений соединяет в одно целостное образование и его должностные права, и его должностные обязанности. И то, и другое в реальном процессе правоприменения находятся в неразрывном единстве, в закономерной взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимозависимости. Так и тогда, когда возникает право следователя действовать, там же и тогда же возникает и его обязанность действовать. И наоборот – существование обязанности с необходимостью предполагает наличие права (прав).

Об этом, в частности, свидетельствуют положения, разработанные авторитетными специалистами в области общей теории права. Как они подчеркивают, в жизни нередко права и обязанности носят слитный характер, т.е. совпадают. «Иными словами, возможность действовать, предоставленная лицу юридическими нормами, является его обязанностью, составляет для него определенную общественную необходимость действовать. Таковы полномочия государственных органов и должностных лиц, составляющие одновременно и их обязанности, и их права. Они образуют компетенцию органов государства и должностных лиц. Осуществление прав в отношении граждан, предприятий и организаций составляет обязанность должностного лица по отношению к государству и его органам»[9].

Таким образом, сущность правового понятия *полномочие следователя* (как и других должностных лиц – субъектов уголовно-процессуальных правоотношений) выражает словосочетание – социально ответственное должностное обязывание. В более развернутом виде это предельно краткая формула применительно к процессуальной фигуре следователя выглядит так: предусмотренная в норме УПК РФ типовая информационная модель должного, правообязывающего процессуального реагирования следователя на уголовно-релевантную ситуацию (юридический факт[10]), реализуемого в публичных интересах в сфере досудебного уголовного производства.

Под указанным реагированием нами понимается, что, в какой последовательности, каким образом и в какой разумный срок следователь должен делать в соответствии с предоставленными ему законом полномочиями для разрешения возникшей правовой ситуации.

Объекты (реагенты, раздражители) уголовно-процессуального реагирования следователя:

1) первичные данные (информация), ориентирующие на возможное совершение преступления;

2) собранная в ходе предварительной проверки, а также предварительного следствия, ориентирующая и вспомогательная информация;

---

[8] См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 509, 530; Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004. С. 736.

[9] Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1996. С. 186.

[10] Юридический факт – жизненное обстоятельство (событие, процесс, действие), с которым закон связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений (см., напр.: Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. С. 38; Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 393).

3) наблюдаемые следователем события, процессы, явления, имеющие отношение к предмету его исследования;

4) обстановка на месте происшествия и прилегающей к нему местности (водоемы, дороги, строения и т.д.), в жилых и служебных помещениях, иных местах производства следственных действий, проводимых за пределами размещения следственного органа;

5) обнаруженные материально фиксированные последствия и следы происшествий, действий, поведения, деятельности лиц, с которыми следователь вступает в информационный контакт;

6) предметы, документы, вещества, другие материальные носители и источники уголовно-релевантной информации;

7) установленные факты (наличия либо отсутствия проверяемого уголовно-релевантного события; наличия либо отсутствия у реального события признаков преступления и его родо-видовой принадлежности и т.д.);

8) обстоятельства, связанные с противодействием следователю со стороны незаинтересованных в установлении истины лиц (ложное алиби, поддельные документы, криминальные имитации и инсценировки, симуляция заболевания и др.);

9) воспринимаемые следователем эмоциональные, вербальные, психические, физические и иные реакции участников процессуальных правоотношений, проявляемые в ответ на действия, вопросы, иную активность следователя.

Формы уголовно-процессуального реагирования следователя (ответные реакции на раздражители):

1) первоначальные, промежуточные, итоговые процессуальные решения;

2) общие и частные следственные версии о правовой сущности, родо-видовой принадлежности, личности участников и наблюдателей (очевидцев) исследуемого деяния, причинах происшествий и других обстоятельствах, имеющих значение для уголовного процесса;

3) отдельные следственные и иные процессуальные действия, а также организационно-тактические комплексы взаимосвязанных действий;

4) назначение судебных экспертиз и использование в процессе доказывания заключений судебных экспертов;

5) привлечение к процессу подготовки и проведения следственных действий специалистов;

6) инициирование взаимодействия с оперативными сотрудниками органов дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, путем дачи им обязательных для исполнения письменных поручений о проведении оперативно-розыскных действий и мероприятий;

7) использование в ходе предварительных проверок и предварительного следствия допустимых методов, средств, способов, приемов, передовых технологий и других достижений научно-технического прогресса, способствующих повышению качества, эффективности, сокращению сроков решения правоприменительных, познавательных, поисковых и иных задач в следственной практике.

В зависимости от способа выработки и описания (словесного оформления) содержания норм (правовых моделей), отражающих полномочия должностных лиц органов дознания и органов предварительного следствия, данные нормы можно разделить на две группы. Первая – нормы директивного (императивного) властно-побудительного (обязательного) характера, не допускающие каких-либо отступлений правоприменителя (адресата) от требований юридического установления.

Другая группа – это нормы диспозитивного (автономного) порядка, допускающие возможность действовать по т.н. дискреционному усмотрению правоприменителя.

Некоторые авторы склонны утверждать, что «государственные органы и должностные лица, осуществляющие производство по делу, к субъектам диспозитивности не относятся, так как они действуют в публичных интересах в соответствии со своими процессуальными правами и обязанностями»[11].

Как представляется, это недостаточно аргументированное, спорное умозаключение.

Выше подчеркивалось, что в отличие от частного лица следователь как представитель органа предварительного следствия, обладающий статусом должностного лица, осуществляет профессиональную миссию не ради удовлетворения своих потребностей и достижения своих сугубо личных соображений и субъективных интересов, а для охраны и обеспечения публично-правовых целей, задач и интересов.

Однако реализация должностным лицом права на выбор конкретного варианта решения или действия из серии реально возможных и допустимых альтернатив не может быть ни абсолютно свободной, ни беспредельной. Его усмотрение возможно и необходимо только в том случае, когда оно вытекает из закона, не выходит за пределы его должностных полномочий и опирается на

[11] Уголовно-процессуальное право: учеб. / под ред. Л.В. Бертовского, В.Н. Махова. М., 2020. С. 93.

собранные фактические данные и установленные обстоятельства[12].

Изложенное показывает, что логическую основу для систематизации полномочий следователя образует деление осуществляемой им уголовно-процессуальной деятельности в сфере досудебного уголовного производства на две части (формы): 1) производство рассмотрения сообщения о возможном преступлении; 2) производство предварительного следствия по уголовному делу. В соответствии с таким подходом выделяются две группы анализируемых полномочий. Первая – полномочия, реализуемые на начальной стадии процессуальной активности следователя; вторая – полномочия, реализуемые им на последующей стадии, т.е. в ходе предварительного следствия.

Общим родовым (базовым) понятием полномочий первой группы служит понятие рассмотрения сообщения о возможном преступлении. Представление об отдельных видах данной группы полномочий, как отмечалось, дают нормы ст. 144–149 УПК РФ. В качестве общего (базового) родового уровня полномочия второй группы выступает полномочие на осуществление предварительного следствия по уголовному делу. По сравнению с объемом полномочий, реализуемых на первой стадии досудебного уголовного судопроизводства, для деятельности следователя при производстве предварительного следствия характерен значительно больший круг полномочий видового характера. К ним, в частности, относятся полномочия по соединению уголовных дел; по выделению материалов уголовного дела в отдельное производство; по восстановлению уголовных дел; по производству предварительного следствия следственной группой; по прекращению уголовного дела в порядке ст. 24–25[1] УПК РФ и т.д.

В связи с этим возникает необходимость осуществления их внутренней группировки. При этом в качестве оснований классификаций могут выступать различные признаки, связи и отношения исследуемых полномочий. Методологически и практически значимой в этом плане является их группировка, осуществляемая применительно к функциям расследования по уголовному делу. При этом во внимание могут быть приняты, например, такие полномочия, как исследование обстоятельств дела; обвинение (уголовное преследование); отстаивание интересов, нарушенных преступлением; обеспечение участникам расследования их прав и охрана их законных интересов; предупреждение и пресечение преступлений; процессуальное руководство и разрешение уголовного дела[13].

Из сравнительного анализа понятий той и другой категорий видно, что определенная их часть отражает специфику правоотношений, присущих деятельности следователя как до, так и после возбуждения уголовного дела. В то же время усматриваются и полномочия универсального характера, т.е. одинаково значимые как для начальной, так и последующей стадии досудебного уголовного процесса. К их числу, например, относятся полномочия по обеспечению личной безопасности самого следователя и безопасности других участников, с которыми он осуществляет информационное взаимодействие; по вовлечению в орбиту процессуальных правоотношений достижений научно-технического прогресса, а также возможностей и специальных знаний судебных экспертов, специалистов из различных областей науки и техники для участия в подготовке и производстве следственных действий; по проверке уголовно-релевантной информации, поступившей к следователю извне и собранной самим следователем в ходе предварительной проверки и предварительного следствия.

Изложенное дает основание полагать, что существующая нормативно-правовая модель полномочий следователя нуждается и в уточнении, и в дополнении. В этом плане может представить интерес предлагаемая ниже логическая конструкция целостной системы, элементами которой являются: 1) совокупность полномочий универсального характера, одинаково значимых для всего цикла уголовно-процессуальной деятельности следователя в сфере досудебного уголовного производства; 2) полномочия, реализуемые в рамках начальной стадии досудебного уголовного производства (до возбуждения уголовного дела); 3) полномочия, реализуемые в рамках последующей стадии, т.е. производства предварительного следствия по уголовному делу.

* * *

Приведенная система полномочий следователя является одной из подсистем (составных частей) института полномочий должностных лиц и государственных органов как участников уголовно-процессуальных правоотношений, выполняющих свои полномочия в т.н. общем порядке уголовного судопроизводства. В этой системе не затрагиваются специфические аспекты, характерные для полномочий и других аспектов уголовно-процессуальной деятельности следователей, дознавателей, руководителей органов дознания и органов предварительного следствия, осуществляемой в особом порядке. Имеются

[12] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. С. 286, 287; *Загорский Г.И., Хатуаева В.В.* Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса (Досудебное производство): курс лекций. М., 2020. С. 42–44; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.И. Загорского. М., 2016; *Баев О.Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). М., 2017. С. 109–113.

[13] См.: *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 160.

в виду относящиеся к компетенции следователя полномочия, касающиеся особенностей правоотношений, предусмотренных в Части IV «Особый порядок уголовного судопроизводства» УПК РФ: 1) по отдельным категориям уголовных дел (по делам о преступлениях в отношении несовершеннолетних; по делам о применении принудительных мер медицинского характера; по делам о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности); 2) по делам в отношении отдельных категорий лиц. К ним примыкают полномочия, связанные со спецификой юридической деятельности, закрепленные в Части V «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» УПК РФ, определяющей порядок взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и с международными организациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баев О.Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). М., 2017. С. 109–113.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004. С. 736.
3. *Глазунова И.В., Образцов В.А.* Авторская концепция совершенствования нормативно-правовой модели первой стадии досудебного уголовного производства// Вестник Всеросс. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 2 (54). С. 98–104.
4. *Глазунова И.В., Образцов В.А.* О новом подходе к интерпретации понятий следователя и следственной практики // Вестник военного права. 2020. № 4. С. 32–43.
5. *Загорский Г.И., Хатуаева В.В.* Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса (Досудебное производство): курс лекций. М., 2020. С. 42–44.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.И. Загорского. М., 2016.
7. *Корма В.Д., Миронова Е.А., Образцов В.А.* Процессуальная деятельность следователя как объект межотраслевого исследования. М., 2019.
8. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 64–68, 107–113, 286, 287.
9. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 160.
10. Логика: учеб. для юрид. вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. М., 2004. С. 12, 13, 47.
11. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1996. С. 38, 186.
12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 509, 530.
13. Уголовно-процессуальное право: учеб. / под ред. Л.В. Бертовского, В.Н. Махова. М., 2020. С. 93.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2007. С. 11, 12.
15. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 393.

REFERENCES

1. *Baev O. Ya.* Investigator (fundamentals of theory and practice of activity). M., 2017. P. 109–113 (in Russ.).
2. The Great Explanatory Dictionary of the Russian language / ed. by D.N. Ushakov. M., 2004. P. 736 (in Russ.).
3. *Glazunova I.V., Obraztsov V.A.* The author's concept of improving the regulatory model of the first stage of pretrial criminal proceedings// Herald of the All-Russian Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (54). P. 98–104 (in Russ.).
4. *Glazunova I.V., Obraztsov V.A.* On a new approach to the interpretation of the concepts of the investigator and investigative practice // Herald of Military Law. 2020. No. 4. P. 32–43 (in Russ.).
5. *Zagorsky G.I., Khatuaeva V.V.* Actual problems of theory and practice of criminal procedure (Pre-trial proceedings): course of lectures. M., 2020. P. 42–44 (in Russ.).
6. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article) / ed. by G.I. Zagorsky. M., 2016 (in Russ.).
7. *Korma V.D., Mironova E.A., Obraztsov V.A.* Procedural activity of an investigator as an object of intersectoral research. M., 2019 (in Russ.).
8. Course of criminal procedure / ed. by L.V. Golovko. M., 2017. P. 64–68, 107–113, 286, 287 (in Russ.).
9. *Larin A.M.* Investigation in a criminal case: procedural functions. M., 1986. P. 160 (in Russ.).
10. Logic: textbook for legal high schools / V.I. Kirillov, A.A. Starchenko. M., 2004. P. 12, 13, 47 (in Russ.).
11. General theory of law and state / ed. by V.V. Lazarev. M., 1996. P. 38, 186 (in Russ.).
12. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1973. P. 509, 530 (in Russ.).
13. Criminal Procedure Law: textbook / ed. by L.V. Bertovsky, V.N. Makhov. M., 2020. P. 93 (in Russ.).
14. Criminal Procedural Law of the Russian Federation / ed. by I.L. Petrukhin. M., 2007. P. 11, 12 (in Russ.).
15. Legal Encyclopedic dictionary. M., 1984. P. 393 (in Russ.).

Сведения об авторах

ГЛАЗУНОВА Инесса Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ОБРАЗЦОВ Виктор Александрович –
доктор юридических наук, профессор, ветеран прокуратуры РФ, ветеран Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 123242 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

GLAZUNOVA Inessa V. –
PhD in Law, assistant Professor, senior researcher of the Administrative Law and Administrative Process Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

OBRAZTSOV Viktor A. –
Doctor of Law, Professor, veteran of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, veteran of Kutafin Moscow state Law University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 123242 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 83–96
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 83–96

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

© 2021 г. О. В. Дамаскин[1, *], В. В. Красинский[2, **]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Главное управление региональной безопасности Московской области, г. Красногорск

**E-mail: dov39@mail.ru*
***E-mail: krasinskyvv@mosreg.ru*

Поступила в редакцию 21.01.2021 г.

Аннотация. В статье обосновывается необходимость учета криминологических и уголовно-правовых аспектов выработки сбалансированной государственной политики в сфере иностранных инвестиций в транспортный комплекс. Рассматриваются инвестиционные проекты и иностранное участие в акционерном капитале организаций транспортной инфраструктуры, налоговые, правовые и репутационные риски, связанные с иностранным и офшорным владением стратегическими объектами транспортного комплекса. Авторами анализируется зарубежный опыт расследования законности происхождения доходов инвесторов, предлагаются меры по декриминализации транспортной отрасли, повышению уровня безопасности объектов транспортной инфраструктуры и эффективности инвестиционных программ.

Ключевые слова: транспортный комплекс, криминологические и уголовно-правовые аспекты безопасности транспортной инфраструктуры, иностранные инвестиции, расследование происхождения доходов, стратегические сектора экономики, иностранное и офшорное владение, деофшоризация, защита бизнеса от санкций, декриминализация транспортной отрасли.

Цитирование: *Дамаскин О.В., Красинский В.В.* Криминологические и уголовно-правовые аспекты безопасности транспортного комплекса России в контексте регулирования иностранных инвестиций // Государство и право. 2021. № 12. С. 83–96.

DOI: 10.31857/S102694520017760-7

SECURITY OF THE TRANSPORT COMPLEX OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF FOREIGN INVESTMENT REGULATION

© 2021 O. V. Damaskin[1, *], V. V. Krasinsky[2, **]

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Main Department of regional security of the Moscow region, Krasnogorsk

**E-mail: dov39@mail.ru*
***E-mail: krasinskyvv@mosreg.ru*

Received 21.01.2021

Abstract. The article substantiates the need to develop a balanced state policy in the field of foreign investment in the transport complex. Investment projects and foreign participation in the capital of transport infrastructure organizations, tax, legal and reputational risks associated with foreign and offshore ownership of strategic transport facilities are considered. The authors analyze the foreign experience of investigating the legitimacy of the origin of investors' incomes, propose measures to decriminalize the transport industry, improve the safety level of transport infrastructure and the efficiency of investment programs.

Key words: transport complex, security of transport infrastructure, foreign investment, investigation of the origin of income, strategic sectors of the economy, foreign and offshore ownership, deoffshorization, protection of business from sanctions, decriminalization of the transport industry.

For citation: *Damaskin, O.V., Krasinsky, V.V. (2021).* Security of the transport complex of Russia in the context of foreign investment regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 83–96.

Транспортное инфраструктурное развитие – одно из приоритетных направлений деятельности Правительства РФ. По оценкам аудиторско-консалтинговой компании EY, доля российской транспортной отрасли в структуре валовой добавленной стоимости достигает 7%, а реализация проектов по строительству транспортной инфраструктуры вносит значительный вклад в объем инвестиций в основной капитал[1].

Одним из основных механизмов развития транспортной инфраструктуры является привлечение инвестиций, в т.ч. из-за рубежа. В соответствии с п. 36 и 37 ст. 6 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»[2] оказание услуг хозяйствующим субъектом, включенным в перечень субъектов естественных монополий в сфере услуг в транспортных терминалах, портах и аэропортах, а также оказание услуг субъектом, занимающим доминирующее положение в портах Российской Федерации, имеет стратегическое значение для безопасности государства.

Особое место в инвестиционной деятельности занимает иностранное инвестирование в стратегические отрасли, одной из которых является транспортный комплекс[3].

Продолжающееся санкционное воздействие США и ЕС на ключевые секторы российской экономики, попытки сковывания экономической самостоятельности Российской Федерации, снижение поступлений иностранных инвестиций, ухудшение качества активов, отток капитала за рубеж ставят на повестку дня вопрос места и роли иностранных инвестиций в транспортном комплексе и других стратегических отраслях российской экономики[4].

Так, по данным Управления контроля иностранных инвестиций ФАС России, иностранные инвестиции в морские порты в период 2015–2017 гг. составили 1 млрд 862 млн долл., в аэропорты – 1 млрд 900 млн долл., что представляет 6.6% от общего объема иностранных инвестиций в стратегические хозяйственные общества. Объем инвестиций из офшорных зон варьировался от 12% (2016 г.) до 41% (2017 г.)[5].

География иностранных инвесторов в стратегические хозяйственные общества транспортного комплекса России была представлена следующим образом: 2015 г. – Кипр (33%), ОАЭ (13%), Сингапур (7%), Швейцария (7%), Соединенное Королевство (7%), Финляндия (7%), Бермуды (7%), Иран (7%), КНР (6%), Индия (6%); 2016 г. – Кипр (28%), Сингапур (22%), Япония (6%), Соединенное Королевство (6%), Нидерланды (6%), Каймановы острова (6%), Бермудские острова (6%), Франция (5%), Королевство Норвегия (5%), США (5%), Катар (5%); 2017 г. – Кипр (34%), ОАЭ (25%), Сингапур (9%), Канада (8%), Австрия (8%), Виргинские острова (8%), Джерси (8%)[6].

Как показывает анализ, несмотря на введенные в отношении России ограничительные меры, в числе инвесторов наряду с налоговыми убежищами и офшорами (стратегические инвесторы Кипр, ОАЭ, Сингапур) присутствуют и санкционно активные юрисдикции, такие как США, Соединенное Королевство, Канада, Франция, Нидерланды, Япония, Австрия, Норвегия и Финляндия.

Основными формами иностранных инвестиций в транспортную отрасль стратегического назначения, как правило, являются: участие в акционерном капитале; создание совместных предприятий или оперирующих компаний для реализации проектов; кредитование; лизинг. В связи с неблагополучной макроэкономической ситуацией в условиях пандемии коронавируса COVID-19, сохраняющимся санкционным давлением отмечается постепенное сокращение внешнеторговых операций, инвестиционных проектов и снижение доли иностранного участия в акционерном капитале организаций транспортной инфраструктуры.

По данным Росстата, в период с 2014 по 2018 г. объем инвестиций в деятельность воздушного транспорта России сократился более чем в пять раз: с 260.7 млрд руб. в 2014 г. до 49.5 млрд руб. в 2018 г. Инвестиции из-за рубежа в основной капитал

---

[1] См.: Обзор отрасли грузоперевозок в России. 2019 год. EY.: 2020. С. 1.

[2] См.: СЗ РФ. 2008. № 18, ст. 1940.

[3] См.: *Дамаскин О.В.* Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы. М., 2020; *Дораев М.Г.* Допуск иностранных инвесторов в стратегические отрасли экономики (правовые основы). М., 2012; *Его же.* Допуск иностранных инвесторов в стратегические отрасли экономики как средство государственного регулирования инвестиционной деятельности // Предпринимательское право. 2013. № 1. С. 48–58; *Larson A.P., Marchik D.M.* Foreign Investment and National Security: Getting the Balance Right // Council Special Report. 2006. July. No. 18.

[4] См.: *Акимова А.В., Симакова К.Б.* Новеллы в сфере контроля за осуществлением иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики // Росс. конкурентное право и экономика. 2019. № 3. С. 30–35; *Красинский В.В.* О правовом регулировании иностранных инвестиций в интересах защиты государственного суверенитета Российской Федерации // Военное право. 2017. № 3; *Его же.* Защита государственного суверенитета. М., 2017. С. 518–531.

[5] См.: ФАС России. Иностранные инвестиции в морские порты и аэропорты Российской Федерации. Управление контроля иностранных инвестиций. М., 2018; ФАС России. Итоги деятельности Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации за 2015–2017 годы. М., 2018.

[6] См.: там же.

также снизились: со 120.4 млрд руб. в 2015 г. до 86.6 млрд руб. в 2018 г.[7]

По информации Банка России, объем экспортных операций морского транспорта в 2019 г. составил 5 млрд 389 млн долл., объем импортных операций – 3 млрд 990 млн долл.[8] В аналогичном периоде объем экспортных операций воздушного транспорта достиг 10 млрд 986 млн долл., импортных операций – 9 млрд 42 млн долл., в т.ч. объем пассажирских перевозок – 2 млрд 456 млн долл.[9]

В первом квартале 2020 г. объем экспортных операций морского транспорта составил 1 млрд 191 млн долл., импортных операций – 873 млн долл. Экспортные операции воздушного транспорта достигли уровня 2 млрд 124 млн долл., импортные операции – 1 млрд 958 млн долл.[10]

В контексте обеспечения безопасности регулирование иностранных инвестиций имеет два ключевых аспекта. С одной стороны, государство должно способствовать формированию предсказуемого и прозрачного делового климата для иностранных инвесторов. С другой – государство обязано не допустить реализацию угроз обороноспособности страны, ослабления и подрыва своего суверенитета[11].

Следует отметить, что инвестиционная деятельность с участием иностранного элемента может носить неоднозначный характер. Так, в 1990-е годы возможности стабилизации российской экономики, устойчивость валютного курса, восстановление финансового рынка, обеспечение населения продовольствием оказались в зависимости от привлечения кредитных ресурсов международных финансовых организаций (МВФ и Всемирного банка) и иностранных государств, что повлекло ослабление государственного суверенитета Российской Федерации. В тот период МВФ фактически утверждал федеральный бюджет, а Всемирный банк контролировал процессы приватизации и отраслевую политику. Иностранные фирмы приобретали и в последующем банкротили стратегические российские предприятия в целях вытеснения отечественной продукции с внешнего и внутреннего рынка. Репатриация российского криминального капитала под видом иностранных инвестиций позволила представителям организованных преступных сообществ установить контроль над рядом крупных бюджетообразующих предприятий и рентабельных производств.

Ныне наряду с вложением капитала в инфраструктурные проекты и хозяйственные общества, осуществляющие свою деятельность в транспортном комплексе, значительное распространение получили схемы вывода средств в офшорные и транзитные низконалоговые юрисдикции – т.н. «налоговые убежища».

Вывод средств за рубеж, как правило, осуществляется с помощью расчетов и переводов по мнимым (притворным) сделкам об оказании услуг[12]; выплаты процентов по займам иностранным кредиторам; предоставления кредитов иностранным компаниям по договорам займа[13]; выплаты дивидендов; выплаты авансов на импортируемые товары без последующей поставки; приобретения ценных бумаг российских и иностранных эмитентов у иностранных контрагентов; переводов по договорам купли-продажи зарубежной недвижимости.

Низконалоговые юрисдикции («налоговые убежища») представляют собой государства и территории, которые, хотя формально и не являются офшорами, но предлагают льготные налоговые режимы, конкурирующие с офшорными зонами[14]. Данные низконалоговые юрисдикции объединяет ряд общих признаков: отсутствие валютного контроля; специальные налоговые режимы для нерезидентов; соглашения об избежании двойного налогообложения с Российской Федерацией[15];

---

[7] См.: Инвестиции в России. Статистический сб. М., 2019. С. 40, 45.

[8] См.: I квартал 2020 года. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации. М., 2020. С. 16.

[9] См.: там же. С. 17.

[10] См.: там же. С. 35.

[11] См.: *Красинский В.В.* О правовом регулировании иностранных инвестиций в интересах защиты государственного суверенитета Российской Федерации.

[12] Данная схема установлена судом в рамках рассмотрения уголовного дела в отношении руководства ООО «Авиакомпания “Вим-Авиа”» по ч. 4 ст. 159.1, ч. 3 ст. 193.1 и ч. 2 ст. 201 УК РФ. С 2015 по 2017 г. авиакомпания «Вим-Авиа» неправомерно переводила денежные средства со своих счетов аффилированным компаниям и нерезидентам Российской Федерации с использованием подложных документов. Фигуранты дела фальсифицировали отчетность, чтобы получать кредиты, которые выводились из авиакомпании на счета зарубежных компаний под фиктивные контракты (см.: URL: http://kommersant.ru/doc/4548901).

[13] Примером возмещения ущерба по схеме вывода денежных средств в Республику Кипр по договору займа можно считать решение Арбитражного суда г. Москвы по иску авиакомпании «Трансаэро» к компании Jeimbo Cyprus Limited о взыскании с ответчика задолженности, процентов за пользование займом и пени. В 2020 г. с кипрской компании по искам авиаперевозчика взыскали более 1.3 млрд руб. (см.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.10.2020 г. по делу № А 40-4914/19-137-34, Решение Арбитражного суда г. Москвы от 22.01.2020 г. по делу № А 40-304519/18-162-2623).

[14] После заключения соглашений об обмене налоговой информацией из Перечня офшорных зон исключены Республика Кипр, Мальта и Гонконг.

[15] В рамках антикризисных мер поддержки экономики в связи с последствиями пандемии Президент РФ поручил определить перечень международных договоров Российской

упрощенный порядок регистрации и управления компаниями; возможность получения гражданства или вида на жительство за инвестиции; указанные юрисдикции, как правило, используются для холдинговой деятельности, размывания налоговой базы и транзита прибыли в офшоры.

Запутанная и (или) закольцованная структура собственности, наличие номинальных веток контроля позволяют осуществлять с использованием офшорных структур непрозрачные финансовые операции и сделки с аффилированными сторонами и обеспечивать отмывание доходов, полученных преступным путем[16].

Часто офшорные юрисдикции не имеют реестров бенефициарных владельцев или не раскрывают подобную информацию. Дополнительным препятствием является длительное рассмотрение направленных в иностранные государства запросов о правовой помощи и отказ отдельных стран от сотрудничества[17].

Примером сложной разветвленной структуры аффилированных компаний с зарубежным и офшорным участием является структура бизнеса аэропорта «Домодедово» (Москва).

Учредителем большинства организаций, обеспечивающих аэропорт «Домодедово», является «ДМЕ Лимитед» (доля владения – 100%, низконалоговая юрисдикция – Кипр)[18]. «ДМЕ Лимитед» выступает материнской структурой для естественных монополий и системообразующих организаций ООО «Домодедово Айти Сервисиз» (специализируется на создании баз данных и информационных ресурсов), ООО «Домодедово Пэссенджер Терминал»[19], ООО «Домодедово Секьюрити», ООО «Домодедово Фьюл Сервисиз», ООО «Домодедово Эрпорт Хэндлинг», ООО «Домодедово Эрфилд», ООО «Домодедово Кэтеринг» и ООО «Домодедово Трейнинг».

В свою очередь, управляющая компания контролирующего лица – «Эрпорт Менеджмент Компани Лимитед» зарегистрирована в офшорной юрисдикции (остров Мэн, Соединенное Королевство). Таким образом, для иностранных владельцев аэропорта «Домодедово» доступны базы данных, критически важная информационная, инженерная и топливно-заправочная инфраструктура стратегического аэропорта, целенаправленное воздействие на которую (в т.ч. дистанционное, с помощью программно-аппаратных средств) в угрожаемый период и во время введения режима военного положения может привести к устойчивому прекращению функционирования стратегически важных объектов.

Изначально стремление скрыть конечных бенефициаров за непрозрачной структурой аффилированных компаний объяснялось руководством аэропорта «Домодедово» необходимостью принятия защитных мер от попыток рейдерских захватов аэропорта. Однако в 2011 г. после теракта в аэропорту «Домодедово» правоохранительные органы не смогли установить конечных правообладателей, ответственных за антитеррористическую защищенность и безопасность аэропорта[20].

Как видим, иностранное владение (управление) стратегическими объектами транспортного комплекса, невозможность в большинстве случаев осуществления процессуальных действий, отказы в проведении экстрадиционных процедур в отношении фигурантов, находящихся за рубежом, влекут высокие риски, связанные с юридической безответственностью т.н «номинальных директоров» (управляющих).

Следует отметить, что наличие в аэропорту «Домодедово» управляющей компании, зарегистрированной в офшорной юрисдикции, свидетельствует о невыполнении поручения Президента РФ по итогам Совещания о развитии аэропортов

Федерации об избежании двойного налогообложения и обеспечить внесение в них изменений, предусматривающих налогообложение по ставке 15% доходов в виде дивидендов и процентов, выплачиваемых нерезидентам Российской Федерации, а в случае недостижения договоренностей о внесении соответствующих изменений прекратить действие таких договоров (поручение от 28.03.2020 г. № Пр-586 (п. 1)). В настоящее время изменены налоговые соглашения с Кипром и Мальтой, пересматриваются с Люксембургом и Нидерландами.

[16] См.: Эксперт РА. Методология присвоения рейтингов кредитоспособности нефинансовым организациям (утв. на заседании методологического комитета от 24.08.2020 г. № 256). С. 47, 48.

[17] В рамках внедрения Пятой директивы по борьбе с отмыванием денежных средств № 2018/843 (5AMLD) в ЕС отмечается тенденция к усилению контроля за раскрытием бенефициарных владельцев. Публичные реестры бенефициаров предусмотрены законодательством Австрии, Соединенного Королевства, Нидерландов, Латвии, Эстонии, Мальты и Люксембурга.

[18] Сведения об учредителях и долях владения приведены на основании открытых данных ФНС России, а также информации с корпоративных сайтов компаний.

[19] Здесь и далее субъекты естественных монополий указаны в соответствии с приказом ФАС России от 08.09.2017 г. № 1189/17 «Об утверждении Перечней субъектов естественных монополий в сфере услуг в транспортных терминалах, портах и аэропортах, государственное регулирование которых осуществляется ФАС России».

[20] 24 января 2011 г. в результате теракта в аэровокзальном комплексе аэропорта «Домодедово» погибли 37 человек, 172 получили ранения различной степени тяжести. В соответствии с профильными постановлениями Правительства РФ ответственность за обеспечение антитеррористической защищенности объектов и безопасности людей несут собственники (правообладатели) объектов. Руководство аэропорта, ссылаясь на контракт с «Эрпорт Менеджмент Компани Лимитед», избежало уголовной ответственности за непринятие мер по обеспечению надлежащего досмотра в зоне транспортной безопасности.

Московского авиационного узла от 3 июля 2013 г.[21] В частности, в каждом аэропорту Московского авиационного узла должны быть созданы управляющие компании, в которых консолидируется имущество для обеспечения эффективного функционирования аэропорта[22].

Данные компании должны находиться в российской юрисдикции и обеспечивать раскрытие информации о конечных бенефициарах.

По мнению аналитиков рейтингового агенства «Эксперт РА», на фоне усиления активности государства по снижению доли российского бизнеса, зарегистрированного в зонах с льготным налоговым режимом, наличие в структуре собственности таких компаний влечет повышенную уязвимость к налоговым и правовым рискам, а также к возникновению внебалансовых обязательств на уровне технических и номинальных компаний[23].

Аналогичным образом структурирована группа компаний, подконтрольная крупнейшему в России аэропортовому холдингу «Новапорт» (ООО «Новапорт Инвест»)[24].

ООО «Новапорт инвест» выступает материнской структурой – учредителем и распоряжается долями в уставном капитале АО «Аэропорт Храброво» (доля 100%) (естественная монополия), ООО «Международный аэропорт Белгород» (доля 100%), ООО «Аэропорт Байкал» (Улан-Удэ) (100%) (естественная монополия), ООО «Международный аэропорт Кемерово» (доля владения 90%) (естественная монополия), ООО «ТЗК Международный аэропорт Кемерово» (90%), ООО «Аэропортовый грузовой комплекс» (100%).

В свою очередь, учредителями ООО «Новапорт Инвест» являются «Новапорт Холдинг»[25] (100%) и «Ти Эс Транс Сайбириа Ко Лимитед» (0.01%, юрисдикция – Кипр), а учредителями ООО «Новапорт Холдинг» выступают «Ти Эс Транс Сайбириа Ко Лимитед» (100%, Кипр) и ООО «Новапорт Инвест» (0.01%) (доли под обременением). Таким образом, структура бизнеса холдинговой группы «Новапорт» является закольцованной. Владение долями в уставном капитале осуществляется через цепочку юридических лиц. Кроме того, обременение долей владения свидетельствует о рисках смены собственника.

Как сообщается в СМИ, структуры «Новапорта» проходили по материалам уголовных дел, связанным хищениями и растратами при реализации крупных инфраструктурных проектов. Так, в МВД России расследуется уголовное дело по обвинению владельца группы «Сумма» З. Магомедова в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, ст. 159 и 160 УК РФ, на общую сумму около 11 млрд руб. По данным следствия, обвиняемые в т.ч. причастны к хищению 1.2 млрд руб. в ходе реконструкции аэропорта «Храброво» (Калининград)[26].

Ключевым аэропортовым холдингом России, входящим в перечень субъектов естественных монополий, является АО «УК Аэропорты регионов»[27]. В холдинг входят международный аэропорт Кольцово (Екатеринбург), международный аэропорт Курумоч (Самара), международный аэропорт Стригино (Нижний Новгород), международный аэропорт Платов (Ростов-на-Дону) и международный аэропорт Гагарин (Саратов). АО «УК Аэропорты регионов» также реализует проекты модернизации аэропортов Петропавловска-Камчатского и Нового Уренгоя[28]. Учредителем АО «УК Аэропорты регионов» является «Фулгейт Консалтанс ЛТД» (100%, юрисдикция – Кипр).

Учитывая включение конечного бенефициара АО «УК Аэропорты регионов» В. Вексельберга в санкционные списки Министерства финансов США, существуют риски заморозки зарубежных

[21] См.: Перечень поручений по итогам совещания о развитии аэропортов Московского авиационного узла от 03.07.2013 г. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/18955

[22] Должностные лица ФГУП «Администрация аэропорта “Домодедово”» являются фигурантами уголовного дела по ч. 1.1 ст. 293 УК РФ («Халатность, повлекшая причинение особо крупного ущерба»). В ходе инвентаризации оборудования и материалов, приобретенных в рамках государственного контракта на реконструкцию взлетно-посадочной полосы, рулежных дорожек и мест стоянки самолетов в аэропорту «Домодедово» установлена недостача имущества на сумму 55 млн руб. (серверы, видеорегистраторы, коммутаторы, программное обеспечение, кабели и др.) (см.: URL: http://Tass.ru/proisshestviya/9813511).

[23] См.: Эксперт РА. Методология присвоения рейтингов кредитоспособности нефинансовым организациям (утв. на заседании методологического комитета от 24.08.2020 г. № 256).

[24] См.: Novaport.ru. Холдинг «Новапорт» (конечный бенефициар Р. Троценко) объединяет 17 аэропортов (в Воронеже, Новосибирске, Барнауле, Кемерове, Томске, Чите, Астрахани, Челябинске, Волгограде, Перми, Тюмени, Мурманске, Минеральных Водах, Ставрополе, Владикавказе, Калининграде и Улан-Удэ). Пассажиропоток в 2019 г. составил 25 млн чел.

[25] ООО «Новапорт Холдинг» является учредителем ООО «Аэропорт Томск» (в перечне субъектов естественных монополий) (доля владения 74.90%).

[26] См.: Прокуратура изучит «Сумму» доказательств. URL: http://kommersant.ru/doc/4538290

[27] Официальный сайт //Ar-management.ru

[28] АО «УК Аэропорты регионов» управляет АО «Международный аэропорт Курумоч», АО «Международный аэропорт Петропавловск-Камчатский (Елизово)», АО «Международный аэропорт Нижний Новгород», ПАО «Аэропорт Кольцово», ООО «Уренгойаэроинвест», АО «Сараэро-инвест», АО «Ростоваэроинвест». В 2019 г. холдинг «Аэропорты регионов» перевез 15.5 млн человек.

счетов и активов принадлежащего ему аэропортового холдинга в иностранных юрисдикциях, дружественных США, Канаде и странам ЕС, а также риски отказа инвесторов от инвестиционных программ и проектов развития аэропортов холдинга.

Закольцованная структура владения с разделением полномочий владения и контроля используется в группе «Базэл Аэро» (бенефициар О. Дерипаска) (ООО «Базэл Аэро» является управляющей компанией и контролирует аэропорты Краснодарского края «Краснодар», «Сочи», «Анапа»). ООО «Базэл Аэро» учреждена кипрской компанией с ограниченной ответственностью Transport AMD-2 LTD (доля владения 100%).

Данная кипрская компания также выступает учредителем международного аэропорта Сочи. В свою очередь, АО «Международный аэропорт Сочи» – мажоритарный владелец АО «Международный аэропорт Владивосток» и АО «Терминал Владивосток».

Основным учредителем АО «Рампорт Аэро» (аэропорт «Жуковский», Московская область) является ООО «Авиа Солюшенс Груп – Аэропортс Менеджмент» (доля владения 75%) – дочерняя организация «Юнайтед Эйрпортс Менеджмент БВ» (Нидерланды)[29].

Главный оператор международного аэропорта «Пулково» – ООО «Воздушные ворота Северной Столицы» (в перечне субъектов естественных монополий) – учрежден компанией «Талита Трейдинг Лимитед» (100% доля владения, юрисдикция – Кипр). В состав акционеров консорциума «Воздушные ворота Северной Столицы» входят компании ВТБ Капитал, Фрапорт АГ (Германия) и Суверенный фонд Катара[30].

Ключевое положение на рынке услуг по топливообеспечению воздушных перевозок занимает ООО «Аэрофьюэлз Групп». Несмотря на небольшую среднесписочную численность (15 сотрудников), ООО «Аэрофьюэлз Групп» – крупнейший оператор аэропортовых топливно-заправочных комплексов, осуществляет сетевое обслуживание по вопросам топливообеспечения в 29 аэропортах России и управляет сетью дочерних организаций (ООО «Аэрофьюэлз Благовещенск», ООО «Аэрофьюэлз Пермь», ООО «Аэрофьюэлз Курган», ООО «Аэрофьюэлз Улан-Удэ», ООО «Аэрофьюэлз Нижний Новгород», ООО «Аэрофьюэлз Магадан», ЗАО «Аэрофьюэлз Ульяновск», ООО «Аэрофьюэлз Камчатка», ООО «Фирма Аэрофьюэлз Уфа», ООО «ТЗК Аэрофьюэлз», ООО «ТЗК Киров», ООО «ТЗК Иркутск», ООО «ТЗК Томск», АО «Аэрофьюэлз» и др.)[31].

АО «Аэрофьюэлз» функционирует в трех российских аэропортах – «Домодедово» (Москва), «Пулково» (Санкт-Петербург) и «Якутск», где обеспечивает полный цикл операций по приему, хранению, контролю качества, выдаче авиаГСМ и заправке воздушных судов[32].

Сегмент заправок в зарубежных аэропортах (свыше 1 тыс. заправочных пунктов) обеспечивает ООО «Аэрофьюэлз Интернешнел». При этом группа компаний «Аэрофьюэлз» – оператор топливообеспечения на ряде аэродромов Министерства обороны РФ, заправляет литерные рейсы и воздушные суда МЧС и МВД России[33].

В уставных документах ООО «Аэрофьюэлз Групп» указано значительное количество дополнительных видов деятельности, что является признаком использования юридического лица для транзита денежных средств.

Среднесписочная численность сотрудников «Аэрофьюэлз Групп» также не соответствует масштабу деятельности компании. В перечень субъектов естественных монополий на транспорте включено ООО «ТЗК-Аэро» (учредители: ООО «Петролеус-Инвест» (51%), владельцем которой выступает «Мидоус Гейт ЛТД» (офшор Британские Виргинские острова, доля владения 100%), а также АО «Хабаровский аэропорт» (49%)). Компания занимает доминирующее положение на рынке услуг по авиатопливообеспечению воздушных перевозок на территории аэропорта Хабаровск («Новый»)[34].

В 2013–2014 гг. ООО «ТЗК-Аэро» установило и поддерживало монопольно высокую цену реализации авиатоплива, необоснованно завышенную цену на услуги авиатопливообеспечения, услуги хранения авиационного топлива. Данная компания была признана виновной в нарушении п. 1 ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции», привлечена к административной ответственности по ч. 2.6 ст. 19.5 КоАП РФ («Невыполнение законного решения, предписания антимонопольного органа»), по ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ («Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке»)[35].

С целью развития конкурентных услуг в сфере воздушных перевозок (услуги заправки, буксирования, подачи трапов, уборки, питания и др.) 3 декабря 2019 г. ФАС России выданы предупреждения крупным

---

[29] См.: Официальный сайт // Ramport.aero

[30] См.: Официальный сайт // Pulkovoairport.ru

[31] Согласно рейтингам «Эксперт-400» и журнала Forbes, группа компаний «Аэрофьюэлз» входит в число 400 крупнейших компаний России и 200 крупнейших частных компаний.

[32] См.: Официальный сайт // Aerofuels.ru/tzk.php

[33] См.: там же.

[34] См.: Официальный сайт // Tzk-aero.ru

[35] См.: Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 23.07.2018 г. по делу № А73-10927/2017.

аэропортам и аэропортовым холдингам об обеспечении доступа к инфраструктуре другим операторам[36].

Важнейшее значение для обеспечения авиационной и транспортной безопасности имеют подразделения транспортной безопасности.

Учредителями субъектов естественных монополий Московского авиационного узла (АО «Шереметьево Безопасность» и ООО «Домодедово Секьюрити») выступают «Гейт Технолоджис ЛТД» (Соединенное Королевство, доля владения 10%) и «ДМЕ Лимитед» (Кипр, доля владения 100%).

Руководителям и сотрудникам служб авиационной безопасности известны потенциально опасные участки, критические элементы терминалов, участки уязвимости и контролируемые зоны объектов транспортной инфраструктуры воздушного транспорта. Передача данной информации иностранным бенефициарам и управляющим негативно повлияет на состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств воздушного транспорта от актов незаконного вмешательства в угрожаемый период и в военное время[37].

Ключевое значение для транспортной инфраструктуры России имеют морские порты, которые обеспечивают не только экспортно-импортные и транзитные операции, но и внутреннее сообщение. Роль портов в обеспечении транспортной независимости и обороноспособности существенна.

На долю морских портов приходится более 90% российских торговых грузопотоков. Наращивание портовых мощностей, увеличение грузовой базы позволяет не только обеспечить внутренние потребности, но и стать активным участником обслуживания международных грузопотоков и транспортных коридоров[38].

Учредители ряда стратегических портов России – иностранные компании. Так, владельцами ЗАО «Порт Пригородное» (первый в России морской порт, построенный для обслуживания нефтеналивных танкеров и судов, перевозящих сжиженный природный газ) являются компании «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани ЛТД» (офшор Бермудские острова, Соединенное Королевство) и «Юником Менеджмент Сервисез ЛТД» (Кипр).

АО «Морской порт Санкт-Петербург» (естественная монополия, принадлежит международной транспортной группе UCL Holding BV (Нидерланды), с 2011 г. – ее дивизиону UCL Port BV) учредило организации, включенные в перечень субъектов естественных монополий: АО «Петербургский нефтяной терминал» и ЗАО «Контейнерный терминал Санкт-Петербург».

Совладельцем «Контейнерного терминала Санкт-Петербург» наряду с АО «Морпорт СПб» является Daleboro Trading LTD (Кипр).

В 2015 г. «Контейнерный терминал Санкт-Петербург» установил монопольно высокую цену на услуги терминала по контейнерной погрузке. В феврале 2018 г. Арбитражный суд г. Москвы признал ЗАО «Контейнерный терминал Санкт-Петербург» виновным в нарушении антимонопольного законодательства и посчитал законным требование предписания ФАС России об установлении экономически обоснованных тарифов в рублях и публикации информации в сети Интернет о ценах и тарифах по перевалке контейнеров[39].

Стратегическое значение для экономики и функционирования портов играют стивидорные компании, осуществляющие услуги, связанные с погрузо-разгрузочными работами.

Крупнейшим стивидорным и портовым оператором в России является Группа «Новороссийский морской торговый порт» (НМТП), которая занимает третье место среди европейских портов по объему грузооборота[40]. На долю компаний НМТП приходится 31.2% грузооборота всех портов Азово-Черноморского бассейна. В 2019 г. группа НМТП обработала 17% общего грузооборота российских морских портов[41].

В состав группы входят два крупнейших по грузообороту порта России – Новороссийск на Черном море и Приморск на Балтийском море. Ключевым портом Азово-Черноморского бассейна служит порт Новороссийск (ПАО «Новороссийский морской торговый порт»).

«Порт Приморск (ООО «Приморский торговый порт») является крупнейшим портом по перевалке нефти и нефтепродуктов в Северо-Западном регионе. Вторым портом группы на Балтике выступает Контейнерный терминал ООО «Балтийская стивидорная компания» (в 2018 г. обработал 70% всего контейнерооборота Калининградской области).

[36] См.: Официальный сайт // Fas.gov.ru

[37] В период подготовки к войне и в условиях боевых действий диверсионно-разведывательные формирования спецслужб иностранных государств обеспечивают в первую очередь захват (уничтожение) пунктов управления и связи, стратегических объектов транспортной инфраструктуры.

[38] См.: *Белоусов А. Р.* Сценарии экономического развития России на пятнадцатилетнюю перспективу // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 1–54.

[39] См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.02.2018 г. по делу № А40-150008/17; Постановление ФАС России о наложении штрафа по делу об административном правонарушении № 4-14.31-1771/00-03-17.

[40] См.: Обзор отрасли грузоперевозок в России. 2019 г. С. 2.

[41] См.: Официальный сайт // http://Nmtp.info/holding/about

Контролирующий акционер группы НМТП – «Транснефть» (иностранным владельцем является дочернее общество «Транснефти» – Fenti Development LTD (Швейцария)[42]).

В перечень субъектов естественных монополий включен ряд организаций с иностранным участием, осуществляющих транспортную обработку грузов: АО «Первый контейнерный терминал», ООО «Восточная стивидорная компания», ООО «Порт Высоцкий», ООО «Трансбункер-Ванино», ООО «Стивидорная компания «Малый Порт», ООО «Мантсинен».

АО «Первый контейнерный терминал» – лидер в области обработки контейнерных грузов в России и на Балтийском море. Иностранными учредителями АО «Первый контейнерный терминал» являются кипрские компании Rasbery Holdings LTD, Leverret Holding LTD и North East Baltic Co. LTD.

ООО «Восточная стивидорная компания» (крупнейший контейнерный терминал на Дальнем Востоке) учреждена компанией «Нэшнл Контейнер Холдинг Компани Лимитед» (доля владения 100%, юрисдикция – Кипр).

Учредитель стивидорной компании ООО «Порт Высоцкий» – «Сибенко Холдинг ЛТД» (Кипр, доля владения 100%).

Крупным оператором промежуточных и перевалочных емкостей для хранения химических веществ, масел и нефтепродуктов, независимым поставщиком резервуаров для нефтяной и химической промышленности является ООО «Трансбункер-Ванино» (учредитель – Приверна Холдинг ЛТД» (Кипр, доля владения 100%).

Владельцами активов ООО «Стивидорная компания «Малый Порт» являются иностранные компании «Фамелла Инвестментс Лимитед» (5.10%, Кипр) и АО «Сибирская угольная энергетическая компания», которая контролируется «Доналинк Лимитед» (84.64%, юрисдикция – Кипр).

Многолетним контрагентом Стивидорной компании «Малый Порт» является ООО «Мантсинен» (учредитель АО «Мантсинен груп Лимитед ОЮ» (доля 100%, юрисдикция – Финляндия), которое специализируется на внедрении высокопроизводительного перегрузочного оборудования[43].

Ведущим оператором сети контейнерных терминалов в России является стивидорная группа «Глобал Портс». В управлении ООО «УК Глобал Портс» (учредитель – «Глобал Портс Инвестментс ПЛС» (100%, Кипр)) находятся пять контейнерных терминалов в Балтийском и Дальневосточном морских бассейнах (АО «Первый контейнерный терминал», ООО «Восточная стивидорная компания», АО «Петролеспорт», АО «Усть-Лужский контейнерный терминал» и ООО «Моби Дик»)[44] и два контейнерных терминала в Финляндии (Multi-Link Helsinki и Multi-Link Kotka)[45].

В 2019 г. доля «Глобал Портс» в контейнерообороте Дальневосточного бассейна составила 29%, в контейнерообороте Балтийского бассейна – 41%.

В структуру активов группы «Глобал Портс» также входит тыловой терминал ООО «Логистический парк «Янино» (учредитель ООО «КД Холдинг ОЮ» (100%, юрисдикция – Финляндия)).

Группа «Глобал Портс» – часть транспортно-логистического холдинга «Дело». Структура владения «Глобал Портс» представлена следующим образом: 30.75% – Delo Group (ООО «УК Дело», ООО «Дело-Центр», Российская Федерация), 30.75% – APM Terminals BV (Нидерланды), 9% – Ilibrinio Establishment LTD (Кипр), 9% – Polozio Enterprises LTD (Кипр), 20.5% – миноритарные акционеры.

В числе крупнейших в России компаний по предоставлению услуг буксировочного флота находится АО «Роснефтефлот» (субъект естественных монополий). Одним из учредителей организации является «Шельф Лимитед» (офшор остров Джерси, Соединенное Королевство, доля владения 49%). АО «Роснефтефлот» входит в группу ПАО НК «Роснефть» и оказывает услуги в портах Владивосток, Находка, Восточный, Пригородное, Туапсе, Новороссийск, Усть-Луга, Приморск.

Иностранное и офшорное владение (управление) стратегическими портами может содержать риски недобросовестной конкуренции, нецелевого использования средств, выделенных в виде бюджетных инвестиций в причалы и портовую инфраструктуру, и транзита прибыли за рубеж, даже если эти компании фактически контролируются или принадлежат российским бенефициарам. Так, особенностями морских портов Балтийского бассейна является то, что они работают в условиях острой конкуренции с портами прибалтийских государств (Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии)[46]. Близость к наиболее развитым районам России и одновременно к европейским странам способствует тому, что через эти порты проходят основные потоки всей номенклатуры российских грузов. Поэтому сопредельные государства – конкуренты

[42] См.: http://Fas.gov.ru/documents/612960

[43] Подъемно-транспортное оборудование в российских портах представлено главным образом импортным оборудованием. Данное обстоятельство в условиях усиления санкционных ограничений актуализирует острую потребность в импортозамещении.

[44] Учредителем ООО «Моби Дик» является «Малти-Линк Терминалс ЛТД» (100%, юрисдикция – Ирландия).

[45] См.: Официальный сайт // www.globalports.com

[46] См.: Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (одобрена на совещании членов Морской коллегии при Правительстве РФ 28.09.2012 г.).

Российской Федерации заинтересованы в искусственном ограничении осуществления деятельности стратегических обществ в портовом секторе Балтийского бассейна и поглощении их активов.

Одним из фигурантов резонансного уголовного дела, возбужденного по ст. 159 («Мошенничество»), 193^1 («Совершение валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов») и 174^1 («Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления») УК РФ, стал совладелец, председатель совета директоров главного застройщика крупнейшего балтийского порта «Усть-Луга» – АО «Компания Усть-Луга» (23.05% принадлежит офшорной компании Investport Holding Establishment, Лихтенштейн) В. Израйлит. По данным следствия, около 317 млн руб. от заказчика работ по реконструкции порта в рамках ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2020 гг.)» были переведены по подложным документам на аффилированные с фигурантом компании ОАО «УЛПИК» («Усть-Лужская проектно-инжиниринговая компания») и ООО «Мегатрейд», после чего были направлены в офшорные юрисдикции и похищены[47].

С точки зрения защиты интересов обороны внешний контроль (в т.ч. косвенный, с использованием российских граждан) над морскими портами и грузовыми терминалами, наличие у иностранных спецслужб оперативных позиций на стратегических объектах транспорта даже при проведении маскировочных и дезинформационных мероприятий может способствовать утечке и передаче информации заинтересованному иностранному государству (военно-политическому блоку иностранных государств) о местах сосредоточения российских вооруженных сил, ВМФ и техники, планах развертывания, повлечь затруднение переброски войск, спецподразделений и стратегических грузов[48]. Несвоевременное проведение или воспрепятствование мобилизационным мероприятиям формирует угрозы блокады портов и акваторий, блокирования автомобильной и железнодорожной инфраструктуры на подходах к морским портам.

Без сомнения, транспортная инфраструктура (аэропорты, терминалы, порты) является привлекательным объектом для иностранных инвестиций. Вместе с тем наряду с вложением капитала в инфраструктурные проекты иностранное и офшорное владение (управление) стратегическими объектами транспортной инфраструктуры может содержать риски вывода собственниками средств и транзита прибыли в иностранные низконалоговые юрисдикции. Для этого используются схемы, которые позволяют уменьшать налоговую базу компаний.

Оптимизация налогов путем использования офшорных и транзитных низконалоговых юрисдикций выступает одним из механизмов недобросовестной конкуренции (сегменты авиатопливообеспечения воздушных перевозок, оказания услуг по обеспечению доступа к инфраструктуре аэропортов и услуг по контейнерной погрузке в портах).

В ряде случаев инвесторы из сопредельных государств – конкурентов Российской Федерации могут быть прямо или косвенно заинтересованы в искусственном ограничении деятельности стратегических обществ в сфере транспорта и поглощении их активов. Процедура согласования Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации сделок, связанных с иностранными инвестициями в морские порты и аэропорты, не дает гарантий, что стратегические хозяйственные общества не будут обременены (заложены) или переуступлены недобросовестным инвесторам и правообладателям, которые могут преднамеренно довести их до банкротства.

Структура собственности и управления некоторых стратегических аэропортов позволяет иностранным владельцам получать доступ к базам данных, критически важной информационной, инженерной и топливо-заправочной инфраструктуре аэропорта, целенаправленное воздействие на которую (в том числе дистанционное, с помощью программно-аппаратных средств) в угрожаемый период и во время введения режима военного положения может привести к устойчивому прекращению функционирования стратегически важных объектов.

В нарушение перечня поручений Президента РФ по итогам Совещания о развитии аэропортов Московского авиационного узла от 3 июля 2013 г. управляющая компания аэропорта «Домодедово» «Эрпорт Менеджмент Компани Лимитед» зарегистрирована в офшорной юрисдикции (остров Мэн, Соединенное Королевство).

В условиях долгосрочного отсутствия конкурентоспособного российского оборудования в ряде секторов транспортного комплекса сформировалась технологическая зависимость от иностранных поставщиков (производителей), что в обстановке санкционных ограничений может существенно ограничить функционирование транспортной инфраструктуры.

---

[47] См.: URL: http://Tass.ru/proisshestviya/9829671

[48] Примером может служить передача т.н. украинскими «активистами» информации о поставках санкционного оборудования и грузов в порт Севастополя (газовых турбин Siemens в 2017 г., ильменита в 2018 г.), данных о железнодорожных и воздушных перевозках в Крым (номенклатура грузов, пассажиропоток).

Внешний контроль над морскими портами и грузовыми терминалами даже при проведении маскировочных и дезинформационных мероприятий может способствовать утечке и передаче информации заинтересованному иностранному государству (военно-политическому блоку иностранных государств) о местах сосредоточения российских вооруженных сил, ВМФ и техники, планах развертывания, повлечь затруднение переброски войск, спецподразделений и грузов. Несвоевременное проведение или воспрепятствование мобилизационным мероприятиям формирует угрозы блокады портов и акваторий, блокирования автомобильной и железнодорожной инфраструктуры на подходах к морским портам.

Особую актуальность имеет государственное регулирование контроля законности происхождения средств инвесторов. Не секрет, что под видом инвестирования в российскую экономику продолжают поступать денежные средства от сомнительных операций и сделок, отмытые доходы преступных сообществ, коррупционные поступления. Даже если рассматривать подобные инвестиции в положительном ракурсе, исключительно с точки зрения делового климата и роста экономики, легальность происхождения активов все равно не должна уходить на второй план. Иначе резко возрастают риски легализации преступных доходов и в целом репутационные риски для российской экономики.

В рамках регулирования инвестиционной деятельности и реализации антиотмывочного законодательства интересен положительный зарубежный опыт расследования законности источников происхождения имущества и замораживания активов сомнительного происхождения.

В 2020 г. правительством Соединенного Королевства в парламент внесен проект закона «Об обеспечении национальной безопасности в инвестициях». В соответствии с законопроектом вводится режим обязательного репортинга.

Компании с иностранными инвестициями должны уведомлять Управление по конкуренции и рынкам о любой потенциальной сделке в критически важных секторах национальной инфраструктуры (оборонно-промышленный комплекс, энергетика, транспорт, телекоммуникации, инфраструктура передачи данных, криптография, робототехника, квантовые технологии, биоинженерия, космическая деятельность, технологии двойного назначения). В целях воспрепятствования «подозрительным» сделкам правительство Соединенного Королевства наделяется полномочиями проводить проверки сроком до 30 дней и требовать изменения условий сделки и (или) блокирования сделок. За нарушение иностранными инвесторами данных требований предусмотрен штраф в размере 5% международной выручки, но не менее 10 млн фунтов.

Согласно обычаям делового оборота получение согласия регуляторов, как правило, возлагается на покупателя (приобретающую сторону).

Управление по конкуренции и рынкам вправе оспаривать действия иностранного инвестора и после проведения сделок (закрытия транзакций).

Помимо режима репортинга (уведомлений) контрольно-надзорных органов в отношении иностранных инвесторов применяется Закон от 27 апреля 2017 г. «О криминальных финансах» (Criminal Finances Act) (вступил в силу 31 января 2018 г.)[49].

В соответствии с Законом суды получили право направлять иностранным владельцам активов на территории Соединенного Королевства, не являющихся гражданами (подданными) Соединенного Королевства или Евросоюза, запросы (ордеры) об источнике доходов неизвестного происхождения (Unexplained Wealth Orders, UWO). Правоприменительная практика по рассмотрению данных запросов рассматривается в качестве механизма расследования.

Инструмент запросов (ордеров) позволяет правительственным структурам и правоохранительным органам Соединенного Королевства (в первую очередь Национальному агентству по борьбе с преступностью, National Crime Agency) требовать блокирования (заморозки) активов политически значимых лиц (министры, депутаты, судьи, дипломаты, государственные служащие и военнослужащие) и лиц, подозреваемых в преступлениях, «в связи с вызывающим сомнения характером происхождения имущества стоимостью более 50 тысяч фунтов».

В целях обеспечения постановлений о замораживании активов (Freezing orders) суд может назначить внешнего управляющего. Если законность происхождения имущества не будет подтверждена, оно может быть конфисковано в судебном порядке, как если бы было получено преступным путем. Невозможность предоставить ответ на запрос или его игнорирование также являются основаниями для конфискации имущества. Кроме того, предоставление вводящих в заблуждение сведений или заведомо ложной информации, равно как и опрометчивые заявления относительно источника происхождения активов, могут повлечь уголовное наказание в виде штрафа или лишения свободы сроком до двух лет. Аналогичный правовой режим конфискации имущества действует в отношении доходов, полученных преступным путем. Согласно Закону от 24 июля 2002 г. «О доходах, полученных преступным путем» (Proceeds of Crime Act)

[49] См.: URL: http://legislation.gov.uk/ukpga/2017/22/contents

предусмотрена конфискация денежных средств преступного происхождения, полученных с помощью совершения преступлений (например, продажа наркотиков или незаконный оборот огнестрельного оружия)[50].

Эффективный механизм расследования законности происхождения активов предусмотрен антиотмывочным законодательством Ирландии.

Так, Закон о доходах от преступной деятельности от 30 ноября 1996 г. (Proceeds of Crime Act) предусматривает возможность вынесения судом постановления о запрете на распоряжение имуществом сомнительного происхождения. Если, по мнению суда, это имущество представляет собой (реально или предположительно) прямой или косвенный доход от преступной деятельности, то, невзирая на аргументы ответчика, выносится постановление сроком на 7 лет[51]. В течение этого времени любое лицо, способное убедительно доказать суду (с помощью налоговых документов, договоров, выписок по банковским счетам, актам передачи прав собственности), что данное имущество не является доходом от преступной деятельности, может подать ходатайство об отмене постановления. Суд вправе потребовать от ответчика предоставить детальный отчет о его доходах за предыдущие 6 лет и принадлежащих ему активах. Если постановление не отменяется в течение 7 лет, Бюро расследований, связанных с незаконно полученными активами (Criminal Assets Bureau), обращается в суд за постановлением об отчуждении, которое аннулирует все ранее существовавшие правовые титулы имущества[52].

При осуществлении инвестиций в Королевстве Испания в форме кредитования и приобретения ценных бумаг (участия в акционерном капитале) собственники активов должны доказать законность источников происхождения имущества.

В соответствии с Законом Испании от 30 марта 2015 г. «О предотвращении отмывания денег» (Normativa de prevencion del blanqueo de capitales) финансовые учреждения обязаны идентифицировать всех клиентов и получать информацию о законности происхождения их денежных средств. Поэтому кредитные организации запрашивают у клиентов документальное подтверждение легальности средств на банковских счетах. В случае непредоставления запрашиваемой информации счета блокируются.

К числу эффективных антиотмывочных мер относится ограничение оплаты наличными товаров и услуг стоимостью свыше 3 тыс. евро, а также контроль за трансграничными операциями по банковским счетам. Если сумма превышает 3 тыс. евро, перевод должен сопровождаться справкой Центробанка страны-отправителя с подтверждением законности происхождения денежных средств. Нарушение этих норм грозит судебным преследованием как владельцам денежных средств, так и финансовым учреждениям. Каждые два года владельцы счетов (резиденты и нерезиденты) должны предоставлять в кредитную организацию актуальные персональные данные. Анкеты используются как часть механизма отслеживания потенциальных нарушителей.

Изучение структуры собственности и управления компаний с иностранным инвестированием позволяет сделать следующие выводы: с одной стороны, необходим контроль за организациями с иностранными инвестициями, которые принадлежат или контролируются гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за рубежом; с другой стороны, требуется создание заградительных мер для предотвращения вывода активов и отмывания преступных доходов с помощью иностранных (в первую очередь офшорных) компаний, которые фактически контролируются или принадлежат российским бенефициарам[53].

С учетом изложенного предлагается:

запретить иностранным юридическим лицам, юридическим лицам, зарегистрированным в офшорных зонах, юридическим лицам, имеющим иностранного бенефициарного владельца, управлять стратегическими аэропортами федерального и регионального значения – в рамках переходного периода управляющие компании (операторы) аэропортов должны пройти регистрацию в юрисдикции Российской Федерации;

ограничить возможность иностранных инвестиций малыми и средними портами, а также малыми региональными аэропортами (с годовым пассажиропотоком от 50 тыс. до 500 тыс. человек); в целях

[50] См.: URL: http://legislation.gov.uk/ukpga/2002

[51] См.: URL: http://irishstatutebook.ie/eli/1996/act/30/enacted/en

[52] Бюро расследований, связанных с незаконно полученными активами, является многопрофильным ведомством, в состав которого входят сотрудники полиции, юристы, представители налогового ведомства и таможни, специалисты Министерства социального обеспечения.

[53] Согласно ч. 9 ст. 2 Федерального закона от 29.04.2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» и Разъяснению ФАС России от 26.10.2018 г. № ИА/86620/18 данный Федеральный закон не распространяется на организации, находящиеся под контролем граждан Российской Федерации, являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации и не имеющих иного гражданства.

привлечения инвестиций в данный сектор развивать практику концессионных соглашений[54];

расширять сегмент государственно-частного партнерства в области финансирования строительства транспортной и логистической инфраструктуры с преимущественным участием российских компаний и российских граждан – налоговых резидентов;

развивать программы субсидирования государственной финансовой поддержки приобретения российскими авиакомпаниями на основе лизинга воздушных судов российского производства и части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях, на приобретение российских воздушных судов;

ввести налог на утечку капитала (повышенный налог на прибыль) по ставке НДС на сомнительные безналичные трансграничные операции в иностранной валюте (в первую очередь в офшорные зоны и иностранные низконалоговые юрисдикции). В случае подтверждения законности этих операций (поставка импортируемого товара, оказание услуги, подтверждение оплаты процентов или погашения кредита, дивидендов и прочих законных доходов на вложенный капитал) обеспечить возврат внесенного НДС. До введения такого налога целесообразно резервирование денег по норме НДС на все сомнительные трансграничные операции сроком на 1 год или до момента подтверждения их законности[55];

запретить предоставление системообразующими организациями и стратегическими хозяйственными обществами кредитов нерезидентам, а также инвестиции в ценные бумаги иностранных эмитентов – представителей государств, проводящих санкционную политику в отношении Российской Федерации.

Перспективным направлением инвестиционной политики представляется стимулирование развития специальных административных районов в Российской Федерации (т.н. «внутренних офшоров»), которые созданы в Приморском крае (остров Русский) и Калининградской области (остров Октябрьский). Так, в Федеральном Собрании РФ рассматривается законопроект Правительства РФ о внесении изменений в Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах». Он позволит снять географические ограничения на редомициляцию (перерегистрацию) компаний из офшорных юрисдикций в специальные административные районы Российской Федерации. Предлагается предоставить возможность использования процедуры редомициляции для иностранных компаний, зарегистрированных в государствах и на территориях, являющихся членами региональных групп по типу ФАТФ. Основная цель создания нового правового механизма – деофшоризация зарубежных холдингов, подконтрольных гражданам Российской Федерации и владеющих активами в Российской Федерации, и защита бизнеса от санкций. В развитие данной правотворческой инициативы ФАС России подготовлен законопроект № 02/04/12-20/00111096 о внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и в Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Предусмотрено устранение ряда административных барьеров в виде получения обязательных согласований при совершении сделок, направленных на восстановление ранее утраченного контроля бенефициарного владельца над иностранной компанией в случае регистрации такой компании в порядке редомициляции в качестве международной компании на территории специальных административных районов в Российской Федерации[56].

* * *

Актуализация криминологических и уголовно-правовых аспектов противодействия угрозам безопасности транспортного комплекса России в контексте регулирования иностранных инвестиций, реализация предлагаемых мер будут способствовать декриминализации отрасли, снижению налоговых рисков, предотвращению банкротства стратегических хозяйственных обществ и системообразующих организаций транспортного комплекса, повышению уровня безопасности объектов транспортной инфраструктуры и эффективности инвестиционных программ развития транспорта.

Криминологическое обеспечение сбалансированности государственной политики в инвестиционной сфере позволит решить ключевые задачи:

---

[54] В соответствии со ст. 23 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» целесообразность введения запретов и ограничений иностранных инвестиций, мер по контролю за деятельностью иностранных инвесторов на территории Российской Федерации определяются Правительством РФ.

[55] См.: *Ершов М.В.* Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М., 2005; *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010; *Его же.* О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии // Экономика региона. 2011. № 2. С. 14–25; *Его же.* Стратегия антикризисного развития российской экономики в XXI веке // Экономика региона. 2012. № 2. С. 10–25; *Его же.* О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. URL: http://fa.ru/Documents/Glaziev-Chaos.pdf; *Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г.* О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1. С. 23–35.

[56] URL: http://Regulation.gov.ru

с одной стороны, повысит конкурентоспособность национальной экономики, снизит инвестиционные риски, с другой – обеспечит защиту общественных интересов, должный уровень безопасности государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова А.В., Симакова К.Б.* Новеллы в сфере контроля за осуществлением иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики // Росс. конкурентное право и экономика. 2019. № 3. С. 30–35.
2. *Белоусов А.Р.* Сценарии экономического развития России на пятнадцатилетнюю перспективу // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 1–54.
3. *Глазьев С.Ю.* О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. URL: http://fa.ru/Documents/Glaziev-Chaos.pdf
4. *Глазьев С.Ю.* О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии // Экономика региона. 2011. № 2. С. 14–25.
5. *Глазьев С.Ю.* Стратегия антикризисного развития российской экономики в XXI веке // Экономика региона. 2012. № 2. С. 10–25.
6. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010.
7. *Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г.* О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1. С. 23–35.
8. *Дамаскин О.В.* Преступность в XXI веке: проблемы и перспективы. М., 2020.
9. *Дораев М.Г.* Допуск иностранных инвесторов в стратегические отрасли экономики как средство государственного регулирования инвестиционной деятельности // Предпринимательское право. 2013. № 1. С. 48–58.
10. *Дораев М.Г.* Допуск иностранных инвесторов в стратегические отрасли экономики (правовые основы). М., 2012.
11. *Ершов М.В.* Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М., 2005.
12. *Красинский В.В.* Защита государственного суверенитета. М., 2017. С. 518–531.
13. *Красинский В.В.* О правовом регулировании иностранных инвестиций в интересах защиты государственного суверенитета Российской Федерации // Военное право. 2017. № 3.
14. Обзор отрасли грузоперевозок в России. 2019 год. EY.: 2020. С. 1.
15. *Larson A.P., Marchik D.M.* Foreign Investment and National Security: Getting the Balance Right // Council Special Report. 2006. July. No. 18.

REFERENCES

1. *Akimova A.V., Simakova K.B.* Novelties in the sphere of control over the implementation of foreign investments in strategic sectors of the economy // Russ. Competition Law and Economics. 2019. No. 3. P. 30–35 (in Russ.).
2. *Belousov A.R.* Scenarios of Russia's economic development for a fifteen-year perspective // Forecasting problems. 2006. No. 1. P. 1–54 (in Russ.).
3. *Glazyev S. Yu.* On the underlying causes of the growing chaos and measures to overcome the economic crisis. URL: http://fa.ru/Documents/Glaziev-Chaos.pdf (in Russ.).
4. *Glazyev S. Yu.* On the strategy of modernization and development of the Russian economy in the conditions of the global depression // The economy of the region. 2011. No. 2. P. 14–25 (in Russ.).
5. *Glazyev S. Yu.* Strategy of anti-crisis development of the Russian economy in the XXI century // The economy of the region. 2012. No. 2. P. 10–25 (in Russ.).
6. *Glazyev S. Yu.* Strategy of advanced development of Russia in the conditions of the global crisis. M., 2010 (in Russ.).
7. *Glazyev S. Yu., Fetisov G.G.* On the strategy of sustainable development of the Russian economy // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2013. No. 1. P. 23–35 (in Russ.).
8. *Damaskin O.V.* Crime in the XXI century: problems and prospects. M., 2020 (in Russ.).
9. *Doraev M.G.* Admission of foreign investors to strategic sectors of the economy as a means of state regulation of investment activity // Entrepreneurial Law. 2013. No. 1. P. 48–58 (in Russ.).
10. *Dorev M.G.* The admission of foreign investors in strategic sectors of the economy (the legal framework). M., 2012 (in Russ.).
11. *Ershov M.V.* Economic sovereignty of Russia in the global economy. M., 2005 (in Russ.).
12. *Krasinsky V.V.* Protection of state sovereignty. M., 2017. P. 518–531 (in Russ.).
13. *Krasinsky V.V.* On the legal regulation of foreign investments in the interests of protecting the state sovereignty of the Russian Federation // Military Law. 2017. No. 3 (in Russ.).
14. Overview of the cargo transportation industry in Russia. 2019. EY.: 2020. P. 1 (in Russ.).
15. *Larson A.P., Marchik D.M.* Foreign Investment and National Security: Getting the Balance Right // Council Special Report. 2006. July. No. 18 (in Russ.).

Сведения об авторах

ДАМАСКИН Олег Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

КРАСИНСКИЙ Владислав Вячеславович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника управления противодействия терроризму и экстремизму Главного управления региональной безопасности Московской области; 143407 Московская область, г. Красногорск, бульвар Строителей, д. 1

Authors' information

DAMASKIN Oleg V. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KRASINSKY Vladislav V. – Doctor of Law, associate Professor, Deputy head of the Department of counteraction to extremism and terrorism of the Main Department of regional security of the Moscow region; 1 Stroiteley boulevard, 143407 Moscow region, Krasnogorsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 97–108
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 97–108

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

К 95-летию Илларии Лаврентьевны Бачило

РАЗВИТИЕ НАУКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА (ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ)

© 2021 г. Т. А. Полякова[1, *], А. В. Минбалеев[1, 2, **], Н. В. Кроткова[1, *]**

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

**E-mail: polyakova_ta@mail.ru*
***E-mail: alexmin@bk.ru*
**** E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

Поступила в редакцию 06.11.2021 г.

Аннотация. Авторами статьи предпринята попытка правового осмысления процессов, характеризующих современный этап развития науки информационного права в условиях цифровой трансформации и формирования в Институте государства и права РАН на базе направления, выделившегося в конце прошлого века из административного права и возглавленного Илларией Лаврентьевной Бачило. Вклад И.Л. Бачило в обоснование этого нового научного направления не только в ИГП РАН, но и на всем постсоветском пространстве трудно переоценить.

Преемственность научной деятельности И.Л. Бачило остро ощущается на проводимых в память о ней традиционных международных конференциях по проблемам информационного права, получивших название «Бачиловские чтения». Эти научные мероприятия не просто носят мемориальный характер, а являются импульсом для постановки новых проблем и определения направлений научных исследований, привлекают как маститых, так и молодых ученых, способствуют развитию научной школы информационного права.

В настоящее время возрастает тенденция не только продолжения научных исследований в информационной сфере, но и значительного расширения ландшафта регулирования в сфере выделения в информационном праве отдельного института – цифрового права. Новыми векторами и приоритетами научных исследований в науке информационного права становятся процессы институционализации, связанные с активным регулированием отдельных информационных, в том числе цифровых, технологий.

Ключевые слова: И.Л. Бачило, Институт государства и права РАН, информационное право, научная школа информационного права, правовое обеспечение информационной безопасности, сектор информационного права.

Цитирование: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108.

Статья написана в рамках Государственного задания по теме «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта информационной безопасности».

DOI: 10.31857/S102694520017761-8

To the 95th anniversary of Illaria L. Bachilo

DEVELOPMENT OF THE SCIENCE OF INFORMATION LAW AND LEGAL PROVISION OF INFORMATION SECURITY: FORMATION OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF INFORMATION LAW (PAST AND FUTURE)

© 2021 T. A. Polyakova[1, *], A. V. Minbaleev[1, 2, **], N. V. Krotkova[1, *]**

[1]*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*
[2]*Kutafin Moscow state Law University (MSAL)*

**E-mail: polyakova_ta@mail.ru*
***E-mail: alexmin@bk.ru*
**** E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

Received 06.11.2021

Abstract. The authors of the article attempt to make a legal understanding of the processes characterizing the modern stage of the development of the science of Information Law in the context of digital transformation and formation at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences on the basis of the direction that emerged at the end of the last century from Administrative Law and headed by Illaria L. Bachilo. The contribution of I.L. Bachilo in substantiating this new scientific direction not only in the ISL of the RAS, but also in the entire post-Soviet space is difficult to overestimate.

The continuity of I.L. Bachilo's scientific activity is acutely felt at the traditional international conferences on the problems of Information Law held in memory of her, called "Bachilo's readings". These scientific events are not just of a memorial nature, and are an impulse to pose new problems and identify new areas of scientific research, attract both venerable and young scientists, and contribute to the development of the scientific school of Information Law.

Currently, there is an increasing tendency not only to continue scientific research in the information sphere, but also to significantly expand the regulatory landscape in the field of allocating a separate institution in Information Law – Digital Law. New vectors and priorities of scientific research in the science of Information Law are becoming institutionalization processes associated with the active regulation of individual information, including digital technologies.

Key words: I.L. Bachilo, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Information Law, scientific school of Information Law, legal support of information security, Information Law Sector.

For citation: *Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V., Krotkova, N.V. (2021).* Development of the science of Information Law and legal provision of information security: formation of the scientific school of Information Law (past and future) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 97–108.

Введение. Наука информационного права активно развивается под влиянием динамических процессов, происходящих как в глобальном мире, в первую очередь в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, так и на национальном уровне, происходит трансформация правовой системы, появляются новые субъекты права, складываются новые общественные отношения, информационные технологии в самых разных их проявлениях (прорывные и конвергентные, «высокие», сквозные). Вместе с тем возрастают риски, угрозы и вызовы информационной безопасности, в т.ч. международной.

Все это составляет предмет и объект исследования в науке информационного права, которое на первый взгляд прошло недолгий путь своего развития, однако если рассматривать этот процесс через призму теории сжатия времени, а именно так характеризовал современную реальность проф. С.П. Капица[1], то очевидно, что информационная сфера и связанные с ней общественные отношения развиваются с необыкновенной скоростью. Появление информационного права как социального регулятора принято связывать с его выделением из такой отрасли публичного права, как административное право. В связи с 85-летием создания

[1] См.: *Капица С.П.* Общая теория роста человечества. Как рос и куда идёт мир человека. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». М., 2009. Вып. 44. С. 100.

в Институте государства и права РАН сектора административного права взаимосвязь этих процессов, а также роль ученых, которые смогли преодолеть свои отраслевые профессиональные интересы и взглянуть в будущее, ныне особенно требует своего осмысления. Этот вопрос находится в фокусе пристального внимания и в связи со знаменательной датой – 95-летием основоположника данного научного направления в ИГП РАН, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ Илларии Лаврентьевны Бачило.

Представляется, что очевидна эта тонкая связь знаменательных дат – 85-летие создания сектора административного права и 95-летие И.Л. Бачило, поскольку именно в этом секторе Иллария Лаврентьевна проводила научные исследования и впоследствии возглавляла его с 1996 г. вплоть до создания в 1998 г. сектора информационного права. Только И.Л. Бачило с таким широким кругозором, необыкновенной энергией, незаурядным даром предвидения и умением выделять главное, перспективное и обращать свой профессиональный взгляд в будущее, а именно так, на наш взгляд, можно характеризовать выдающиеся качества этого Ученого с большой буквы, коллеги и учителя, смогла это сделать.

Методологические аспекты исследования научной школы информационного права И.Л. Бачило. Методологически развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности в России происходило как под влиянием классических особенностей диалектического материализма, так и отличалось нелинейностью. Однозначно можно утверждать, что значительное увеличение нормативного регулирования информационной сферы, формирование информационного законодательства в 90-е годы XX в. и в начале XXI в., повышение роли и значения регулирования информационной сферы способствовали изменению научных исследований в данной области, породили объективные предпосылки выделения в качестве самостоятельной отрасли науки информационного права.

Историческими предпосылками этого стали, бесспорно, и фундаментальные теоретические исследования науки административного права, заложившие основы для правового регулирования внедрения и использования информационных технологий как в сфере государственного управления, так и в иных сферах общественной жизни. Формирование научной школы информационного права в ИГП РАН в этой связи стало во многом закономерным процессом, детерминированным общественными потребностями многоаспектного научного анализа развития правового регулирования в информационной сфере и зарождения правовых основ информационного общества.

Системный анализ трудов И.Л. Бачило в сфере информационного права свидетельствует, что в первую очередь ученым ставилась задача дать научное объяснение, познать теоретико-методологические основы информации как объекта права, а также теоретические основы информационного права. Фундаментальный характер ее разработок обусловливает их значимость для науки и сегодня, а также еще долго будет предметом научных дискуссий и ориентиром для специалистов информационного права. Новаторский, инновационный характер многих работ И.Л. Бачило отражает нелинейность развития информационных процессов в России, имеющиеся сложности происходящей информатизации, заставляет задумываться о его нетривиальности, государственной важности[2]. Формирование научной школы информационного права в Институте государства и права, таким образом, имело сложный, диалектический характер, было подчинено логике классических процессов становления ряда информационных отраслей научных знаний, происходящих в условиях развития информационного общества как в России, так и в мире.

Предпосылки и истоки формирования научной школы информационного права И.Л. Бачило. Историю развития информационного права как научного направления связывают с именами известного теоретика права А.Б. Венгерова, выдающегося ученого в области компьютерного права и информационной безопасности, космонавта, Героя России Ю.М. Батурина, М.А. Федотова, В.Н. Лопатина и ряда других[3]. Но во многом именно по инициативе И.Л. Бачило в Институте государства и права после многочисленных дискуссий это научное направление выделилось в самостоятельное. Уже более 20 лет в структуру ИГП РАН включен сектор информационного права[4]. Несомненно, этому послужили исследования в различных областях права, ведь И.Л. Бачило была видным специалистом в области государственного управления, теории государства и права, административного, а затем и информационного права, автором более 250 научных трудов, целого ряда учебников. Такая

[2] См., напр.: *Бачило И.Л.* Электронное правительство и инновации в области государственных функций и государственных услуг // Информационные ресурсы России. 2010. № 1 (113). С. 13–17; *Ее же.* Причины и суть эволюции государственных и правовых институтов в условиях развития информационного общества // Вопросы правоведения. 2011. № 3 (11). С. 114, 145.

[3] См.: *Бачило И.Л., Полякова Т.А., Антопольский А.А. и др.* Об основных направлениях развития информационного права за 2000–2015 гг. // Государство и право. 2017. № 1. С. 71–79.

[4] См.: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1

ее многогранная, междисциплинарная научная и педагогическая деятельность, широко известная в нашей стране и за рубежом, позволила не только сформулировать основы этого научного направления, но и, по сути, стать основоположником научной школы информационного права в Институте государства и права РАН.

Между тем, вспоминая об Илларии Лаврентьевне, обращает внимание и необычный, достаточно сложный путь к созданному ею направлению в правовой науке. Память о выдающемся ученом сохраняется в Республике Беларусь, где она, уроженка г. Ленинграда, окончила в 1948 г. Минский юридический институт (позже преобразованный в юридический факультет Белорусского государственного университета), а в 1952 г. – аспирантуру Института философии и права АН БССР. В 1955 г. научная жизнь связала ее с Институтом права АН СССР, где она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теории государства и права на тему «Культурно-воспитательная деятельность органов государственной власти в СССР в послевоенный период (1945–1955 гг.)». Более 13 лет И.Л. Бачило посвятила редакционной работе в различных издательствах. Следует отметить, что этот опыт она весьма успешно использовала в своей дальнейшей публикационной и научной деятельности, которая более чем на 50 лет (с 1968 по 2017 г.) неразрывно связала ее с Институтом государства и права[5].

Как было отмечено ранее, свою профессиональную деятельность в Институте И.Л. Бачило осуществляла в основном по двум научным направлениям. В области административного права ее интересовали проблемы организации и правового обеспечения структур и функций государственного управления, кибернетики, применения системно-функционального анализа в этой области, разработка методики классификации функций управления, ответственности. Другое направление связано с созданием специальной отрасли права и юридической науки – информационного права, ставшей самостоятельной научной специальностью как в России, так и в Республике Беларусь. Представляется, что этому в значительной степени способствовали исследования, проводимые в Институте с 1973 г., в период, когда И.Л. Бачило руководила проблемной научной группой «Правовые проблемы АСУ»[6], созданной в составе сектора административного права, участвовала в разработке научного направления, касающегося совершенствования организации работы системы советского государственного управления, а позднее организации системы исполнительной власти в Российской Федерации. Защищенная ею в 1979 г. докторская диссертация по специальности «административное право» на тему «Правовые проблемы организации структур и их функций в системе советского государственного управления» стала во многом базовой для разработки теоретических основ правового регулирования информатизации в государстве в целом и органов исполнительной власти, в частности[7].

Результаты научных исследований отражены во многих научных трудах И.Л. Бачило, признанных классическими как в науке информационного, так и административного права. Особенно среди ее известных работ выделяются монографии «Функции органов управления»[8], «Организация советского государственного управления»[9], имеющие фундаментальный, в значительной степени публичный, актуальный характер в разработанной ею теории функций и построения системы государственного управления, не утратившие своей актуальности и требующие сегодня изучения и переосмысления в условиях развития цифрового государства. И.Л. Бачило принимала активное участие в подготовке и издании коллективных монографий «Организационно-правовые проблемы АСУ»[10], «Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития»[11], «Информационное право. Актуальные проблемы теории и практики»[12]. Являлась членом редакционной коллегии журнала «Государство и право» РАН.

Возглавив сектор информационного права, И.Л. Бачило продолжала конструктивно взаимодействовать с другими структурными подразделениями ИГП РАН, особенно с сектором административного права. Не остался незамеченным, а наоборот, является значительным ее вклад в формирование такого направления научно-практической правовой деятельности, как мониторинг законодательства и правоприменительной

[5] См.: *Кроткова Н.В.* Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ И.Л. Бачило // Государство и право. 2012. № 1. С. 86–88.

[6] По словам И.Л. Бачило, «тот росток, из которого вырос и сегодня живет сектор информационного права» (см.: там же. С. 87).

[7] См.: *Бачило И.Л., Салищева Н.Г., Сергиенко Л.А., Хаманева Н.Ю.* О концепции развития системы исполнительной власти в Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 8. С. 6–8.

[8] *Бачило И.Л.* Функции органов управления (Правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976.

[9] *Бачило И.Л.* Организация советского государственного управления: правовые проблемы / отв. ред. Б.М. Лазарев. М., 1984.

[10] Организационно-правовые проблемы АСУ / отв. ред. И.Л. Бачило, Ю.А. Тихомиров. М., 1984.

[11] Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / И.Л. Бачило, А.А. Гришковец, И.С. Мелюхин и др. М., 1998.

[12] Информационное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. И.Л. Бачило. М., 2009.

практики, развивавшейся в Совете Федерации ФС РФ. И.Л. Бачило во время работы в Институте осуществляла активную экспертную деятельность в правотворческой области, постоянно сотрудничала с органами государственного управления, региональными объединениями (СНГ, Союзного государства), участвовала в работе ряда экспертных советов при федеральных органах государственной власти. Много времени, знаний, сил она отдавала работе по подготовке научных кадров. С 1981 г. была ученым секретарем, позднее членом диссертационного совета по специальности 12.00.02., 12.00.14, а затем председателем диссертационного совета по специальности 12.00.14, 12.00.13, а также членом диссоветов ведущих высших учебных заведений России.

По инициативе Илларии Лаврентьевны сектор информационного права в ИГП РАН с 1998 г. занимался не только научно-исследовательской деятельностью по широкому спектру вопросов, но и был организован ежегодный теоретический семинар по проблемам информационного права, который приобрел статус международного, широко известного не только в России, но и за рубежом. По результатам работы каждого семинара издавались традиционные сборники статей по актуальным проблемам информационного права. Среди наиболее значимых концептуальных документов, разработанных сектором информационного права под руководством И.Л. Бачило, следует отметить концепцию информационного общества как общества гражданского, социального, демократического, правового, а также концепцию развития информационного законодательства[13] и концепцию Информационного кодекса.

Безусловный научный интерес вызывает изданная ею в 2015 г. книга, посвященная М.М. Сперанскому[14], в которой, как отметил акад. РАН А.Г. Лисицын-Светланов, «Иллария Лаврентьевна Бачило.., имея многолетний опыт научной работы в области административного права и информационного права.., делится своими мыслями о значении наследия М.М. Сперанского в организации деятельности органов исполнительной власти и необходимой ее трансформации в условиях новой цивилизации при сохранении коренных, базовых требований и принципов, выработанных и сформулированных им»[15].

В фокусе внимания не только специалистов в области информационного права, но и других научных специальностей, да и просто широкого круга читателей продолжают оставаться сборники и монографии по проблемам развития информационного права[16]. Так, в 2016 г. была подготовлена и выпущена коллективная монография «Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления»[17], подтверждающая связь информационного и административного права. По словам И.Л. Бачило, «труды по административному и информационному праву... вселяют надежду на то, что сделанное нашим поколением не пропадет бесследно»[18].

Многие годы И.Л. Бачило возглавляла деятельность сформированного по ее инициативе из специалистов по информационному и финансовому праву диссертационного совета, и это еще одно приоритетное направление развития научного направления и формирования научной школы – подготовка и защита результатов научных исследований аспирантами, докторантами и соискателями ученых степеней по информационному праву. Под ее научным руководством защитили кандидатские и докторские диссертации более 20 человек. Выдающиеся заслуги И.Л. Бачило в области развития науки информационного права и подготовки научных кадров были высоко отмечены государством. В 2009 г. Указом Президента РФ И.Л. Бачило присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», Постановлением Межпарламентской Ассамблеи СНГ от 16 апреля 2015 г. она была награждена орденом «Содружество» за активное участие в деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ, ее органов, а также за вклад в укрепление дружбы между народами государств – членов СНГ.

---

[13] См.: *Кроткова Н.В.* Указ. соч. С. 88.

[14] См.: *Бачило И.Л.* М.М. Сперанский – патриарх науки управления России. М., 2014. «Автор выражает искреннюю благодарность за участие в подготовке данного издания: директору Всероссийского музея им. А.С. Пушкина, академику РАН Некрасову Сергею Михайловичу, д.ю.н. Астамуру Анатольевичу Тедееву, к.ю.н. Кротковой Наталье Викторовне, Мышковской Наталии Михайловне и всем сотрудникам Сектора информационного права Института государства и права Российской академии наук» (см.: там же. С. 11).

[15] Там же. С. 5.

[16] См., напр.: Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы / авт. кол.: А.А. Антопольский, И.Л. Бачило (отв. ред.), Г.В. Белов и др. М., 2003; Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М., 2014; Систематизация и кодификация информационного законодательства: сб. науч. работ / отв. ред. И.Л. Бачило. М., 2015; Понятийный аппарат в информационном праве / отв. ред. И.Л. Бачило, Т.А. Полякова, В.Б. Наумов. М., 2017; Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. М., 2018; Актуальные проблемы информационного права / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М., 2019.

[17] Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М., 2016.

[18] *Кроткова Н.В.* Указ. соч. С. 87.

В День юриста, 3 декабря 2016 г., в Главном зале Фундаментальной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась торжественная церемония вручения И.Л. Бачило высшей юридической премии «Юрист года», учрежденной Ассоциацией юристов России. Это событие по праву можно считать и официальным актом признания юридическим сообществом информационного права как научного направления.

В 2016 г., в год своего 90-летия, И.Л. Бачило полномочия по руководству сектором передала Т.А. Поляковой, доктору юридических наук, профессору по специальности «информационное право». Учитывая новые стратегические задачи по обеспечению информационной безопасности, вытекающие из Доктрины информационной безопасности (утв. Указом Президента РФ 05.12.2016 г. № 646), одним из приоритетных направлений сектора информационного права наряду с теоретико-методологическими вопросами развития информационного пространства, формирования информационной инфраструктуры системы публичного управления, динамики развития основных институтов информационного права и информационной безопасности и др. стало правовое обеспечение национальной информационной безопасности и международной информационной безопасности.

3 февраля 2017 г. в ИГП РАН состоялась Международная конференция по информационному праву и правовому обеспечению информационной безопасности, в центре внимания которой было обсуждение вопросов реализации положений национальной доктрины информационной безопасности, проекта новой редакции Стратегии развития информационного общества, а также тенденции развития правовых институтов в этой области.

Четвертые Бачиловские чтения. В память об Илларии Лаврентьевне Бачило, которой не стало в декабре 2017 г., по инициативе сектора, поддержанной руководством Института, с февраля 2018 г. в ИГП РАН продолжена традиция проведения международных конференций по информационному праву, получивших название «Бачиловские чтения»[19].

В год юбилея И.Л. Бачило сектором информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН 5–6 февраля 2021 г. была проведена Международная конференция – Четвертые Бачиловские чтения, вызвавшая большой интерес в научном сообществе. При этом знаковым, по нашему мнению, является то обстоятельство, что она состоялась, несмотря на активную фазу коронавирусной инфекции COVID-19, что определило необходимость ее проведения в гибридном, дистанционном формате с участием зарубежных коллег.

Как отметил на открытии конференции директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. **А.Н. Савенков**, в условиях пандемии особенно важно активизировать работу по исследованию и регулированию сферы цифровых технологий, которые должны быть внедрены для использования в интересах человека и гражданина, общества и государства.

В своем докладе и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности, главный научный сотрудник ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф. **Т.А. Полякова** затронула проблемы, касающиеся реализации в праве новых конституционных положений по обеспечению информационной безопасности и цифрового оборота данных, соотношения информационного и цифрового права, ключевых направлений развития системы принципов правового регулирования, концептуальных положений защиты прав граждан в цифровом пространстве, отдельных вопросов реализации концепции правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники. Особое внимание было обращено на информационно-правовые вопросы формирования системы международной информационной безопасности, включая проблемы ответственного поведения государств, цифрового суверенитета, правовых проблем атрибуции при инцидентах в информационно-телекоммуникационной среде, ответственности за информационные правонарушения.

Значительное внимание на конференции было уделено становлению информационного права в качестве уже самостоятельной отрасли права, влиянию кибернетики, автоматизации государственного управления и иных направлений, оказавших существенное влияние на науку информационного права, а также необходимости подготовки научных кадров и расширения спектра направлений научных исследований.

В этой связи особое место занял основной доклад зав. кафедрой компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова, Героя Российской Федерации, члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. **Ю.М. Батурина** по теме ***«Гамлет как робот: основы правового регулирования искусственного интеллекта надо искать в хорошо забытом прошлом советской юридической науки»***. Ю.М. Батурин, резюмируя, отметил важные правила развития регулирования цифровых технологий.

[19] См.: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9

«1. Нельзя создавать систему правового регулирования деятельности объектов, принципы действия которых мы не понимаем.

2. Невозможно получить работающий искусственный интеллект, какие бы этические нормы мы не закладывали в него, если предварительно не произведен ценностный метавыбор.

3. Неверно осуществлять ценностный метавыбор без учета этической системы, доминирующей в предполагаемой рабочей среде разрабатываемого искусственного интеллекта.

4. Неизбежно придется возрождать утраченное наследие советских юристов в области правовой кибернетики, правового регулирования автоматизированных систем, моделирования правовых феноменов, правовой информатики; развить правовую кибернетику по меньшей мере до кибернетики 3-го порядка, а также вводить "новые старые" учебные дисциплины на юридических факультетах.

5. Иначе, как сказал Гамлет (возможно, по поводу правового регулирования искусственного интеллекта): "Слова. Слова. Слова. Дальнейшее – молчанье"».

Модератор конференции главный научный сотрудник ИГП РАН, зав. кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт РАН, д-р юрид. наук, доц. **А.В. Минбалеев** подчеркнул значимость развития использования всего комплекса механизмов регулирования цифровых технологий, необходимость определения границ использования и приоритетность одних технологий перед другими. Особо им обращено внимание на ценность информационного права в современном обществе, поскольку именно на данную отрасль возлагается задача определения возможных моделей регулирования отдельных цифровых технологий, поиска оптимальных механизмов регулирования в условиях цифровой трансформации. С предпринимаемыми попытками найти цифровые эквиваленты всего, что имеется в мире, важно с позиции информационного права установить их правовую сущность, границы правового регулирования отношений, складывающихся в связи с новыми цифровыми явлениями.

Главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, д-р юрид. наук **В.Б. Наумов** обратил внимание на потенциальный и реальный вред при использовании не только простых, но и сложных технологических решений, реализуемых во благо общества, граждан и государства. Он также указал, что происходит некий рост энтропии и беспорядка во всем мире, вызывающий ряд опасений. Все общество подходит к пространству бифуркаций, когда мы переходим от понятной всем среды регулирования к пространству, где всем все более непонятно, как надо регулировать, все больше имеет место неопределенность в этом вопросе. По мнению В.Б. Наумова, используя цифровые технологии как огромный набор «черных ящиков», как у населения, так и управленцев, а также и разработчиков не всегда есть понимание путей их регулирования. Важно не отказываться от технологий в целом, но надо опасаться именно цифровых технологий. Все эти процессы происходят под влиянием страхов, когда за счет пандемии общество и граждане вынуждены переходить в цифровое пространство и не до конца представляют все последствия их использования. Мы находимся в точке невозврата или скоро подойдем к ней в части использования технологий, порождающих необратимые последствия для человека и общества.

Необходимо определить уровень риска при использовании цифровых технологий, иметь возможность оценки процессов, которые применяются в цифровом пространстве, законодательно закрепить их. Современные цифровые технологии – это объективно сложные категории. Разработчики строят вероятностные решения по их регулированию и использованию. И важно поднимать вопрос о доверии к этим технологиям, построения цифровой среды доверия. При использовании цифровых технологий, в т.ч. искусственного интеллекта, важно знать о факте его применения, о его разработчике, об особенностях использования. И только на основании таких знаний человек должен решать – использовать или нет такие технологии. Как подчеркнул В.Б. Наумов, в сфере цифровых технологий нужно отдавать себе отчет в том, что у человека и гражданина остается все меньше выбора того, в каких общественных отношениях он участвует. И право на отказ от отдельных цифровых технологий, право на отказ от участия в отдельных цифровых отношениях должно стать одним из основных в законодательстве. Важно обеспечить осмысленное участие человека в цифровом пространстве и в цифровых отношениях, у него всегда должен быть осознанный выбор использования тех или иных цифровых технологий.

В.Б. Наумов поднял вопрос также о развитии научной дискуссии в части развития законодательства об электронном документообороте, в т.ч. о его приоритетности, необходимости определения сфер, где нужно сохранить бумажный документооборот.

Доклады ведущих специалистов в области информационного права А.В. Морозова, А.А. Тедеева, А.А. Стрельцова, Л.К. Терещенко, Н.Н. Ковалевой, А.А. Чеботаревой и др. были посвящены актуальным проблемам информационного права,

вопросам международной информационной безопасности, проблемам реализации цифровой экономики в современных условиях, междисциплинарным проблемам комплексных научных исследований и этических аспектов искусственного интеллекта, взаимодействия человека с ним и другими цифровыми технологиями.

Кроме того, на конференции значительное внимание было уделено развитию экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Так, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ **А.А. Ефремов** в докладе ***«Оценка эффективности экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»*** высказал ряд предложений об обеспечении результативности и эффективности экспериментов и экспериментальных режимов в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и ЕАЭС. В частности, по его мнению, «необходима разработка и принятие единой методики оценки результативности и эффективности экспериментов и экспериментальных режимов; целесообразна гармонизация подходов к оценке результативности и эффективности экспериментов и "регулятивных (регуляторных) песочниц" в государствах ЕАЭС и специальных режимов ("регулятивных песочниц") в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС». Кроме того, «необходимо нормативное определение единых основных показателей результативности и эффективности экспериментов и экспериментальных режимов, а также обеспечение системной взаимосвязи оценки результативности и эффективности экспериментов и экспериментальных режимов с оценкой эффективности правового регулирования в целом (в том числе с процедурами ОФВ и мониторинга правоприменения)».

В работе конференции традиционно приняли участие как ученые Европы, КНР, СНГ (Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Армения и Азербайджан), так и известные отечественные ученые и специалисты в области информационного права и информационной безопасности, представители государственного управления, бизнеса и экономического сообщества.

Новый этап развития сектора информационного права и международной информационной безопасности и формирования научной школы информационного права в Институте государства и права РАН (взгляд в будущее). С 1 июля 2018 г. в связи с изменением структуры ИГП РАН, и учитывая тенденции глобализации, сектор был переименован в сектор информационного права и международной информационной безопасности. Данное обстоятельство – свидетельство не просто изменения его названия, но и значительного расширения тематики научных исследований в соответствии с паспортом научных специальностей, утвержденным Президиумом ВАК Минобрнауки России. Это расширило круг проблем научных исследований, отраженных в новых государственных заданиях, которые выполняются сектором, в частности «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта информационной безопасности». Сотрудники сектора выиграли несколько грантов РФФИ, в частности по темам: «Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства: использование цифровых технологий» (исполнитель Т.А. Полякова); «Исследование концептуальных подходов к формированию системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе» (руководитель Т.А. Полякова); «Место и роль правового регулирования в развитии цифровых технологий, правовое регулирование и саморегулирование, в том числе с учетом особенностей отраслей права» (руководитель А.В. Минбалеев); «Комплексное исследование правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники» (руководитель В.Б. Наумов). Данные тематики являются ориентиром для развития научной школы информационного права ИГП РАН.

Продолжает активную работу диссертационный совет, один из трех в Российской Федерации, «ваковский», по специальности «12.00.13 – информационное право», в котором с 2018 г. по настоящее время проведена защита ряда диссертаций на соискание степени кандидата и доктора юридических наук. Анализ научных работ сотрудников сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН позволяет сделать вывод о возрастающем интересе к данной научной специальности, что связано с активным развитием информационного общества и постепенного перехода к обществу знаний; развитием процессов цифровизации и цифровой трансформации всей системы российского права[20]; развитием конституционно-правовых основ законодательства в сфере информации, информационной безопасности и связи, включая оборот цифровых данных[21]; развитием системы субъектов информационного права; актуализацией вопросов идентификации и аутентификации[22]; развитием цифрового

[20] См.: *Полякова Т.А.* Цифровизация и синергия правового обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2019. № 2. С. 4–7.

[21] См.: *Полякова Т.А.* Развитие конституционно-правовых основ обеспечения информационной безопасности // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференций в рамках X Московской юридической недели: в 5 ч. Москва, 24–27 ноября 2020 года. М., 2021. С. 294–299.

[22] См.: *Наумов В.Б.* Теоретические информационно-правовые вопросы идентификации в цифровой сфере // Информационное право. 2020. № 4. С. 4–8.

и технологического суверенитета государства[23]; проблемами применимости норм международного права в информационном пространстве. Огромное влияние оказывают и возрастающие информационные риски, вызовы и угрозы[24], обострение проблем развития системы международной информационной безопасности, а также международного сотрудничества в этой области[25], в т.ч. в сфере обеспечения кибербезопасности[26]. Цифровая реальность[27] порождает новые вызовы перед информационным правом и необходимость правового регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта и робототехники[28], квантовых коммуникаций, а также реализации экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций[29].

* * *

Таким образом, возрастает тенденция не только продолжения научных исследований в информационной сфере, но и значительного расширения ландшафта регулирования в сфере выделения в информационном праве отдельного института – цифрового права. Новые векторы и приоритеты научных исследований в науке информационного права связаны и с процессами институционализации, активным регулированием отдельных информационных, в т.ч. цифровых, технологий. Стремительно развивается как комплексный институт не только цифровое право, но и такие новые явления, как «право искусственного интеллекта», «право квантовых коммуникаций», «идентификационное право», «право цифровых платформ» («платформенное право»), «право виртуальной реальности» и др. Данные институты имеют явно комплексный характер и развиваются на уровне различных отраслей российского права.

В этой связи ключевая, приоритетная задача информационного права – закрепление фундаментальных положений о природе и пределах регулирования отдельных информационных, в т.ч. цифровых, технологий, принципов их регулирования, требований к ним, предъявляемых со стороны различных регуляторов. Актуальной задачей науки информационного права и развивающихся научных школ информационного права видится в первую очередь концептуальная разработка фундаментальных основ регулирования новых отношений, определения характера и путей развития традиционных информационных отношений в условиях цифровой трансформации, подготовка научных кадров на основе преемственности поколений в науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы информационного права / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М., 2019.
2. *Бачило И.Л.* М.М. Сперанский – патриарх науки управления России. М., 2014. С. 5, 11.
3. *Бачило И.Л.* Организация советского государственного управления: правовые проблемы / отв. ред. Б.М. Лазарев. М., 1984.
4. *Бачило И.Л.* Причины и суть эволюции государственных и правовых институтов в условиях развития информационного общества // Вопросы правоведения. 2011. № 3 (11). С. 114, 145.
5. *Бачило И.Л.* Функции органов управления (Правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976.
6. *Бачило И.Л.* Электронное правительство и инновации в области государственных функций и государственных услуг // Информационные ресурсы России. 2010. № 1 (113). С. 13–17.
7. *Бачило И.Л., Полякова Т.А., Антопольский А.А. и др.* Об основных направлениях развития информационного права за 2000–2015 гг. // Государство и право. 2017. № 1. С. 71–79.
8. *Бачило И.Л., Салищева Н.Г., Сергиенко Л.А., Хаманева Н.Ю.* О концепции развития системы исполнительной власти в Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 8. С. 6–8.

---

[23] См.: *Виноградова Е.В.*, *Полякова Т.А.* О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 32–49.

[24] См.: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Бойченко И.С.* Концептуальные подходы к правовому регулированию информационной безопасности в условиях цифровизации и трансформации права // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2019. № 3 (33). С. 64–68; *Их же.* Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 32–36.

[25] См.: *Полякова Т.А.* Роль России в формировании международной повестки правового обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов // Третьи Бачиловские чтения. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 3–27.

[26] См.: *Полякова Т.А.* Вопросы установления ответственности за использование глобальных информационно-телекоммуникационных систем в противоправных целях // Право и образование. 2008. № 1. С. 112–117.

[27] См.: Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований / под ред. Т.А. Поляковой и А.В. Минбалеева. М., 2020; *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7

[28] См.: *Минбалеев А.В.* Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020. № 1. С. 36–39.

[29] См.: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В.* Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России // Информационное право. 2019. № 4. С. 12–15.

9. *Виноградова Е.В.*, *Полякова Т.А.* О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 32–49.

10. Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. М., 2018.

11. Информационное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. И.Л. Бачило. М., 2009.

12. Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы / авт. кол.: А.А. Антопольский, И.Л. Бачило (отв. ред.), Г.В. Белов и др. М., 2003.

13. Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / И.Л. Бачило, А.А. Гришковец, И.С. Мелюхин и др. М., 1998.

14. *Капица С.П.* Общая теория роста человечества. Как рос и куда идёт мир человека. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». М., 2009. Вып. 44. С. 100.

15. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М., 2014.

16. *Кроткова Н.В.* Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ И.Л. Бачило // Государство и право. 2012. № 1. С. 86–88.

17. *Минбалеев А.В.* Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020. № 1. С. 36–39.

18. *Наумов В.Б.* Теоретические информационно-правовые вопросы идентификации в цифровой сфере // Информационное право. 2020. № 4. С. 4–8.

19. Организационно-правовые проблемы АСУ / отв. ред. И.Л. Бачило, Ю.А. Тихомиров. М., 1984.

20. *Полякова Т.А.* Вопросы установления ответственности за использование глобальных информационно-телекоммуникационных систем в противоправных целях // Право и образование. 2008. № 1. С. 112–117.

21. *Полякова Т.А.* Развитие конституционно-правовых основ обеспечения информационной безопасности // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференций в рамках X Московской юридической недели: в 5 ч. Москва, 24–27 ноября 2020 года. М., 2021. С. 294–299.

22. *Полякова Т.А.* Роль России в формировании международной повестки правового обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов // Третьи Бачиловские чтения. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2020.С. 3–27.

23. *Полякова Т.А.* Цифровизация и синергия правового обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2019. № 2. С. 4–7.

24. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В.* Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России // Информационное право. 2019. № 4. С. 12–15.

25. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Бойченко И.С.* Концептуальные подходы к правовому регулированию информационной безопасности в условиях цифровизации и трансформации права // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2019. № 3 (33). С. 64–68.

26. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Бойченко И.С.* Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 32–36.

27. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7

28. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9

29. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1

30. Понятийный аппарат в информационном праве / отв. ред. И.Л. Бачило, Т.А. Полякова, В.Б. Наумов. М., 2017.

31. Систематизация и кодификация информационного законодательства: сб. науч. работ / отв. ред. И.Л. Бачило. М., 2015.

32. Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М., 2016.

33. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований / под ред. Т.А. Поляковой и А.В. Минбалеева. М., 2020.

REFERENCES

1. Problems of Information Law / ed. by I.L. Bachilo, M.A. Lapina. M., 2019 (in Russ.).
2. *Bachilo I.L.* M.M. Speransky – the Patriarch of the science of the control of Russia. M., 2014. P. 5, 11 (in Russ.).
3. *Bachilo I.L.* Organization of the Soviet government: legal issues / ed. by B.M. Lazarev. M., 1984 (in Russ.).
4. *Bachilo I.L.* Causes and nature of the evolution of the state and legal institutions in terms of the development of the information society // Questions of jurisprudence. 2011. No. 3 (11). P. 114, 145 (in Russ.).
5. *Bachilo I.L.* Functions of management bodies (Legal problems of registration and implementation). M., 1976 (in Russ.).
6. *Bachilo I.L.* Electronic government and innovations in the field of state functions and public services // Information resources of Russia. 2010. No. 1 (113). P. 13–17 (in Russ.).
7. *Bachilo I.L., Polyakova T.A., Antopolsky A.A., etc.* On the main directions of development of Information Law for 2000–2015 // State and Law. 2017. No. 1. P. 71–79 (in Russ.).
8. *Bachilo I.L., Salishcheva N.G., Sergienko L.A., Khamaneva N. Yu.* On the concept of development of the executive power system in the Russian Federation // State and Law. 1996. No. 8. P. 6–8 (in Russ.).
9. *Vinogradova E.V., Polyakova T.A.* On the place of information sovereignty in the constitutional and legal space of modern Russia // The rule of law: theory and practice. 2021. No. 1 (63). P. 32–49 (in Russ.).
10. Dynamics of information security institutions. Legal problems: collection of scientific works / res. ed. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.V. Talapina. M., 2018 (in Russ.).
11. Information Law. Actual problems of theory and practice / ed. by I.L. Bachilo. M., 2009 (in Russ.).
12. Information resources of the development of the Russian Federation: legal problems / the author's team: A.A. Antopolsky, I.L. Bachilo (ed.), G.V. Belov, et al. M., 2003 (in Russ.).
13. Executive power in the Russian Federation. Problems of development / I.L. Bachilo, A.A. Grishkovets, I.S. Melyukhin, et al. M., 1998 (in Russ.).
14. *Kapitsa S.P.* General theory of human growth. How the human world grew and where it goes. The cycle of public discussions "Russia in the global context". M., 2009. Issue 44. P. 100 (in Russ.).
15. The concept of the Information Code of the Russian Federation / ed. by I.L. Bachilo. M., 2014 (in Russ.).
16. *Krotkova N.V.* Interview with Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation I.L. Bachilo // State and Law. 2012. No. 1. P. 86–88 (in Russ.).
17. *Minbaleev A.V.* Regulation of the use of artificial intelligence in Russia // Information Law. 2020. No. 1. P. 36–39 (in Russ.).
18. *Naumov V.B.* Theoretical information and legal issues of identification in the digital sphere // Information Law. 2020. No. 4. P. 4–8 (in Russ.).
19. Organizational and legal problems of automated control systems / ed. by I.L. Bachilo, Yu. A. Tikhomirov. M., 1984 (in Russ.).
20. *Polyakova T.A.* Issues of establishing responsibility for the use of global information and telecommunication systems for illegal purposes // Law and education. 2008. No. 1. P. 112–117 (in Russ.).
21. *Polyakova T.A.* Development of the constitutional and legal foundations of information security // Novelties of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of legal science: materials of Conferences in the framework of the X Moscow Legal Week: in 5 parts. Moscow, November 24–27, 2020. M., 2021. P. 294–299 (in Russ.).
22. *Polyakova T.A.* The role of Russia in the formation of the international agenda of legal provision of information security in conditions of great challenges // Third Bachilov's readings. Digital transformation: challenges to law and vectors of scientific research: materials of the International Scientific and Practical Conference M., 2020. P. 3–27 (in Russ.).
23. *Polyakova T.A.* Digitalization and synergy of legal provision of information security // Information Law. 2019. No. 2. P. 4–7 (in Russ.).
24. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V.* Digital innovations and problems of development of the mechanism of legal regulation in Russia // Information Law. 2019. No. 4. P. 12–15 (in Russ.).
25. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Boychenko I.S.* Conceptual approaches to legal regulation of information security in the conditions of digitalization and transformation of law // Herald of the Ural Federal District. Security in the information sphere. 2019. No. 3 (33). P. 64–68 (in Russ.).
26. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Boychenko I.S.* Problems of legal provision of information security in the process of using digital technologies in the global digital environment // Herald of the Academy of law and management. 2018. No. 3 (52). P. 32–36 (in Russ.).
27. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* New vectors of Information Law development in the conditions of civilizational crisis and digital transformation // State and Law. 2020. No. 5. P. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7 (in Russ.).
28. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Review of the International Scientific and Practical Conference "Information space: ensuring information secu-

rity and law" – The First Bachilov's readings // State and Law. 2018. No. 9. P. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9 (in Russ.).

29. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Formation of the Information Law system as a scientific direction: stages of development and prospects // State and Law. 2019. No. 2. P. 80–92. DOI: 10.31857/S013207690003854-1 (in Russ.).
30. Conceptual framework in Information Law / ed. by I.L. Bachilo, T.A. Polyakova, V.B. Naumov. M., 2017 (in Russ.).
31. Systematization and codification of information legislation: collection of scientific works / ed. by I.L. Bachilo. M., 2015 (in Russ.).
32. Systematization and keying functions and powers in the system of public control / ed. by I.L. Bachilo, M.A. Lapina. M., 2016 (in Russ.).
33. Digital transformation: challenges to law and the vectors of scientific research / ed. by T.A. Polyakova and A.V. Minvaleev. M., 2020 (in Russ.).

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующей сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 4224-3174, AuthorID: 732015
ORCID: 0000-0003-3791-2903

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович –
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 7148-1527, AuthorID: 651824
ORCID: 0000-0001-5995-1802

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892, AuthorID: 559435
ORCID ID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. –
Doctor of Law, Professor, chief researcher, Acting Head of the Information Law and International Information Security Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MINBALEEV Alexey V. –
Doctor of Law, associate Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow state Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia; chief researcher, Information Law and International Information Security Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law, leading researcher, Constitutional Law and Constitutional Justice Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 109–117
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 109–117

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ И ИДЕИ ГОСУДАРСТВА

© 2021 г. А. Г. Чернявский*, Н. А. Синяева**

Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

**E-mail: aleksandrcher@mail.ru*
***E-mail: natella.sinyaeva@gmail.com*

Поступила в редакцию 21.07.2021 г.

Аннотация. В статье изложен взгляд авторов на вопрос о том, какой цели служит весь государственный быт и какие пределы должны быть предоставлены его деятельности. Авторы исходят из положения, что худшая сторона любого государственного переворота заключается в быстром разрыве со всем общественно-политическим прошлым. Авторы дают оценку, что гражданское общество признано далеко не тождественным с политическим обществом. Авторы полагают, что от того, как общество решает вопрос о том, что составляет то прочное и существенное в государственном быте и общественных явлениях и что мнимое, а иногда и навязываемое, во многом зависит понимание соответствующей времени действительной сущности государства.

Ключевые слова: идея государства, сущность государства, интересы населения, представления о государстве, общественно-политическое прошлое, государственный интерес, общественные сферы жизни.

Цитирование: *Чернявский А.Г., Синяева Н.А.* Современное значение понимания сущности и идеи государства // Государство и право. 2021. № 12. С. 109–117.

DOI: 10.31857/S102694520017762-9

THE MODERN MEANING OF UNDERSTANDING THE ESSENCE AND IDEA OF THE STATE

© 2021 A. G. Chernyavsky*, N. A. Sinyaeva**

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

**E-mail: aleksandrcher@mail.ru*
***E-mail: natella.sinyaeva@gmail.com*

Received 21.07.2021

Abstract. The article presents the authors' view on the question of what purpose the whole state life serves and what limits should be given to its activities. The authors proceed from the position that the worst side of any coup d'etat is a quick break with the entire socio-political past. The authors estimate that civil society is recognized as far from identical with political society. The authors believe that the understanding of the actual essence of the state, corresponding to the time, largely depends on how society solves the question of what is solid and essential in state life and social phenomena and what is imaginary, and sometimes imposed.

Key words: the idea of the state, the essence of the state, the interests of the population, ideas about the state, socio-political past, state interest, public spheres of life.

For citation: *Chernyavsky, A.G., Sinyaeva, N.A. (2021).* The modern meaning of understanding the essence and idea of the state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 109–117.

Ни один вопрос не возбуждал более разнообразных и противоположных мнений, не вызывал более многочисленных философских теорий и научных исследований, как вопрос о государстве. В течение почти двух тысяч лет, начиная с творений Платона и Аристотеля и заканчивая самыми последними произведениями юридической и экономической литературы. Первым крупным мыслителем о государстве можно считать греческого философа Платона, жившего почти за четыре века до Рождества Христова. Но этот философ не дал определения сущности государства, а только утопию, или проект построения лучших форм государственного устройства, которые безусловно должны гарантировать благо населению. Признавая государство аналогичным строению человека, Платон лучшее устройство государства проводит по аналогии с человеком. Государство состоит из трех сословий: во главе его должен стоять ум или класс разумных философов, защищать государство должны люди воли и энергии – воины, обыденные дела жизни должны составлять принадлежность третьего сословия. Лучшая форма государственной жизни достижима только при разумных правителях; в силу этого Платон смотрит на законы только как на подходящее и терпимое средство замены плохих правителей. Для того, чтобы два правящих класса – философы и воины лучше занимались государственными делами, Платон для них советует коммунистический строй без семейного очага и собственности. Семья и собственность должны быть принадлежностью только третьего класса – обыкновенных граждан. Само собой разумеется, что все подобные рассуждения нельзя принимать за определение природы государства. Это не больше, как документ проявления человеческой мысли.

Научный характер имеют исследования природы государства величайшим умом не только Греции, но и всего человечества Аристотелем. Он был в числе учеников Платона. Наблюдая и изучая жизнь государств – городов Греции, насчитывавших не более 20 тыс. граждан, Аристотель пришел к следующему определению: *государство есть самодовлеющее общение граждан, ни в каком другом общении не нуждающееся и ни от кого другого не зависящее*. Это определение несет в себе частные формы греческих государств и потому его нельзя признать за определение общего понятия государства. Аристотель по форме правления классифицирует государства на три группы: на монархии – правление одного, аристократии – правление немногих и республики – правление народа. При всех этих формах – государства могут быть хорошими, если правящие сферы заботятся об интересах всего населения и плохими, если правление государством совершается в интересах части населения. Аристотель дает им и иные названия: монархию тогда называет тиранией, аристократию – олигархией и республику – демократией. По мнению Аристотеля, лучшая форма может быть достигнута правильной комбинацией этих трех форм управления. Между прочим, исследуя жизнь того времени Греции, Аристотель пришел к выводу, что лучшее правительство бывает у лучших подданных.

Быть может, специфическая разница между современной политикой по сравнению с древней – это разница, существующая между сферой, приемами и способами действующего законодательства и характером и методами законодательства у классических народов. Законодательный корпус представителей является общим политическому миру, каким он известен ныне, но никогда подобное собрание не приходило на ум политиков древности, греков или варваров. Всякий гражданин или принимал непосредственное участие в законодательстве, или не принимал участия. Аристотель думал согласно этому, что не может существовать свободного государства с обширной территорией, где население слишком разбросано, чтобы сойтись вместе на собрание. Но то, что не знали греки и римляне, германцам было известно издавна: представительство есть одно из самых обычных средств их самобытной политики, и от них именно получил его новый мир.

Первоначальная американская колониальная история также представляет два любопытных примера перехода непосредственного собрания в представительное. Первоначальное законодательное собрание Мэриленда было непосредственным собранием всех свободных людей колонии; на следующее собрание было позволено некоторым прислать заместителей; и прежде чем окончательно утвердилось представительство, была налицо аномалия корпуса частью представительного, частью непосредственного, т.к. каждый свободный мог явиться в собрание лично[1]. Другой пример имеет место в истории Род-Айленда, граждане которого в течение некоторого времени настаивали на том, чтобы собираться в Ньюпорте в форме непосредственного собрания с тем, чтобы избирать лиц долженствующих представить их в колониальном парламенте; таким образом, они начинали сессию все вместе, а затем, говоря словами В. Фостера, позволяли законодательному собранию совершать путь одному на все остальное время[2]. Тем не менее только в новейшее время дана теория прав представителя. Всем народам политически сильным, верящим в себя и управляющим через самих себя, была свойственна сильная тенденция свести своих

[1] См.: *Doyle J.A.* The English Colonies in America. N.Y., 1889. I. P. 287–290.

[2] См.: *Forster W.E.* Town government in Rhode Island. Baltimore, 1886. P. 26.

представителей к роли и функциям простых делегатов, обязанных действовать не по своему крайнему разумению, а согласно инструкциям своих избирателей. Более правильным мнением в последнее время, хотя с разных точек зрения обсуждались права представителя, является мнение объявить за представителем привилегию следовать своему собственному пониманию в политических вопросах и действовать скорее в качестве лица, облеченного доверием своих избирателей, снабженного всеми полной доверенностью.

В представлении римских граждан государство являлось божественным учреждением, в жертву которому обязательно должна была приноситься личная жизнь гражданина.

Средние века трактовали государство тоже как божественное учреждение, выражая свои мысли в категорических догматических формах, не допускавших сомнений. В этом были убеждены и властители, и подданные. С практической государственной точки зрения это положение представляло большую выгоду для проявления государственной силы.

Такое религиозно-догматическое представление о государстве, конечно, нельзя рассматривать как понимание его природы; подобный взгляд нужно считать только практической формулой для подданных, гарантирующей определенное их государственное поведение, выражающееся в безусловном повиновении придержащим властям. Эта формула, унаследованная от Римской империи, была впоследствии видоизменена и освящена христианской религией. Римское католическое духовенство внедрило эту формулу в сознание населения Европы и создало почву для возникновения абсолютных государств. Возникновение таких государств из средневекового феодального хаоса нужно считать первым фактом прогресса политической жизни европейского населения. Но эта формула религиозно-догматического понимания государства пережила свое культурно-жизненное значение. На известном протяжении времени такое понимание государства населением Европы было необходимым, потому что являлось средством для прогрессивного движения жизни. Однако жизнь населения непрерывно шла вперед, выдвигая новые задачи совместной и государственной жизни, и опередила формулу религиозно-догматического понимания государства. Эта формула, не объясняя сущности государства, являлась хорошим средством для построения государств абсолютного типа, т.е. являлась только политическим фактором. Поскольку при внешних и внутренних обстоятельствах жизни населения абсолютный тип построения государства был необходим, постольку и эта формула понимания государства была необходима. Но если обстоятельства жизни населения изменяются, то должны изменяться и формы построения государства и, следовательно, должны изменяться и средства построения – формулы того или иного понимания государства. В силу сказанного прежние формулы понимания государства из потребных с прогрессом жизни населения должны превратиться в непотребные. Но по закону инерции социальной структуры, о чем мы скажем позднее, смена этих формул всегда встретит сопротивление в правящих сферах, устроивших свою личную жизнь на прежних формах государства. Так случилось и в Европе. Догматическая религиозная формула построения государства с соответствующим этой формуле строением была сломлена Французской революцией. Но нужно помнить, что идейная подготовка для смены религиозно-догматического понимания государства началась в Европе гораздо раньше Французской революции. Эту подготовку сделала политическая школа естественного права с договорной теорией природы государства. Договорной взгляд на природу государства был прямым антиподом свыше предустановленного религиозно-догматического понимания государства.

Человеческая мысль беспрерывно обращается к уяснению идеи государства. Образовался целый ряд т.н. государственных наук, которые рассматривают государственную деятельность как в общих ее основаниях, так и в отдельных частях. Несмотря на это, вопрос – что такое государство, в чем заключается его разумная роль и назначение – остается менее всего решенным и установившимся в науке.

Если мы сравним замечательные государственные устройства, писал В. Гумбольдт, и мнения о них наиболее авторитетных философов и политиков, то нельзя не удивляться, как мало обработан и неудовлетворительно решаем вопрос, который, по-видимому, прежде всего должен был бы привлекать к себе внимание, – вопрос о том, какой цели служит весь государственный быт и какие пределы должны быть предоставлены его деятельности[3].

Едва какой-либо вопрос имеет больше этого значения в общественных науках и, несмотря на это, едва какой-либо из них можно признать наименее решенным, как этот же вопрос. Тысячи томов исписаны, старые принципы в сотый раз вылиты в новую форму и возвышены в великие открытия, тем не менее от его удовлетворительного разрешения мы также далеко стоим, говорит Эотвос, как и тогда, как только впервые стали заниматься научным образом вопросом, как должно быть устроено государство, какова его сущность. В то время как естественные науки в короткий период совершили гигантские успехи и не проходит почти ни одного года, чтобы

[3] См.: *Humboldt W. von* Ideen zu einem Versuch, die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen. Breslau, 1851. Einleitung. S. I–IX.

в их области не делалось более или менее значительного открытия, – в государственных науках нам приходится возвращаться к тому же состоянию, из которого мы начали, к прежнему сомнению, которое становится еще тяжелее после стольких попыток и опытов[4].

Если для науки этот вопрос до нынешнего времени оставался загадкой, то тем менее правильного его разрешения можно ожидать от самой жизни, которая идет ощупью, останавливаясь на всяком шагу, то возвращаясь назад, то снова начиная однажды пройденное ей поприще. На сцене истории мы постоянно видим, как одни народы сменяются другими. Каждый из них является с особыми формами, целями и условиями развития государственной деятельности, в каждом из них чуть ли не с каждым веком изменяются эти условия, цели и их пределы. *Что такое государство? – спрашивает Рентш. – Как не общепонятной кажется с первого взгляда сущность государства, говорит он, тем не менее ответ на этот вопрос очень не легок*[5]. Сфера государственной деятельности то расширяется за счет общественной, то снова сужается; государственная власть то берется руководить всем, что только входит в народную жизнь, регламентирует промышленность, торговлю, посягает даже на умственную и религиозную сферу народной деятельности, то отказывается от всего этого и думает даровать нации спасение от всех бед[6]. Но, несмотря на этот бесконечный ряд попыток жизни разрешить само собой вопрос о цели и назначении государства, наука до сих пор не смогла прийти хоть к сколько-нибудь удовлетворительному его разрешению.

Почти невероятная вещь, писал еще Л. Штейн, что государство в течение целых тысячелетий действует и работает, не будучи в состоянии отдать себе отчета в сущности и пределах своей деятельности[7].

Человечество чувствует в своем государственном и общественном строе много ложного, не соответствующего нормальным условиям его природы, и силится найти выход из такого состояния. Едва ли когда-либо человечество видело в течение короткого времени разложение и зарождение столь многих общественных форм государств как в нынешнее время; и едва ли в какой-либо период истории возникло большее количество разных теорий, отрицающих все существующие формы общественного и государственного быта, как в наше время. При таком состоянии необходимо понять, что составляет то прочное и существенное в государственном быте и общественных явлениях и что мнимое, а иногда и навязываемое.

Если до настоящего времени ни жизнь, ни наука не могли дойти до удовлетворительного разрешения вопроса о сущности и назначении государства, то это происходило главным образом от того, что значение чисто общественных сфер жизни, в соединении с которыми только и может быть правильно оценена государственная жизнь, не установилось еще на более или менее твердых и рациональных основаниях. Все беспорядки в обществах имеют своей причиной неопределенность и противоречие господствующих мнений об основных принципах общества. Здесь мы видим отсутствие твердых оснований в оценке значения чисто общественных сфер жизни как причину неудовлетворительности решений вопроса о государстве.

Науки, бравшиеся за разрешение вопроса о государстве, практически до нынешнего времени рассматривали государственную жизнь вне ее органической связи со всей общественной жизнью. Хотя известно, что государство есть только один из органов общественного тела. Назначение же какой бы то ни было части всякого организма может быть понято только в связи с целым организмом, со всеми его функциями. Между тем этот общественный организм не был понят и оценен правильным образом в государственных науках. Могла ли быть после этого правильно понята и оценена какая-либо из его частей и при этом таких существенных, как государственная сфера?

Наука постоянно обходила вопрос об обществе, без которого природа и цель государства не может быть вполне раскрыта. Почти все внимание ее было обращено на отношения отдельного лица к государству, на определение их взаимных прав и обязанностей. Она как будто не хотела знать, что наряду с государством существуют другие самостоятельные сферы, что каждая из них устроена более или менее своеобразно и имеет собственные законы, не зависящие от государства. Политические связи казались для нее единственными объединяющими узами, лежащими в основании народного быта. Она признавала только двоякие отношения: личные или гражданские и государственные или политические. Между представителями науки шел и идет спор о формах правления, о происхождении власти, о границах свободы, но ни у кого из них не появлялось мысли исследовать саму организацию общества, те различные сферы, на которые оно распадается, и законы их взаимных отношений.

---

[4] См.: *Humboldt W. von* Op. cit.

[5] См.: *Rentzsch H.* Der Staat und die Volkswirtschaft. Keel, 1863. Kapitel II.

[6] См.: *Held J. von* Staat und Gesellschaft vom Standpunkte der Geschichte der Menschheit und des Staats Mit besonderer Rucksicht auf die politischsocialen Fragen unserer Zeit von Joseph Held Grundanschauungen uber Staat und Gesellschaft. Leipzig, 1861. I. S. 117, 118.

[7] См.: *Stein L.* Die Verwaltungslehre, 6 Theile. Stuttgart, 1883. II. S. 8.

Необходимо обратить внимание на то, что и в литературе XVIII–XIX вв. не было сочинений, которые стремились бы уяснить значение в общественном организме различных сфер жизни, стоящих вне непосредственной цели государства. Правда, со второй половины XVIII в. и до появления органической школы государственного права встречаются у некоторых авторов сочинения, посвященные исключительно вопросу об обществе. Но слово «общество» или не имеет в них определенного смысла, как, например, в произведениях Рейнгарда, Бухгольца и Броуна, или же вполне отождествляется с государством. Единственное исключение в этом случае представляет небольшое произведение А. Шлёцера, вышедшее в конце XVIII в. под названием «Всеобщее государственное право»[8]. В нем он указывает некоторые из главных оснований учения об обществе под названием «метаполитики». Но это произведение было, как писал Р. Моль, мимолетным метеором, не оставившим после себя следов, никем не понятым и едва ли явно осознанным даже самим автором, ибо он нигде не развивает даже мыслей, высказанных им вскользь в этом произведении. Ясно, что он сам не предчувствовал того великого значения, какое впоследствии приобретет учение об обществе в государственных науках[9].

Обращаясь к истории, следует привести пример о недостаточном внимании при новейших государственных переворотах во Франции к общественным основам народного быта как причин в т.ч. их неудачного исхода. Очевиден факт влияния существовавших в XVII в. государственных теорий, которые стремились положить в основание государства новые начала, в надежде привести человечество к счастливой будущности. Но как ни было велико их влияние на жизнь, какие великие перевороты не были произведены ими в существовавшем до тех пор порядке вещей, их применение к жизни не принесло с собой обещанного ими исцеления нациям. Это происходило именно от того, что в главных исходных точках зрения при определении природы государства они совершенно упускали из виду значение общества, его самостоятельные, независящие от государственной сферы начала. Монтескьё, Руссо, энциклопедисты, а также современные им великие публицисты и философы Германии и Англии не имели ни малейшего предчувствия значения общества в государственном быте. В их произведениях государственная наука оставалась на почве односторонней юриспруденции, как писал В. Киссельбах; она не достигла уяснения общественной натуры человека и условий, предписываемых общественной организации трудом и собственностью[10]. Французская революция показала, куда может привести государственная мудрость, берущаяся организовать народный быт, без внимания к самостоятельному проявлению его общественных начал. Французская революция заслуживает порицания не за одни свои кровавые сцены. Кровь лилась везде, где только разнузданная физическая сила вступала в свои права. *Худшая сторона великого насильственного переворота заключается в быстром разрыве со всем общественно-политическим прошлым.* Если до революции существовало много исключительных прав и привилегий, то были и такие, которые не заключали в себе ничего несправедливого, но обусловливались требованиями местности. Провинции и города через посредство своих депутатов положили к ногам Национального собрания все вольности, хартии, капитуляции, не делая в них различия между теми общественными властями, которые должны были возвратиться к государству и теми местными властями, которые должны были остаться за ними, только более обобщаясь. Государство захватило множество таких прав, которые не должны были ему принадлежать. *Не в том крайность, что революция хотела, чтобы во всем государстве было одно и то же законодательство, полиция, судопроизводство, армия и даже система налогов, а в том, что государство хотело непосредственно управлять всем или почти всем, что оно управляло в полном смысле этого слова почти всеми силами, находящимися вне его, всеми видами общественных союзов и классами занятий.*

В то время, как уравнение состояний достигло своих крайних пределов, не было соответствующего развития общественного духа в народе. Революция не создала учреждений, способных поддерживать интерес к подробностям общественных дел: и если допустила часть населения к участию в правлении, то допустила только в самом важном, но вместе с тем и самом редком случае – в выборах для великого государственного собрания. Центральное правительство присвоило себе не только местную администрацию, но и многое из того, что в других государствах выполняется ассоциациями отдельных лиц. Думая начать совершенно новую жизнь, нация хотела построить общество и государство на основании предвзятых, отвлеченных теорий, без всякой связи с прошлым. Прямые линии нового департаментного деления прорезали Францию без всякого внимания к тысячелетним, историческим и местным особенностям ее провинций. Абстрактное понимаемое право человечества сделалось душой государства, и с идеей равенства

[8] *Schlözer A. L.* Allgemeine Staatsrecht und Verfassungslehre: Voran: Einleitung in alle Statswissenschaften. Encyclopädie derselben. Metapolitik. Göttingen, 1793.

[9] См.: *Mohl R. von* Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erster Band, Erlangen, 1855. S. 75, 148.

[10] См.: *Kisselbach W.* Socialpolitische Studien. Stuttgart, 1862.

людей было отвергнуто государством всякое разделение общества, соответствующее в том числе разделению труда и собственности. Отдельное лицо было освобождено от своих корпоративных, общественных связей. Осталось только понятие о гражданине и государстве. Общественные союзы потерпели свое посредствующее значение между правительством и народом. Народ являлся в отношении правительства в состоянии, лишенном всякой организации, получая всю свою организацию только с ним и от него.

История Франции с конца XVIII в. показала как нельзя лучше, что *государственный союз, потерявший свои общественные основы, не заключает в себе никакой внутренней силы и может поддерживаться только искусственными средствами*. Французская республика рушилась именно вследствие того, что она не опиралась на общественные основы; одни же чисто государственные начала могли привести ее только к чисто военному государству. Когда и последнее рушилось в свою очередь. Утверждение одного только юридического конституционализма, а не общественного конституционализма, не могло принести спасения. При нем все политические идеи пришли в такое хаотическое брожение, что даже вполне законные общественные стремления вырождались в политические утопии. *Вместо того, чтобы принимать общественную натуру человека за исходный пункт всех планов изменения общества и государства, большинство французских писателей стремилось втиснуть ее в заранее, произвольно придуманные для нее рамки*. Социализм и дальнейший его вывод – коммунизм – были продуктом уничтожения в государственном быте Франции самостоятельного значения общества. При таком общественно-политическом хаосе Франции ничего не оставалось сделать, как прибегнуть к последнему паллиативному средству, – цезаризму[11].

Только начиная со второй половины XIX в. наука вступила на путь, который, по-видимому, должен привести ее скорее всего к правильному разрешению вопроса о государстве. Науке удалось разложить всю народную жизнь на ее составные элементы. Выделить область государственную из всех остальных сфер народной жизни, с которыми она постоянно смешивалась. Явилась идея государства и общества как двух самостоятельных понятий, хотя и соединенных между собой неразрывной, органической связью. Каждый век, писал Риль, открывает одну или две истины, одно или два общих положения, посредством которых он овладевает миром[12]. Для нынешней эпохи такое положение найдено в высшей степени плодотворным. *Гражданское общество признано далеко не тождественным с политическим обществом*. Понятие об обществе в узком смысле, тем не менее так часто смешиваемое на практике с понятием о государстве, в теории отделено от него. Освобождение идеи общества от деспотизма государства составляло собственно достояние второй половины XIX в. и служило хотя и источником тысячи разного рода страданий и борьбы, но в то же время и залогом политической будущности.

Подобным образом, по мнению Гельда, Франца и многих других, вопрос о сущности того, что еще в XIX в. стали называть обществом в особом, техническом смысле, и о его отношении к государству принадлежит к величайшим теоретическим и практическим проблемам и нынешнего времени.

Всякое знание в своей эволюции, по мнению английского философа Г. Спенсера, проходит три стадии:

Первая стадия – это однообразие распространенных принятых взглядов на явление, или однообразие мнений невежд;

Вторая стадия – разнообразие мнений исследователей и, наконец;

Третья стадия – однообразие научного понимания.

Понимание природы государства как факт духовной эволюции находится и в данное время во второй стадии, а именно в стадии разнообразия мнений исследователей. Приведенный ряд определений государства есть великий документ эволюции человеческой мысли в этом направлении. Этот ряд не достиг еще своего конечного пункта и потому в настоящем своем виде не дает ясных и полных представлений о природе государства, но совершенно ярко и определенно говорит нам своими консервативными и либеральными определениями о состоянии политического строя.

Как для геолога те или иные остатки органической жизни в пластах разных формаций являются ценными документами для представления органической жизни эпохи, так такими же ценными документами являются эти определения государств для понимания духовно-политического мировоззрения

[11] См.: *Dunover Ch.* De la liberté du travail, ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Paris, 1845. B. IV, ch. 7; *Rivet F.* Des rapports du droit et de la législation avec l'économie politique. Paris, 1864. P. 490, 491; *Tocqueville A. de* L'ancien régime et la Revolution. Paris, 1860; *Милль Дж. С.* Рассуждения и исследования политические, философские и исторические: в 3 ч. / пер. под ред. А. Соколова. СПб., 1865. Ч. 2. С. 2; *Kisselbach W.* Op. cit. K. IV; *Winter A.* Die Volsvertretung in Duetschlands Zukunft. Gottingen, 1852. S. 2–5; *Friker.* Uber die Bedeutung der organische Staatsauffassung fur Staatrecht // Zeitschrift fur die gesammte Staatwissenschaft. 1866. B. 3. S. 432; *Frantz G.A.C.* Die Naturlehre des Staats als Grundlage der Staatswissenschaft. Leipzig und Heidelberg, 1870. S. 66–71.

[12] См.: *Riehl W.H.* Burgerliche Gesellschaft. 3-te Auflage. Stuttgart, 1861. S. 7.

соответствующего времени. Эти определения, разделяются на две группы: одни из них отражают формы существующего государственного строя – это определения *консервативные*, другие определения государства заключают в себе представления передовых или недовольных существующим строем групп населения о лучших формах государственного устройства. Это определения *либеральные*. Те и другие только факторы политических движений и представляют символы политических верований. В либеральных определениях так же, как и в консервативных, всегда отражается эпоха, но только в иной форме. Будучи в основе своей утопическими, они несут в себе указания на недостатки существующего или существовавшего строя тем, что в своих построениях касаются этих недостатков и разрешают их со стороны желаний населения. Эти решения входят в состав определения природы государства, их формы решений часто бывают эфемерны и несбыточны, но перед человечеством их заслуга велика тем, что они ставят на очередь вопрос жизни, который должен быть разрешен человечеством. Либеральные определения государств как политические прогрессивные факторы ревниво наблюдают за новизной своих определений и боятся, чтобы в эти определения не попали принципы прежнего строя. Этим конечно, была бы ослаблена их боевая сила; поэтому *эти определения чаще всего впадают в крайность*. В настоящее время такой подход представлен, например, концепциями габитуса П. Бурдье, структуризации Э. Гидденса, коммуникации Н. Лумана. Сюда же можно отнести П. Бергера и Т. Лукмана, которые, как и другие феноменологи, акцентируют внимание не на статике общества, а на его динамике, на механизмах его воспроизводства[13].

Просматривая различные определения государств, мы ясно заметим отражение политической жизни эпох, в которые они появлялись. Утопические представления Платона о наилучшем построении государств совершенно определенно несут на себе черты государственной жизни Греции. Проектируемое ими коммунистическое устройство двух высших правящих классов – философов и воинов, с правильным спариванием мужчин и женщин для воспроизведения лучшего рода, навеяно Спартой. В его государстве допускаются рабы, что было общим явлением греческой жизни, и это доказывает, что в фантастических представлениях люди отражают действительность. Определение государства Аристотелем есть факт обобщения государственных форм, существовавших в Греции. Римская государственная жизнь не дала философских определений государства. Римляне творили государственную жизнь и по факту своего мирового успеха не задумывались над сущностью государства, и без всяких сомнений признавали свое государство правильным и истинным. Оно для них было единственным в мире, потому что гражданами могли быть только римляне, а остальное население земли являлось для них варварским. На основании логики человеческого мышления единственный факт не дает материалов для обобщения, а возможно только положительное представление. Не дали также определений государства и средние века. Варварское население Европы под руководством римского духовенства дорастало до римской культуры и довольствовалось безапелляционными его разъяснениями. Определение государства носило положительный религиозно-догматический характер со Свыше предустановленными формами. Возрождение Италии с группой враждующих государств отразилось в политических исследованиях Макиавелли. Эти исследования не составляют абстрактно разработанной политической системы, но блещут фактами практической наблюдательности над существовавшими проявлениями государственной жизни. Боден и Гоббс в своих определениях отразили существующий в их время абсолютизм, но положили начало разрушения его свободой обсуждения. Последующая группа поборников естественного права и договорной теории государства являлась отрицателем абсолютного государства и своими определениями создавала факторы для борьбы с ним. Все определения государства после Французской революции отражают в себе так или иначе существующие конституционные формы европейских государств. Нынешние публицисты прямо заявляют, что они определяют государство современной европейской культуры. Все эти определения консервативные, но они отражают политическое состояние только с одной стороны. Необходимо также отметить и существовавшие социалистические движения, которые создавали ряд утопических представлений о новом государственном строе. Типичным примером таких представлений являлось учение А. Менгера о новом государстве. Исповедование этих учений также внесло определенную струю в политическую жизнь того времени. У поборников этих новых государственных идей развивалось желание воспроизводить социальные опыты. Это возможно, конечно, только при революционном состоянии государств. Следовательно, создание революции должно быть предварительным делом для осуществления на практике новых идей. Революционные движения создаются имеющимися силами населения и принимают ту или иную окраску по силе недовольства и степени развития. Использование этих сил в пользу осуществления либеральных представлений государства заставляет центр работы либеральной политической мысли перенести на тактику, т.е.

[13] См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

на использование социальных сил сообразно их характеру в своих целях для общего блага.

Теперь оценим те слова и выражения, которыми мыслители определяли понятие государства. Просматривая вышеприведенные определения, заметим, что в них употребляются следующие понятия: *самодовлеющее общение, верховная власть, вечные начала добра и справедливости, общее благо, цель и средства, государственный интерес, право, общая польза, воля всех, гражданская свобода, единый организм, нравственный свободный общественный союз народа, центр общей власти, законный порядок, общественное господство, права человека, социальное равенство и т.д.* Все эти слова и выражения употребляются для определения природы и сущности государства, но почти все они сами не имеют строго очерченного определенного содержания.

* * *

Кроме того, все указанные слова и выражения являются в своем содержании частями, из которых слагается государство, и в силу этого – несовершенным материалом для определения целого. Чтобы понять объем и движение толпы, необходимо выбраться из нее и встать на возвышенное место. Точно также, чтобы понять природу государства, необходимо выбраться из сонма вышеприведенных терминов и выражений. Этим, конечно, мы не хотим отрицать глубокий смысл и значение понятий добра, нравственности, справедливости и других великих факторов общественного и государственного сожития людей. Наоборот, оставляя их временно в стороне и ведя рассуждение на иных терминах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. *Милль Дж. С.* Рассуждения и исследования политические, философские и исторические: в 3 ч. / пер. под ред. А. Соколова. СПб., 1865. Ч. 2. С. 2.
3. *Doyle J.A.* The English Colonies in America. N.Y., 1889. I. P. 287–290.
4. *Dunover Ch.* De la liberté du travail, ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Paris, 1845. B. IV, ch. 7.
5. *Forster W.E.* Town government in Rhode Island. Baltimore, 1886. P. 26.
6. *Frantz G.A.C.* Die Naturlehre des Staats als Grundlage der Staatswissenschaft. Leipzig und Heidelberg, 1870. S. 66–71.
7. *Friker.* Uber die Bedeutung der organische Staatsauffassung fur Staatrecht // Zeitschrift fur die gesammte Staatwissenschaft. 1866. B. 3. S. 432.
8. *Held J. von* Staat und Gesellschaft vom Standpunkte der Geschichte der Menschheit und des Staats Mit besonderer Rucksicht auf die politischsocialen Fragen unserer Zeit von Joseph Held Grundanschauungen uber Staat und Gesellschaft. Leipzig, 1861. I. S. 117, 118.
9. *Humboldt W. von* Ideen zu einem Versuch, die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen. Breslau, 1851. Einleitung. S. I–IX.
10. *Kisselbach W.* Socialpolitische Studien. Stuttgart, 1862. K. IV.
11. *Mohl R. von* Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erster Band, Erlangen, 1855. S. 75, 148.
12. *Rentzsch H.* Der Staat und die Volkswirtschaft. Keel, 1863. Kapitel II.
13. *Riehl W.H.* Burgerliche Gesellschaft. 3-te Auflage. Stuttgart, 1861. S. 7.
14. *Rivet F.* Des rapports du droit et de la législation avec l'économie politique. Paris, 1864. P. 490, 491.
15. *Schlözer A.L.* Allgemeine Staatsrecht und Verfassungslehre: Voran: Einleitung in alle Statswissenschaften. Encyclopädie derselben. Metapolitik. Göttingen, 1793.
16. *Stein L.* Die Verwaltungslehre, 6 Theile. Stuttgart, 1883. II. S. 8.
17. *Tocqueville A. de* L'ancien régime et la Revolution. Paris, 1860.
18. *Winter A.* Die Volsvertretung in Duetschlands Zukunft. Gottingen, 1852. S. 2–5.

REFERENCES

1. *Berger P., Lukman T.* Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M., 1995 (in Russ.).
2. *Mill J.S.* Political, philosophical and historical reasoning and research: in 3 hours / transl. ed. by A. Sokolov. SPb., 1865. Part 2. P. 2 (in Russ.).
3. *Doyle J.A.* The English Colonies in America. N.Y., 1889. I. P. 287–290.
4. *Dunover Ch.* De la liberté du travail, ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Paris, 1845. B. IV, ch. 7.
5. *Forster W.E.* Town government in Rhode Island. Baltimore, 1886. P. 26.
6. *Frantz G.A.C.* Die Naturlehre des Staats als Grundlage der Staatswissenschaft. Leipzig und Heidelberg, 1870. S. 66–71.

7. *Friker.* Uber die Bedeutung der organische Staatsauffassung fur Staatrecht // Zeitschrift fur die gesammte Staatwissenschaft. 1866. B. 3. S. 432.
8. *Held J. von* Staat und Gesellschaft vom Standpunkte der Geschichte der Menschheit und des Staats Mit besonderer Rucksicht auf die politischsocialen Fragen unserer Zeit von Joseph Held Grundanschauungen uber Staat und Gesellschaft. Leipzig, 1861. I. S. 117, 118.
9. *Humboldt W. von* Ideen zu einem Versuch, die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen. Breslau, 1851. Einleitung. S. I–IX.
10. *Kisselbach W.* Socialpolitische Studien. Stuttgart, 1862. K. IV.
11. *Mohl R. von* Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erster Band, Erlangen, 1855. S. 75, 148.
12. *Rentzsch H.* Der Staat und die Volkswirtschaft. Keel, 1863. Kapitel II.
13. *Riehl W.H.* Burgerliche Gesellschaft. 3-te Auflage. Stuttgart, 1861. S. 7.
14. *Rivet F.* Des rapports du droit et de la législation avec l'économie politique. Paris, 1864. P. 490, 491.
15. *Schlözer A.L.* Allgemeine Staatsrecht und Verfassungslehre: Voran: Einleitung in alle Statswissenschaften. Encyclopädie derselben. Metapolitik. Göttingen, 1793.
16. *Stein L.* Die Verwaltungslehre, 6 Theile. Stuttgart, 1883. II. S. 8.
17. *Tocqueville A. de* L'ancien régime et la Revolution. Paris, 1860.
18. *Winter A.* Die Volsvertretung in Duetschlands Zukunft. Gottingen, 1852. S. 2–5.

Сведения об авторах

ЧЕРНЯВСКИЙ Александр Геннадьевич –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
(государственного) и международного права
Военного университета им. князя Александра
Невского Министерства обороны
Российской Федерации; 123001 г. Москва,
ул. Б. Садовая, д. 14

СИНЯЕВА Нателла Александровна –
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой конституционного
(государственного) и международного права
Военного университета им. князя Александра
Невского Министерства обороны
Российской Федерации; 123001 г. Москва,
ул. Б. Садовая, д. 14

Authors' information

CHERNYAVSKY Alexander G. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Constitutional (State) and
International Law of Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation;
14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

SINYAEVA Natella A. –
PhD in Law, associate Professor, Head of
the Department of Constitutional (State) and
International Law of Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation;
14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 118–126
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 118–126

ДОКТРИНА ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТУРКМЕНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ САПАРМУРАТА НИЯЗОВА

© 2021 г. Г. Г. Небратенко[1, *], О. Г. Ларина[2, **]

[1]Южный федеральный университет (ЮФУ), г. Ростов-на-Дону
[2]Юго-Западный государственный университет, г. Курск

**E-mail: gennady@nebratenko.ru*
***E-mail: lelyc@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.03.2021 г.

Аннотация. Культивирование традиционализма в праве, основанного на общечеловеческих ценностях и истории юриспруденции, сохраняет актуальность на постсоветском пространстве на протяжении почти трех десятилетий, прошедших с момента разрушения единого государства. При этом юридическая наука не признает примата исторической школы права, возродившейся в 90-е годы XX в. вместе с прочими классическими типами правопонимания, после отказа от централизма материалистической теории, господствовавшей в советском правоведении. Причина привлекательности традиционализма кроется в склонности к нему многих континентальных народов, усиливаемой зримыми последствиями нивелирования в североамериканском и европейском праве опыта национального юридического быта, позиционировании либеральных тенденций, во многом неуместных для традиционных государств, к которым относится Россия, сформировавшаяся в результате тысячелетнего развития. У сложносоставных наций, обладающих длительным опытом государственности и разнородностью правовой культуры, сохраняют актуальность концепции, фиксирующие в правовом сознании традиционные ценности как естественный источник прав человека, императивно не связанный с законом, который рационален и морален, но по своей природе обездушен и не обязательно отражает исторический менталитет.

Одним из примеров таких концепций, направленных на возрождение традиционной государственности и сохранение целостности общества, является доктрина, заключенная в двухтомном труде туркменского государственного деятеля Сапармурата Ниязова под названием «Рухнама», который попытался воплотить ее на практике. Поэтому объектом статьи выступают общественные отношения, связанные с возрождением туркменской государственности путем формирования в постсоветский период национального стандарта прав человека, гармонизированного с интересами традиционного общества. Предметом статьи является общая характеристика, основное содержание и прикладное значение концепции Сапармурата Ниязова, иллюстрирующей возможность формирования правового государства с учетом традиционализма, а также значение соответствующей доктрины для развития правовой системы Туркменистана. Концепция национального возрождения республики, сформулированная Сапармуратом Ниязовым, стала основой для разработки общественной идеологии, повлиявшей на становление республиканского законодательства, представляет научный интерес для других государств, испытывающих экспансию либеральных тенденций в праве, не исключая Российскую Федерацию. В условиях, когда международная универсальная система безопасности демонстрирует стагнацию, суверенные государства обращаются к инструментарию международных региональных и национальных средств обеспечения безопасности. Поэтому реванш традиционализма является предсказуемым, иллюстрируясь на примере Туркменистана. Тем более что российское общество, равно как и туркменское, проявляет к нему склонность, и строительство социального государства, заявленное на конституционном уровне, делает возможным отражение данной тенденции при совершенствовании законодательства.

Ключевые слова: сравнительное государствоведение, традиционное государство, семья религиозного права, государство и право Туркменистана, традиционное право, пантюркизм, Рухнама, Сапармурат Ниязов, правовая, политическая и религиозная мысль, историческая школа права, либерализм и традиционализм в праве, семья традиционного (обычного) права.

Цитирование: *Небратенко Г.Г., Ларина О.Г.* Доктрина возрождения постсоветской туркменской государственности Сапармурата Ниязова // Государство и право. 2021. № 12. С. 118–126.

DOI: 10.31857/S102694520014143-8

THE DOCTRINE OF THE REVIVAL OF POST-SOVIET TURKMEN STATEHOOD BY SAPARMURAT NIYAZOV

© 2021 G. G. Nebratenko[1, *], O. G. Larina[2, **]

[1]*Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don*
[2]*Southwest state University, Kursk*

**E-mail: gennady@nebratenko.ru*
***E-mail: lelyc@mail.ru*

Received 22.03.2021

Abstract. The cultivation of traditionalism in law, based on universal human values and the history of jurisprudence, remains relevant in the post-Soviet space for almost three decades since the destruction of the unified state. At the same time, legal science does not recognize the primacy of the historical school of law, which was revived in the 90[s] XX century. together with other classical types of legal thinking, after the rejection of the centralism of the materialist theory that prevailed in Soviet jurisprudence. The reason for the attractiveness of traditionalism lies in the inclination towards it of many continental peoples, intensified by the visible consequences of leveling the experience of national legal development in North American and European law, positioning liberal trends, which are largely inappropriate for traditional states, to which Russia belongs, formed as a result of millennial evolution. Among complex nations that have a long experience in the development of statehood and the heterogeneity of the specifics of legal culture, the concepts that fix traditional values in the legal creation as a natural source of human rights, imperatively not connected with the law, which is rational and moral, but by its nature deafened and not necessarily reflects the historical mentality of the society.

One example of such concepts aimed at reviving traditional statehood and preserving the integrity of society is the doctrine contained in the twovolume work of the Turkmen statesman Saparmurat Niyazov entitled "Rukhnama", who tried to translate it into practice. Therefore, the object of the article is public relations associated with the revival of the Turkmen statehood through the formation in the period of a national human rights standard, harmonized with the interests of a traditional society. The subject of the article is a general description, the main content and applied significance of the concept of Saparmurat Niyazov, illustrating the possibility of forming a legal state taking into account traditionalism, as well as the importance of the corresponding doctrine for the development of the legal system of Turkmenistan. The concept of national revival of the republic, formulated by Saparmurat Niyazov, became the basis for the development of a social ideology that influenced the post-Soviet formation of republican legislation, is of scientific interest for other states experiencing the expansion of liberal tendencies in law, not excluding the Russian Federation. In conditions when the international universal security system is showing stagnation, sovereign states are turning to the toolkit of international regional and national means of ensuring security. Therefore, the revenge of traditionalism is predictable, illustrated by the example of Turkmenistan. Moreover, the Russian society, as well as the Turkmen one, shows an inclination towards it, and the construction of a welfare state, declared at the constitutional level, makes it possible to reflect this trend while improving legislation.

Key words: comparative state studies, traditional state, family of religious law, state and law of Turkmenistan, traditional law, pan-Turkism, Rukhnama, Saparmurat Niyazov, legal, political and religious thought, historical school of law, liberalism and traditionalism in law, family of traditional (customary) law.

For citation: *Nebratenko, G.G., Larina, O.G. (2021).* The doctrine of the revival of post-Soviet Turkmen statehood by Saparmurat Niyazov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 118–126.

События «арабской весны» 2011 г., уязвившие государственность народов Северной Африки и Ближнего Востока, богатого углеводородными ресурсами, развеяли представление о панарабском единстве и его способности противостоять глобализму, выражающемуся в усилении на международной арене североамериканского права, подменяющего международное публичное право. При этом иммунитет от деструктивных проявлений «арабской весны» продемонстрировали монархии, сотрудничающие в той или иной степени с Соединенными Штатами Америки (некоторые с Израилем): Бахрейн, Иордания, Катар, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия. В тоже время государства с республиканской формой правления оказались под ударом исламизма, ставшего идеологией арабских революций, призванных демонтировать существовавшие десятилетиями светские политические режимы, сотрудничавшие в разной степени с СССР, а затем

Российской Федерацией: Египет, Йемен, Ливия, Сирия и Тунис.

Использование деструктивного потенциала экстремистских организаций, избирательно применяющих догматы магометанства, причем в противовес классическому исламу, было предсказуемо. В арабских государствах религиозное мировоззрение остается доминирующим, что является признаком отнесения их национальных правовых систем к группе (семье) мусульманского права[1]. Хотя возникновение арабских революций не было хаотичным и не носило только охлократический характер, выражающийся в неограниченном волеизъявлении народа, поскольку разворачивание массовых беспорядков происходило избирательно, последовательно и логично.

В итоге на международной арене за непродолжительный период времени появилось террористическое «Исламское государство» (ИГИЛ), а также десятки аффилированных с ним экстремистских организаций, запрещенных в Российской Федерации и ряде других государств, представляя угрозу для человечества. В первую очередь экстремисты запрограммированы на уничтожение светской государственности, культивирующей научный тип мировоззрения, и до ныне Йемен, Ливия и Сирия не оправились от последствий уязвления системы национальной безопасности. Кроме того, международная система коллективной безопасности в Передней Азии и Северной Африке также остается деморализованной, и только законное присутствие Вооруженных Сил России на территории Сирийской Арабской Республики позволило купировать угрозу, в среднесрочной перспективе грозившую распространением на Западную Европу, Кавказ и Центральную Азию.

В то же время ослабление панарабских стран, до 2011 г. сохранявших видимость иммунитета к глобализму, предопределило усиление на международной арене «пантюркского мира», долгое время функционировавшего латентно, ныне представленного семью государствами: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Турция и Узбекистан, но кроме них существует непризнанный международным сообществом Северный Кипр, интересы которого представляет Турция. Тюркские диаспоры мигрантов, а также автохтонные тюркоманские общины существуют в десятках государств. Для России проблематика пантюркизма традиционно является чувствительной, поскольку евразийский облик она получила после покорения Астраханского, Казанского, Крымского, Сибирского ханств и Ногайской орды, а до начала Новейшего времени неоднократно находилась в состоянии войны с Оттоманской Портой. Названные тюркские государства своеобразным полумесяцем располагались вдоль восточной и южной границы Европейской России, а Османская империя представляла угрозу для государственной безопасности вплоть до завершения досоветского периода.

Однако актуальность для юридической науки изучения тюркского государства и права сохраняется, поскольку в состав Российской Федерации входят субъекты с проживающим там автохтонным тюркским населением, в первую очередь в республиках – Алтай, Башкирия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Крым, Татарстан, Тува, Хакасия, Чувашия и Якутия. Впрочем, тюркские этнические группы компактно проживают в иных субъектах Российской Федерации, например, в Астраханской, Иркутской, Кировской, Ростовской или Рязанской областях, и усиление на международной арене пантюркизма в дальнейшем имеет потенциал для влияния на внутригосударственные процессы, в том числе на уровень национальной безопасности. Тем более что условия для расцвета пантюркизма формировались в результате развития государства и права самой России, имея в виду советский период. Ведь на территории СССР компактно проживало около половины всех тюрок, большинство в составе союзных республик, с 1991 г. ставших субъектами международного права.

Особый интерес к пантюркизму как феномену подогревает тот факт, что последствия «арабской весны» существенно не затронули сферу национальной безопасности Турции, хотя республиканская форма правления является догмой для тюркских народов. Наоборот, парад арабских революций 2011 г. кратно усилил возможности Турции как одного из флагманов урегулирования вопросов международной региональной безопасности в Передней Азии, Северной Африки и даже в Европе, ставшей зависимой от тюркской миграционной политики. Совершенная в 2016 г. попытка государственного переворота с целью отрешения от власти президента Реджепа Эрдогана закончилась провалом, в т.ч. из-за позиции России, предсказуемо поддержавшей законно избранного и международно признанного главу государства.

В то же время усиление пантюркизма предопределено не только объективными факторами, поскольку важным субъективным условием для этого является сохранение в правовом сознании тюрок особой роли традиционных ценностей, подвергшихся обструкции в североамериканском и европейском праве. С идеологической точки зрения либерализм как духовно-нравственный авангард глобализации неприемлем для традиционного

[1] См.: *Марченко М.Н.* Правовые системы современности. М., 2009. С. 509–521.

тюркского общества, причем на государственном уровне. В результате Турция и ее союзники, в отличие от государств Евросоюза, руководствуются национальными интересами, а не корпоративной солидарностью, поэтому довольно успешно действуют в сфере национальной и коллективной безопасности. Одним из примеров выступает шестинедельная война 2020 г. на территории непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, закончившаяся в пользу Азербайджана. Лишь миротворческое вмешательство Российской Федерации в урегулирование конфликта позволило погасить его, вернув в разряд «замороженных» с перспективой окончательного урегулирования.

Таким образом, безусловное следование публичной властью национальным интересам, базирующимся на ценностях традиционного общества, позволяет решать насущные задачи в области национальной безопасности и даже международной региональной, и само по себе стало эффективным средством противодействия глобализму, разрушающему национальное государство и право в угоду формированию нового миропорядка, несвязанного с ООН и производным от нее суверенным волеизъявлением наций.

У тюркских государств нормативно-регулятивный иммунитет от глобализма формировался на основе авторитета публичной власти, а также идеологического централизма, заключенного в самом пантюркизме как национальной идее. Однако в Российской Федерации разработка государственной или иной обязательной идеологии невозможна (ст. 13 Конституции РФ), при этом с доктринальной точки зрения приемлемы концепты правовой идеологии, закрепленные формально-юридическими средствами в тексте Основного Закона, что характерно для правового государства «западного типа», например, превалирование прав человека, незыблемость частной собственности, строительство правового государства.

На постсоветском пространстве отказ от идеологического централизма не является догмой, иллюстрируя плюралистическую вариативность в данном вопросе, предопределенную историческими особенностями государственного устройства и политического режима, а также эволюционными потребностями развития национального государства и права. Один из примеров идеологического централизма подал Туркменистан, для которого выход из состава СССР, как и для остальных среднеазиатских республик, не являлся самоцелью (idea fix), поскольку высокие темпы социально-экономического и промышленного развития республики базировались на дотационной политике «союзного центра». Поэтому на Всесоюзном референдуме о сохранении СССР, проводившемся 17 марта 1991 г., местное население высказалось за сохранение единого государства, а глава республики Сапармурат Ниязов поддержал ГКЧП, но под воздействием объективных обстоятельств 27 октября 1991 г. был провозглашен суверенитет Туркменистана[2].

Отказ от советской идентичности предвосхищал реванш религиозного мировоззрения, безусловно, характерного для туркестанского народа, этнического традиционализма и, как следствие, предопределил эмиграционную тенденцию, выраженную в оттоке квалифицированных кадров, прибывших в разные годы в Туркменскую ССР для развития республиканского здравоохранения, образования, промышленности, экономики и прочих интеллектуально емких сфер. Формально-юридическое закрепление возрожденной государственности завершилось принятием 18 мая 1992 г. Конституции Туркменистана, а также вхождением в состав различных международных организаций, например, ООН и Организации исламского сотрудничества.

Невзирая на провозглашение республики светским государством, за основу государственного флага было взято традиционное для мусульман зеленое полотнище с пятью белым звездами и полумесяцем, а также с вертикальной красной полосой, украшенной национальными орнаментами в виде пяти туркменских ковров, что символизирует административно-территориальное устройство республики, состоящей из пяти областей (велаятов). Впрочем, столица государства – город Ашхабад – по своему правовому статусу также приравнена к «велаяту». С 1995 г. республика официально провозглашена «постоянным нейтральным государством»[3], является одним из лидеров по объему доказанных запасов природного газа (по состоянию на 2020 г. – 6-е место в мире, прежде – 4-е), что делает ее привлекательной для вовлечения в различные проекты, в той или иной степени имеющие политический подтекст. Кроме того, постоянный нейтралитет не повлек нивелирования национальной идентичности, отказа от исторической роли древней Туркмении как центра расселения тюрок по Евразии, а главное к ограничению тесных контактов с другими государствами, в первую очередь с родственной Турцией и Азербайджаном, не являющимися нейтральными.

Обилие у Туркмении ресурсов дает возможность строительства социального государства, по примеру Ливийской Джамахирии, где до 2011 г. под эгидой «исламского социализма» обеспечивался

[2] См.: *Левик Б.* Туркменистан – новое постоянно нейтральное государство Центральной Азии // Схід. 2013. № 6. С. 218.

[3] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.1995 г. № A/RES/50/80 [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/50/80 (дата обращения: 27.02.2021).

национальный стандарт прав человека[4]. Поэтому в постсоветский период с туркменского населения перестали взимать плату за потребляемый газ, воду, соль и электричество, а малоимущие бесплатно получали муку. Современный облик Туркменистан приобрел во многом благодаря деятельности первого Президента республики Сапармурата Атаевича Ниязова (в 1990–2006 гг.), относившегося к плеяде государственных деятелей, возглавлявших союзные республики, а затем приведших их к независимости.

Родился С.А. Ниязов 19 февраля 1940 г. в селе Кипчак Ашхабадской области; в 1948 г. в результате несчастного случая оказался круглой сиротой и воспитывался в детском доме. В юности проявил стремление к знаниям и саморазвитию, окончил среднюю школу с отличием; в совершеннолетнем возрасте начал трудовую карьеру с работы в профсоюзной организации, а в 22 года вступил в партию. Следуя выбранной линии, получил высшее образование и стал двигаться по социальной лестнице. В 1986 г. сравнительно в молодом возрасте был назначен первым секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Туркменской ССР, замещая эту должность до 16 декабря 1991 г., когда на основе Компартии была учреждена «Демократическая партия Туркменистана», пожизненно им же возглавляемая (до 01.12.2006 г.). В 1993 г. республиканский парламент (Меджлис) провозгласил Ниязова «Туркменбаши Великим», т.е. главой всех туркмен.

Особенностью возрождения туркменской государственности в постсоветский период стало то, что политический централизм коммунистической партии с 1992 г. заместился приматом Демократической партии Туркменистана, которая до 2013 г. единственная была представлена в Меджлисе. Однако при Президенте Гурбангулы Бердымухамедове, возглавившем республику после смерти Туркменбаши, Меджлис трансформировался в многопартийный парламент. С 1 января 2021 г. законодательная власть Туркменистана представлена «Национальным советом» (Милли Генгеш), включающим верхнюю палату (Халк маслахаты) и нижнюю (Меджлис)[5]. Учреждение «Национального совета» стало результатом многоэтапной конституционной реформы, поскольку «Халк маслахаты» появился еще в 2017 г. на основе официального собрания глав местных племен (Совета старейшин), считаясь органом представительной власти туркменов. В то же время отказ от однопартийной системы и учреждение двухпалатного парламента скорее увенчивали традиционный уклад туркменской государственности.

Концепция возрождения постсоветской туркменской государственности была сформулирована в масштабном произведении ***«Рухнама» (Книга души)***, которая создавалась в 1997–2001 гг., представляя собой масштабный гуманитарный труд[6]. Монография подготовлена в непростое для Туркмении время, поэтому мифологический философско-нравственный характер текста имеет логическое объяснение. Автор балансировал, стремился сохранить авторитет публичной власти в республике, ограничивая нарастание исламистских настроений, угрожавших светскому статусу государства. В 1996–2001 гг. экстремистская организация «Талибан» (запрещена в Российской Федерации) на сопредельной территории захватила политическую власть, образовав Исламский Эмират Афганистан.

Эмират являлся частично признанным субъектом международного права, до 2001 г. имея поддержку Объединенных Арабских Эмиратов, Пакистана и Саудовской Аравии. Впрочем, США до сих пор сотрудничают с Талибаном, например, североамериканский спецпредставитель по Афганистану Залмай Халилзад 29 февраля 2020 г. в столице Катара (Дохе) заключил с заместителем председателя талибов Абдуллой Барадаром соглашение о выводе американский войск из Афганистана в обмен на гарантии безопасности США и ее союзникам[7].

С учетом того, что Туркмения на юге имеет границу с Афганистаном, а в смежных провинциях Бадгис, Джаузджан и Фарьяб весомая часть населения – этнические туркмены, исламизация в среднесрочной перспективе все еще может представлять угрозу светскому характеру публичной власти. Поэтому появление «Рухнамы», на обложке которого неизменно помещен золотой барельеф Туркменбаши, объясняет патерналистский стиль книги. Нравственные наставления, размышления Сапармурата Ниязова, личное видение прошлого и будущего призваны заместить в правовом сознании туркменов утраченную советскую ментальность, прежде имевшую повсеместное распространение, на этническую идентичность, сопряженную с догматами ислама.

Туркменская «Рухнама» это духовно-нравственный и морально-этический кодекс, точнее – философское учение, которое повлияло на развитие

[4] См.: *Небратенко Г.Г.* Государственно-правовая доктрина Муаммара Каддафи: взгляд в будущее // Государство и право. 2021. № 2. С. 115.

[5] См.: Конституция Туркменистана (с изм. и доп. от 25.09.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31337929&doc_id2=31337931#pos=5;-98&pos2=0;0 (дата обращения: 01.03.2021).

[6] См.: *Ниязов С.А.* Рухнама. Ашхабад, 2002.

[7] См.: Carnegie Moscow Center (Россия): что означает соглашение США с талибами [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20200303/246979749.html (дата обращения: 06.03.2021).

государственного и общественного устройства республики и, безусловно, национальной правовой системы. Последняя получила гибридный характер, присущий семье традиционного (обычного) права; в группе правовых систем Дальнего Востока признается нормативно-регулятивное значение философской доктрины конфуцианства (Китай) или морально-этические нормы «гири» (Япония)[8]. В то же время романо-германский характер правовой системы Туркменистана как составной части постсоветского пространства едва ли может быть оспорен. В этом смысле «Книга души», впервые изданная в 2001 г., имеет выраженную компаративистскую ценность, героизирует туркменов как межгосударственный феномен, при этом автор умело оперирует обычаями, нормами религии и морали, приемлемыми для регулирования правоотношений в тюркском обществе.

Структурно книга состоит из *пяти глав*, начинаясь с клятвы Туркменистану и его главе. *Вводная часть* продолжается изображением герба и флага республики, текста государственного гимна, а также штандарта президента, на котором центральной фигурой является пятиглавый золотой орел на зеленом фоне, олицетворяющий четыре стороны света, по которым в древности разошлись тюрки, а пятая голова – современный туркменский народ.

Первая глава «Туркмен» открывается словами: «С именем Великого Аллаха...». В дальнейшем по тексту многократно встречаются упоминания Бога (Великого Аллаха), а также в истолковании Корана пророков Авраама (Ибрагима), Давида (Давуда), Иисуса (Исы), Моисея, Мухаммеда, Ноя (Нуха), Юсупа, и Огуз хана – национального «пророка туркмен».

В начале главы автором сформулировано девять заповедей, являющихся претензией на «ветхозаветный подтекст», но обращенных к религиозно-мифологической природе туркменов, при этом нормы ислама, не превалируют над национальными традициями и обычаями, придавая им сакральное значение. В изложении национальной доктрины Сапармурат Ниязов нередко переходит к стилистике от первого лица, что в какой-то части придает работе мемуарный подтекст. В то же время в указанной главе значительное внимание уделяется истории государства и права (от древних времен до постсоветского периода), хотя эта часть «Рухнамы» не имеет внутренней структуры, несколько децентрализуя смысловую линию изложением мифологического, нравственного, религиозного, а также нормативно-правового материала.

Глава содержит несколько текстов правовых актов с авторским комментарием, призванным разъяснить условия, в которых происходило возрождение туркменской государственности[9]. В завершении даны нравственные установки будущим поколениям туркменов.

Вторая глава «Путь туркмен» посвящена династиям тюркских правителей, возглавивших различные азиатские государства, начиная от Огуз хана, по легенде жившего за несколько тысяч лет до н.э. и ставшего родоначальником 24 туркменских племен, и заканчивая XX столетием. Эта глава имеет внутреннюю структуру, подразделяясь на небольшие статьи по истории тюркских государств (на пространстве от Египта до Великой Китайской стены). Хотя предложенный материал все-таки требует дополнительной верификации, в данном виде представляет научный интерес как идеологическая доктрина о значении национального быта в разные эпохи.

В *третьей главе «Истоки туркменской нации»* автор в мифологической форме рассказывает о появлении тюркского общества и условиях развития нации, предсказуемо наделяя соотечественников харизматическими чертами. Повествуя о нравственности, Сапармурат Атаевич, приходит к мысли об этатической состоятельности туркменов в древности и безусловном праве иметь собственное государство. Тем самым обосновывается возникновение Туркменистана как субъекта международного права, при этом идеологемы формулируются корректно, не задевающие национальных интересов соседних государств, также находящихся в поиске постсоветской идентичности. В этом смысле Сапармурат Ниязов проявил восточную мудрость, не став искать государственной ментальности в противопоставлении, как его современник Леонид Кравчук (ныне – экс-президент) с программным трудом «Украина – не Россия»[10].

Предложенная Туркменбаши система идеологических ценностей, обогащенная общегуманитарными знаниями и представлениями религиозно-мифологического характера, заложила основу для грядущего процветания республики, государственному устройству, которой посвящена *четвертая глава «Государственность туркмен»*. Эта часть национальной доктрины наиболее близка по критерию оперируемыми автором терминами к содержанию историко-теоретических юридических

[8] См.: *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права. М., 2011. Т. 2. С. 293.

[9] См.: Тексты Конституционного закона Туркменистана о независимости и основах государственного устройства Туркменистана от 27 октября 1991 г.; Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 26 декабря 1991 г.; Соглашения между Туркменистаном и Российской Федерацией об урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего Союза ССР от 31 июля 1992 г.

[10] *Кравчук Л.Д.* Украина – не Россия. М., 2003.

наук, затрагивая проблематику государствогенеза, сопрягаемого с миссией туркменской нации, акцентированной на закреплении ее нейтрального статуса; правах и свободах человека и гражданина; интересах общества и государства. Особое внимание уделяется государственному и политическому устройству, а также распределению полномочий между различными органами публичной власти Туркменистана.

По тексту четвертой главы заметно влияние «западной модели» государства и права, повсеместно привитой миру в Новейшее время, например, присутствует упоминание теории разделения властей, гарантируется комплекс позитивных прав и свобод человека и гражданина. Одновременно автор склоняется в сторону классической исторической науки, игнорирующей древнюю туркменскую государственность, при этом отмечается, что в научном мире термин «туркмен» искусственно подменяется на «тюрк», хотя исторически оправданно равнозначное использование этнонимов. Этот факт объясняет наличие автохтонных поселений туркменов за пределами Центральной Азии: «трухмен» в Нефтекумском и Туркменском районе Ставропольского края, а также туркоманов в сирийских провинциях Идлиб, Халеб и Эр-Ракка (на границе с Турцией). Дело в том, что, по мнению Сапармурата Ниязова, Туркменистан и Турция представляют собой два независимых государства, но составляют одну нацию, что аналогичным образом, вероятно, касается других тюркских государств и народов Евразии. Данный концепт в случае всеобщего признания и закрепления в международном праве должен учитываться Российской Федерацией как одной из крупнейших «тюркоманских стран».

Пятая глава «Духовный мир туркменов» – философско-футурологический эпилог государственной доктрины Туркменбаши, в которой обобщаются прежде рассмотренные концепты, объединенные темой «возрождение национального духа и облика». Прошлое туркменов автором разделено на пять периодов в обширном хронологическом диапазоне (5 тыс. лет до н.э. – современность), каждый из которых наделен автором определенной характеристикой, повлиявшей на формирование государственно-правовой идентичности туркменов. Ценностью этой главы является то, что в ней дано историческое обобщение высших государственных должностей тюркских правителей, управлявших народами в разные хронологические периоды. В итоге автором выдвигается комплекс социально-нормативных установок, призванных регулировать общественные отношения в будущем, приемлемость которого для Туркменистана была призвана обеспечить доктрина возрождения постсоветской туркменской государственности. В этом смысле значение «Рухнамы» заключается в том, что она обосновала перспективы существования туркменской нации.

В 2005 г. национальная доктрина Ниязова получила продолжение в виде *второго тома* ***«Рухнама. Духовное величие туркмен»***[11]. Книга состоит из *21 параграфа*, в которых развиваются идеи процветания народа, родины, дома, родителей, семьи, добрососедства, рода, дружбы, смысла жизни, мудрости, юности, памяти и национального духа. Завершается второй том копией собственноручного обращения Туркменбаши на родном языке, датированного 26 августа 2004 г. После смерти автора общеобязательность рассматриваемой доктрины во многом была рассеяна, поскольку «Рухнама», хотя и адресовалась туркменской нации, нераздельно сопрягалась с культом личности ее автора. «Книга души», имевшая идеологическую непререкаемость в истолковании главы государства, с 2008 г. была сокращена к изучению в образовательных организациях, а с 2013 – исключена из обязательной программы.

Между тем переизданный более чем на 40 языках «зелено-фиолетовый фолиант» в доктринальном смысле не потускнел. Он сохранил научную привлекательность как концепция, сформулированная помимо капиталистического и социалистического учений, господствующих в современном мире по линии «США – КНР», приводящих к нивелированию национального пути развития государства и права. Историко-правовой опыт России в данном случае также является показательным примером следования в курсе экспортируемых, преимущественно насильственным образом, концепций, противопоставленных естественному традиционному пути развития (в 1917 и 1991 гг.)[12].

Таким образом, опыт возрождения современной туркменской государственности, базировавшейся на доктрине Сапармурата Ниязова, обобщенный в двухтомном произведении «Руханама», свидетельствует о возможности формулирования на постсоветском пространстве общественной идеологии, направленной на становление народного единства и обеспечение национальных интересов. Опыт Туркмении демонстрирует, что в условиях, когда пробуксовывают механизмы международной универсальной системы безопасности, сформировавшиеся после завершения Второй мировой войны, происходит переход к обеспечению стабильности национальными средствами, не обязательно связанный с процессом глобализации. Выбор этих средств

[11] *Туркменбаши С.А.* Рухнама. Духовное величие туркмен. Ашхабад, 2005. Вторая книга.

[12] См.: *Шатковская Т.В.* Традиционное право в контексте цивилизационного подхода // Актуальные проблемы росс. права. 2014. № 9 (46). С. 1823–1827.

зависит от уровня угроз и потенциала публичной власти, и в 90-е годы республика на продолжительный срок вынужденно сохраняла однопартийную политическую систему, доставшуюся в наследство от Туркменской ССР. При этом национальная правовая система, по своему содержанию являющаяся частью романо-германской правовой семьи, получила гибридный характер с семьей традиционного (обычного) права, а также – религиозного.

В результате Туркменистан провозгласил на международной арене постоянный нейтральный статус, но остался частью тюркского мира (флагманом которого является Турецкая Республика), к которому традиционно относится ряд национальностей, в т.ч. проживающих на территории Российской Федерации. Поэтому проблематика пантюркизма для юридической науки также имеет прикладное значение, найдя отражение в национально-территориальном устройстве Российской Федерации, т.к. ряд ее субъектов по этническому составу являются частично тюркскими. Данный факт имеет отношение к сфере правового обеспечения национальной безопасности и требует гуманитарного переосмысления.

Российское общество вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности также проявляет склонность к сохранению традиционных ценностей и возврату к национальному пути своего развития, поэтому государственно-правовой опыт Туркменистана в какой-то мере может оказаться полезным в контексте совершенствования правовой идеологии и правового сознания (в целом), являющихся составными элементами национальной правовой системы.

* * *

Ценность доктрины Ниязова заключается в том, что она доказывает возможность противодействия либералистическому инструментарию глобализма, нивелирующему человеческий прогресс за счет культивации общества потребления, формулированием общественной идеологии и строительством на ее основе национального государства и права, актуализированного для Российской Федерации проблематикой «социального государства» (ст. 7 Конституции РФ). Социальное государство логично совершенствовать на основе отражения в национальном законодательстве интересов народа, исторически склонного к традиционализму, наблюдающего за его девальвацией в европейском и североамериканском праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кравчук Л.Д.* Украина – не Россия. М., 2003.
2. *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права. М., 2011. Т. 2. С. 293.
3. *Левик Б.* Туркменистан – новое постоянно нейтральное государство Центральной Азии // Схід. 2013. № 6. С. 218.
4. *Марченко М.Н.* Правовые системы современности. М., 2009. С. 509–521.
5. *Небратенко Г.Г.* Государственно-правовая доктрина Муаммара Каддафи: взгляд в будущее // Государство и право. 2021. № 2. С. 115.
6. *Ниязов С.А.* Рухнама. Ашхабад, 2002.
7. *Туркменбаши С.А.* Рухнама. Духовное величие туркмен. Ашхабад, 2005. Вторая книга.
8. *Шатковская Т.В.* Традиционное право в контексте цивилизационного подхода // Актуальные проблемы росс. права. 2014. № 9 (46). С. 1823–1827.
9. Carnegie Moscow Center (Россия): что означает соглашение США с талибами [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20200303/246979749.html (дата обращения: 06.03.2021).

REFERENCES

1. *Kravchuk L.D.* Ukraine is not Russia. M., 2003 (in Russ.).
2. *Lafitsky V.I.* Comparative Law in law images. M., 2011. Vol. 2. P. 293 (in Russ.).
3. *Levik B.* Turkmenistan new permanently neutral country in Central Asia // Skhid. 2013. No 6. P. 218 (in Russ.).
4. *Marchenko M.N.* Legal systems of today. M., 2009. P. 509–521 (in Russ.).
5. *Nebratenko G.G.* Public law doctrine of Muammar Gaddafi: a look into the future // State and Law. 2021. No. 2. P. 115 (in Russ.).
6. *Niyazov S.A.* Rukhnama. Ashgabat, 2002 (in Russ.).
7. *Turkmenbashi S.A.* Rukhnama. Spiritual greatness of Turkmens. Ashgabat, 2005. The second book (in Russ.).
8. *Shatkovskaya T.V.* Traditional law in the context of a civilizational approach // Actual problems of Russ. law. 2014. No. 9 (46). P. 1823–1827 (in Russ.).
9. Carnegie Moscow Center (Russia): what does the US agreement with the Taliban mean [Electronic resource]. URL: https://inosmi.ru/politic/20200303/246979749.html (accessed: 06.03.2021) (in Russ.).

Сведения об авторах

НЕБРАТЕНКО Геннадий Геннадиевич –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета
Южного федерального университета (ЮФУ);
344000 г. Ростов-на-Дону,
ул. Максима Горького, д. 88

ЛАРИНА Ольга Григорьевна –
доктор юридических наук, профессор,
проректор по науке и инновациям,
Юго-Западный государственный университет;
г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Authors' information

NEBRATENKO Gennady G. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of theory and history of state and law
of the Faculty of Law of the Southern Federal
University (SFU); 88 Maxim Gorky str.,
344000 Rostov-on-Don, Russia

LARINA Olga G. –
Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for science
and innovations, Southwest state University;
94, 50 years of October str., Kursk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 127–142
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 127–142

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

CONFLICT OF LAWS REGULATION OF THE INTERNATIONAL FAMILY RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION (LEGISLATION AND JURISPRUDENCE)

© 2021 I. V. Getman-Pavlova*, A. S. Kasatkina**

National Research University Higher School of Economics, Moscow

**E-mail: getmanpav@mail.ru*
***E-mail: akasatkina@hse.ru*

Received 23.08.2021

Abstract. Russian conflict of laws rules that determine the choice of law applicable to marriage and family relations associated with foreign law and order came into force in 1995 and have been in effect for more than 25 years. Despite the fact that this problem has been studied in great detail in the Russian legal doctrine, the relevance of the analysis of conflict of laws rules set forth in the Family Code of the Russian Federation is by no means exhausted due to the large-scale reform of the rules of Private International Law in the Civil Code of the Russian Federation and the current legislative regulation of international family relations in other States. The article concludes that conflict of laws regulation of the international family relations in the Russian Federation adopted more than 25 years ago needs serious modernization. It is reasonable to carry out the corresponding updating in the following directions: maximum specification of the content of conflict of laws rules for the purpose of more differentiated regulation of the family relations; establishment of a complex and detailed system of the connecting factors aimed at correct determination of the law the most closely connected with the relation and decision-making; the expansion of possibility of choice of the applicable law to divorce and property relations; application of the law the most favorable for a child should become a dominating connecting factor.

Key words: Private International Law, the Family Code of the Russian Federation, marriage and family relations, conflict of laws regulation, autonomy of will of the parties, the most favorable law, the closest connection.

For citation: *Getman-Pavlova, I.V., Kasatkina, A.S. (2021).* Conflict of laws regulation of the international family relations in the Russian Federation (legislation and jurisprudence) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 127–142.

This article is prepared with the support of legal information and reference system "ConsultantPlus". All international treaties of the Russian Federation, normative legal acts and judicial practice are cited in accordance with "ConsultantPlus".

DOI: 10.31857/S102694520017764-1

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА)

© 2021 г. И. В. Гетьман-Павлова*, А. С. Касаткина**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

**E-mail: getmanpav@mail.ru*
***E-mail: akasatkina@hse.ru*

Поступила в редакцию 23.08.2021 г.

Аннотация. Российские коллизионные нормы, определяющие выбор права, которое применимо к брачным и семейным отношениям, связанным с иностранным правопорядком, вступили в силу в 1995 г. и действуют уже более 25 лет. Несмотря на то что эта проблема весьма подробно изучена в российской правовой доктрине, актуальность анализа коллизионных норм, изложенных в Семейном кодексе РФ, отнюдь не исчерпана в связи с масштабной реформой норм международного частного права в Гражданском кодексе РФ и действующем законодательном регулировании международных семейных отношений в других государствах. В статье делается вывод о том, что коллизионное регулирование международных семейных отношений в Российской Федерации, принятое более 25 лет назад, нуждается в серьезной модернизации. Целесообразно провести соответствующее обновление по следующим направлениям: максимальное уточнение содержания коллизионных норм с целью более дифференцированного регулирования семейных отношений; установление сложной и подробной системы привязок, направленных на правильное определение права, наиболее тесным образом связанного с регулируемым отношением; расширение возможности выбора применимого права к бракоразводным и имущественным отношениям; применение наиболее благоприятного для ребенка права должно стать доминирующей коллизионной привязкой.

Ключевые слова: международное частное право, Семейный кодекс РФ, брачные и семейные отношения, коллизионное регулирование, автономия воли сторон, наиболее благоприятное право, наиболее тесная связь.

Цитирование: *Getman-Pavlova, I.V., Kasatkina, A.S. (2021).* Conflict of laws regulation of the international family relations in the Russian Federation (legislation and jurisprudence) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 127–142.

Настоящая статья подготовлена при поддержке правовой информационно-справочной системы «КонсультантПлюс». Все международные договоры Российской Федерации, нормативные правовые акты и судебная практика приводятся по данным «КонсультантПлюс».

Introduction

The need for legal regulation of such matters as family and child protection, marriage and dissolution thereof is not in doubt at the current level of development of human civilization. The existence of a well-developed legal system providing for efficient regulation of marriage and family relations is of vital importance for a healthy functioning society[1]. Marriage and family relations requiring application of a foreign legal order undergo rapid development. Such relations are traditionally associated with the object of private international law regulation. The complexity of such legal regulation is due to the fact that family relations with participation of foreigners are connected with two and more States, *i.e.,* with two or several legal systems which may differently resolve marriage and family issues. In this regard, the question of the applicable law is very important because depending on that choice the result may be different[2].

1. Legal background

The legal system of the Russian Federation (hereinafter – the RF) is based on the pluralistic private law concept. In this regard, the Russian private international law is codified in the inter-branch form, *i.e.*, the special section containing basic rules and institutes of the general and special parts of Private International Law is included into the general act of the civil law codification. The private international law rules contained in the Civil Code of the Russian Federation of 30 November 1994 (hereinafter – the Civil Code of the RF)[3] represent a complete system of the coordina-ted rules and apply to all private-law relations to fill the gaps in the branch regulation (Art. 6 "Application of the civil legislation by analogy" of the Civil Code of the RF; Art. 4(2) of the Family Code of the Russian Fe-deration of 29 December 1995, as of 13 July 2021 (hereinafter – the Family Code of the RF))[4]. Section VI of the third part of the Civil Code of the RF is the main source of the Russian Private International Law. At the same time, there are institutes of the special part of the Private International Law (first of all, conflict of laws rules of the International Family Law and the Private International Maritime Law) included as independent sections into the acts of special codifications. The rules of the international civil procedure law are contained in the acts of codification of the civil procedure law[5]. Be-

[1] See: *Fedoseeva G. Yu.* Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 4 [Marriage and Family Relations as an Object of Private International Law of the Russian Federation: Thesis for a Doctor Degree. M., 2007. P. 4].

[2] See: *Marysheva N.I.* Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 1962 [The Family Relations with Participation of Foreigners: Legal Regulation in Russia. M., 1962].

[3] See: СЗ РФ (1994), No. 32, item 3301. Part Three of 18 March 2019. Section VI Private International Law (Art. 1186–1224).

[4] See: СЗ РФ (1996), No. 1, item 16.

[5] See: Code of Civil Procedure of the Russian Federation of November 14, 2002 // СЗ РФ (2002), No. 46, item 4532; Code of Arbitrazh Procedure of the Russian Federation of July 24, 2002 // СЗ РФ (2002), No. 30, item 3012.

sides there are plenty of special laws regulating selected private international law issues[6].

The principle of supremacy of international law is enshrined in the Constitution of the RF[7]: "The universally-recognized principles and rules of international law and international treaties of the Russian Federation shall be an integral part of its legal system. If an international treaty of the Russian Federation establishes other rules than those provided for by law, the rules of the international treaty shall apply" (Art. 15(4)). However, the supremacy of international law is not absolute. The decisions of inter-state agencies taken on the basis of provisions of international treaties of the RF in interpretation thereof contradicting the Constitution of the RF shall not be subject to execution on the territory of Russia (Art. 79). The Constitutional Court of the RF is empowered in the procedure established by a federal constitutional law to resolve the problem of possibility to execute the decisions of international agencies taken on the basis of provisions of international treaties of the RF in interpretation thereof contradicting the Constitution of the RF (Art. 125(5.1(b))).

In accordance with the general constitutional norm, the rules of international treaties of the RF constitute a part of the Russian family law. Russia participates in a number of international treaties concerning the issues of marriage and family relations:

universal: the UN Convention on the Rights of the Child (November 20, 1989)[8]; the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction (October 25, 1980)[9]; the Hague Convention on Protection of Children and Co-operation in Respect of Intercountry Adoption (May 29, 1993)[10]; the Hague Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Co-operation in Respect of Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children (October 19, 1996)[11];

regional: the Minsk Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (January 22, 1993)[12]; the European Convention on the Exercise of Children's Rights (ETS N160) (Strasbourg, January 25, 1996)[13];

bilateral: On Cooperation in Respect of Adoption (with Italy (2008), France (2011) and USA (2011))[14]; On Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases[15] (with Georgia (1995), Mali (2000)); On Cooperation and Legal Assistance in Civil and Other Matters[16] (with Algeria (1982), Poland (1996)) (such agreements, as well as consular conventions[17], contain certain unified conflict of laws rules of International Family Law).

2. Recognition and compulsory enforcement of foreign judgements on disputes arising out marriage and family relations

Recognition and compulsory enforcement of foreign judgements have a special importance for the effective protection of the rights and interests of family relations participants. Art. 409(1) of the Civil Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter – the Civil Procedure Code of the RF) states that the decisions of foreign courts shall be recognized and enforced in the RF if it is stipulated in the international treaty of the RF. Russia participates in more than 30 international treaties where

[6] See: Federal Law No. 297-FL of November 3, 2015 "On Jurisdictional Immunities of a Foreign State and Property of a Foreign State in the Russian Federation" // СЗ РФ (2015), No. 45, item 6198.

[7] See: Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 with amendments approved in the course of the All-Russian voting on July 1, 2020 // СЗ РФ (2014), No. 30 (Part I), item 4202.

[8] See: Convention on the Rights of the Child (November 20, 1989), available at URL: https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/crc.aspx. Ratified by the Resolution of the Supreme Council of the USSR of June 13, 1990, No. 1559-I.

[9] See: The Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction (October 25,1980), available at URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=24. Russia acceded with a reservation (Federal Law as of May 31, 2011, No. 102-FL). The Convention took effect for Russia on October 1, 2011.

[10] See: The Hague Convention on Protection of Children and Co-operation in Respect of Intercountry Adoption (May 29, 1993), available at URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=69. The Convention was signed on September 7, 2000, but has not been ratified.

[11] See: The Hague Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Co-operation in respect of Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children (October 19, 1996), available at URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=70. Russia acceded to the Convention on August 20, 2012, ratified on June 1, 2013.

[12] See: Minsk Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (January 22, 1993), available at URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1039550#pos=1;-124

[13] See: European Convention on the Exercise of Children's Rights (ETS N160) (Strasbourg, 1996), available at URL: https://rm.coe.int/168007cdaf. Russia signed the convention on May 10, 2001, but has not ratified.

[14] See: The Treaty between the Russian Federation and the USA "On Cooperation in the Sphere of Adoption of Children" as of July 13, 2011 was terminated on January 1, 2013 in accordance with Art. 4(2) of Federal Law No. 272-ФЗ of December 28, 2012 "On the Measures Directed at the Persons Involved in Violations of Basic Human Rights and Freedoms, Rights and Freedoms of Citizens of the Russian Federation" // СЗ РФ (2012), No. 53(I), item 7597. The treaty with Israel was signed in Jerusalem on January 22, 2020, but has not been ratified yet. Available at "ConsultantPlus".

[15] See: As of December 31, 2020 Russia has entered into such agreements with 20 States

[16] See: As of December 31, 2020 Russia has entered into such agreements with 16 States.

[17] See: As of December 31, 2020 Russia has entered into such conventions with 81 States, for example, Ukraine (1993), Belgium (2004).

the mutual enforcement of judgements is directly provided. As a rule, there are no obstacles for such enforcement, if all the requirements specified in an international treaty are observed. Thus, the Supreme Court of the RF, confirming the possibility of compulsory enforcement of the Tarragona court decision (the Catalonian province) within the territory of Russia and referring to the Treaty on Legal Assistance in Civil Matters concluded between the USSR and the Kingdom of Spain (Madrid, 26 October 1990)[18], noted: "The judgement permitted compulsory enforcement within the territory of the RF of the foreign judgement on family matters with respect to the confirmation of the procedure of communication with a child and recovery of alimony for its maintenance shall remain unchanged as the decision is made by court on family matters of a foreign State in accordance with its competence, all the conditions provided for by the bilateral treaty are observed, there have been no breach of any legal provisions"[19].

In the absence of the international treaty the Russian courts of general jurisdiction (competent in all the disputes arising out of marriage and family relations) have the right to recognize and enforce a foreign judgement on the basis of the principle of reciprocity. However, in jurisprudence an unambiguous rigid postulate is dominating – the reciprocity shall be proved. At the same time there have not been worked out any clear parameters for proving the reciprocity. Thus, the Supreme Court of Tatarstan on refusing to satisfy a private complaint noted that no international treaty on mutual recognition and compulsory enforcement of judgements had been concluded between the RF and the USA, and the private claimant had not "presented reliable evidence that allowed to make an unambiguous conclusion that within the territory of the United States of America in the absence of the international treaty, only on the basis of principles of international courtesy and international reciprocity the decisions of Russian courts on an analogous category of cases were enforced". The private claimant stated that decisions of Russian courts had been recognized within the territory of the USA. It was proved by presentation of the Order of the District Court, Cook District, Case No. 2/24/-5 of September 10, 2015 which considered on merit the issue of validity of divorce committed in Russia and decided that the Russian divorce was valid. The Supreme Court of Tatarstan declared this argument unfounded and dismissed it, as there had not been presented a reliable evidence of recognition and enforcement on the territory of the United States of America of decisions of Russian courts on disputes arising out of division of property of spouses (including recovery of pension payments)[20].

Unfortunately, the custom to enforce foreign decisions in the absence of international treaty on the basis of the principles of reciprocity and international politeness is not enshrined in the practice of Russian courts of general jurisdiction (competent in family disputes). Some Russian authors claim that "in the absence of an international treaty concerning mutual recognition and enforcement of decisions of foreign courts it is allowed to use the principle of the international politeness by virtue of which the partner-countries have to treat each other with respect to laws and legal orders not allowing the application of double standards in resolution of similar disputes within territories of jurisdictions thereof"[21]. In support of such opinion there can be cited only one case when the act of the highest judicial authority ruled that "the absence of the international treaty on mutual recognition and enforcement of decisions of national courts is not the unconditional ground for refusal in enforcement of the decision of a foreign court and the corresponding request could be satisfied by the competent Russian court on the basis of reciprocity, if the foreign courts recognize Russian courts' decisions"[22].

Most of the Russian researchers noted that the courts of general jurisdiction treated the provisions of Art. 409 of the Civil Procedure Code of the RF literally (if there is no special agreement, there is no enforcement)[23]. Nowadays the legitimacy of refusal practice in the absence of the international treaty is confirmed by Ruling of the Constitutional Court of the RF of 17 July 2007, No. 575-O-O[24], that has become a precedent of the constitutional justice, is final and is not subject to appeal.

[18] See: The Treaty between the USSR and the Kingdom of Spain on legal assistance in civil matters of 26 October 26, 1990 was ratified in the Russian Federation by Federal Law No. 101-FL and entered into force July 23, 1997.

[19] See: Ruling of the Supreme Court of the RF of 16 February 2010, No. 5-G10-1.

[20] See: The Ruling of the Supreme Court of Tatarstan of April 29, 2019 on case 33-75/2019.

[21] *Smolenskij I.* Экзекватура – акт взаимности. Применять принцип международной вежливости // ЭЖ-Юрист. № 46. 2013. С. 5 [The exequatur – an act of reciprocity. To apply the principle of the international politeness // AZH-Yurist. 2013. No. 5. P. 5].

[22] The Decision of the Judicial Division for Civil Cases of the Supreme Court of the RF of June 7, 2002, No. 5-G02-64.

[23] See: *Kaisin D.V.* Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // Закон. 2014. № 6. С. 152–160 [The Doctrine of Comity and Enforcement of Foreign Judgements in Russia // Law. 2014. No. 6. P. 152–160]; also see: Rulings of the Supreme Court of the RF of December 1, 2009, No. 4-G09-27 and of July 28, 2009, No. 38-G09-7.

[24] "In accordance with the meaning of this statement [Art. 409(1) of the Civil Procedure Code of the RF ... in case of absence of the international treaty with the State of the court that rendered a controversial decision, the decision does not generate any legal consequences within the territory of the RF..." (see: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17 July 2007, No. 575-O-O).

The decisions of foreign courts which do not require compulsory enforcement, and are subject to recognition only[25], as a rule, are recognized in Russia in the absence of the relevant international treaties. Formally the compliance with the provisions of Art. 409(1) of the Civil Procedure Code of the RF is also required, but the practice shows greater loyalty of the Russian enforcement officials. For example, in the Ruling of the Supreme Court of the RF № 5-KG12-92, it was noted that the divorce of the citizens of the RF registered by the Swiss court was recognized without further proceedings within the territory of the RF in the absence of the treaty on legal assistance in civil cases between the RF and Switzerland[26].

According to the general principle of supremacy of international law set forth in the Russian legislation, if the international treaty establishes other rules, than those provided for by the family legislation, the rules of the international treaty shall apply. The application of rules of international treaties in interpretation thereof contradicting the Constitution of the RF, fundamentals of legal order and morality shall not be allowed. Such contradiction can be established in the procedure provided for by a federal constitutional law (Family Code of the RF, Art. 6). First of all, the unified material-law and procedure rules shall apply; the conflict of laws regulation in this case has a subsidiary character.

Due to the fact that the number of rules establishing particular rights and obligations of the parties implemented into Russian law is insignificant, the conflict of laws regulation shall dominate in the international family relations. First of all, Russian law enforcement officials shall apply the uniform conflict of laws rules[27], the internal conflict of laws rules are subject to application in the issues not regulated by the international treaty. At the same time, as Russia has a very "modest" system of the relevant international treaties, Russian conflict of laws rules shall apply to the majority of disputes arising out of marriage and family relations with participation of foreigners.

3. Main institutions of Family Law of the Russian Federation

The Family Code of the RF[28] is the main regulation source of the international family relations. Section VII of the Family Code of the RF "Application of the family legislation to family relations with participation of foreign citizens and persons without citizenship" (Art. 156–167) establishes a detailed system of rules defining the law applicable to regulation of the principal issues of family relations. The rules of Section VII can be defined as special conflict of laws rules, which have a priority application with respect to the general conflict of laws regulation set forth in the Civil Code of the RF. At the same time the court applies the provisions of Section VI "Private International Law" of the Civil Code of the RF, if the rules regulating general provisions of conflict law are absent in the relevant special legal act[29].

The majority of connecting factors have bilateral character and assume the possibility of application of a foreign law. However, this regulation was adopted in 1995 and practically has not changed since then[30]. Meanwhile, for the last 25 years the regulation of the international family relations has undergone serious changes – the fact that is clearly demonstrated by the national codifications of Private International Law[31] and European Law[32]. The modern legislator considerably expands the limits of the autonomy of will of the parties in family and law relations with regard to the choice of applicable law, establishes special connecting factors for the relations of cohabitation and partnership, consolidates the detailed and differentiated rules of the choice of the law. So far, many conflict of laws rules of the Family Code of the RF have become outdated and do not correspond to the current trends of the legal regulation.

[25] In accordance with Art. 415 of the Civil Procedure Code of the RF the following decisions of foreign courts are subject to recognition without further proceedings: on the status of the citizen of the State, the court of which has rendered a decision; on dissolution or annulment of marriage between a Russian citizen and a foreign citizen if at the moment of consideration of the case at least one of spouses lived beyond the borders of the territory of the Russian Federation; on dissolution or annulment of marriage between Russian citizens if both spouses at the moment of consideration of the case lived abroad; in other cases provided for by federal law.

[26] See: Law Review of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2013 (confirmed by the Presidium of the Supreme Court of the RF of July 3, 2013.

[27] On the basis of the general principle of law *lex specialis derogat lex generalis* the rules of bilateral international treaties shall apply first, then – regional and after that the rules of universal international treaties.

[28] See: Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FL. As of July 2, 2021.

[29] See: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RF No. 24 of July 9, 2019 "On Application of the Rules of Private International Law by the Courts of the Russian Federation".

[30] Some amendments which did not affect conflict of laws regulation as it is were introduced: into Art. 160 – by Federal Law of No. 140-FL of November 15, 1997, into Art. 165 – by Federal Laws No. 94-FL of June 27, 1998, No. 101-FL of April 20, 2015 and No. 5-FL of February 4, 2021.

[31] See, e.g.: Law of the Netherlands of May 19, 2011 No. 272 "On the Adoption and Enactment of Book 10 "Private International Law" of the Civil Code of the Netherlands", available at URL: http://hbcomp.ru/about/law_library/3487/

[32] Council Regulation (EC) No 4/2009 of December 18, 2008 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and cooperation in matters relating to maintenance obligations; Council Regulation (EU) No 1259/2010 of December 20, 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation; Council Regulation (EU) 2016/1103 of June 24, 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes.

Besides, the Russian legislation demonstrates serious shortcomings of the inter-branch method of codification of the Private International Law: the purposes and problems of standard regulation of the international family relations are not provided in the Section VII of the Family Code of the RF, the concept of "foreign element" is not legalized, there are no models of general concepts of Private International Law. The enforcement authorities are constantly forced to address to the rules of the Civil Code of the RF (Art. 1186–1199) concerning qualification of the legal concepts, the interlocal and interpersonal conflict of laws, the *renvoi*, *etc.,* and regarding all the procedural issues – to the rules of the Civil Procedure Code of the RF. If the Russian legislator chose the way of adoption of a complex codification act on private international law matters[33], such problems would be avoided. The complex autonomous codification eliminates the "dispersion" of the rules regulating private international law relations in various normative sources, simplifies and optimizes legal proceedings.

3.1 Conclusion of Marriage

Article 156 of the Family Code of the RF establishes the rules of choice of the applicable law concerning the conclusion of "mixed"[34] marriages within the territory of the RF. Certain unilateral connecting factors are established for the form and procedure of conclusion of marriage (p. 1), and also for the circumstances, preventing conclusion thereof (p. 2). These issues are within the competence of the Russian legislation[35]. The cumulative conflict of laws rule shall apply to marriage conditions defined by the personal law (law of the State of citizenship) of each person entering into marriage at the moment of conclusion of marriage (p. 2). The personal law of apatride shall be the law of State in which this person has a permanent residence (p. 4)[36]. The personal law of the bipatride, having the citizenship of the RF, is considered to be Russian law. If the person obtains the citizenship of several foreign States, the legislation of one of these States shall apply in accordance with the choice of this person (p. 3). This rule is unique for the Russian regulation as it allows the choice of personal law at the request of the interested person, *i.e.,* the possibility of limited autonomy of will in determining the personal status is provided by law.

In accordance with the Russian doctrine if a citizen of a foreign State gets married within the territory of Russia, and the legislation of this foreign State establishes a wider list of circumstances preventing conclusion of marriage as compared with the list of circumstances preventing the conclusion of marriage given in Art. 14 of Family Code of the RF, then the legislation of the relevant State shall apply along with the requirements of Art. 14. If the foreign legislation does not allow marriage of this person, then such marriage cannot be concluded within the territory of the RF (even if no circumstances listed in Art. 14 of the Family Code of the RF exist)[37].

A foreign citizen or an apatride is obliged to prove the possibility to conclude a marriage without any restrictions[38] by relevant documents (for example, the references certified by notary or the consulate). The documents issued by relevant agencies of a foreign State and certifying the acts of civil status conducted under the laws of this State with regard to Russian or foreign citizens shall be recognized in Russia only if legalization is available[39]. A different procedure can be established by an international treaty of the RF. Thus, legalization is not required in the relations between the Member States of the Hague Convention Abolishing the Requirement of Legalization for Foreign Public Documents (1961)[40]. The Russian judicial practice established that the documents issued by a State agency or a State official shall be considered official documents, the documents on confirmation of the act of civil status shall be also considered official[41].

The Russian legislation does not require the legalization of the marriage concluded beyond the borders of the RF itself, but the documents confirming such a marriage shall be legalized. In the absence of such legalization the

[33] As in Switzerland, Hungary, Italy and many other States.

[34] "Mixed" or "foreign" marriages, i.e., the marriages in some way connected with legal orders of two or more States.

[35] The circumstances preventing marriage are specified in Art. 14 of the Family Code of the RF which consolidates the material rules of direct application: "The marriage shall not be concluded between: the persons if at least one of them is married and this marriage is registered, direct ascendants (parents and children, grandfather, grandmother and grandchildren), full and non-full relatives (sharing father or mother), brothers and sisters; adopter and adoptee; persons, if any of them is deemed by court to lack dispositive legal capacity due to mental disorder".

[36] It should be noted that the Russian family legislation uses only the concept of "permanent residence" implying the application of *lex domicilii.* The concept of "habitual residence" implying application of *lex habitationis* is absent in the Family Code of the RF, but is widely applied in jurisprudence. See, e.g.: Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the RF. No. 3(2019), confirmed by the Presidium of the Supreme Court of the RF of November 27, 2019.

[37] See: Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2012 [Article-by-article Commentary to the Family Code of the Russian Federation, Federal Law "On Guardianship and Trusteeship" and Federal Law "On the Acts of Civil Status" / ed. by P.V. Krasheninnikov. M., 2012].

[38] See: Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of July 30, 2014 in case No. 33-2594/14; Appellate Ruling of the Murmansk Region Court of October 23, 2013 in case No. 33-3650.

[39] See: Appellate Decision of the Moscow City Court of March 4, 2015, No. 33-6736.

[40] See: The Hague Convention Abolishing the Requirement of Legalization for Foreign Public Documents (October 5, 1961), available at URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=41 Russia ratified the Convention on September 4, 1991.

[41] See: Appellate Decision of the Moscow District Court of 21 April 2014 in the case No 33-7575/2014.

registration of marriage shall be considered not proved[42]. This approach can be treated as generally accepted in the Russian judicial practice: "on December 30, 2014 in New York the US citizen F.V.D. and citizen of the Russian Federation (at present – F.E.S.) concluded a marriage. This marriage performed in the USA was not legalized in the procedure established by law and in this connection, there are no grounds for recognition thereof on the territory of the Russian Federation. Thus, the fact of marriage is of no legal importance and therefore cannot produce any legal effects in the said case[43].

The procedure of filing by Russian citizens of information on the documents issued by the competent agencies of foreign States in confirmation of the acts of civil status performed beyond the borders of the territory of the RF is determined in Federal Law "On the Acts of Civil Status"[44] and Decree of the Government of the RF of October 4, 2018, No. 1193[45]. The absence of timely legalization of documents on entering into marriage relations abroad may entail negative consequences in case of arising of a court dispute between the spouses.

Thus, Russian citizens (the plaintiff and defendant) got married on the territory of the USA and then returned to Russia, where they lived jointly and acquired various property. As time passed their personal relations deteriorated considerably and the plaintiff filed a suit on division of joint property of spouses. The certificate on marriage was not legalized on the territory of the RF; the defendant contested the fact of registration of the marriage. The plaintiff submitted to the court the apostille of the marriage certificate, however, there was a serious mistake in the translation of the apostille into Russian. The apostille had the following inscription: "The apostille is invalid for use on the territory of the United States, their territories and possessions"[46]. The interpreter understood it as referring to the marriage certificate and translated as "invalidity of the document beyond the borders of the territories and possessions of the USA". Despite the fact that the plaintiff submitted to the court the evidence proving the mistake in the translation of the apostille, the courts of the first, appellate and cassational instances did not accepted her arguments and decided that "in the marriage certificate submitted by the plaintiff there was an inscription on invalidity of this document beyond the borders of the territories and possessions of the United States of America... considering that the defendant disputed the fact of registration of marriage ... the court came to the conclusion that the registration of marriage was not proved"[47]. The plaintiff lost the case as the court ruled that the evidence of arising of the joint property of the spouses had not been presented.

The marriages concluded outside the RF are recognized in Russia if (Art. 158):

marriages between Russian citizens, Russian and foreign citizens or apatrides comply with the requirements of the legislation of the State within the territory of which they are concluded. This bilateral conflict of laws rule is supplemented with a connecting factor – the circumstances preventing the marriage are imperatively subordinated to Russian law;

marriages between foreign citizens comply with the requirements of the legislation of the place of conclusion thereof. Both the absence and the presence of obstacles in accordance with Art. 14 of the Family Code of the RF shall not be the condition of recognition of these marriages. The marriages recognized by foreign legal orders regardless of the fact of the state registration thereof shall be subject to recognition in Russia[48]. Thus, if formally polygamous and genderless marriages are recognized in the State of conclusion thereof, they shall be recognized in the Russian Federation. At the same time the Russian doctrine also provides for the use of the concept of public order for non-recognition of such marriages[49].

---

[42] See: Appellate Ruling of the Moscow City Court of March 4, 2015, No. 33-6736.

[43] See: Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan of December 10, 2015, Case No. 33a-17492/2015.

[44] See: Federal Law of November 15, 1997, No. 143-FL "On the Acts of Civil Status". As of July 2, 2021.

[45] See: Decree of the Government of the RF of October 4, 2018, No. 1193 "On confirmation of the rules for filing by the citizen of the Russian Federation with regard to whom the competent agency of a foreign State under the laws of the relevant foreign State the registration of the act of the civil status has been performed, and also in the case if such registration has been performed with regard to his minor child, being a citizen of the Russian Federation, or with regard to a citizen of the Russian Federation under 18 years of age or a citizen of the Russian Federation limited in dispositive legal capacity, the legal representative of whom this citizen of the Russian Federation is, of information on the fact of such registration to the Agency of Registration of Acts of Civil Status of the Russian Federation or the Consulate Institution of the Russian Federation located beyond the territory of the Russian Federation and inclusion of the information on the documents issued by the competent agencies of foreign States in confirmation of acts of civil status performed beyond the territory of the Russian Federation under the laws of the relevant foreign States with regard to the citizens of the Russian Federation, to the Unified State Register of Registration of Acts of Civil Status".

[46] Such inscription can be found on official letterheads of apostille in the USA, e.g.: "This Apostille is not valid for use anywhere within the United States of America, its territories or possessions" (California), "Not for use within the United States of America" (Texas).

[47] See: Ruling of the Fourth Cassational Court of General Jurisdiction of January 28, 2020, No. 88-1369/2020 on case No. 2-1500/2019.

[48] See: *Ul'bashev A. Kh.* Общее учение о личных правах. М., 2019 [General Doctrine on Personal Rights. M., 2019].

[49] See: *Kanashevsky V.A.* Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал росс. права. 2018. № 5 [The Issues of Public Order and Qualification in Regulation of Family Relations with a Foreign Element // Journal of Russian law. 2018. No. 5].

Invalidity of foreign marriages concluded both within the territory of the RF and beyond the borders thereof shall be determined by the legislation which applied to the conclusion of marriage in accordance with Art. 156 and 158 of the Family Code of the RF (Art. 159). Therefore, the grounds for invalidity of marriage can be determined both by Russian and foreign law. The choice of the applicable law "depends only on one factor: the legislation of which State applied to the conclusion of the marriage. Thus, the legislation of different States may provide for different grounds for invalidity of marriage"[50].

Thus, the upper court dismissed the arguments of the appellate petition on invalidity of marriage based on the fact that the Korabelsky District Court of the city of Nikolaev of the Republic of Ukraine did not receive the agreement to marriage of the minor citizen of the RF E.A.B. The court noted that in accordance with the legislation of the Russian Federation and pursuant to Art. 13 of the Family Code of the RF the agreement to conclusion of marriage shall be given by the agencies of the local self-government at the place of residence of the persons entering into marriage, however, according to the legislation of Ukraine the agreement shall be given by the court. Thus, on the territory of Ukraine the agreement of the agencies of the local self-government or absence thereof shall have no legal significance in resolution of the issue of permission to enter into marriage[51].

3.2 Divorce

The divorce within the territory of the RF shall be governed by Russian law (Art. 160 of the Family Code of the RF). This binding unilateral conflict of laws rule shall apply in any case, and it is does not matter which element of the marriage is connected with the foreign legal order (Art. 160(1) of the Family Code of the RF). The Russian citizen (even living outside the RF on a permanent basis) shall have the right to dissolve marriage in the Russian court, even with a spouse living outside the RF and regardless of the spouse's nationality (Art. 160(2) of the Family Code of the RF). Foreign citizens on the territory of the RF shall have the right to dissolve marriage in the Russian Agency of Registration of Acts of Civil Status (hereinafter – the ZAGS), if: 1) one of the spouses lives in the RF or 2) the marriage to be dissolved was concluded within the territory of the RF according to the form and procedure stated in Art. 156(1) of the Family Code of the RF[52]. Thus, according to the practice the marriages with foreigners even in the absence of minor children and property disputes are dissolved by the court. This can be regarded as a prevailing judicial custom.

The exclusive application of Russian law is obviously the most favorable situation for the Russian citizens who decided to dissolve a foreign marriage on the territory of the RF as they are familiar with Russian law and it is not difficult for them to determine the content thereof. The judges also prefer application of Russian law. Russian courts have a wealth of experience in consideration of such cases and the "geography" of these proceedings is wide enough. For example, one of the Moscow courts dissolved the marriage of Russian citizen D. with a citizen of Jordan concluded at a sharia court of Bani Obeyd (Irbid, Jordan)[53].

It seems that Art. 160 of the Family Code of the RF provides for a one-dimensional and rigid approach to determination of the law applicable to divorce. This approach to conflict of laws regulation was enshrined in the Russian conflict of laws regulation in 1995, and nowadays seems a legal anachronism. The mandatory submission of divorce to Russian law does not correspond to the current trends of regulation of such relations; this approach represents an outdated model which has been already rejected by other legislators. The main purpose of the modern legal regulation is the most effective protection of human rights and fundamental freedoms. It can be achieved to the fullest extent by extending the right of the parties to choose the applicable law. With regard to the issues of divorce it is necessary to provide for at least a limited autonomy of will for the parties as it has been done, for example, by the European legislator[54].

3.3 Personal non-property and property rights and duties

The procedure of choice of law applicable to personal non-property and property rights and duties of spouses is determined in Art. 161(1) of the Family Code of the RF by a complicated subordinated alternative conflict of laws rule: primarily the legislation of a State on the territory of which the spouses have a joint place

[50] Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / под ред. П.В. Крашенинникова [Article-by-article Commentary to the Family Code of the Russian Federation, Federal Law "On Guardianship and Trusteeship" and Federal Law "On the Acts of Civil Status" / ed. by P.V. Krasheninnikov].

[51] See: Appellate Ruling of the Moscow City Court of April 8, 2019 on Case No. 33-10419.

[52] See: Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / под ред. П.В. Крашенинникова [Article-by-article Commentary to the Family Code of the Russian Federation, Federal Law "On Guardianship and Trusteeship" and Federal Law "On the Acts of Civil Status" / ed. by P.V. Krasheninnikov].

[53] See: The dissolution of marriage with a citizen of Jordan concluded at the sharia court of Bani Obeyd. Available at URL: https://www.planeta-zakona.ru/blog/rastorzhenie-braka-s-grazhdaninom-iordanii-zaklyuchyennogo-v-shariatskom-sude-bani-obeyd.html/ (30.05.2021).

[54] See: Art. 5 Council Regulation (EU) No. 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation.

of residence shall apply, in case of absence there of – the legislation of a State on the territory of which they had the last joint place of residence. The personal non-property and property rights and duties of the spouses who did not have a joint place of residence within the territory of the RF shall be governed by Russian law. It is seemed that such model of conflict of laws regulation also needs modernization.

Firstly, the rules of the choice of law for the personal and property relations of spouses should be divided and stated in separate conflict of laws rules. In spite of the fact that the national legislator, mainly, provides for identical connecting factors for these relations, the rules of the choice of applicable law have to be more differentiated and detailed. It simplifies the enforcement of law and increases the predictability of court decisions. This approach was received by the national legislator[55] a long time ago and is dominating in all modern codifications of Private International Law[56].

Secondly, the laws of common nationality of spouses and the place of marriage conclusion remain widespread and correct connecting factors in family relations. There is no need to refuse from these rules of the choice of applicable law, even despite the growing number of multinational marriages and close connection of spouses with the law of their last place of residence. It is possible to construct a situation, rather typical for the modern world: the spouses are Turkish citizens and had the last joint place of residence within the territory of Germany, then one of them moved to Russia. The reason is not clear, but in accordance with the Russian legislator, in this case the family relations should be governed by German law instead of the Turkish one. In such cases the court shall analyze all foreign elements of the relationship and reveal the closest connecting factor for this situation. The complicated subordinated alternative conflict of laws rule providing for a possibility of wide choice of applicable law and limited autonomy of will of the parties corresponds to this purpose best of all (at the choice of the parties – the law of joint residence / the last place of joint residence / nationality of spouses / place of marriage conclusion)[57].

Thirdly, compulsory submission of personal and property relations of the spouses, who did not have a joint place of residence, to Russian law seems illogical. It is clear, that in this case the Russian legislator meant the Russian citizens appealing to the Russian court with a claim to the spouse who is living abroad. Presumably Russian citizens are familiar with the rules of Russian Family Law and foreign Family Law is less favorable for them, than the law of the RF. In practice this legislative presumption is not justified and does not correspond to the real situation. In similar cases it is also necessary to determine the law which is most closely connected with the certain relation. Russian law should apply as a subsidiary connecting factor of the second degree (at the choice of the parties – the law of common nationality / place of marriage conclusion / Russian law).

It is established in Art. 161(2) of the Family Code of the RF that in conclusion of a marriage contract or an agreement on payment of the mutual alimony, the spouses, not having common nationality or joint place of residence, are free to choose the applicable law to determine their rights and obligations in marriage contract and agreement on payment of alimony. In accordance with the Russian doctrine, "having established the general provision on the applicable law to the relations of spouses, Art. 16 (2) of the Family Code of the RF set forth the possibility of derogation from it as the spouses have the right to choose the law applicable to relations thereof. Contrary to the general rule of the applicable law of the State of citizenship of spouses or joint place of residence (Art. 161(1) of the Family Code of the RF) the spouses received the opportunity to refer the property relations to a different legal order, expressing their choice in a marriage contract"[58]. However, it unambiguously follows from Art. 161(2) that the marriage contract[59] concluded within the territory of the RF shall be governed by Russian law, provided that the spouses have common citizenship and common domicile. Consequently, the parties do not have any autonomy of will. Apparently, this statement needs further interpretation.

In accordance with the content of the rule the choice of applicable law for a marriage contract occurs only if the spouses do not have common nationality or joint place of residence. Respectively, if the spouses are citizens of one State, they cannot choose the applicable law (even if they are not citizens of Russia and after marriage intend to move to another country). Apparently, the legislator addresses this rule only to Russian citizens

[55] See, e.g.: Law on Private International Law of Austria (1978) (§ 18, 19). All legislative acts of foreign States translated into the Russian language are cited from Website: Academic-scientifical group "Modern Construction of Private International Law". The National Research University Higher School of Economics, available at URL: http://pravo.hse.ru/intprilaw/ (15.05.2021).

[56] See: Law of Montenegro of December 30, 2013 "On Private International Law" (Art. 80, 82), available at URL: https://pravo.hse.ru/data/2016/02/22/1139768416/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%202013.pdf

[57] See, e.g.: Law of the Dominican Republic of December 18, 2014 "On Private International Law" (Art. 42, 43), available at URL: https://pravo.hse.ru/data/2017/12/06/1161312635/%D0%94%D0%BE%D0%BC.%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF.%20%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F.pdf

[58] *Marysheva N.I., Muratova O.V.* Брачный договор в международном частном праве: правовое регулирование в России и ЕС // Журнал росс. права. 2014. № 6. С. 101–111 [The Marriage Contract in Private International Law: Legal Regulation in Russia and the EU // Journal of Russian law. 2014. No. 6. P. 101–111].

[59] For the purposes of this article the terms "marriage contract" and "agreement on mutual payment of alimony" shall be replaced by one term – "marriage contract".

and presumes that the citizens of other States within the territory of the RF will get married in consular agencies of their own States, ignoring Russian agencies of marriage registration. The basis for such a presumption remains unclear, as according to the Russian legislation, foreign citizens within the territory of the RF have the right to get married in a general order, *i.e.*, in the Agency of Registration of Acts of Civil Status (ZAGS). Foreign citizens (especially, from the countries that earlier were a part of the USSR, for example, citizens of Ukraine, Armenia, Tajikistan) often get married in Russia, and then move to the country of their nationality. Thus, their marriage contract signed within the territory of the RF shall be governed only by Russian law.

If one of the spouses (or both) is bipatride, but one of his/her citizenship is Russian (as well as the other spouse), then the choice of law is also impossible as the personal law of such person is Russian law[60]. Let us consider an example from practice: a Russian citizen marries a bipatride (with Russian and Israeli citizenship), and spouses are going to live in Israel. In this case, the spouses also cannot freely choose the law applicable to their marriage contract, as Russian law is applied *a priori*. There is a similar solution in the legislation of other States, but application of the local law to the marriage contract between a citizen of the State and bipatride who has local nationality among others, is possible only if the parties have not chosen the applicable law[61].

On the other hand, if spouses have different nationalities, but they take the joint residence within the territory of the RF, they also cannot choose the law applicable to their marriage contract (even if they intend to change matrimonial domicile in the near future). Similar situations also arise constantly: the citizens of the different States (for example, Moldova and Belarus) permanently residing in Russia get married and after some time go abroad on the basis of permanent residence. Nevertheless, their marriage contract shall be automatically governed only by Russian law.

At the same time the Russian legislator provides for an unlimited autonomy of will to the parties of the marriage contract not having the common nationality or domicile. If these persons conclude a marriage contract within the territory of the RF, they can choose the law of any country, even if it is not connected with their relationship. We need to recognize that the unlimited will of the parties is the best connecting factor for the choice of applicable law to the marriage contract[62]. Application to marriage contract of the autonomy of will as one of the basic principles of modern private international law follows from the fundamental statement of Civil Law, *i.e.*, the principle of freedom of contract[63]. The marriage contract has all the features of the civil contract (but possesses a specific subject structure as the parties thereof are in family relations[64]) and extension to it of the principle of autonomy of will, fundamental for civil contracts, is quite reasonable.

However, the vast majority of modern national codifications of Private International Law enshrines the limited will of the parties as the regulation of family relations has a strong public-law component. At the same time spouses have rather wide choice: the law of a State which citizen is one of spouses; the law of a State in which one of the spouses has habitual place of residence; the law of a State in which they intend to have joint habitual residence[65]. The similar solution is proposed by the European legislator[66]. These models can be used for modernization of the Russian legislation.

3.4 Institute of the marriage contract

The institute of marriage contract was included for the first time into Russian law in 1995 in the Family Code of the RF. Until then this institute was unknown to the legislation of the RF. The approach established by the legislator of Czechoslovakia[67] in 1963 was used as a model for the Russian conflict of laws rules. At the same time, in the first half of the 1990th much more flexible rules of the choice of applicable law to marriage contracts were developed in other European States[68]. Obviously, in connection with novelty and lack of practice in relations under the marriage contract, in 1995 the Russian legislator received not the best conflict of

[60] See: Art. 1195(2), Civil Code of the RF; Art. 156(3), Family Code of the RF.

[61] See: Art. 43 of Book 10 "Private International Law of the Civil Code of the Netherlands" (2011).

[62] This approach is enshrined, see, e.g.: Art. 32, Code of Private International Law of Panama (2015).

[63] See: *Marysheva N.I., Muratova O.V.* Op cit. P. 101–111.

[64] See: *Myskin A.V.* Брачный договор в системе российского частного права. М., 2012 [The marriage contract in the system of Russian Private Law. M., 2012].

[65] See, e.g.: Art. 2.590, Civil Code of Romania (2009); Art 82, Law on Private International Law of Montenegro (2013).

[66] See: Art. 22 Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24 June, 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes.

[67] See: Law on Private International Law of Czechoslovakia (§ 21, 49) (1963): "(1) Personal and property rights of the spouses shall be regulated by the law of a State of the nationality thereof. If the spouses are citizens of different States, their relations shall be regulated by the Czechoslovakian law. (2) Agreement of the spouses with regard to regulation of their property rights shall be considered taking into account the legal order applied to property relations of the spouses at the time the agreement was achieved". At present the law applicable to a marriage contract shall be determined in accordance with the limited autonomy of will of the parties (Law on Private International Law of the Czeck Republic (§ 49) (2012)).

[68] See: Law on Private International Law of Switzerland (1987) (Art. 52); Law of Romania (1992) "As applied to regulation of Private International Law".

laws models. However, over the past years since pretty extensive enforcement practice has been accumulated[69], and it clearly demonstrates the necessity of modification of the current conflict of laws regulation. At present the rule of Art. 161(1) needs innovation.

Article 161(2) of the Family Code of the RF states that if the spouses (having different nationalities or different matrimonial domicile) have not chosen the applicable law, the provisions of Art. 161(1) apply to the marriage contract (*i.e.*, the law of joint residence / the law of the last joint residence / Russian law). The Russian legislator set forth the exclusively territorial approach and refused to consider the personal law of the spouses. The practice shows that such a decision leads to violation of rights of the parties of the marriage contract. The following example is given in the Russian literature: the citizen of the RF A. Vakhman and the citizen of Venezuela Angela Zurbano got married in Russia in 1993. The marriage contract was not concluded. In 2001 the spouses moved to Venezuela where they live so far. In 2004 they appealed to the Russian consulate in Venezuela to certify their marriage contract providing for the regime of separate property on all property of spouses.

In accordance with Art. 161(1) of the Family Code of the RF the legislation of Venezuela – the State within the territory of which the spouses have the joint residence – shall apply to property rights and duties of the spouses. In Venezuela the change of the legal regime of the property of spouses after registration of marriage is forbidden (Civil Code of Venezuela (Art. 144)). Therefore, in this case the conclusion of the marriage contract between spouses and its certification by the Russian consulate in Venezuela was impossible[70].

Unfortunately, the institute of marriage contract has not been widely disseminated in Russia so far. As a rule, Russian citizens tacitly opt for a legal regime of common property of spouses. The overwhelming majority of marriage and family disputes are the disputes on division of the joint property which are often connected with inheritance disputes. It is important to take into consideration that the Russian procedural law does not refer the demand on division of the joint property of spouses (citizens of the RF) located within the territory of foreign States, to the exclusive competence of foreign courts. Such demands shall be regulated by the general jurisdiction rules established by the Civil Procedure Code of the RF (Chapter 3), if not provided otherwise by an international treaty. Thus, Russian courts shall proceed and consider on merits the suits on division of foreign immovable property acquired through marriage as such demands shall not be "the suits on the rights to immovable property, but are directed to changing the regime of common property of spouses[71].

The possibility of consideration of the dispute on the foreign immovable property being a part of the spouses' property by the court of the place of residence (nationality) of one or both spouses is a standard fact of contemporary legal reality, the best way of determination of the competent court on family disputes[72]. However, an unconditional postulate that all the suits on local immovable property shall be within the sole competence of local courts is still dominating in the legislation of many States[73]. In this connection some lawyers note the problems that may arise in the Russian judicial practice in case of enforcement of judgements on division of foreign immovable property: "The decision on the issues of immovable property located within the territory of the above-mentioned States [Montenegro, Bosnia and Hercegovina] is related to the exclusive jurisdiction and competence of the courts of these sovereign States and is regulated by the national legislation of these foreign States. In this connection the enforcement of court decision in this part will be impossible, as on the territory of the said foreign States the decisions of Russian courts rendered with regard to immovable property located on the territory of such States are not recognized"[74].

The connecting factors of Art. 161 of the Family Code of the RF shall be more differentiated and detailed. At the time of adoption of the Family Code of the RF the Hague Convention on the Law Applicable to Matrimonial Property Regimes (1978) containing detailed regulation of this institute was already in force. Conflict of laws models of this Convention are demanded by many modern national codifications of private international law; the direct references to the convention are set forth in the legislation of the Netherlands[75]. In spite of the fact that Russia does not participate in this Convention, the approaches to the choice of applicable law offered by it can be implemented into the Russian legislation.

[69] See: Настольная книга нотариуса: в 4 т. / под ред. И.Г. Медведева. Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности (т. 4). М., 2015 [Notary's Book: in 4 vols. / ed. by I.G. Medvedev. Private International Law and Procedure in the Notarial Practice (vol. 4). M., 2015].

[70] See: ibid.

[71] See: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 3 [Law Review of the Supreme Court of the RF, 2019, No. 3].

[72] See, e.g.: Art. 5, 6 Council Regulation (EU) 2016/1103 of June 24, 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes.

[73] See, e.g.: Art. 461, Civil Procedure Code of the Republic of Moldova of May 30, 2003, No. 225-XV (as of February 12, 2021; Art. 77, Law of Ukraine No. 2798-IV of June 23, 2005 "On Private International Law", as of October 3, 2019.

[74] See: Appellate Ruling of the Moscow City Court of June 16, 2020, Case No. 33-15364/20.

[75] See: Art. 42, 43, Civil Code of the Netherlands, Book 10.

Articles 162–164 of the Family Code of the RF establish conflict of laws regulation of relations between parents and children[76]. The applicable law is defined as follows:

1. Law of a State of nationality of the child by birth – establishment and challenge of paternity (maternity) (Art. 162); rights and duties of parents and children, including the obligation of parents with regard to children maintenance in the absence of joint residence (Art. 163).

2. Law of a State of nationality of the person applying for alimony in the absence of joint residence (Art. 164).

3. Law of the joint residence – rights and duties of parents and children, including the obligation of parents with regard to children maintenance (Art. 163); the alimony obligations of adult children with regard to parents and alimony obligations of other family members (Art. 164).

4. Law of a State within the territory of which the child permanently lives – upon the demand of the claimant to the alimony obligations and to other relations between parents and children (Art. 163).

5. Russian law – the procedure of establishment and challenge of paternity (maternity) within the territory of the RF (Art. 162).

The connecting factors consider both territorial and exterritorial elements in relationship between parents and children. The purpose of such legislative decision is the maximum protection of interests of the child, *i.e.*, complying with the principle of protection of the weaker party in relations. However, now the established regulation seems too laconic, and the list of connecting factors – too narrow[77]. For the most effective protection of interests of children in each separate case the law enforcement official is obliged to define the law which is the most closely connected with the relation considering the child's interests. The main conflict of laws principle for the relations with participation of children should be the *lex benignitatis*, in any case, such law always needs to be revealed, and the decision shall not contradict the mandatory rules thereof.

As for the maintenance relations, there is even a term – "international maintenance law"[78] in the literature as this aspect is regulated in great detail at the international level. The unified conflict of laws rules are set forth in the Hague Convention on the Law Applicable to Maintenance Obligations towards Children (1956), the Hague Convention on the Law Applicable to Maintenance Obligations (1973), the Hague Convention on the International Recovery of Child Support and Other Forms of Family Maintenance and the Protocol (2007). These agreements contain the detailed rules of applicable laws to the maintenance relations. Although Russia does not participate in any of these conventions, it would have to be necessary to bring the rules of Art. 164 of the Family Code of the RF into conformity with the international regulation accepted in the majority of European States.

3.5 International adoption

Conflict aspects of international adoption are regulated in Art. 165 of the Family Code of the RF. Adoption and cancellation thereof within the territory of the RF by foreign citizens of the child of Russian nationality are regulated by law of a State of the adoptive parent. If the adoptive parent is an apatride, the law of a State in which this person has a permanent residence at the time of filing the application for adoption or cancellation thereof shall apply. Adoption of children – citizens of the RF by foreign citizens or apatrides being in matrimonial relations with Russian citizens, is governed by Russian law. Another procedure can be provided by the international treaty of the RF. If the adoption of a child – a foreign citizen takes place within the territory of the RF and performed by Russian citizens, it is necessary to receive the consent of the legitimate representative of the child, of the child and the competent authority of a State of the nationality of the child (Art. 165(1)).

If as a result of adoption, the rights of the child established by Russian law and international treaties of the RF can be violated, the adoption cannot be performed irrespective of nationality of the adoptive parent, and the adoption performed is subject to cancellation in the court procedure (Art. 165(2)). The protection of rights and legitimate interests of children – citizens of the RF adopted by foreign citizens or apatrides outside the RF is effectuated within the limits provided for by the International Law, by consular agencies of the RF which keep a record of such children till they reach the age of majority. Another regulation can be provided for by the international treaty of the RF (Art. 165 (3)).

Adoption of the child – the Russian citizen – living outside the RF can be performed by a competent agency of a State of the nationality of the adoptive parent. Such adoption is recognized in the RF on condition of obtaining a preliminary permission to adoption of the Russian agency of executive authority within the territory of which the child or his parents lived before going beyond the borders of the territory of Russia (Art. 165(4)).

The connecting factors established by the Russian legislator concerning the issues of adoption are generally accepted in the majority of States of the world[79]. However, the provisions of Art. 165 are not formulated

[76] See: Art. 162. Establishment and challenge of paternity (maternity); Art. 163. Rights and duties of parents and children; Art. 164. Alimony obligations of adult children and other family members.

[77] See, e.g.: Art. 92–99, Civil Code of the Netherlands, Book 10 "Private International Law".

[78] *Koch H., Magnus U., Winkler von Mohrenfels P.* Международное частное право и сравнительное правоведение. М., 2001 [Private International Law and Comparative Jurisprudence. M., 2001].

[79] See: Art. 422, Law of Ukraine "On Private International Law" of June 23, 2005, No. 2709-IV, as of June 19, 2020.

accurately enough, in particular, such factors as the personal law of a child and the law of competent authority should be understood from the content of the rule as they are not named directly. Besides, in modern conditions the criteria of determination of applicable law in this sphere shall be more detailed, the scope of the relevant conflict of laws rules – more differentiated, and *lex benignitatis* shall become the main conflict of laws principle as the most favorable law for a child. The legislation of Belgium with regard to international adoption can be taken as an example[80] for further modernization of Russian law in this sphere.

The provisions of Art. 165 of the Family Code of the RF have been amended to much greater extent than any other legislation in the sphere of family international relations – seven amendments have been made to this article of the Family Code of the RF (1995) from the moment of its entry into force till the present time[81]. At the same time these changes have not affected conflict approaches in any way. All the amendments aimed at the achievement of maximum effect in the direct protection of interests of the child in family relations. The direct references to Art. 124–133 of the Family Code of the RF which contain overriding mandatory rules of Russian law are enshrined in Art. 165(1). These provisions have to be always observed irrespective of the applicable law determined in accordance with conflict of laws factors of Article 165 of the Family Code of the RF.

The international adoption is one of the most urgent, complicated and painful problems in the Private International Law. Further elaboration on this aspect is not the subject of this research, but summary information is given below. The number of adoptions of Russian children by foreigners constantly decreases and the yearly decrease is a steady trend. In 2019 the courts of the first instance considered 203 cases on international adoption with delivery of judgement (53.1% less than in 2016 (433 cases) and 20.7% less than in 2018 (256 cases). In 2019 202 cases were considered with satisfaction of claim and one – with refusal. Citizens of Italy adopted Russian children most frequently in 2019 (64.8% of cases considered with satisfaction of claim)[82].

Russia participates in two bilateral international treaties on cooperation in adoption of children: with the Republic of Italy (Moscow, November 6, 2008) and with the French Republic (Moscow, November 18, 2011). The basis of these treaties is constituted by the rules of the Hague Convention on Protection of Children and Cooperation in the International Adoption (1993) signed by Russia, but not ratified. Both treaties have uniform content, form and structure. The principle of compliance with the best interests of the child and the principle of subsidiarity, according to which the States have to take measures for education of the child in a native family and the international adoption is possible in the absence of a suitable form of arrangement of adoption in a State of origin, are set forth therein. As an additional guarantee of protection of the rights of the adopted child within the territory of the host State, the regulation on preservation by the child of the nationality of a State of origin and obtaining by the child of the second nationality of the host State is provided for. The issue of applicable law to the procedure of adoption in both treaties is resolved equally: the law of a State of origin of the child shall apply. The procedure of adoption shall be carried out only with assistance of authorized agencies of the host State.

On January 22, 2020 in Jerusalem the RF and Israel signed the Treaty of Cooperation in the Sphere of Adoption of Children. By its content and structure this document is in no way different from the analogous treaties between the RF and Italy or France. The main connecting factor is the law of a State of origin of the child. Although the treaty was signed not long ago and has not entered into force yet, the Russian courts consider a lot of cases on adoption of Russian children by citizens of Israel. The decisions on satisfaction of claims on adoption were taken in 2019 by the court of the Jewish Autonomous Region, regional courts of Krasnoyarsk and Leningrad[83].

Until the end of 2012 the Treaty between the RF and the USA on Cooperation in Adoption of Children was in force (Moscow, June 13, 2011). However, according to Federal Law of December 28, 2012 "On Measures of the Impact on Persons Involved in Violations of the Fundamental Rights and Freedoms of a Human Being, Rights and Freedoms of Citizens of the RF" since January 1, 2013 this treaty was terminated. According to Art. 4(1) of the above-mentioned Federal Law the adoption of children by citizens of the USA and the activities of non-profit organizations and representations thereof on selection and transfer of the children – citizens of the RF for adoption by citizens of the USA was forbidden[84].

[80] See: Art. 66–72, Law of Belgium of June 16, 2004 "On the Code of Private International Law", available at URL: http://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041801

[81] See: Federal Laws of June 27, 1998, No. 94-FL; of April 20, No. 101-FL; of February 4, 2021, No. 5-FL.

[82] See: Review of Practice of Consideration in 2019 by Regional and Equal Courts of Cases on Adoption of Children by Foreign Citizens or Persons without Citizenship, as well as Citizens of the Russian Federation Permanently Residing beyond the Territory of the Russian Federation, approved by the Presidium of the Supreme Court of the RF of 8 July, 2020.

[83] See: ibid.

[84] In accordance with this rule, the Altay District Court refused to accept the claim of the US citizen on adoption of a minor citizen of the RF (see: ibid).

4. Establishment of the content of rules of Family Law and restriction of their use

Section VII of the Family Code of the RF ends with provisions of Art. 166 "Establishment of the content of rules of foreign Family Law" and Art. 167 "Restriction of application of rules of foreign Family Law". In principle the provisions on the fundamental institutions of the General Part of Private International law as applied to regulation of international family relations should open an appropriate section. It would be much more logical. On the contrary, the Russian legislator in doing so finishes the conflict of laws regulation of Family Law. Such a solution seems to be a structural mistake of legislative technique which could have been easily avoided.

In accordance with Art. 166 applying the rules of foreign Family Law, the Russian competent agencies shall establish the content of these rules according to their official interpretation, the practice of application and the doctrine of the relevant foreign State. The court shall be obliged to determine, if the rule is in force, how it is interpreted in the light of the legislation and practice of a foreign State, analyze it in comparison with other concepts of the relevant legal system, determine its meaning taking into consideration a different legal terminology[85].

For the purpose of establishment of the content of rules of foreign family law the law-enforcement official may address for assistance and explanations to the Ministry of Justice of the RF and other competent agencies or to engage experts. Edict of the President of the RF of October 13, 2004, No. 1313 established the powers of the Ministry of Justice of the RF on interaction with agencies of the state power of foreign States and international organizations and the exchange of information with foreign States. The court has the right to offer the interested persons to submit the documents legalized in the established procedure and confirming the content of the rules of foreign Family Law to which they refer in substantiation of demands and objections thereof[86]. The interested persons have the right at their own initiative to submit the documents confirming the content of the rules of foreign Family Law to which they refer in justification of their demands or objections and otherwise to assist the law enforcement officials in establishment of the content of a foreign Family Law. If the content of the rules of a foreign Family Law, despite all the measures taken, has not been established, the Russian legislation shall apply.

The following data shall be referred to the information on the content of the rules of foreign law: texts of legal acts, links to the sources of publication of foreign legal acts, opinions on the content of the rules of foreign law prepared by the persons having special knowledge in the said sphere (experts). The opinion on the content of the rules of foreign law prepared by an expert shall not be an expert opinion in the sense of the procedural legislation, and the rules on designation of the expert opinion shall not be extended to such opinions. The court has a right to appoint an expert (Russian of foreign citizen), having special knowledge in the sphere of foreign law. This fact may be confirmed by his / her academic research papers or practice in the sphere of foreign law. The expertise may also be assigned to an educational or research institution with the structural subdivisions engaged in foreign law studies[87].

According to Art. 166 a duty of establishment of the content of rules of foreign law is assigned to the law enforcement officials. The parties are entitled to, but are not obliged to participate in this process. The practice, however, shows that the Russian courts, generally apply foreign law, if the parties at their own initiative are engaged in establishment of the content of its rules. Without assistance of the parties basically the dispute is considered on the basis of Russian law.

The expert's opinion is the most efficient and common way to determine the content of foreign law in the Russian judicial procedure. Thus, the court was supplied with "The Legal Opinion of the Expert on the Issues of Application and Establishment of the Content of the Rules of the French Law" prepared by an assistant professor of the Chair of Civil Law, Procedure and Private International Law of the Russian University of Peoples' Friendship. On the basis of the opinion the court determined and applied to disputable relations the rules of French material law and ruled that the author's right to works of art has a personal character and shall not be subject to regime of common property of spouses[88].

Restriction on application of the rules of foreign Family Law (the public order clause – Art. 167) applies in case such application does not contradict the fundamentals of legal order (public order) of the RF. In this case the Russian legislation shall apply. The absence of the rules or legal institutions in the Russian legislation analogous to the rules or institutions of the applicable foreign law as it is shall not be the ground for application of the public order clause[89].

[85] See: Report of the results of generalization of the practice of consideration by the courts of the Perm Region of cross-border disputes affecting the interests of minor children for the period of 2016–2018 (confirmed by the Presidium of the Perm Regional Court). March 29, 2019.

[86] See: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RF of April 20, 2006, No. 8 (as of December 17, 2013) "On Application by the Courts of the Legislation in Consideration of Cases on Adoption of Children".

[87] See: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RF of June 27, 2017, No. 23 "On Consideration by Arbitrazh Courts of Cases on Economic Disputes Arising out of Relations with a Foreign Element".

[88] See: Ruling of the Second Cassational Court of General Jurisdiction of August 20, 2020 on Case No. 88-10948/2020, 2-322/2019.

[89] See: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RF of June 7, 2019, No. 24 "On Application of the Rules of Private International Law by the Courts of the Russian Federation".

Russian judicial practice does not contain the examples of refusal in application of foreign Family Law for the reason of contradiction of application thereof to the public order; the rule of Art. 167 turned to be inapplicable. The possible reasons for this are the following: unfortunate wording of the rule; insignificant number of cross-border family disputes considered by Russian courts; lack of will thereof to apply foreign law; lack of the clear position of the Supreme Court of the RF with regard to application of the public order clause in family disputes[90].

The text of Art. 167 of the Family Code of the RF clearly demonstrates the most serious shortcoming of inter-branch method of codification of Private International Law – different definitions of the same institutes, important for this sphere. The main source of Private International Law of the RF is Section VI of Part 3 of the Civil Code of the RF "Private International Law". Art. 1193 of the Civil Code of the RF sets forth a different content of the public order clause – the rule of the foreign law in exceptional cases does not apply, if the consequences of application thereof would obviously contradict the fundamentals of the legal order (public order) of the RF, taking into account character of the relations complicated by a foreign element. The li-teral interpretation of the text of Art. 167 of the Family Code of the RF leads to the conclusion that in the family relations the public order clause can be applied by no means in exceptional cases, the consequences of application of the rule of foreign Family Law shall not contradict the public order, and it is also optional to consider the character of the relations complicated by a foreign element.

Perhaps in application of foreign Family Law rules, it is necessary to estimate more carefully the content and consequences of application thereof, than in application of the rules of Civil Law. The rules of family legislation to a large extent have a public-law component, and the law enforcement official is obliged to consider it. However, the wording of Art. 1193 of the Civil Code of the RF seems to be much more successful and corresponding to the current trends of development of the international family relations. The text of Art. 167 of the Family Code of the RF shall be brought into compliance with the general wording of the clause on the public order provided for in the civil legislation.

[90] See: *Voitovich E.P.* Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 3. С. 26–39 [The Public Order Clause as a Ground for Refusal in Application of Foreign Family Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 3. P. 26–39].

Conclusion

The conflict of laws regulation of international family relations in the RF was adopted more than 25 years ago and needs serious modernization. It is reasonable to carry out the corresponding updating in the following directions:

1. The maximum specification of content of conflict of laws rules for the purpose of more differentiated regulation of family relations.

2. The establishment of a more diverse and detailed system of the connecting factors aimed at the most correct determination of the law which is most closely connected with the relation and the decision-making which is most answering to the concrete facts of the case.

3. The expansion of possibility of choice of the applicable law by the parties themselves in the issues concerning divorce and property relations.

4. In all matters connected with the children, the application of the law the most favorable for a child shall become a dominating connecting factor.

5. The specific nature of conflict of laws regulation of international family relations presupposes the specificity of general categories of Private International Law. Section VII of the Family Code of the RF shall be supplemented with the general rules specially transformed considering the peculiarities of the subject of regulation: the rules of resolution of interlocal and interpersonal conflicts, preliminary and side issues (so numerous in this sphere), conflict of qualifications and back reference.

REFERENCES

1. Настольная книга нотариуса: в 4 т. / под ред. И.Г. Медведева. Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности (т. 4). М., 2015 [Notary's Book: in 4 vols. / ed. by I.G. Medvedev. Private International Law and Procedure in the Notarial Practice (vol. 4). M., 2015] (in Russ.).
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 3 [Law Review of the Supreme Court of the RF, No. 3, 2019] (in Russ.).
3. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2012 [Article-by-article Commentary to the Family Code of the Russian Federation, Federal Law "On Guardianship and Trusteeship" and Federal Law "On the Acts of Civil Status" / ed. by P.V. Krasheninnikov. M., 2012] (in Russ.).

4. *Fedoseeva G. Yu.* Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 4 [Marriage and Family Relations as an Object of Private International Law of the Russian Federation: Thesis for a Doctor Degree. M., 2007. P. 4] (in Russ.).
5. *Kaisin D.V.* Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // Закон. 2014. № 6. С. 152–160 [The Doctrine of Comity and Enforcement of Foreign Judgements in Russia // Law. 2014. No. 6. P. 152–160] (in Russ.).
6. *Kanashevsky V.A.* Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал росс. права. 2018. № 5 [The Issues of Public Order and Qualification in Regulation of Family Relations with a Foreign Element // Journal of Russian law. 2018. No. 5] (in Russ.).
7. *Koch H., Magnus U., Winkler von Mohrenfels P.* Международное частное право и сравнительное правоведение. М., 2001 [Private International Law and Comparative Jurisprudence. M., 2001] (in Russ.).
8. *Marysheva N.I.* Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 1962 [The Family Relations with Participation of Foreigners: Legal Regulation in Russia. M., 1962] (in Russ.).
9. *Marysheva N.I., Muratova O.V.* Брачный договор в международном частном праве: правовое регулирование в России и ЕС // Журнал росс. права. 2014. № 6. С. 101–111 [The Marriage Contract in Private International Law: Legal Regulation in Russia and the EU // Journal of Russian law. 2014. No. 6. P. 101–111] (in Russ.).
10. *Myskin A.V.* Брачный договор в системе российского частного права. М., 2012 [The marriage contract in the system of Russian Private Law. M., 2012] (in Russ.).
11. *Smolenskij I.* Экзекватура – акт взаимности. Применять принцип международной вежливости // ЭЖ-Юрист. № 46. 2013. С. 5 [The exequatur – an act of reciprocity. To apply the principle of the international politeness // AZH-Yurist. 2013. No. 5. P. 5] (in Russ.).
12. *Ul'bashev A. Kh.* Общее учение о личных правах. М., 2019 [General Doctrine on Personal Rights. M., 2019] (in Russ.).
13. *Voitovich E.P.* Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права // Право. Журнал ВШЭ. 2020. № 3. С. 26–39 [The Public Order Clause as a Ground for Refusal in Application of Foreign Family Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 3. P. 26–39] (in Russ.).

Authors' information

GETMAN-PAVLOVA Irina V. –
PhD in Law, associate Professor,
Department of Legal Regulation of Business,
Faculty of Law, the National Research University
Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str.,
101000 Moscow, Russia

KASATKINA Alexandra S. –
PhD in Law, associate Professor, Deputy Head
of the Department of Legal Regulation of Business,
Faculty of Law, the National Research University
Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str.,
101000 Moscow, Russia

Сведения об авторах

ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА Ирина Викторовна –
кандидат юридических наук, доцент
Департамента правового регулирования
бизнеса факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

КАСАТКИНА Александра Сергеевна –
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель руководителя Департамента
правового регулирования бизнеса факультета
права Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»;
101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 143–152
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 143–152

УДК 341.232
ББК 67.91

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАНДАРТА ЭКСПРОПРИАЦИИ В СПОРАХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

© 2021 г. А. В. Шиянов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: shiyanovaleksei@mail.ru

Поступила в редакцию 16.02.2021 г.

Аннотация. В статье рассмотрена специфика применения международными инвестиционными арбитражами правил об экспроприации в соответствии с Договором к энергетической хартии 1996 г. и двусторонними инвестиционными договорами. Приведены примеры того, как в рамках споров, связанных с деятельностью в энергетическом секторе, предоставляется защита от экспроприации и даётся квалификация мер государственного регулирования в качестве прямой и косвенной экспроприации. Изложены критерии и мотивировки, которых придерживаются арбитры при установлении того, является ли экспроприация нарушением принимающим государством международно-правовых обязательств, а также определения компонентов и размера причинённого ущерба. Сформулированы выводы и приведены рекомендации относительно правового обеспечения государственной политики в энергетическом секторе по минимизации вероятности наступления ответственности за экспроприацию.

Ключевые слова: инвестор, инвестиции, экспроприация, принимающее государство, компенсация, критерий, ущерб, международное право.

Цитирование: *Шиянов А.В.* Особенности применения международно-правового стандарта экспроприации в спорах энергетического характера // Государство и право. 2021. № 12. С. 143–152.

DOI: 10.31857/S102694520017529-2

FEATURES OF THE APPLICATION OF THE INTERNATIONAL LEGAL STANDARD OF EXPROPRIATION IN ENERGY DISPUTES

© 2021 A. V. Shiyanov

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: shiyanovaleksei@mail.ru

Received 16.02.2021

Abstract. The article considers the specifics of the application by international investment arbitrations of the rules on expropriation in accordance with the Energy Charter Treaty of 1996 and bilateral investment treaties. Examples are given of how disputes related to activities in the energy sector are protected from expropriation and state regulatory measures are qualified as direct and indirect expropriation. The criteria and reasons used by the arbitrators in determining whether the expropriation constitutes a violation of international legal obligations by the host State, as well as determining the components and extent of the damage caused, are set out. Conclusions are drawn and recommendations are made regarding the legal support of the state policy in the energy sector to minimize the likelihood of liability for expropriation.

Key words: investor, investment, expropriation, host state, compensation, criterion, damage, International Law.

For citation: *Shiyanov, A.V. (2021).* Features of the application of the international legal standard of expropriation in energy disputes // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 143–152.

Введение

Международное право предоставляет иностранным инвесторам защиту от изъятия их имущества и лишения прав, используемых для деятельности в энергетическом секторе, а принимающим государствам разрешено вводить ограничительные меры с соблюдением ряда условий. Отметим, что международно-правовой стандарт экспроприации в целом исследован такими зарубежными и российскими авторами, как Р. Долцер и К. Шрёер, А. Райниш, М. Сорнарая[1], а также М. Эркан, М. Насеем и П.Д. Кэмерон[2], А.А. Данельян, Д.К. Лабин и И.З. Фархутдинов[3]. Выводы, приводимые в делах при правоприменении, связанных с мерами в отношении энергетических активов иностранных граждан, побуждают обращаться к данной проблеме в практических целях, не давая повода для научной полемики.

Эмпирической базой соответствующих исследований могут являться опубликованные решения международного инвестиционного арбитража, материалы которых обобщают правовые позиции на основе ранее сформулированных выводов, применимые как к спорам, связанным с углеводородной энергетикой, так и к делам, касающимся новых источников энергии. При этом следует учитывать, что структура решений арбитров варьируется в зависимости от правовой формы осуществления капиталовложений, используемых в энергетическом секторе, они разнообразны и включают приобретение акций и иных долей для контроля за деятельностью предприятий в принимающих государствах, заключение иностранными инвесторами концессионных и иных договоров, и их сочетание.

Предлагаемое исследование нацелено на обобщение тенденций, обозначившихся в практике международного инвестиционного арбитража по делам об экспроприации, вытекающих из применения Договора к Энергетической хартии 1996 г. (ДЭХ) и двусторонних инвестиционных договоров (ДИД), охватывающих энергетический сектор. В связи с этим необходимо изучить примеры решений касательно признания права на защиту, признаков экспроприации и аналогичных мер как суверенного акта, квалификации таких действий, как международно-противоправных и определения размера причинённого ущерба.

1. Предоставление защиты в случае экспроприации

В решении по делу *Energoalians TOB v. Republic of Moldova (Ad Hoc ARB)*[4] арбитры признали за истцом право на защиту, поскольку Energoalians является юридическим лицом, учреждённым и зарегистрированным по законодательству Украины, что было подтверждено выпиской из соответствующего регистра. Поскольку в ДЭХ нет указаний на то, какая национальная принадлежность должна быть у физических лиц и компаний, владеющих Energoalians, арбитры признали заявителя инвестором другой договаривающейся стороны, как это предусмотрено в ст. 1(7)(a)(ii) ДЭХ, несмотря на то что 70% долей в его уставном капитале принадлежит фирме из Молдовы. На признание иностранным инвестором не повлиял тот факт, что Energoalians приобрела имущественные права по договору цессии от другой фирмы из Молдавии, что произошло до того, как стало известно о намерении принимающего государства осуществить оспариваемые меры и следует расценивать как добросовестное поведение со стороны заявителя. Право требования, вытекающее из трёхстороннего контракта на поставку электроэнергии, было расценено как инвестиции в контексте ДЭХ, поскольку непосредственно было связано с хозяйственной деятельностью. Функции, которые привычно выполняются одним лицом, были в силу специфики межгосударственных отношений, юридически расщеплены, а посредством договора цессии были консолидированы. Арбитрами было отмечено, что инвестиционный процесс сопровождается заключением целого ряда коммерческих контрактов, и наличие неисполненных обязательств и недействительных сделок не означает невозможности возникновения спора с принимающим государством из-за введённых им мер.

При рассмотрении дела *Eskosol S.P.A. in liquidazione v. Italian Republic (ICSID Case No. ARB/15/50)*[5] у арбитров не возникло сомнений в том, что по состоянию на даты принятия двух государственных мер, которые, как утверждается, нарушили обязательства Италии по ДЭХ, Eskosol контролировалась во всех соответствующих отношениях Blusun – бельгийской компанией, владевшей 80%

[1] См.: *Dolzer R., Schreuer Ch.* Principles of International Investment Law. Oxford. 2012. P. 98–129; *Reinisch A.* Chapter 11: Expropriation // Oxford Handbook of International Investment Law / A. Reininsch. Eds, Muchlinski P., Ortino F., and Schreuer Ch. New York, 2008. P. 726–813; *Sornarajah M.* The International Law on Foreign Investment. New York, 2010. P. 366–379.

[2] См.: *Erkan M.* International Energy Investment Law. Alphen an den Rijn, 2011. P. 62; *Naseem M.* International Energy Law. Alphen aan den Rijn, 2017. Paragraphs 16, 572–578; *Cameron P.D.* International Energy Investment Law. Oxford, 2010. P. 219.

[3] См.: *Данельян А.А.* Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 105–125; *Лабин Д.К.* Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. М., 2018. С. 234–238; *Фархутдинов И.З.* Международное инвестиционное право и процесс. М., 2010. С. 252–265.

[4] См.: Arbitral Award. 23 October 2013. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw10494.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

[5] См.: Award. 4 September 2020. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw11779.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

ее акций. По состоянию на дату, когда иск Eskosol по ДЭХ был зарегистрирован, компания в течение двух лет пребывала в ликвидационном производстве в Италии, будучи признана неплатежеспособной и находясь под надзором итальянского суда и распорядителя, являвшегося гражданином Италии. Принимающее государство настаивало на том, что сама подача заявления о банкротстве вытеснила любые механизмы контроля, существовавшие ранее.

Арбитры пришли к выводу, что в понимании ДЭХ нет никаких предположений о том, что возможность финансовой несостоятельности должна была перевесить структуру контроля и сделать организацию контролируемой на местном уровне из-за надзора суда по делам о банкротстве. В этом случае Eskosol не полностью принадлежит Blusun, и нет никаких фактов, предполагающих использование Blusun какой-то скрытой руки для того, чтобы вызвать второе требование от его имени. Очевидно также, что нынешнее дело не возникло в результате какого-то преднамеренного маневрирования Blusun с целью получить «второй укус яблока». Если требования Eskosol будут удовлетворены в объёме достаточном, чтобы допустить распределение среди акционеров после выплаты первоочередных обязательств, Blusun мог извлечь выгоду, несмотря на неудачу своих требований против Италии. Однако это не является основанием для лишения нынешнего истца права на арбитраж, которое ДЭХ прямо предоставляет ему.

В деле *Blusun S.A., Jean-Pierre Lecorcier and Michael Stein v. Italian Republic ICSID (Case No. ARB/14/3)*[6] заявители косвенно владели и контролировали многочисленные инвестиции по смыслу ст. 1(6) ДЭХ, включая контрольный пакет акций Eskosol, земельные участки, разрешения на строительство и поставку электроэнергии. Ответчик изменил условия инвестирования в сектор зелёной энергии, повысив требования к количеству генерирующих фотоэлектрических установок, необходимых для того, чтобы получить право на льготное налогообложение. Эти изменения в сочетании с решениями, принятыми инвесторами, и отсутствие заранее подготовленного проектного финансирования означали, что проект оставался критически незавершенным, ни при каких условиях не мог отвечать требованиям льготных тарифов и неизбежно шел к ликвидации.

Установлено, что заявители имели бы выгоду от своих капиталовложений в случае своевременного завершения строительства солнечных панелей и их подключения к электросети. Предположительно, заявители или их партнеры заплатили за землю столько, сколько она первоначально стоила. Только в том случае, если бы стоимость земельных участков выросла вследствие начала электрогенерации, дающей право на получение выгод, довод истцов об экспроприации мог быть принят. Другая возможность касается ограничений, наложенных на использование сельскохозяйственных земель, приобретенных Eskosol для строительства фотоэлектрических установок. Заявители имели намерение урегулировать непосредственную задолженность путем строительства дополнительных панелей, но их переговоры о поставке новых установок так и не начались.

Заявители не доказали, что какая-либо часть инвестиций подверглась экспроприации или равнозначной ей ситуации, они никогда не теряли права собственности на землю, которая была в качестве сельскохозяйственной земли активом Eskosol. В условиях, когда неспособность Blusun построить заводы и подключить их к электросети была вызвана ее собственными решениями, в частности неспособностью привлечь адекватное финансирование, Италия не должна быть ответственна за неудачи Blusun. У Blusun не было ни права, ни законных ожиданий на повышение стоимости земли в случае невыполнения условий проекта. Истцам было известно, что для повышения стоимости своих вложений им нужно было построить фотоэлектрические установки и подключить их к электросети в установленные сроки. Поэтому все капиталовложения истцов, включая потраченные на земельные участки, были осуществлены на свой риск и не охватываются гарантиями о возмещении вреда по ст. 13 ДЭХ.

Арбитры в делах *Hulley Enterprises Ltd (PCA Case No. AA 226), Yukos Universal Ltd (PCA Case No. AA 227), Veteran Petroleum Ltd (PCA Case No. AA 228) v. The Russian Federation*[7] рассматривали аргумент ответчика о том, что истцы теряют право на защиту по ДЭХ. Как полагает ответчик, они выступали в качестве инструмента для совершения противозаконных действий, связанных с приобретением ЮКОС и последующей консолидацией контроля над ним и его дочерними компаниями, и злоупотреблений в сфере налогообложения. По мнению арбитров, налагая на государства обязательства справедливо обращаться с инвесторами и обеспечить прозрачность своей деятельности, инвестиционные соглашения стремятся поощрять законные и добросовестные инвестиции. Но нет причин полностью

[6] См.: Award. December 27, 201.6. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw8967.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

[7] См.: Award. 18 July 2014. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw3278.pdf (дата обращения: 07.02.2021); Award. July 18, 2014. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw3279.pdf (дата обращения: 07.02.2021); Award. July 18, 2014. https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw3280.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

отказывать в праве ссылаться на ДЭХ инвестору, нарушившему законодательство ответчика в ходе своей деятельности.

Если инвестор действует противозаконным образом, принимающее государство может потребовать от него исправить свои действия или наложить на него санкции. По мнению Суда, инвестор, считающий, что такие меры не оправданы, должен иметь возможность оспорить их в соответствии с применимым инвестиционным соглашением. Поскольку арбитры не сочли ДЭХ содержащим правило о том, что инвестор должен обеспечить законность своих действий в ходе осуществления капиталовложений, они рассмотрели предположение в отношении того, что это происходит согласно «общему принципу права». Но ответчик не смог привести ни одного решения международного суда между государствами или их с инвесторами, применяющего данный принцип, лишающего права на иск, и арбитры заключили, что принцип «противозаконных действий» не является общим принципом международного права.

Предполагаемые примеры «противоправных действий», предъявленных в адрес Yukos, все из которых связаны с действиями, имевшими место после осуществления истцами своих капиталовложений, никак не могут повлиять на предоставление средств защиты по ДЭХ. На усмотрение арбитров остается оценка предъявленных ответчиком обвинений в противоправных действиях в ходе приобретения Yukos и последующей консолидации контроля и права собственности в отношении Yukos и его дочерних компаний. Было установлено, что данные произошли до того как истцы стали акционерами Yukos в 1999, 2000 и 2001 гг. и, как следствие, были выполнены не самими истцами, а другими лицами. Анализ законности инвестиций не должен ограничиваться проверкой того, соответствовала ли закону последняя сделка из серии сделок, относящихся к процессу инвестирования. Но ответчику не удалось доказать, что предполагаемые противозаконные действия были в достаточной степени связаны с окончательной сделкой, по итогам которой истцы осуществили инвестирование.

2. Установление признаков экспроприации

В ходе рассмотрения дела *Plama Consortium Limited v. Republic of Bulgaria (ICSID Case No. ARB/03/24)*[8] арбитры со ссылкой на признание ответчика констатировали, что ст. 13(1) ДЭХ устанавливает обязательство в отношении экспроприации или общие положения о том, что экспроприация может быть косвенной; совершаться как бездействием, так и действиями; и измеряться средствами воздействия на инвестиции, что любое определение относительно того, произошла ли экспроприация, должно быть сделано со ссылкой на конкретные факты отдельного случая, и заявленная потеря стоимости инвестиций должна быть вызвана действиями государства. Претензии истца относятся к косвенной экспроприации, т.е. касаются не физического изъятия имущества, а того воздействия, которое оказывает поведение государства на пользу и ценность его инвестиций. Экспроприация может быть результатом поведения государства, которое не равносильно физическому контролю или утрате правового титула, но отрицательно «сказывается на экономическом использовании, пользовании и стоимости инвестиций. Действия государства могут нарушать права собственности в такой степени, что они становятся настолько бесполезными, что их следует считать экспроприированными, даже если государство не претендует на их изъятие и законное право собственности формально остается у первоначального собственника.

Имеется в виду, что меры, принятые государством, будь то нормативные или нет, являются косвенной фактической экспроприацией, если они являются необратимыми и постоянными, и если активы или права, подпадающие под действие такой меры, были затронуты таким образом, что любая форма их эксплуатации имеет экономическую ценность использования, пользования или распоряжения активами или правами, затронутыми административным действием или решением, была нейтрализована или уничтожена. Собственник также лишается активов, когда ему препятствуют в их использовании или использовании связанными с ними благ в аналогичной степени, даже если законная собственность не затрагивается, и до тех пор, пока лишение уже не является временным. Намерение правительства менее важно, чем воздействие мер на владельца активов или на выгоды, вытекающие из таких активов, затронутых мерами; и форма меры лишения менее важна, чем ее фактические последствия». Арбитры констатировали, что решающим значением в оценке поведения ответчика в данном случае являются: (I) практически полное лишение экономической ценности и возможность пользоваться правами на инвестиции, или идентифицируемых, отдельных их частей (например, приближается к общей стоимости); (II) необратимость и неизменность оспариваемых мер (т.е. не единовременно или краткосрочно); (III) степень потери экономического значения опытным инвестором.

В деле *AES Summit Generation Ltd, AES-Tisza Eromu Kft v. The Republic of Hungary (ICSID Case*

[8] См.: Award. August 27, 2008. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0671.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

No. ARB/07/22)[9] заявители утверждали, что принимающее государство в упрощенном порядке и произвольно экспроприировала значительные доходы, которые AES Tisza имела право получать по контракту в соответствии с Декретом 2001 г., вносящим поправки в Закон об электроэнергетике 2001 г., и декретами о ценах. Этот акт рассматривается истцами как поведение, эквивалентное национализации или экспроприации, имеющий место, когда государство лишает инвестора его прав как стороны контракта, даже в тех случаях, когда акт не предполагает изъятия физического имущества. Кроме того, заявители утверждают, что экспроприация может быть косвенной, когда имеет место вмешательство в использование имущества, даже если оно является случайным, и даже если государство не получает выгоды от такого вмешательства. Помимо этого, меры государства могут быть равносильны экспроприации, даже если они действуют лишь в течение ограниченного периода.

Для арбитров было очевидно, что многие государственные акты или меры могут повлиять на инвестиции, и изменение существующего нормативного акта, вероятно, есть один из наиболее распространенных таких актов или мер. Тем не менее акт государства, оказывающий негативное воздействие на инвестиции, не может автоматически считаться экспроприацией. Для экспроприации необходимо, чтобы инвестор был полностью или частично лишен собственности, находящейся в его инвестициях, или эффективного контроля над ними; или для того, чтобы его инвестиции были полностью или частично лишены своей стоимости. Но в данном случае поправка к Закону об электроэнергетике 2001 г. и издание декретов о ценах не препятствовали владению или использованию имущества заявителей. Заявители всегда сохраняли контроль над предприятием AES Tisza, и, таким образом, они не подвергались лишению собственности ни в какой форме или контроля над своими активами. Кроме того, заявители продолжали получать значительные доходы от своих инвестиций в течение нескольких лет после изменения законодательства, что доказывает, что стоимость их инвестиций существенно не уменьшилась и что они не были лишены всей или значительной части стоимости своих инвестиций. В этих обстоятельствах арбитры пришли к выводу, что последствия принятия постановлений об изменении цен не равнозначны экспроприации инвестиций заявителей.

В деле *Charanne and Construction Investments v. Spain (SCC Case No. V 062/2012)*[10] заявители утверждали, что декреты РД 1565/2010 и РДЛ 14/2010 были экономическим воздействием на прибыльность деятельности, разработанной компанией T-Солар, и представляют собой экспроприацию значительной части стоимости и прибыли от реализации инвестиций. В данном случае инвестиции, сделанные заявителями, являются долями в компании T-Solar Group S.A., т.е. акциями (ст. l(6)(b) ДЭХ), а не доходами. Статья 13(1) ДЭХ запрещает как экспроприацию, так и меры, имеющие эквивалентный эффект. Поэтому, чтобы определить, имела ли место косвенная экспроприация, суд должен рассмотреть вопрос о том, имели ли оспариваемые меры последствия лишения инвестора всех или части его прав как акционеров T-Solar. Стандарт косвенной экспроприации по международному праву подразумевает существенное снижение стоимости активов, а такой эффект может быть результатом фактического лишения всех или части активов, составляющих инвестиции, или потери стоимости, которая по своей величине может быть равна лишению инвестиций.

Однако заявители по-прежнему остаются держателями своих акций в T-Solar, и их права как акционеров T-Solar не ограничивались или каким-либо образом затрагивались, обжалуемыми в данном деле мерами. Наконец, не оспаривается тот факт, что компания T-Solar Group продолжает работать и получать прибыль, и не утверждается, что, хотя оспариваемые меры могли повлиять на их прибыльность, компания была лишена всего или части своего имущества или иных активов. Фактически заявители жалуются на снижение рентабельности T-Solar, а следовательно, и стоимости их акций. По мнению заявителей, предполагаемые законы, принятые Королевством Испания, снизили рентабельность предприятий, подпадающих под действие РД 1578/2008 и охватываемых РД 661/2007. Заявители считали, что потеря прибыльности такого масштаба обычно считается существенной в деловой среде. Косвенная экспроприация может быть вызвана как потерей стоимости инвестиций, так и потерей контроля над ними, но для того, чтобы потеря стоимости была равносильна экспроприации, она должна быть такой величины, чтобы равняться лишению собственности.

Арбитры сочли, что, хотя в результате рентабельность T-Solar снизилась, такое воздействие не было сопоставимо с экспроприацией. Рассуждения заявителей привели бы к выводу, что любая мера, влияющая на прибыльность, может рассматриваться как экспроприация уже на том основании, что она влечет за собой снижение прибыли и, следовательно, стоимости. Для того чтобы мера рассматривалась как эквивалентная экспроприации, ее

[9] См.: Award. September 23, 2010. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0014_0.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

[10] См.: Award. January 21, 2016. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw7162.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

последствия должны иметь такое значение, чтобы можно было считать, что инвестор был полностью или частично лишен своих прав. Простое уменьшение стоимости акций, составляющих инвестиции, не может представлять собой косвенную экспроприацию, если только потеря стоимости не является такой, что ее можно считать эквивалентной лишению собственности. В данном случае рентабельность заводов снизилась бы до предприятий, подлежащих РД 1578/2008, и для предприятий, подпадающих под действие РД 661/2007. Хотя такое снижение рентабельности имело серьезные экономические последствия, арбитры сочли, что это не имеет такого значения, чтобы уничтожить стоимость активов, а значит, истцы не доказали, что оспариваемые меры имели последствия, равносильные экспроприации.

3. Определение противоправности экспроприации

В упоминавшихся ранее делах *Hulley Enterprises Ltd, Yukos Universal Ltd, Veteran Petroleum Ltd v. The Russian Federation* ответчик заявлял, что меры налогового характера в отношении Yukos были введены законно, а банкротство и прекращение деятельности Yukos произошли вследствие поведения руководителей ЮКОС и лиц, чьи действия не могут быть отнесены к ответчику. По мнению арбитров, истцы могли и должны были ожидать, что действия Yukos по уклонению от налогообложения приведут к реакции со стороны принимающего государства, но не столь радикальной. Если бы не последовавшее банкротство, то Yukos смог бы погасить налоговые требования независимо от того, насколько они были бы оправданны, и его деятельность не была бы прекращена, если только это не входило бы в подлинные намерения ответчика.

Предпринятые меры, по мнению арбитров, имели аналогичные национализации или экспроприации последствия, и на них не распространяются оговорки, предусмотренные в ст. 13(1) ДЭХ. Что касается условия (a), вызывает сомнение то, что уничтожение ведущей российской нефтяной компании и крупнейшего налогоплательщика отвечало государственным интересам. Оно отвечало интересам компаний, которые получили основные активы Yukos, но это не то же самое, чтобы сказать, что это отвечало интересам экономики, государственного устройства и населения Российской Федерации. Что касается условия (b), меры в отношении Yukos, по сравнению с действиями в отношении других российских нефтяных компаний, которые также использовали преимущества инвестирования в юрисдикции с льготными ставками налогообложения, вполне могут носить дискриминационный характер, но аргументы сторон по данному вопросу не позволяют сделать окончательный вывод.

Что касается условия (c), то в отношении Yukos применили правовые механизмы, но арбитры не согласились с тем, что фактическая экспроприация ЮКОС была произведена «с соблюдением надлежащих правовых процедур». Жестокое обращение с топ-менеджерами Yukos и трудности, с которыми столкнулись юрисконсульты Yukos, и другие факты свидетельствуют, что имевшие место процедуры не были надлежащими. Разбирательства показывают, что российские суды шли на поводу у государственных органов исполнительной ветви власти с целью банкротства Yukos, передачи его активов государственной компании. Что касается условия (d), в любом случае не может оспариваться то, что оно не было выполнено, поскольку экспроприация Yukos не сопровождалась выплатой какой-либо компенсации. По мнению арбитров, названных нарушений достаточно для того, чтобы признать ответчика нарушившим свои обязательства, что влечёт ответственность по международному праву и требует возмещения.

В деле *Caratube International Oil Company LLP and Mr. Devincci Salah Hourani v. Republic of Kazakhstan (ICSID Case No. ARB/13/13)*[11] позиция истцов заключалась в том, что расторжение контракта концессионного типа в январе 2008 г. было равносильно экспроприации. Арбитры установили, что на момент расторжения контракта CIOC не выполнила его требований и, как следствие, не могла перейти к коммерческой эксплуатации месторождения. Вместе с тем CIOC имела право исполнить контракт до мая 2009 г. и запросить продление срока разведки до мая 2011 г. Трибунал отверг довод ответчика о том, что CIOC добилась первого продления контракта на основании искажения результатов сейсмического исследования.

Далее арбитры перешли к вопросу о том, совершила ли CIOC существенные нарушения и мог ли ответчик полагаться на них для обоснования расторжения контракта. Признав, что CIOC действительно нарушила свои финансовые обязательства, арбитры подчеркнули, что ответчиком не было доказано, что такое нарушение было существенным. Ответчик в любом случае не уведомил надлежащим образом CIOC о предполагаемом существенном нарушении финансовых обязательств. По мнению Трибунала, в отсутствие контракта, который был единственным смыслом существования CIOC, инвестиции в проект практически утратили стоимость. Ответчик лишил CIOC права продолжать исполнение контракта с целью сделать коммерческое открытие и выполнить требования, необходимые для получения исключительного

[11] См.: Award. September 27, 2017. Date Views 17.02.2019. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw1100.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

права перейти к коммерческому производству. Таким образом, ответчик лишил CIOC стоимости своих инвестиций. Хотя стороны и не обсуждали длительность введённых мер, у большинства арбитров не возникло сомнений в том, что лишение прав CIOC по контракту было длительным и даже постоянным.

Арбитры сочли, что необоснованное и существенное лишение прав, вытекающих из контракта, было вызвано ответчиком, использующим свои суверенные полномочия, а не действующим в качестве стороны контракта. Особое значение имеет вмешательство исполняющего обязанности Прокурора Актюбинской области, не отражавшее обычной практики. Им были изданы рекомендации об устранении нарушения законности от 7 сентября 2007 г., побудившие административный орган расторгнуть контракт, несмотря на то что до этого он склонялся к его продлению. Трибунал пришёл к выводу, что действия ответчика по меньшей мере не были мотивированы общественными интересами и не были реализованы путем выплаты компенсации. Соответственно, большинство арбитров констатировали, что экспроприация активов CIOC ответчиком была незаконной, нарушала инвестиционное соглашение и должна повлечь ответственность.

В деле *Ioannis Kardassopoulos and Ron Fuchs v. The Republic of Georgia (ICSID Case Nos. ARB/05/18 and ARB/07/15)*[12] Трибунал счёл, что имела место прямая экспроприация, поскольку заявители лишились косвенных прав на эксплуатацию нефтепровода на основании специального постановления Правительства Грузии. Обратившись для оценки действий ответчика к критериям законной экспроприации, изложенным в ст. 13(1) ДЭХ, и начав с первого из них, Трибунал пришёл к выводу, что в определённой мере лишение прав заявителей отвечало общественным интересам принимающего государства. Трибунал принял к сведению сообщения экспертов, что развитие нефтепроводной инфраструктуры Грузии имеет исключительно важное значение для политической независимости государства и его экономического развития, и нашёл их убедительными для того периода времени.

Что касается второго критерия, то Трибунал не пришёл к выводу, что экспроприация была осуществлена дискриминационным образом. Нарушение данного критерия при определенных обстоятельствах может иметь место, даже когда отсутствует намерение дискриминировать инвестора по признаку гражданства. Хотя права GTI были отобраны и переданы GIOC, контролируемой другими инвесторами, в ущерб интересам третьих лиц, GIOC впоследствии заключила соглашение о партнерстве с AIOC, еще одной иностранной организацией. Иными словами, это был случай, когда принимающее государство предпочло сделку с тем иностранным инвестором, который предложил лучшие условия.

Арбитры согласились с тем, что любой правовой механизм и соответствующие процедуры должны предоставлять инвесторам реальный шанс в течение разумного времени требовать защиты своих законных прав, и соответствующие требования пострадавших инвесторов должны надлежащим образом рассматриваться. Рассматриваемый в целом процесс ни в коем случае не может считаться осуществленным в соответствии с надлежащей правовой процедурой. Отказ через средства массовой информации предоставить заявителям действенную возможность в разумные сроки принять их иски после экспроприации их активов, несомненно, в глазах Трибунала не соответствует тому, что предполагает третий критерий.

У Трибунала не вызвало сомнений, что заявителям не была выплачена компенсация за экспроприированные активы, не говоря уже о выплате, которую можно было бы считать своевременной, адекватной и эффективной. Аргументация ответчика о том, что невыплата компенсации была оправдана из-за предполагаемого отказа заявителей, не была признана убедительной. Напротив, имеющиеся доказательства указывают на то, что заявители настойчиво добивались компенсации за экспроприацию в рамках компенсационной комиссии. В итоге арбитры определили, что ответчик экспроприировал права заявителей, и что такое отчуждение было незаконным.

4. Оценка ущерба от экспроприации

В деле *Anatolie Stati, Gabriel Stati, Ascom Group S.A., Terra Raf Trans Traiding Ltd. v. The Republic of Kazakhstan (SCC Arbitration V 116/2010)*[13] Трибунал счёл, что только к 30 апреля 2009 г., когда произошло изъятие активов, можно было бы определить фактический ущерб. Выплаты не должны быть ниже компенсации, предусмотренной ДЭХ для законной экспроприации, и должны, насколько это возможно, ликвидировать последствия противоправного деяния. Соглашение, заключенное спустя долгое время после изъятия активов с целью снижения рисков от арбитражного решения, не может быть фактором, уменьшающим ущерб. Ввиду невозможности реституции методология дисконтированного денежного потока

[12] См.: Award. March 3, 201.0. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0445.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

[13] См.: Award. December 19, 2013. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw3083.pdf (дата обращения: 07.02.2021).

является наиболее подходящей для расчета ущерба, причинённого заявителям, возникшего в результате прекращения деятельности на эксплуатируемых месторождениях. Если бы экспроприированная компания поставляла газ для внутреннего проекта, то по соглашению у неё была бы возможность экспортировать газ, чего не произошло в результате поведения ответчика. Заявители в 2009 г. получили расчёты базовой цены на газ в размере около 70 долл. за 1000 куб. м, уместной для оценки ущерба, что после анализа сопоставимых сделок приведёт к стоимости данных прав в 277.8 млн долл.

Заявители могли разумно ожидать продления контракта в рамках обычных отношений с учреждениями ответчика, имевших место до 14 октября 2008 г. Что касается причиненного ущерба, то Трибунал признал таковым стоимость прав, вытекавших из договора на недропользование, в размере 31.33 млн долл. Что касается размера ущерба, причинённого в результате прекращения строительства заявителями завода по производству сжиженного газа, то Трибунал принял к сведению одновременные заявки, которые были поданы третьими сторонами после того, как заявители отказались от своих намерений как до, так и после 14 октября 2008 г. Трибунал считает особенно важным тот факт, что в то время государственная компания сделала предложение о строительстве завода по производству сжиженного газа на сумму 199 млн долл.

Что касается величины процента, то следует использовать норму консервативного инвестирования, которой соответствуют ставки 6-месячных казначейских векселей США за соответствующий период. Трибунал принял следующую сумму убытков, подлежащих выплате истцам: это суммы, связанные с месторождениями – 277.8 млн долл., с контрактом – 31.33 млн долл. и с заводом сжиженного газа – 199 млн долл. Чистая сумма, подлежащая выплате, составит 497.685 млн долл., которая должна быть выплачена с процентами, определенными по курсу с 30 апреля 2009 г. по дату оплаты раз в полгода.

В деле *Ioannis Kardassopoulos and Ron Fuchs v. The Republic of Georgia* Трибунал отказался считать, что контракты заявителей с принимающим государством как таковые определяют рамки, в которых должна рассматриваться компенсация, причитающаяся истцам. Поскольку реституция уже невозможна, следовало определить сумму компенсации, причитающейся первому заявителю. При определенных обстоятельствах полное возмещение за незаконную экспроприацию потребует возмещения убытков на дату вынесения арбитражного решения. Поэтому Трибунал считает, что надлежащим стандартом компенсации, исходя из которого можно подходить к расчету ущерба, понесенного первым заявителем, является справедливая рыночная цена имевшихся у него прав, включая права осуществлять экспорт, по состоянию на 10 ноября 1995 г.

Трибунал нашёл убедительным подход истцов к оценке их 50%-ной доли в правах GTI, основанный на доходном и рыночном показателях. Было установлено, что у гипотетических покупателей может быть несколько способов использования прав GTI, если их предложения сходятся в диапазоне от 28.1 до 30.6 млн долл. Трибунал посчитал целесообразным положиться на три сопоставимые сделки, предлагаемые заявителями, чтобы получить стоимость 50% доли заявителей в GTI по состоянию на 10 ноября 1995 г. Использовав эти показатели, Трибунал пришёл к выводу, что первый заявитель имеет право на возмещение ущерба в размере 15.1 млн долл., что отражает стоимость его 25% доли. Такая оценка Трибуналом суммы есть отправная точка для оценки того, что истцы потеряли в результате неисполнения ответчиком своих обязательств.

Трибунал пришёл к выводу о целесообразности присуждения процентов по ставке LIBOR + 4%, и о необходимости присуждения сложных процентов. Трибунал присудил заявителям проценты на подлежащую выплате сумму возмещения до её присуждения по ставке LIBOR + 4%. Трибунал увеличил процентные ставки раз в полгода по шестимесячной ставке LIBOR для депозитов в долларах США + 4% с 20 февраля 1996 г. и понизил их до текущей ставки. В результате общая сумма процентов до присуждения составила по 30.024 млн долл. На сумму, присужденную каждому заявителю, начисляются проценты по ставке LIBOR, действовавшей на дату вынесения решения, + 4%, начисляемых раз в полгода с даты вынесения решения по шестимесячной ставке LIBOR для долларовых депозитов США, + 4%, и такая ставка сбрасывается раз в полгода до текущей шестимесячной ставки. Ставка LIBOR действует с 1 января по 1 июля до тех пор, пока сумма долга не будет выплачена в полном объеме.

В делах *Hulley Enterprises Ltd, Yukos Universal Ltd, Veteran Petroleum Ltd v. The Russian Federation* Суд заключил, что истцы вправе выбрать для определения суммы ущерба дату оценки на момент экспроприации (19.12.2004 г.) или вынесения решения (30.06.2014 г.). Для обоснования того, что между его действиями и ущербом нет причинно-следственной связи, ответчик должен был доказать, что определенное следствие его действий может быть разделено по своему причинному характеру или является слишком отдаленным для возникновения обязательства по выплате возмещения. Меры, которые, по мнению ответчика, должны были принять истцы, чтобы уменьшить размер понесённого ущерба, к примеру, добиться выплаты доначисленных налогов, Суд счёл не влияющими на результат.

Установлению подлежал совокупный размер ущерба по состоянию на обе даты оценки, чтобы определить наибольшую сумму, на которую имели право истцы, за вычетом 25%, в связи с наличием их вины. Истцы претендовали на возмещение стоимости принадлежавших им акций Yukos, суммы дивидендов, которые были бы им выплачены, и простые проценты, начисленные на эти суммы за период, предшествующий вынесению решения.

Оцениваемый ущерб истцов будет равен доле находившихся в обращении акций Yukos, принадлежавших им, т.е. в совокупности 70.5%. Чтобы установить стоимость Yukos применялась методика анализа сопоставимых компаний, и полученное значение было скорректировано умножением на коэффициент изменения биржевого индекса за период между 21 ноября 2007 г. и каждой из двух дат оценки. Для расчета сумм неполученных дивидендов использовалась формула определения соотношения потоков свободных денежных средств Yukos к его собственному капиталу на основе ряда показателей. Дивиденды составили бы в 2004 г. 2.5 млрд долл., а совокупность дивидендов за период с 2004 г. до первого полугодия 2014 г. составила бы 45 млрд долл. При использовании в качестве даты оценки 19 декабря 2004 г. совокупный размер понесенного истцами ущерба составляет 21.988 млрд долл., а 30 июня 2014 г. – 66.694 млрд долл. Вина истцов в причинённом им ущербе составила 25%, что снижает размер возмещаемого ущерба до 50.020 млрд долл.

Истцам были присуждены проценты по ставке, равной доходности казначейских облигаций США сроком на 10 лет, и проценты за период, предшествующий вынесению решения, но только в связи с недополученными дивидендами. Для их расчета использовалась средняя доходность по указанной ставке за период с 1 января 2005 г. по 30 мая 2014 г., составляющая 3.389%. Так же были присуждены сложные проценты за период, следующий после вынесения решения. Сложные проценты начисляются ежегодно при условии, что ответчик не выплатит истцам в полном объеме сумму возмещения ущерба до истечения периода отсрочки на любую причитающуюся сумму. Ответчику был предоставлен период отсрочки в 180 дней с даты вынесения решения, если до того момента причитающаяся сумма не будет полностью выплачена. Для расчёта процентов за период, следующий после вынесения решения, соответствующая процентная ставка определяется по состоянию на 15 января 2015 г., а затем на ежегодные даты начисления сложных процентов.

Выводы

Применение международно-правового стандарта экспроприации в энергетическом секторе имеет последовательность и обусловлено сущностью инвестиционного риска. Право на защиту имеют лица, являющиеся инвесторами другой стороны, добросовестно осуществлявшими деятельность в данном секторе. При этом любые меры государственного воздействия могут быть признаны экспроприацией или действиями, имеющими аналогичный эффект, и признание данного факта является решающим. Если компенсации утраченных активов не было, то опровержение факта нарушения международно-правовых обязательств маловероятно. Это влечёт обязанность возместить ущерб, причинённый иностранному инвестору суверенными актами, в максимально возможном объёме.

Следовательно, чтобы меры, вводимые в рамках российского правопорядка, не признавались противоречащими международно-правовым обязательствам, они не должны нарушать права собственности. Возможность регулирующего воздействия на иностранные инвестиции в энергетическом секторе, включая осуществление изъятий, должна опираться на механизмы внутреннего правопорядка. Целесообразно принять закон о национализации и распространить его действие на иностранные физические и юридические лица, актуализировать законодательство об иностранных капиталовложениях и о деятельности на внутренних энергетических рынках. Следует ориентировать суды на учёт правовых позиций международного инвестиционного арбитража, систематизирующих нормы обычного международного права.

Необходимо внести изменения в положения ДИД, чтобы, к примеру, для определения того, имелся ли эффект экспроприации, помимо экономического результата, стороны учитывали степень, в которой оспариваемые меры противоречат инвестиционным ожиданиям. Если меры не будут применяться таким образом, что представляют собой произвольную или неоправданную дискриминацию или замаскированное торговое или инвестиционное ограничение, допустимы меры, вводимые для защиты жизни или здоровья человека, животных или растений и общественной морали, для сохранения исчерпаемых природных энергоресурсов. Чтобы были допустимы разумные меры, защищающие других участников энергетического рынка, поддерживающие безопасность, надежность, целостность финансовой системы и исполнение контрактных обязательств.

В области налоговых мер у лица должно быть право подать иск в международный арбитраж, если вначале он направил в компетентные органы обеих сторон запрос о том, включает ли эта мера экспроприацию, и в течение определённого срока после даты обращения налоговые органы не согласовали, что экспроприации не было. Компенсацию представляется возможным ограничить

прямыми убытками, исключить потери будущей прибыли и моральный ущерб. Единственный факт неуплаты компенсации не должен делать экспроприацию по своей сути незаконной. Компенсация должна выплачиваться в соответствии с общепризнанными принципами оценки с учетом, в частности, инвестированного собственного капитала, амортизации и других соответствующих факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Данельян А.А.* Международно-правовой режим иностранных инвестиций: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 105–125.
2. *Лабин Д.К.* Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. М., 2018. С. 234–238.
3. *Фархутдинов И.З.* Международное инвестиционное право и процесс. М., 2010. С. 252–265.
4. *Cameron P.D.* International Energy Investment Law. Oxford, 2010. P. 219.
5. *Dolzer R., Schreuer Ch.* Principles of International Investment Law. Oxford. 2012. P. 98–129.
6. *Erkan M.* International Energy Investment Law. Alphen an den Rijn, 2011. P. 62.
7. *Naseem M.* International Energy Law. Alphen aan den Rijn, 2017. Paragraphs 16, 572–578.
8. *Reinisch A.* Chapter 11: Expropriation // Oxford Handbook of International Investment Law / A. Reininsch. Eds, Muchlinski P., Ortino F., and Schreuer Ch. New York, 2008. P. 726–813.
9. *Sornarajah M.* The International Law on Foreign Investment. New York, 2010. P. 366–379.

REFERENCES

1. *Danilyan A.A.* International legal regime of foreign investments: dis. ... Doctor of Law. M., 2016. P. 105–125 (in Russ.).
2. *Labin D.K.* International Law for the protection and promotion of foreign investments. M., 2018. P. 234–238 (in Russ.).
3. *Farkhutdinov I.Z.* International Investment Law and Process. M., 2010. P. 252–265 (in Russ.).
4. *Cameron P.D.* International Energy Investment Law. Oxford, 2010. P. 219.
5. *Dolzer R., Schreuer Ch.* Principles of International Investment Law. Oxford. 2012. P. 98–129.
6. *Erkan M.* International Energy Investment Law. Alphen an den Rijn, 2011. P. 62.
7. *Naseem M.* International Energy Law. Alphen aan den Rijn, 2017. Paragraphs 16, 572–578.
8. *Reinisch A.* Chapter 11: Expropriation // Oxford Handbook of International Investment Law / A. Reininsch. Eds, Muchlinski P., Ortino F., and Schreuer Ch. New York, 2008. P. 726–813.
9. *Sornarajah M.* The International Law on Foreign Investment. New York, 2010. P. 366–379.

Сведения об авторе

ШИЯНОВ Алексей Владимирович –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
юридического факультета Южного
федерального университета;
344002 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

Authors' information

SHIYANOV Alexey V. –
PhD in Law, associate Professor, associate Professor
of the Department of International Law
of the Faculty of Law
of the Southern Federal University;
88 M. Gorky str., 344002 Rostov-on-Don, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 153–163
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 153–163

ЗА РУБЕЖОМ

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: НЕОДНОЗНАЧНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ

© 2021 А. И. Чучаев[1,*], А. И. Коробеев[2,]**

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2] Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

** E-mail: moksha1@rambler.ru*
*** E-mail: akorobeev@rambler.ru*

Поступила в редакцию 13.09.2021 г.

Аннотация. В статье дана характеристика изменений и дополнений Уголовного кодекса Китайской Народной Республики за время его действия (1997 г.). При этом особое внимание уделено Поправкам № 11, принятым 26 декабря 2020 г., которые, по сути, ознаменовали изменение уголовно-правовой политики КНР, в том числе в определении возраста уголовной ответственности, криминализации и пенализации ряда деяний в разных сферах общественной жизни.

***Ключевые слова*:** Китайская Народная Республика, Уголовный кодекс, изменения и дополнения, криминализация и пенализация деяний, Поправки № 11, изменение уголовно-правовой политики, возраст уголовной ответственности.

Цитирование: *Чучаев А.И., Коробеев А.И.* Реформирование Уголовного кодекса Китайской Народной Республики: неоднозначные решения законодателя // Государство и право. 2021. № 12. С. 153–163.

DOI: 10.31857/S102694520017765-2

REFORMING THE CRIMINAL CODE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: AMBIGUOUS DECISIONS OF THE LEGISLATOR

© 2021 A. I. Chuchaev[1,*], A. I. Korobeev[2,]**

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Far Eastern Federal University, Vladivostok

** E-mail: moksha1@rambler.ru*
*** E-mail: akorobeev@rambler.ru*

Received 09.08.2021

Abstract. The article describes the changes and additions to the Criminal Code of the People's Republic of China during its operation (1997). Special attention is paid to Amendments No. 11, adopted on December 26, 2020, which, in fact, marked a change in the Chinese criminal law policy, including in determining the age of criminal responsibility, criminalization and penalization of a number of acts in various spheres of public life.

Key words: People's Republic of China, Criminal Code, amendments and additions, criminalization and penalization of acts, Amendments No. 11, change in criminal law policy, age of criminal responsibility.

For citation: *Chuchaev, A.I., Korobeev, A.I. (2021).* Reforming the Criminal Code of the People's Republic of China: ambiguous decisions of the legislator // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 153–163.

Совершенствование Уголовного кодекса в процессе его применения: *двадцатилетний опыт*. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики был принят на 5-й сессии ВСНП шестого созыва 14 марта 1997 г., вступил в силу 1 октября 1997 г. Практически являясь «ровесником» Уголовного кодекса РФ, УК КНР демонстрирует бóльшую стабильность, чем УК РФ. Если в первый (по состоянию на 30.06.2021 г.) 260-ю федеральными законами была внесена 3601 правка, то УК КНР корректировался всего 11 раз: первый – 25 декабря 1999 г. (Поправки № 1), последний – 26 декабря 2020 г. (Поправки № 11)[1].

Совершенствование уголовного законодательства любого государства (и Китай здесь не является исключением) есть объективная необходимость. На нынешнем этапе развития уголовно-правовой политики потребность в принятии новых и расширении границ действующих уголовно-правовых норм полностью не исключена. Более того, данный процесс пока еще нужно рассматривать не как серию эпизодических мероприятий, а как определенную тенденцию. Необходимость расширения до известных пределов сферы уголовной ответственности вполне оправдана целым рядом причин: а) выявившимися на практике пробелами в уголовной наказуемости; б) появлением новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, или новых общественно опасных деяний, требующих уголовно-правовой борьбы с ними; в) международными соглашениями, в которых участвует то или иное государство; г) укреплением гарантий защиты конституционных прав и свобод; д) целесообразностью выделения специальных составов из общих (с приданием им дополнительных криминообразующих признаков)[2].

Очевидно, что установление уголовной наказуемости деяний при наличии упомянутых выше причин (и соблюдении всех иных условий криминализации) нельзя признать недостатком уголовного законодательства. Принятые поправки к УК КНР наглядно свидетельствуют об этом.

Поправки № 1 преследовали цель усиления защиты средствами уголовного права экономического порядка и обеспечения успешного осуществления социалистической модернизации. В связи с этим УК КНР дополнен ст. 162-1, предусматривающей ответственность за утаивание или умышленное уничтожение подлежащих по закону бухгалтерских документов, бухгалтерских книг, финансово-бухгалтерских отчетов; в шесть статей внесены изменения.

Поправки № 2 (31 августа 2001 г.) содержали изменение одной уголовно-правовой нормы, отраженной в ст. 342 УК КНР. Оно было обусловлено необходимостью дополнительной криминализации рубки леса под пашню и беспорядочным использованием лесных угодий и сельскохозяйственных земель.

Поправки № 3 (*29 декабря 2001 г.)*. Указом Председателя КНР в Уголовный кодекс была введена ст. 291-1, в соответствии с которой наказанию подлежали сброс поддельных взрывчатых веществ, ядовитых и радиоактивных веществ, возбудителей инфекционных болезней и других подобных веществ, фальсификация информации о террористических актах, а также распространение заведомо ложной информации о террористических действиях; в семь статей, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с терроризмом, обеспечением государственной безопасности, а также безопасности жизни людей и собственности, поддержанием общественного порядка, внесены различного рода изменения (от редакционных до корректировки санкций).

Поправки № 4 (28 декабря 2002 г.) привели к дополнению Кодекса ст. 244-1, предусмотревшей ответственность за незаконное использование труда несовершеннолетнего (прием лица, не достигшего возраста 16 лет, на работу, связанную с сверхтяжелым физическим трудом, трудом на большой высоте и др.); в семь статей, содержащих составы преступлений против порядка социалистической рыночной экономики, порядка общественного управления, интересов государственных органов, были внесены изменения и дополнения, в частности ответственность за ряд деяний была дифференцирована путем выделения квалифицированных видов преступлений[3].

Поправки № 5 (28 февраля 2005 г.). Было криминализировано нарушение управления кредитными картами (ст. 177-1 УК КНР), которое охватывало хранение, перевозку заведомо поддельных кредитных карт, незаконное владение чужими кредитными картами, незаконную передачу информации, содержащейся на кредитных картах, и т.д.; в две статьи внесены изменения, в т.ч. ст. 369 УК КНР дополнена квалифицирующим признаком – нанесение ущерба оружию, воинскому снаряжению,

[1] О содержании первых 10 Поправок см.: Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева, А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. М., 2017. С. 191–253.

[2] См.: *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 255–257.

[3] См.: *Дан Жихун*. Исследование по нескольким вопросам состава незаконного использования труда несовершеннолетнего для участия в серьезных работах // Вестник Шаньдунского института промышленности и торговли. 2016. № 3. С. 98–100. 党日红: «雇用童工从事危重劳动罪若干问题研究», 载 «山东工商学院学报» 2016年第3期, 第98–100页; *Хуан Тайюнь*. Понимание и применение Поправок № 4 к Уголовному кодексу КНР // Народная прокуратура. 2003. № 3. С. 10–13 (на кит. яз.).

военным сооружениям, военным средствам связи, совершенное по неосторожности.

Поправки 6 (29 июня 2006 г.) отличались от предыдущих, во-первых, широтой охвата законодательного массива (затрагивали 12 статей УК КНР), во-вторых, количеством новых норм (УК КНР дополнен восьмью статьями). В Кодекс были включены нормы об ответственности за:

нарушение положений о безопасности при проведении массовых мероприятий ответственными руководителями и другими ответственными лицами (ст. 135-1);

несообщение или предоставление ложных сведений о чрезвычайной ситуации или аварии в сфере безопасности (ст. 139-1);

утаивание имущества, принятие на себя ложных долгов, перемещение имущества либо распоряжение имуществом другими способами, совершение ложного банкротства (ст. 162-2);

манипулирование акционерными компаниями открытого типа членами правления, ревизорами и менеджерами с использованием служебного положения (ст. 169-1);

получение обманным способом кредитных средств от банка или других финансовых структур, получение признания и оплаты гарантий по векселям, аккредитивам или другим гарантийным письмам и подобным документам (ст. 175-1);

самовольное использование коммерческими банками, фондовыми биржами, фьючерсными биржами, фондовыми компаниями, дилерами фьючерсных или страховых компаний, других финансовых структур капиталов клиентов или доверенного (трастового) имущества (ст. 185-1);

насильственное привлечение инвалидов и несовершеннолетних к прошению милостыни (ст. 262-1);

вынесение заведомо незаконного решения арбитрами в арбитражном судопроизводстве (ст. 399-1)[4].

Поправки 7 (*28 февраля 2009 г.)*. Уголовно наказуемыми объявлены новые деяния: 1) организация, руководство пирамидальной схемой, нарушающей экономический и общественный порядок, связанной с получением обманным путем имущества (ст. 224-1); 2) продажа или незаконное предоставление другим лицам информации о личности граждан, совершенное служащим государственного органа или сотрудником финансовых, телекоммуникационных, медицинских организаций путем сообщения или образования (ст. 253-1); 3) привлечение несовершеннолетнего к краже, мошенничеству, грабежу или иной деятельности против общественного порядка (ст. 262-2); 4) требование близкими родственниками или другими близкими государственного служащего от просителей имущества или получение его от них (ст. 388-1); в 10 статей УК КНР внесены изменения и дополнения.

Поправки 8 (25 февраля 2011 г.), по сравнению с ранее принятыми, наиболее объемные, впервые охватывают нормы как Общей, так и Особенной части. В частности, в Кодекс была введена ст. 17-1, согласно которой лица, достигшие 75 лет и совершившие умышленные преступления, подлежат более мягкому наказанию в пределах санкции либо им назначается наказание ниже низшего предела санкции, а совершившие преступления по неосторожности наказываются ниже низшего предела санкции. Этой норме корреспондирует законодательная новелла, отраженная в ст. 49 УК КНР: к лицам, достигшим к моменту судебного разбирательства 75 лет, не применяется смертная казнь, кроме случаев, когда преступления были совершены с особой жестокостью.

Пожалуй, необходимо отметить еще одно изменение, относящееся к смертной казни. Согласно новой редакции ст. 50 УК КНР «если осужденный к смертной казни с отсрочкой исполнения приговора во время отсрочки не совершил умышленного преступления, то по истечении двух лет наказание может быть заменено пожизненным лишением свободы; при действительно серьезном искуплении вины заслугами по истечении двух лет наказание может быть заменено лишением свободы на срок двадцать пять лет лишения свободы; если они совершили умышленное преступление, что может быть доказано, то с санкции Верховного народного суда смертная казнь приводится в исполнение».

В целом нововведения в Общую часть УК КНР относятся к наказанию, освобождению от него или от его отбывания (изменены или дополнены 16 статей).

Суброгация коснулась 32 статей Особенной части УК КНР. В связи с этим выделим лишь криминализацию новых деяний:

1) небезопасная езда на механическом транспорте или управление им в пьяном состоянии – ст. 131-1;

2) фиктивная выписка специальной квитанции – ст. 205-1;

3) владение заведомо фальшивыми квитанциями – ст. 210-1;

4) организация продажи человеческих органов – ст. 234-1;

[4] См.: *Хэ Цзехун.* Разъяснения Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 6 // Современное правоведение. 2006. № 6. С. 165–168. 何泽宏：«解读 «刑法修正案(六)»»，载 «现代法学» 2006年第6期，第165–168页; *Хуан Тайюнь.* Понимание и применение Поправок № 6 к Уголовному кодексу КНР // Народная прокуратура. 2006. № 15. С. 28 (на кит. яз).

5) уклонение от уплаты трудящимся вознаграждения – ст. 276-1;

6) полная безответственность работника государственного органа по осуществлению контроля за безопасностью продуктов – ст. 408-1[5].

Поправки 9 (29 августа 2015 г.), как и предыдущие, достаточно объемные, охватывают 51 статью УК КНР (изменения коснулись как норм Общей, так и Особенной частей). В Общей части вновь оказались суброгированными статьи, регламентировавшие наказание (в т.ч. и смертную казнь), освобождение от него или от его отбывания.

Особенная часть УК КНР одновременно была дополнена пятью статьями, содержавшими составы преступлений против общественной безопасности:

подготовка оружия, опасных предметов или других орудий; организация обучения террористической деятельности или участие в таком обучении; установление связей с зарубежными террористическими организациями или террористами; планирование или иные подготовительные действия к террористической деятельности (ст. 120-2);

пропаганда терроризма и экстремизма, побуждение к осуществлению террористической деятельности (ст. 120-3);

побуждение, принуждение народных масс к нарушению утвержденных государством правил брака, юстиции, образования и общественного управления (ст. 120-4);

принуждение других лиц к ношению пропагандирующих терроризм, экстремизм одежды или знаков (ст. 120-5);

хранение заведомо пропагандирующих терроризм и экстремизм книг, аудио- и видеопродукции или других предметов (ст. 120-6).

Кроме того, была предусмотрена уголовно-правовая охрана от жестокого обращения лиц, ответственных за опеку или уход за младенцами, старыми, больными или инвалидами (ст. 260-1); криминализирована организация злоупотребления на предусмотренных законами государственных экзаменах (ст. 284-1).

Следует заметить, что ряд новелл посвящен уголовно-правовому обеспечению нормальной, отвечающей нормативным требованиям деятельности информационных сетей. Так, уголовно наказуемыми признаны неисполнение предусмотренных законами или административными актами управленческих обязанностей в области безопасности интернета и непринятие мер для устранения нарушений в информационных сетях (ст. 286-1 УК КНР); создание сайтов или связанных групп, предназначенных для мошенничества, обучения способам совершения преступления, изготовления или сбыта запрещенных или регистрируемых предметов; распространение информации об изготовлении, сбыте наркотиков, оружия, порнографических предметов и иных запрещенных или регистрируемых предметов или иной преступной информации; опубликование информации для совершения мошенничества или иной преступной деятельности (ст. 287-1 УК КНР); предоставление средства соединения с интернетом, сервера, хранения сети, передачи связи и иного технического оборудования, предоставление рекламного продвижения, средств расчета или оказание иной помощи другим лицам, заведомо совершающим преступления с использованием информационных сетей (ст. 287-2 УК КНР).

Два нововведения призваны уголовно-правовыми средствами обеспечить осуществление правосудия в соответствии с его целями и задачами. Так, ст. 307-1 УК КНР предусматривает ответственность за подачу гражданского иска по заведомо ложному факту в целях нарушения судебного порядка или серьезного нарушения законных интересов других лиц. Согласно ст. 308-1 УК КНР преступным является разглашение работниками юстиции, защитниками, представителями или иными участниками судопроизводства сведений о делах, по закону не подлежащих рассмотрению в открытом заседании[6].

Поправки № 10 (4 ноября 2017 г.) примечательны тем, что они охватывают лишь одну норму: ст. 299 Кодекса дополнена ч. 2; преступлением признано надругательство над Государственным гимном Китайской Народной Республики.

Симптоматично, что за 20 лет действия Уголовного кодекса, в течение которых вносились изменения и дополнения в Общую и Особенную части, имеется только один случай исключения статьи из УК КНР. Речь идет о ст. 199, содержавшей квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных ст. 192, 194 и 195 УК КНР: совершение преступления в особо крупном размере или причинение особо крупного ущерба государству или

[5] См.: *Лан Шэн.* Разъяснения Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 8 // Вестник Академии государственного прокурора. 2011 № 2. С. 152–154. 郎胜：«刑法修正案(八)» 解读，载 «国家检察官学院学报» 2011年第2期，第152–154.

[6] См.: *Чэнь Синлян.* Разъяснения Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 9 // Вестник Гуйчжоуского университета народов (Издание по философии и социальным наукам). 2016. № 1. С. 125–130. 陈兴良：«刑法修正案(九)» 的解读与评论，载 «贵州民族大学学报(哲学社会科学版)» 2016年第1期，第125–130页; *Се Ванюань, Чжан Бао.* Достоинства и недостатки Поправок № 9 к Уголовному кодексу КНР // Вестник Сучжоуского университета. 2015. № 6. С. 69–74 (на кит. яз.).

народным интересам. Решение законодателя не означало декриминализацию указанных деяний, дифференциация ответственности за названные преступления была осуществлена непосредственно в норме, предусматривающей соответствующий уголовно-правовой запрет. Иными словами, речь идет о совершенствовании законодательной техники, исключении «разрывов» в описании основных и квалифицированных видов преступлений.

Поправки № 11 (26 декабря 2020 г.): принципиальное изменение уголовно-правовой политики?[7] Они характеризуются не только тем, что повлекли наиболее масштабные изменения уголовного законодательства, но и (пожалуй, это самое важное) изменение уголовно-правовой политики Китайской Народной Республики, которая некоторыми авторами определяется как «сочетание снисходительности и строгости»[8]. О значении, придаваемом указанным поправкам, свидетельствует хотя бы то, что они неоднократно обсуждались (в т.ч. научным сообществом). В процессе обсуждений высказывались многочисленные замечания и вносились предложения по ряду моментов[9]. В результате УК КНР был дополнен нормами, содержащими 15 новых составов преступлений, 47 статей Общей и Особенной частей Кодекса подверглись изменениям и дополнениям. В целом они, вероятно, отражают потребности общества в обеспечении уголовно-правовыми средствами финансовой безопасности государства, безопасности общественного здравоохранения, производства пищевых продуктов и лекарств, защиты интеллектуальной собственности и др. Подробнее остановимся на более значимых из них.

Изменение уголовно-правового статуса несовершеннолетнего. Рассматриваемые Поправки оказали двоякое влияние на него. Принципиальным, разумеется, является снижение возраста уголовной ответственности, т.е. одного из краеугольных камней уголовного права, выступающего предметом споров в мировой юриспруденции уже на протяжении более чем двух веков (в России, например, эти дискуссии идут примерно со второй половины XVIII в.[10]). В законодательстве разных стран он определяется по-разному, охватывая диапазон от семи (Египет, Индия, Таиланд и др.) до 18 (Люксембург, Эквадор) лет. В некоторых правовых системах, например в 37 штатах США, минимальный возраст вообще не закреплен; признание подростка субъектом соответствующего преступления осуществляет суд по своему усмотрению.

В первоначальном варианте Уголовного кодекса КНР возраст уголовной ответственности был решен традиционно: как и в Российской Федерации, таковым признавалось достижение лицом 16-летнего возраста. Согласно ст. 17 УК КНР лица, которым исполнилось 14 лет, но не исполнилось 16 лет, подлежали уголовной ответственности за умышленное убийство, умышленное причинение вреда, повлекшее тяжкие телесные повреждения или смерть, изнасилование, грабеж, сбыт наркотиков, поджог, взрыв, отравление (по УК РФ перечень таких деяний является более широким).

В этой части уголовно-правовая политика Китая изменилась кардинально. В соответствии с Поправками № 11 ст. 17 УК КНР изложена в новой редакции следующим образом:

«Лица, достигшие шестнадцати лет и совершившие преступление, должны привлекаться к уголовной ответственности.

Лица, которым исполнилось четырнадцать лет, но не достигшие шестнадцати лет, подлежат уголовной ответственности, если они совершили умышленное убийство, умышленное причинение вреда, повлекшее тяжкие телесные повреждения или смерть, совершили изнасилование, разбой, сбыт наркотиков, поджог, взрыв, распространение опасных веществ.

Лица, которым исполнилось двенадцать лет, но не достигшие четырнадцати лет, если они совершили умышленное убийство, умышленное причинение вреда здоровью, особо жестокими средствами причинили тяжкие телесные повреждения или инвалидность при особо отягчающих обстоятельствах, подлежат уголовной ответственности при санкции Высшей народной прокуратуры КНР на привлечение их к уголовной ответственности.

Лица, которые не достигли восемнадцати лет и совершили преступления, упомянутые в вышеуказанных частях, подлежат более мягкому наказанию в пределах санкции либо им назначается наказание ниже низшего предела санкции.

Лица, не достигшие шестнадцати лет, не подвергаются наказанию, их родители или опекуны обязаны усилить контроль и воспитание; при

---

[7] См.:《中华人民共和国刑法修正案（11，载于全国人民代表大会官网 [Поправки к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 11 // Национальное Собрание Народных Представителей КНР]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202012/850abf f47854495e9871997bf64803b6.shtml / пер. с кит. Хуан Даосю.

[8] *Пан Дунмэй*. Новые направления развития уголовного законодательства в современном Китае: обзор изменений китайского уголовного законодательства // Всеросс. криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 115.

[9] См.: там же.

[10] См. об этом подр.: *Чучаев А. И.* Становление законодательства и доктрины уголовного права об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних // История государства и права. 2021. № 5. С. 46.

необходимости эти лица могут быть взяты на специальное исправительное воспитание».

Таким образом, Поправками, во-первых, введен новый минимальный возраст уголовной ответственности – достижение 12-лет (в ряде стран, например, Бразилии, Греции, Израиле, Канаде он является основным, а не исключительным). Однако привлечение таких лиц к уголовной ответственности за убийство и причинение вреда здоровью потерпевшего при особо отягчающих обстоятельствах должно быт санкционировано Высшей народной прокуратурой КНР. Во-вторых, изменен перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14-летнего возраста: вместо грабежа указан разбой, а вместо отравления – распространение опасных веществ. В-третьих, формулировка ч. 4 ст. 17 УК КНР приведена в соответствие с Законом КНР о предупреждении преступности несовершеннолетних: словосочетание «могут быть взяты государством на воспитание» заменено на «специальное исправительное воспитание»[11].

В то же время законодатель усилил уголовно-правовую защиту прав несовершеннолетнего как потерпевшего от посягательств на его половую неприкосновенность. В этих целях криминализировано «половое сношение с несовершеннолетней, достигшей 14 лет, но не достигшей 16 лет, лицом, несущим ответственность за опеку, удочерение, попечительство, воспитание и медицинскую помощь» (ст. 236-1 УК КНР).

Две нормы о половых преступлениях изменены. Так, в ч. 3 ст. 136 УК КНР, предусматривающей ответственность за изнасилование, за совершение этого преступления в отношении малолетней, не достигшей 10 лет, либо в случае причинения ей телесного повреждения, усилена санкция статьи, которая охватывает лишение свободы на срок 10 и более лет, пожизненное лишение свободы или смертную казнь.

Следует обратить внимание на наказуемость деяния срочным лишением свободы: можно ли в указанном случае говорить о т.н. неопределенном приговоре, встречающемся в законодательной и судебной практике ряда государств? Полного совпадения, конечно, нет. В ст. 45 УК КНР максимальный срок наказания в виде срочного лишения свободы ограничен 15 годами (при замене смертной казни (ст. 50 УК КНР) и совокупности преступлений (ст. 69 УК КНР) срок лишения свободы составляет 25 лет), следовательно, можно предположить, что и в рассматриваемом случае верхний предел наказания не может превышать максимальной границы, определенной в Общей части УК КНР. Однако такая законодательная формула, закрепляющая столь широкое судейское усмотрение, таит в себе опасность нарушения законности, прав осужденных.

Статья 237 УК КНР дополнена ч. 3, в соответствии с которой «развратные действия в отношении ребенка наказываются лишением свободы на срок до 5 лет.

Те же деяния, совершенные при любом из следующих обстоятельств, наказываются лишением свободы на срок пять и более лет: 1) развратные действия в отношении ребенка, совершенные многократно или в отношении двух и более лиц; 2) развратные действия в отношении ребенка, совершенные публично, в общественных местах или с особой жестокостью; 3) развратные действия, причинившие ребенку телесные повреждения или иные тяжкие последствия; 4) развратные действия, совершенные с особой жестокостью или при иных особо отягчающих обстоятельствах».

Таким образом, уголовно-правовая политика Китая в отношении несовершеннолетних характеризуется двумя обстоятельствами: с одной стороны, усилением репрессивности, с другой – усилением защиты их половой неприкосновенности.

Если последняя мера представляется оправданной и обоснованной, то снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет за совершение ряда преступлений не выглядит акцией столь же убедительной и безупречной с точки зрения ее оценки с позиций гуманистических тенденций развития уголовно-правовой политики подавляющего большинства государств[12].

Общественная безопасность и безопасность производства. С учетом появления новых угроз указанным общественным отношениям законодатель посчитал необходимым криминализировать два новых деяния. Во-первых, введена ст. 133-2 УК КНР, согласно которой «применение насилия к лицу, управляющему механическим объектом, либо другим образом осуществленный захват механизма управления, учинение помех нормальному движению транспорта и тем самым создание угрозы общественной безопасности, наказывается лишением свободы на срок до одного года, арестом, надзором и дополнительно или в качестве самостоятельного наказания – штрафом.

[11] 《中华人民共和国预防未成年人犯罪法》，载于全国人民代表大会官网 [Закон КНР о предупреждении преступности несовершеннолетних // Национальное Собрание Народных Представителей КНР]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202012/384d7c9763c549f5 9c5afd8863761643.shtml

[12] См.: *Квашис В.Е., Тё И.Б., Морозов Н.А.* США и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. Владивосток, 2008. С. 122–124; *Коробеев А.И., Лун Чанхай.* Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М., 2016. С. 90.

Управляющее лицо, указанное выше, самовольно не выполняющее свои обязанности на движущемся общественном транспорте, совершившее взаимное избиение с другим лицом или совершившее избиение в отношении другого лица и тем самым создавшее угрозу общественной безопасности, наказывается в соответствии с частью первой настоящей статьи».

Если любое из деяний содержит состав другого преступления, то его наказуемость осуществляется по санкции за более тяжкое из них.

Во-вторых, уголовно наказуемым признано нарушение положений нормативных актов о безопасности в процессе производства, выполнения работ и тем самым создание реальной возможности причинения тяжкого телесного повреждения, смерти человека или иных тяжких последствий при наличии одного из следующих обстоятельств:

выключение, порча имеющих непосредственную связь с безопасностью в производстве оборудования мониторинга, тревоги, защиты, спасения или других мер либо изменение, сокрытие или уничтожение соответствующих данных или информации;

неисполнение законных приказов о приостановлении производства, операции, работы, неиспользовании соответствующих оборудований, объектов, мест или неисполнение приказов о принятии мер по устранению опасности;

самовольное проведение таких видов деятельности, как добыча горных ископаемых, металлургия, строительство или производство, реализация, хранение опасных вещей или проведение операций повышенной опасности другим образом без законной лицензии или разрешения (ст. 134-1 УК КНР).

Кроме того, в связи с участившимися случаями нарушений безопасности производства, правил охраны труда преступными признаны «сбрасывание вещей со здания или с другой высоты при отягчающих обстоятельствах» (ст. 291-2 УК КНР). Сами отягчающие обстоятельства в уголовно-правовой норме не названы, они не указаны и в Общей части УК КНР, следовательно, являются вопросом факта.

В силу прямого указания закона: если деяния, предусмотренные в ст. 291-2 Кодекса, содержат состав других преступлений, то они наказываются по статье, предусматривающей ответственность за более тяжкое из преступлений.

Производство и реализация фальсифицированной и некачественной продукции. Преступления, совершаемые в этой сфере, создают непосредственную угрозу жизни и здоровью населения. В первую очередь именно этим обстоятельством объясняется принятие уголовно-правовых новелл, одни из которых приводят терминологию УК КНР в соответствие с нормативными актами, регламентирующими производство и реализацию лекарственных и иных средств, другие определяют криминализацию новых деяний, третьи направлены на уточнение редакции соответствующих статей и усиление их санкций. Так, обозначение видов предмета преступления в ст. 141 и 142 согласовано с их наименованием в Законе КНР о контроле за лекарственными средствами[13].

В УК КНР введены два новых состава преступления, связанные с применением допинга в спорте. В частности, согласно ч. 1 ст. 355-1 наказанию подлежат вовлечение, подстрекательство, привлечение обманным путем спортсменов к употреблению допинга и участию в важных физкультурных соревнованиях в стране и за рубежом либо предоставление допинга спортсменам, участвующим в таких соревнованиях, совершенных при отягчающих обстоятельствах. Часть 2 этой же статьи предусматривает ответственность за организацию, принуждение спортсменов к употреблению допинга для участия в важных физкультурных соревнованиях в стране и за рубежом.

Поправками № 11 существенно изменена редакция ст. 408-1 УК КНР, причем начиная от текста диспозиции и заканчивая санкцией. Ныне она представлена в следующем виде: «Работники государственных органов, несущие ответственность и осуществляющие контроль за безопасностью продуктов, проявившие злоупотребление властью или халатность и причинившие тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или арестом.

Те же деяния, повлекшие особо тяжкие последствия или совершенные при других особо отягчающих обстоятельствах,– наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет:

— несообщение или неправдивое сообщение о несчастном случае, связанном с безопасностью продуктов или лекарственных средств;

— непринятие мер по установлениям к выявленным противозаконным действиям, касающимся безопасности продуктов или лекарственных средств;

— в процессе проверки выдача лицензии лекарственным средствам или продуктам, не соответствующим стандартам;

[13] См.: «中华人民共和国药品管理法», 载于全国人民代表大会官网 [Закон КНР о контроле за лекарственными средствами // Национальное Собрание Народных Представителей КНР]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201908/26a6b28dd83546d79d17 f90c62e 59461. shtml

— непередача судебным органам дела, подлежащего передаче;

— иные действия, выражающиеся в злоупотреблении властью или в халатности».

Нарушение финансового порядка. Оценивая изменения законодательства об ответственности за посягательства на указанный порядок, можно выделить два основных момента: во-первых, усиление репрессивности ряда уже существовавших уголовно-правовых норм; во-вторых, криминализацию новых деяний.

К числу первых следует отнести корректировку санкций ст. 176 и 192 УК КНР, первая из которых предусматривает ответственность за незаконное привлечение вкладов населения или привлечение вкладов населения в скрытой форме, дезорганизующие порядок в сфере финансов; вторая – за накопление капиталов мошенническими способами в целях владения данными капиталами.

Ужесточено наказание за преступления с ценными бумагами и фьючерсами: мошенничество при выпуске акций и облигаций; предоставление ложной информации; предоставление агентством подложных документов; манипулирование рынком. Кроме того, в этой части статьи УК КНР приведены в соответствие с Законом КНР о ценных бумагах[14].

Ко второму виду изменений уголовного законодательства, обеспечивающего финансовый порядок, относится включение в УК КНР новых составов преступлений, органично связанных с уже существующими. Вероятно, поэтому они сформулированы не в самостоятельных статьях, а указаны в ч. 2 или 3 уже имеющихся. Так, по ч. 2 ст. 161 влечет уголовную ответственность за предоставление акционерам или общественности ложных данных финансово-бухгалтерской отчетности либо иной важной информации, совершенное по указаниям компаний, пайщиков акционерных компаний открытого типа, которые обладают акциями в размере более 50% от суммы всех акций, либо лиц, которые в действительности владеют данными компаниями или организованными ими, либо совершенные по причине сокрытия соответствующих фактов. Часть 3 этой статьи регламентирует наказание за указанное деяние, применяемое в отношении организации и несущих непосредственную ответственность ее руководителей и других ответственных лиц.

Обращает на себя внимание криминализация взыскания так называемых незаконных долгов. Согласно ст. 293-1 УК КНР деяние заключается в требовании незаконных долгов, возникших от ростовщичества и других незаконных операций, совершенном при отягчающих обстоятельствах, и влечет наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, ареста или надзора, с дополнительным или в качестве самостоятельного наказания штрафом. Отягчающими обстоятельствами в этом случае выступают: применение насилия или принуждения; ограничение свободы личности или вторжение в чужую квартиру; применение шантажа, преследования, тревоги. «В судебной практике, – пишет Пан Дунмэй, – до принятия Поправок № 11 многие деяния, совершенные в процессе взыскания задолженности, возникшей из высокопроцентного кредитования, с применением насилия квалифицировались по ст. 293 УК КНР (совершение провокационных, инициирующих скандал действий, нарушающих общественный порядок. – *А.Ч., А.К.*). Некоторые из субъектов подобных деяний были признаны участниками банд, преступных групп и даже организаций мафиозного характера»[15]. Таким образом, Поправки № 11 придали судебной практике единообразие, исключили различную правовую оценку аналогичных по своей сути действий.

Интеллектуальная собственность. Рассматриваемыми поправками усилена уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности, авторского права и смежных прав, товарных знаков и коммерческой тайны, что в первую очередь проявилось в ужесточении наказания за преступления в этой сфере. Например, незаконное изготовление, сбыт незаконно изготовленных знаков зарегистрированной торговой марки влекут наказание до 10 лет лишения свободы, т.е. степень легальной пенализации составляет 75%. Расширен круг наказуемых деяний за счет включения в имевшиеся нормы новых обстоятельств.

В Уголовный кодекс КНР введен новый состав преступления, объективная сторона которого характеризуется похищением, выведыванием, подкупом, незаконной передачей коммерческой тайны заграничным учреждениям, организациям и лицам (ст. 219-1). Наличие отягчающих обстоятельств (в законе они не названы) образует квалифицированный вид преступления.

Профилактика и борьба с эпидемиями, генетическая безопасность человека. В литературе отмечается, что «в соответствии с постановлением Госсовета КНР действия по предотвращению и профилактике пневмонии, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19, признаны эквивалентными предотвращению и профилактике инфекционных заболеваний класса “А”, хотя само заболевание к данному классу не отнесено.

[14] См.: «中华人民共和国证券法»，载于全国人民代表大会官网 [Закон КНР о ценных бумагах // Национальное Собрание Народных Представителей КНР]. URL: http://www.npc. gov.cn/npc/c30834/201912/75071693601 84250b304ca1dcb843a57.shtml

[15] *Пан Дунмэй*. Указ. соч. С. 120.

Во время эпидемии 2019–2020 гг. было совершено большое количество незаконных и преступных деяний, препятствующих профилактике и лечению новой коронавирусной пневмонии, а действующее законодательство Китая столкнулось с рядом проблем в борьбе с ними»[16]. В связи с этим изменен ряд норм, содержащихся в разных главах Кодекса. Так, в ч. 1 ст. 330 включен новый предмет преступления – инфекционные заболевания, к которым в соответствии с законом должны быть приняты меры по профилактике и борьбе с инфекционным заболеваниями класса «А». Кроме того, преступными признаны продажа, транспортировка не продезинфицированных предметов из зараженных зон, которые заражены или могут быть заражены возбудителями инфекционных заболеваний.

Изменение ст. 341 УК КНР, предусматривающей ответственность за незаконную охоту, по нашему мнению, преследовало две цели: собственно, экологическую – охрану диких животных, сохранение биологического равновесия в природе; профилактику коронавирусной инфекции, т.к. ученые связывают ее происхождение с фауной, употреблением диких животных в пищу.

15 октября 2020 г. был принят Закон КНР о биологической безопасности[17]. В развитие положений указанного Закона Уголовный кодекс КНР дополнен ст. 334-1 и 336-2. Они, на наш взгляд, представляют не только особый познавательный интерес, но и важны для законотворческой деятельности, в т.ч. и в Российской Федерации[18], поэтому есть смысл привести их полностью:

«В нарушение государственных установлений незаконный сбор генетических ресурсов человека нашей страны или незаконная перевозка, пересылка по почте, переноска с собой генетических ресурсов человека за границу и тем самым причинение вреда здоровью людей или общественным интересам, совершенные при отягчающих обстоятельствах, – наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, арестом или надзором; те же деяния, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах, наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом» (ст. 334-1);

«Имплантация генно-модифицированных, клонированных человеческих эмбрионов в организм человека, или имплантация генно-модифицированных, клонированных животных эмбрионов в организм человека, совершенные при отягчающих обстоятельствах, – наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или арестом и дополнительно штрафом; те же деяния, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах, наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет и дополнительно штрафом» (ст. 336-1).

Природная среда. Выделим три новых состава преступления, введенных в УК КНР Поправками № 11. В первом из них речь идет о введении, освобождении или выбросе инопланетных инвазивных видов. Инвазивным (агрессивным) видом признается растение или животное, которое не является эндемичным определенному месту; обладает тенденцией к распространению и способно причинить ущерб окружающей среде, экономике и здоровью людей. Следовательно, уголовно-правовой запрет имеет целью защиту не только экологии, но и иных социальных ценностей.

Второй состав отнесен к преступлениям против рыночного порядка, однако одно из деяний, предусмотренных ст. 229 УК КНР, на наш взгляд, непосредственно связано с экологической безопасностью. Речь идет об умышленном предоставлении ложных документов об оценке безопасности, о влиянии на окружающую среду важнейших, касающихся общественной безопасности объектов, и тем самым причинении общественной собственности, интересам государства и народа особо тяжкого ущерба.

Третий состав преступления сформулирован в ст. 342-1 УК КНР. Деяние характеризуется нарушением законодательства о земельном управлении подъемом или развитием земли, строительством здания или сооружения в государственном парке, государственном заповеднике, причинившим тяжкие последствия. По сути, уголовно-правовая норма обеспечивает сохранность национальных парков и заповедников.

Иные изменения уголовного законодательства. Обратим внимание на две новые нормы, содержащиеся в ст. 280-2 и 299-1 УК КНР. Первая скорее всего обусловлена спецификой, ибо предусматривает ответственность за незаконное использование документов других лиц и под чужим именем получение возможности поступления в вуз, статуса должностного лица или возможности трудоустройства. Вторая норма основана на нравственных устоях граждан КНР, учитывает их отношение к национальным героям. Статья 299-1 УК КНР предусматривает наказание за оскорбление, клевету или посягательство иным образом в отношении чести, достоинства живых и покойных героев.

Вместо заключения. Следует отметить, что реформирование уголовного законодательства Китайской Народной Республики осуществляется без

[16] Там же. С. 121.

[17] См.: «中华人民共和国生物案例法»，载于全国人民代表大会官网 [Закон КНР о биобезопасности // Национальное Собрание Народных Представителей КНР]. URL: http://www. npc.gov.cn/npc/c30834/202010/bb3bee 5122854893a69acf4005a66059.shtml

[18] См.: Генетические исследования: законодательство и уголовная политика. Екатеринбург, 2019.

неоправданной поспешности, в основном последовательно и непротиворечиво, с учетом в целом тех требований, которые предъявляются теорией уголовно-правовой политики к процессу расширения сферы уголовной репрессии и установлению новых уголовно-правовых запретов. Однако нельзя не обратить внимание на практически полное отсутствие актов декриминализации, а также на неоднозначное (и малоубедительное) решение законодателя в части снижения возраста уголовной ответственности до 12 лет, что с неизбежностью приведет к неоправданному усилению на практике пенализационных процессов. Смущает также предоставленная в ряде случаев законодателем правоприменителю чрезмерная широта судейского усмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика. Екатеринбург, 2019.
2. *Дан Жихун*. Исследование по нескольким вопросам состава незаконного использования труда несовершеннолетнего для участия в серьезных работах // Вестник Шаньдунского института промышленности и торговли. 2016. № 3. 党日红：«雇用童工从事危重劳动罪若干问题研究»，载 «山东工商学院学报» 2016年第3期，第98–100页.
3. *Квашис В.Е., Тё И.Б., Морозов Н.А.* США и Япония. Преступность. Уголовная политика. Смертная казнь. Владивосток, 2008.
4. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019.
5. *Коробеев А.И., Лун Чанхай*. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М., 2016.
6. *Лан Шэн*. Разъяснения Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 8 // Вестник Академии государственного прокурора. 2011 № 2. 郎胜：«刑法修正案(八)» 解读, 载 «国家检察官学院学报» 2011年第2期.
7. *Пан Дунмэй*. Новые направления развития уголовного законодательства в современном Китае: обзор изменений китайского уголовного законодательства // Всеросс. криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1.
8. *Се Ванюань, Чжан Бао.* Достоинства и недостатки Поправок № 9 к Уголовному кодексу КНР // Вестник Сучжоуского университета. 2015. № 6 (на кит. яз.).
9. Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева, А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. М., 2017.
10. *Хуан Тайюнь*. Понимание и применение Поправок № 4 к Уголовному кодексу КНР // Народная прокуратура. 2003. № 3 (на кит. яз.).
11. *Хуан Тайюнь*. Понимание и применение Поправок № 6 к Уголовному кодексу КНР // Народная прокуратура. 2006. № 15 (на кит. яз.).
12. *Хэ Цзехун*. Разъяснения Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 6 // Современное правоведение. 2006 № 6. 何泽宏：«解读《刑法修正案(六)»»，载 «现代法学» 2006年第6期，第165–168页.
13. *Чучаев А.И.* Становление законодательства и доктрины уголовного права об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних // История государства и права. 2021. № 5.
14. *Чэнь Синлян*. Разъяснения Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики № 9 // Вестник Гуйчжоуского университета народов (Издание по философии и социальным наукам). 2016. № 1. 陈兴良：«刑法修正案(九)» 的解读与评论，载 «贵州民族大学学报(哲学社会科学版)» 2016年第1期，第125–130页.

REFERENCES

1. Genetic research: legislation and criminal policy. Ekaterinburg, 2019 (in Russ.).
2. *Dan Jihoon*. A study on several issues of the composition of the illegal use of minor labor to participate in serious work // Herald of the Shandong Institute of Industry and Trade. 2016. No. 3.
3. *Kvashis V.E., Te I.B., Morozov N.A.* USA and Japan. Crime. Criminal policy. The death penalty. Vladivostok, 2008 (in Russ.).
4. *Korobeev A.I.* Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis. M., 2019 (in Russ.).
5. *Korobeev A.I., Lun Chanhai*. The composition of a crime in the doctrine of criminal law of China and Russia: a comparative study. M., 2016 (in Russ.).
6. *Lang Sheng*. Explanations of Amendments to the Criminal Code of the People's Republic of China No. 8 // Herald of the Academy of State Prosecutor. 2011. No. 2.
7. *Pan Dongmei*. New trends in the development of criminal legislation in modern China: a review of changes in Chinese criminal legislation // All-Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15. No. 1 (in Russ.).
8. *Xie Wanyuan, Zhang Bao.* Advantages and disadvantages of Amendments No. 9 to the Criminal Code of the People's Republic of China // Herald of Suzhou University. 2015. No. 6 (in Chinese).
9. The Criminal Code of China / ed. by A.I. Korobeev, A.I. Chuchaev; transl. from Chinese by Huang Daoxu. M., 2017 (in Russ.).
10. *Huang Taiyun*. Understanding and application of Amendments No. 4 to the Criminal Code of the

People's Republic of China // People's Prosecutor's Office. 2003. No. 3 (in Chinese).

11. *Huang Taiyun*. Understanding and application of Amendments No. 6 to the Criminal Code of the People's Republic of China // People's Prosecutor's Office. 2006. No. 15 (in Chinese).
12. *He Zehong*. Explanations of Amendments to the Criminal Code of the People's Republic of China No. 6 // Modern Jurisprudence. 2006. No. 6.
13. *Chuchaev A.I.* The formation of legislation and the doctrine of the corner law on criminal responsibility and punishment of imperfect persons // History of the state and law. 2021. No. 5 (in Russ.).
14. *Chen Xingliang*. Explanations of Amendments to the Criminal Code of the People's Republic of China No. 9 // Herald of the Guizhou Peoples' University (Publication on Philosophy and Social Sciences). 2016. No. 1.

Сведения об авторах

ЧУЧАЕВ Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

КОРОБЕЕВ Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета; 690922 г. Владивосток, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, д. 10

Authors' information

CHUCHAEV Alexander I. –
Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KOROBEEV Alexander I. –
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Federal University; 10 Russian Island, vil. Ajax, 690922 Vladivostok, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 164–167
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 164–167

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ДУХ ПРАВА – ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 2021 г. В. В. Сорокин

Алтайский государственный университет, Барнаул

E-mail: kut263@mail.ru

Поступила в редакцию 01.10.2020 г.

Аннотация. В статье обосновывается актуальность категории «дух права» для юридической науки. Право как явление духа может существовать «безвидно», то есть метафизически. Право может действовать на отношения и сознание их участников вне и помимо своих форм и источников. Так, при вынесении судебного решения оказываются востребованными цели права. Поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., обусловили актуализацию духовно-нравственных оснований права. Автор, характеризуя проявления духа права, отмечает, что ценность права в первую очередь духовна, а не инструментальна.

Ключевые слова: право, дух права, правосознание, цель права, мера, авторитет, буква закона, формализм, юридический стиль, идея права.

Цитирование: *Сорокин В.В.* Дух права – фундаментальная категория юридической науки // Государство и право. 2021. № 12. С. 164–167.

DOI: 10.31857/S102694520012060-7

SPIRIT OF LAW – FUNDAMENTAL CATEGORY OF LEGAL SCIENCE

© 2021 V. V. Sorokin

Altai state University, Barnaul

E-mail: kut263@mail.ru

Received 01.10.2020

Abstract. The article substantiates the relevance of the category “spirit of law” for legal science. Law, as a manifestation of the spirit, can exist “without form”, that is, metaphysically. The law can act on relations and the consciousness of their participants outside and outside of their forms and sources. So, when making a judgment, the goals of law are in demand. The amendments made to the Constitution of the Russian Federation in 2020 led to the actualization of the spiritual and moral foundations of law. The author characterizes the manifestation of the spirit of law. He notes that the value of law is primarily spiritual, not instrumental.

Key words: law, spirit of law, sense of justice, goal of law, measure, authority, letter of the law, formalism, legal style, idea of law.

For citation: *Sorokin, V.V. (2021).* Spirit of law – fundamental category of legal science // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 164–167.

Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[1] обозначает приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий. Для формирования информационного пространства знаний в названном нормативном правовом акте предусмотрено: а) проводить мероприятия в области духовно-нравственного воспитания граждан; б) сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных духовно-нравственных ценностей.

В связи с тем, что в юридических текстах содержатся смыслы, идеи и принципы, вызывающие толкование применительно к конкретной правовой ситуации, право

[1] См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

в целом можно считать явлением духа. Концептуализация духовности применительно к юридическому исследованию позволяет правильно оценить место и роль права в человеческой цивилизации.

Неточное, условное и приблизительное описание духовности получило распространение, благодаря атеистическому контексту дискуссии. Светская духовность страдает от своей поверхности, отсутствия надлежащего источника, изменчивости.

Чем мир становится опаснее и непонятнее, тем сильнее в людях пробуждается тяга к духовности, которая бы давала направление и смысл повседневной жизни. Но в современных условиях индивидуум сам принимает решение о своей духовности и сам выстраивает собственную нравственную шкалу, причем на первый план выступают такие понятия, как «самоутверждение» и «личный успех».

Юриспруденция озабочена упорядочением общества и дальнейшим движением этого общества к благу. А конструкторы нового мирового порядка (глобализации мира) дезориентируют общественное сознание, уводят духовный поиск людей в тупик и фактически разлагают человеческую природу. Главный итог ложно понимаемой духовности – разрушение правопорядка, расчеловечивание человека, нагнетание споров и конфликтов в обществе.

В Словаре русского языка духовность определяется как «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными»[2]. Авторы самого широкого спектра мировоззрения понимают духовность в качестве средства, формирующего личность человека[3]. Духовность может пониматься как ценностные основания культуры. Те ценности, которые транслирует духовная культура, оказываются основой для права и нравственности.

«Наличие приоритета духовных ценностей в системе ценностей индивида недостаточно для того, чтобы утверждать, что данный человек духовен. Важно, чтобы человек вел себя в соответствии с этими ценностями даже в самых довлеющих обстоятельствах»[4]. Этот постулат важен для использования в юридической сфере, если нас интересует искренность и активность правомерного поведения субъектов.

Для субъекта права, придерживающегося духовного образа жизни, характерно: поиск смысла жизни; состояние умиротворения; предсказуемость выбора и линии поведения; постоянная работа над собой, самосовершенствование, самообучение и саморазвитие; вера в Бога; любовь к людям; отторжение зла во всех его проявлениях; законопослушное поведение; патриотизм; порядочность; внутренняя свобода; ответственность за себя и других; непрерывный самоконтроль.

Юридическое образование должно рассматриваться одним из средств приобщения человека к духовной культуре и формирования его духовности. Для этого в сфере юридического образования нужно предусматривать компонент правового воспитания. Образование как трансляция знаний еще не обеспечивает духовности обучающихся. Требуется соответствующая воспитательная работа.

Юридическая наука столкнулась с невозможностью укрепления правопорядка светскими формально-юридическими средствами – законодательствованием, увеличением числа правоохранительных структур, усилением уголовной репрессии. Стала востребованной актуализация духовно-нравственных оснований права.

Научная точка зрения не исключает использование понятий «дух», «духовность», «духовная безопасность», «духовная власть» и других подобных. ***Духовность*** можно рассматривать как доминантное личностное качество, определяющее ценностно-смысловую, выбранную человеком направленность его жизни и деятельности. Ту или иную сторону духовности человек всегда избирает добровольно и погружается в нее всей направленностью своей личности.

Право как явление духа может существовать «безвидно», т.е. метафизически. Право может действовать на отношения и сознание их участников вне и помимо своих форм и источников. Так при вынесении судебного решения оказываются востребованными цели права.

Применяющий право должен иметь в виду не только формальную законность нормы и не только ее объективное содержание, но и ее объективное назначение – ее духовную миссию и ее жизненную функцию[5].

Дух права обнаруживается в действии права, создании источников права, толковании права. Законодателю и правоприменителю не дано уничтожить дух права, но они, к сожалению, умеют его игнорировать.

Правоприменителям знакомо состояние, при котором они находили ответ на сложнейшие вопросы в силу какого-то таинственного озарения. Состояние, в котором субъект правоприменения находит справедливый выход из тупиковой правовой ситуации можно определить как духовное состояние, где проявляется духовное «я» человека. В этом опыте переживаний большую роль играют такие качества человеческой личности, в которых как раз и проявляется сфера духа – человечность, милосердие, любовь к людям, честность, личная порядочность, мудрость, нелицемерность, ответственность, совестливость, способность противостоять страстям.

Дух права не имеет качеств субъекта, а обнаруживается как абсолютное начало права, критерий истины, добра и красоты в правовой сфере. Он присутствует во всех юридических явлениях и процессах. Эти идеи, будучи по своей природе первичными, имманентны духовности и передают правовым системам свои существенные признаки – вечность, объективность, неуничтожимость, безусловность, безотносительность. Истина, добро и красота – это не три разных начала, а одно, т.е. одна и та же духовная основа, под разными углами зрения рассматриваемая. Правомерная жизнь, подчиненная любви к человеку, есть истина. Воспринимаемая как непосредственное действие другого человека – она есть добро. Предметно же созерцаемая третьим – красота. Истина, добро и красота отмечаются в целеполагании права,

---

[2] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2009. С. 284.

[3] См.: *Штумпф С.П.* Категория «духовность» в понимании современных исследователей // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 6; *Леонтьев Д.А.* Духовность, саморегуляция и ценности // Известия ЮФУ. 2005. № 7. С. 19; *Алилов А.Н., Гончаров В.Н., Матросова Е.Ю. и др.* Духовность и проблемы нравственной культуры современного общества. Новосибирск, 2014. С. 7.

[4] *Буравлева Н.А.* Понятие «духовность» в современной психологии // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 12. С. 190.

[5] См.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 230, 231.

ибо разрешение спора о праве стремится к истине, правопорядок должен воплощать добро, а весь арсенал юридической техники обеспечивает красоту права.

Дух права актуален как универсальный духовный феномен, олицетворяющий абсолюты истины, добра и красоты, воспринимаемый правосознанием в качестве основы принятия правовых решений и программирующий все компоненты правовой системы. Дух права обнаруживает себя даже в периоды господства юридического формализма. Дух придает праву качество подлинности и полноценности.

Дух права поддерживает существование в правовой сфере традиции, которая несмотря на революционные скачки, остается незыблемой. Право продолжает свое действие в гуще народа даже в условиях полной отмены действующего законодательства.

Дух права выражается в правовой мере. Между ограничением и мерой существует неформальная диалектическая связь. Однако именно ***мера*** – ключевая характеристика организации как упорядоченного бытия в его отличии от безмерности, характерной для хаоса. Мера пронизывает право полностью, что свидетельствует об универсальности этого фактора. При определении предмета правового регулирования правоведы озабочены мерой государственного вмешательства в общественную жизнь. Нормы и принципы права выражают собой какое-либо значение меры в праве. Когда законодатель определяет пределы, ограничения, рамки чего-либо, он пытается определить меру в праве. Судьи, следователи, дознаватели постоянно заботятся о соблюдении меры в опросе свидетелей, постановке вопросов на экспертизу, сборе вещественных доказательств и т.д. Если закономерности, связанные с наличием меры, нарушаются в правотворчестве, юридической технике либо поведении субъектов права, правовое регулирование переживает сбой. Таким образом, мера в праве выступает закономерностью саморазвертывания духа права.

Именно дух права, а не авторитет тех или иных правоведов придает понятиям, ценностям и принципам права безусловный характер, ограждает от релятивизации и обесценивания. Соответствуя духу права, правовые понятия и ценности становятся независящими от изменения социально-исторических условий и политической конъюнктуры. Дух права сам вечен и непреходящ, и поэтому соответствующие ему правовые понятия и принципы тоже обретают долговечность.

Роль духа права заключается не в накапливании правовой информации, а в способствовании постижению смысла. Творческая миссия духа права состоит в том, чтобы создавать порядок, мир, доброту в человеческих взаимоотношениях. Ценность права в первую очередь духовна, а не инструментальна.

Юристы иногда представляют дух права в качестве интеллектуальных озарений, свойственных далеко не всем членам юридического сообщества. Но это узкий взгляд. Ученых-правоведов уже посещала догадка о том, что правовая система любого общества имеет свою собственную матрицу возможных состояний и может преобразовываться и трансформироваться лишь в рамках этой присущей ей матрицы. Это пример действия духа права. В 1990-е годы отечественную правовую систему пытались перестроить по рекомендациям западных советников, но дух права удержал всю правовую конструкцию в границе национальной самобытности.

Нормативное регулирование – не единственная форма существования права. По большому счету нормативные положения – это составная часть оценочного мышления субъектов права, посредством которого люди и коллективы самоопределяются по отношению к правомерной и противоправной линии поведения, адаптируются к конкретным условиям жизни. Правосознание субъектов права – важная часть духовного мира и благоприятная среда для воздействий духа права. Любая юридическая норма при сознательном преобразовании становится внутренним мотивом субъекта права: полезная норма вызывает мотивацию «надо»; норма, посягающая на материальное положение человека, влечет отторжение.

Ю.В. Сорокина и Н.В. Малиновская под духом права предлагают понимать «общие начала понимания права, наиболее абстрактные правовые нормы, из которых исходит все правовое регулирование, то есть правовые принципы»[6]. Р.С. Байниязов определял дух права как «духовный феномен, в концентрированной форме выражающийся через абстрактное правосознание, правовую духовность, правовое чувствование, правовую рефлексию, юридическое созерцание, правовой менталитет, правовое подсознание»[7]. В данном случае дух права отождествлен с окружающими его феноменами.

По нашему мнению, ***дух права*** – это абсолютное начало права, критерий истины, добра и красоты в правовой сфере. Представляющий собой божественную энергию и подчиненное ей своеобразие национального правосознания. Дух права присутствует во всех юридических явлениях и процессах и воплощается в смыслопорождающих и смыслонесущих откровениях, религиозности человека, его разуме, юридическом мировоззрении, принципах права, совести, правовой интуиции и других формах. Дух права объективируется в таких феноменах, которые не требуют формально-юридического закрепления в букве закона.

Дух права проявляется в правосознании, методах правоведения, адекватных правовых теориях и доктринах, юридическом мировоззрении, предмете правового регулирования, источниках права, правовом оформлении институтов власти, этике юристов, цели права, правовых понятиях и дефинициях, непреходящих правовых идеалах, формообразовании права, правообразовании, обычном праве, юридических фикциях, правовых аксиомах, правовых преюдициях, правовых презумпциях, юридическом стиле, правовой мере, символах права, оценочных понятиях права, судейском усмотрении, аналогии права, субъективном праве, правовом воспитании, идеях и принципах права, системообразующих связях права, техниках толкования права, процессе преодоления пробелов в праве, процессе преодоления коллизий в праве, процессе преодоления юридических конфликтов, правовой интуиции, правовой идеологии, правовой психологии, мотивации правомерного поведения субъектов права, воле в праве, юридическом языке, вине субъектов права, свободе субъектов права, правовых традициях, правовых мифах, механизме самоорганизации права, иерархии в праве, гомеостазисе в праве, аффекте, красоте в праве, совести, истине, любви к людям, милосердии, саморегулировании субъектом права своего

[6] *Сорокина Ю.В., Малиновская Н.В.* Правовое мышление: многообразие подходов // Концепция правового воспитания общества. Барнаул, 2014. С. 71.

[7] *Байниязов Р.С.* Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 24.

поведения, правовом стимулировании, гармонии юридических текстов и правового порядка, правовой культуре, правовых поощрениях, одухотворенных традициях, правовом воспитании, правомерном поведении, борьбе за отстаивание прав и законных интересов, эффективности правовой системы, правопорядке, воздаянии при возложении юридической ответственности и др.

* * *

За более чем тысячелетнюю практику использования духа права не было случаев его полного забвения. Если общество признает актуальным дух права, оно функционирует. Это знание служит основой для развертывания духа права в отечественной правовой системе, когда во главе ценностных ориентаций окажется по-настоящему высокая инстанция. Выше и важнее которой в праве ничего нет. Ибо дух права есть абсолютный ориентир, движущая сила правовой системы как процесса постижения субъектами права искомой истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алилов А.Н., Гончаров В.Н., Матросова Е.Ю. и др.* Духовность и проблемы нравственной культуры современного общества. Новосибирск, 2014. С. 7.
2. *Байниязов Р.С.* Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 24.
3. *Буравлева Н.А.* Понятие «духовность» в современной психологии // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 12. С. 190.
4. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 230, 231.
5. *Леонтьев Д.А.* Духовность, саморегуляция и ценности // Известия ЮФУ. 2005. № 7. С. 19.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2009. С. 284.
7. *Сорокина Ю.В., Малиновская Н.В.* Правовое мышление: многообразие подходов // Концепция правового воспитания общества. Барнаул, 2014. С. 71.
8. *Штумпф С.П.* Категория «духовность» в понимании современных исследователей // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 6.

REFERENCES

1. *Alilov A.N., Goncharov V.N., Matrosova E. Yu., etc.* Spirituality and problems of moral culture of modern society. Novosibirsk, 2014. P. 7 (in Russ.).
2. *Bayniyazov R.S.* Legal awareness and legal mentality in Russia: abstract ... Doctor of Law. Saratov, 2000. P. 24 (in Russ.).
3. *Buravleva N.A.* The concept of "spirituality" in modern psychology // Herald of the Tomsk state Pedagogical University. 2011. No. 12. P. 190 (in Russ.).
4. *Ilyin I.A.* On the essence of legal consciousness. M., 1993. P. 230, 231 (in Russ.).
5. *Leontiev D.A.* Spirituality, self-regulation and values // Izvestiya SFU. 2005. No. 7. P. 19 (in Russ.).
6. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. M., 2009. P. 284 (in Russ.).
7. *Sorokina Yu. V., Malinovskaya N.V.* Legal thinking: diversity of approaches // Concept of legal education of society. Barnaul, 2014. P. 71 (in Russ.).
8. *Shtumpf S.P.* Category "spirituality" in the understanding of modern researchers // Modern problems of science and education. 2013. No. 6. P. 6 (in Russ.).

Сведения об авторе

СОРОКИН Виталий Викторович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права Алтайского
государственного университета;
656049 г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61

Authors' information

SOROKIN V.V. –
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of theory
and history of state and law, Altai state University;
61 Lenina ave., 656049 Barnaul, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 168–173
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 168–173

РОЛЬ СОБСТВЕННИКА В РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКА

© 2021 г. В. И. Миронов[1, *], Т. П. Барбашова[2, *], В. И. Симонов[1, **]

[1]Город Москва
[2]Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, г. Москва

**E-mail: rguprocess@mail.ru*
***E-mail: vis12@bk.ru*

Поступила в редакцию 05.02.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена проблеме исполнения обязанностей работодателя, который зависит от собственника. Собственник не является субъектом трудового права, в силу чего не несет ответственности по обязательствам работодателя перед работниками. В свою очередь, работодатель не имеет возможности выполнить обязательства в трудовых отношениях без выделения собственником необходимых средств. Возникающие в данной сфере общественных отношений конфликты зачастую получают разрешение посредством ограничения трудовых прав работника. В статье использованы типичные в подобной ситуации примеры. Авторы попытались разработать рекомендации по привлечению собственника к выполнению обязательств работодателя в трудовых отношениях.

Ключевые слова: собственник, правовой статус собственника, полномочия собственника, правовой статус работодателя, исполнение обязанностей собственником в трудовых отношениях, исполнение обязанностей работодателем в трудовых отношениях, реализация прав работника.

Цитирование: *Миронов В.И., Барбашова Т.П., Симонов В.И.* Роль собственника в реализации трудовых прав работника // Государство и право. 2021. № 12. С. 168–173.

DOI: 10.31857/S102694520017463-0

OWNER'S ROLE IN REALIZATION OF LABOR RIGHTS OF EMPLOYEE

© 2021 V. I. Mironov[1, *], T. P. Barbashova[2, *], V. I. Simonov[1, **]

[1]Moscow
[2]Gubkin Russian state University of oil and gas (National Research University), Moscow

**E-mail: rguprocess@mail.ru*
***E-mail: vis12@bk.ru*

Received 05.02.2021

Abstract. The article is devoted to the problem of fulfillment of obligations of the employer who depends on the owner. The owner is not a subject of labor law. For these reason he is not responsible for the obligations of the employer to employees. In turn, the employer is not able to fulfill obligations in labor relations without providing the owner with the necessary funds. Emerging in the field of labor relations conflicts often get settled by restriction of the labor rights of the employees. Typical examples in this situation are used in this article. The authors have tried to develop recommendations to attract the owner to fulfill the obligations of the employer in labor relations.

Key words: the owner, the legal status of the owner, the powers of the owner, the legal status of the employer, the fulfillment of the obligations of the owner in labor relations, the fulfillment of the obligations of the employer in labor relations, the realization of employee rights.

For citation: *Mironov, V.I., Barbashova, T.P., Simonov, V.I. (2021).* Owner's role in realization of labor rights of employee // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 168–173.

Правовой статус собственника не исследован с достаточной полнотой представителями науки трудового права. Работы, упоминающие названный субъект, в основном сводятся к оценке влияния на трудовые отношения смены собственника имущества организации[1], хотя именно собственнику отведена ключевая роль в обеспечении трудовых прав работника.

Видимо, такое пассивное отношение представителей науки трудового права к правовому положению собственника, как лица, определяющего правила взаимодействия в соответствующих отношениях, обусловлено содержанием Трудового кодекса РФ, который только в 11 статьях обращается к собственнику имущества организации в контексте его связи с руководителем организации, ответственности. В то же время внимание в Кодексе сосредоточено на иных субъектах: работодателе и работнике.

Между тем трудовые отношения не могут возникнуть без собственника, поскольку создание рабочих мест находится в его компетенции. Таким образом, регулирование отношений в предмете трудового права следует рассматривать через полномочия собственника. Для этого определим понятие «собственник» применительно к трудовому праву.

С точки зрения русского языка собственник – это владелец имущества[2]. Цивилистическая наука называет собственником лицо, которому законодательством предоставлена возможность по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом, принимая на себя бремя и риск его содержания[3].

Собственником в гражданско-правовом смысле могут быть граждане и юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования (п. 2 ст. 212 ГК РФ). Учредители (участники, члены), передающие имущество коммерческим и некоммерческим организациям в качестве вкладов (взносов), исключая государственные и муниципальные предприятия, а также учреждения, не становятся собственниками таких организаций (п. 3 ст. 213 ГК РФ).

Используя подход, из которого исходит наука гражданского права, и легальное понятие работодателя, данное в ч. 4 ст. 20 ТК РФ, можно сделать вывод о том, что собственником в трудовых отношениях выступает работодатель, поскольку именно ему принадлежит имущество (за редким исключением), используемое для обеспечения трудового процесса.

Между тем решения по вопросам организации труда и управления трудом принимаются не от имени работодателя. Представители работодателя только придают им правовую форму. Тогда как материальные средства предоставляют лица, обладающие правом распределения прибыли, полученной от применения наемного труда. Указанные лица, в нашем понимании, и есть собственники.

Можно, конечно, возразить, приведя в качестве аргумента разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о невозможности расторжения трудового договора с руководителем, его заместителями и главным бухгалтером по п. 4 ч. 1 ст. 81 ТК РФ при изменении состава участников (акционеров)[4]. Однако вряд ли данная позиция имеет практическую ценность, так как трудовой договор с названными лицами может быть расторгнут в любое время по решению уполномоченного органа юридического лица либо собственника (п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ). Юридически – разные основания, фактически – одни и те же последствия.

Заметим, что собственник определяет будущее полученного организацией дохода нередко через цепочку зависимых сторон. При этом полномочия по управлению во всяком случае сосредоточены в руках физического лица[5]. Юридическое лицо, включая принадлежащее государству, это фикция; его самостоятельность – явление относительное.

Таким образом, собственник в трудовых отношениях – это физическое лицо, имеющее возможность по своему усмотрению распоряжаться прибылью от использования труда работников.

Следующее звено в исследовании полномочий собственника в отношениях наемного труда – понимание его роли в реализации права.

В юридической науке встречаются различные подходы к пониманию права[6], которые проявляются в толковании и других правовых категорий: правосознания, правоотношения, реализации права и т.д.[7]

Так, некоторые ученые мыслят о праве как о совокупности законов; другие включают в названное понятие, помимо норм, правоотношения, правосознание, субъективное право; третьи исходят из концепции различия права и закона[8].

Изучение научных представлений о праве позволяет рассредоточить все их многообразие в двух условных теориях, выявляющих основные расхождения в существующих взглядах на это понятие. Первая сводится к отождествлению права с законом (нормой права), вторая – к трактовке права как объективно обусловленных соответствующими

---

[1] См., напр.: *Николаенко Т.* Споры работников при смене собственника имущества организации // Трудовое право. 2017. № 9. С. 55–63; *Капинус В.Н.* Трудоправовые аспекты смены собственника имущества организации, изменения ее подведомственности и реорганизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. С. 80–83; *Пластинина Н.* Увольнения, связанные со сменой собственника имущества организации // Трудовое право. 2015. № 6. С. 95–105.

[2] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 766.

[3] См.: Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учеб. для студ. вузов / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 32.

[4] См.: абз. 4 п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.

[5] Если физическое лицо не обладает требуемым большинством голосов, то факт принятия решения зависит от воли нескольких физических лиц. В контексте управления таких лиц следует рассматривать в качестве единого целого. В настоящей работе понятие «физическое лицо», употребляемое в единственном числе, применительно к дефиниции «собственник» учитывает названную особенность.

[6] См.: *Графский В.Г.* Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 5–34.

[7] См.: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 55, 56.

[8] См.: *Нерсесянц В.С.* Право: многообразие определений и единство понятия // Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 27.

отношениями правил поведения, не всегда имеющим формальное выражение (объективное право).

Появление определенной личности наполняет право субъективностью. Право становится мерой юридически возможного поведения, которая призвана удовлетворять собственные интересы физического лица. В данной ситуации подразумеваются конкретные права отдельно взятого человека (субъективное право).

Соответственно, реализация права может рассматриваться как реализация нормы права, как реализация объективно существующих правил поведения или как реализация субъективного права.

Реализация (от позднелат. *realis* – вещественный, действительный), в свою очередь, означает осуществление какого-либо плана, идеи и т.п.[9] В сочетании с определением права реализация в правовой науке описывается как процесс и конечный результат[10].

Следовательно, реализация права предполагает действия полномочных субъектов по осуществлению норм права (объективных правил поведения, законных возможностей), результаты которых получают оформление.

Собственник определяет представителей работодателя, которые реализуют нормы права в его интересах. Таким образом, собственник совершает поступки или указывает способы их совершения, тогда как правовую форму решениям придают представители работодателя. При этом они не имеют материальных средств для выполнения обязанностей перед работниками. Поэтому реализация субъективного права работника полностью зависит от собственника. Сказанное показывает, что элементы правового статуса собственника и работодателя не совпадают. Выявим их соотношение.

По вопросу содержания правового статуса отдельные авторы приводят три основных подхода, сформировавшихся в юридической науке.

Во-первых, правовой статус включает в себя категории прав, свобод и обязанностей; иные элементы выступают достатусными, послестатусными или надстатусными.

Во-вторых, к правовому статусу относятся правовые средства, легально определяющие и закрепляющие положение лица в обществе.

В-третьих, в понятие правового статуса входит только определенная часть правовых средств[11].

В общей теории права распространенным является понимание правового статуса в качестве совокупности прав и обязанностей человека, полномочий государственных органов и должностных лиц, непосредственно закрепляемых за теми или иными субъектами права[12].

Наука трудового права характеризует правовой статус субъекта данной отрасли, исходя из таких элементов, как: трудовая правоспособность; трудовая дееспособность; права и обязанности, которые возникают при его вступлении в отношения, составляющие предмет трудового права; гарантии реализации трудовых прав и исполнения обязанностей; деликтоспособность[13].

На первый взгляд, работодателю присущи все перечисленные элементы правового статуса субъекта трудового права.

Так, работодатель, вместе с работником, признается главным участником трудовых отношений (ст. 15 ТК РФ). Требования к работодателю установлены в ст. 20 ТК РФ; его основные права и обязанности перечислены в ст. 22 ТК РФ; материальной ответственности работодателя посвящены ст. 234–237 ТК РФ. Кодекс содержит и другие нормы, определяющие положение работодателя в трудовых отношениях.

Наряду с этим для выполнения обязанностей работодателя необходимы материальные ресурсы, которые предоставляются собственником. Отсутствие таких ресурсов не позволяет работодателю в полной мере реализовать правовой статус в отношениях, входящих в предмет трудового права, в т.ч. нести материальную ответственность перед работниками.

В свою очередь, собственник по общему правилу не обладает правовым статусом субъекта трудового права, что исключает возможность предъявления к нему требований, основанных на положениях трудового законодательства, не только работниками (их представителями), но и работодателем. Хотя именно он обладает капиталом, с помощью которого может быть обеспечено надлежащее выполнение обязанностей работодателя и исполнение решений о привлечении работодателя к материальной ответственности.

Таким образом, работодатель, формально имея правовой статус субъекта трудового права, не способен его реализовать в полном объеме в отношениях, составляющих предмет трудового права, т.к. отдельные элементы правового статуса работодателя (гарантии исполнения обязанностей, деликтоспособность) фактически составляют правовой статус собственника. При этом собственник не признается субъектом трудового права, поскольку не обладает остальными элементами правового статуса субъекта трудового права.

Формальный статус работодателя – субъекта трудового права, и его отсутствие у собственника на практике приводят к неразрешимым противоречиям.

Например, в Мурманской области сотрудники НИИ были переведены на полставки с целью выполнения Указа Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по

---

[9] См.: Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.). М., 1981. С. 1119.

[10] См., напр.: Общая теория государства и права: акад. курс: в 3 т. Т. 2: Право / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 707; *Сенников И.Е.* Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 57; *Матузов Н.И.* Возможность и действительность в правовой сфере // Правоведение. 2000. № 3. С. 19; *Лазарев В.В.* Особенности реализации правовых предписаний // Сов. государство и право. 1972. № 2. С. 21; *Кожевников С.Н.* Реализация права, юридическое толкование, законность: учеб.-метод. пособие по курсу «Общая теория права». Н. Новгород, 2002. С. 8.

[11] Подробнее об этом см.: *Долинская В.В.* Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–19.

[12] См., напр.: Общая теория права: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 241; Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004. С. 373.

[13] Подробнее об этом см.: *Миронов В.И.* Трудовое право: учеб. для вузов (+CD). СПб., 2009. С. 95, 96.

реализации государственной социальной политики»[14] о повышении им заработной платы[15].

Механизм отчета о повышении зарплаты работникам образовательных и научных учреждений прост. Уменьшая ставку работника при сохранении прежней занятости и заработной платы, в вышестоящие инстанции поступают отчеты об ее повышении. Тогда как работник остается с тем же уровнем оплаты труда. Работодатель не имеет возможности увеличить размер заработной платы по причине отсутствия достаточных средств, которые должен был выделить собственник. В приведенном примере данную функцию выполняло ФАНО России[16]. Однако обращения работодателя о выделении необходимых для повышения оплаты труда средств собственник игнорирует, предлагая самостоятельно находить дополнительные источники финансирования. Как всегда, конфликт разрешают за счет трудовых прав работников, которые не только не получают обещанного повышения заработной платы, но и лишаются при переводе на полставки гарантированных льгот. В частности, работники в особых условиях труда должны отработать полностью норму рабочего времени, что означает автоматическое повышение стажа для получения льгот в два раза.

Следовательно, отсутствие у работодателя материальных средств для повышения уровня оплаты труда, освобождение собственника от обязанности по реализации трудовых прав работников влекут их незаконное ограничение.

В силу требований ст. 56 ТК РФ работодатель обязан обеспечивать работой, а не формально уменьшать рабочее время при той же занятости. Работодатель средств для выполнения обязанности по повышению заработной платы не имеет, собственник их не выделяет. Работники предъявить требования о выплате заработной платы в повышенном размере к собственнику не могут, т.к. он не является субъектом трудового права. Очевидно, что роль собственника в реализации трудовых прав имеет решающее значение, но при этом он ответственности за отказ в предоставлении необходимых средств перед работниками не несет. На основании ч. 12 ст. 20 ТК РФ в нормативных правовых актах федерального уровня может быть предусмотрена субсидиарная ответственность собственника по обязательствам работодателя (юридического лица), вытекающим из трудовых отношений. Однако подобные акты и, естественно, практика их применения отсутствуют. В связи с этим работник находится под властью не имеющего средств работодателя, который пытается представить благополучную картину повышения заработной платы. В результате проигравшим субъектом трудового права становится работник.

В нашем понимании, собственник должен выступить в качестве ответственного субъекта трудового права. Конечно, оптимальным может стать вариант внесения в ст. 20 ТК РФ дополнений о солидарной ответственности собственника по обязательствам работодателя в трудовых отношениях. Однако внесение подобных изменений влечет дополнительные бюджетные расходы. Поэтому их осуществление маловероятно.

На наш взгляд, привлечение собственника в качестве субъекта трудового права для выполнения обязанностей работодателя в трудовых отношениях может происходить на коллективном и индивидуальном уровнях.

В коллективных договорах, соглашениях может быть предусмотрена обязанность собственника по выделению необходимых средств для выполнения обязательств работодателя в трудовых отношениях. Собственника следует признать участником отношений по ведению коллективных переговоров, заключению коллективных договоров, соглашений. Кстати, в этих актах может быть установлена обязанность собственника о выделении не менее пятидесяти процентов получаемых за счет труда работников средств на оплату их труда. Не исключена и возможность появления в указанных договорах условий о солидарной ответственности собственника по обязательствам работодателя в трудовых отношениях. Конечно, для появления таких условий требуется создание представительного органа работников, который способен на равных вести переговоры не только с работодателем, но и с собственником. Полагаем, отказ собственника от ведения коллективных переговоров является административным правонарушением, если представительный орган работников направил ему соответствующее предложение. Таким образом, представители работника могут требовать признания собственника субъектом трудового права, который должен нести солидарную ответственность по обязательствам работодателя в трудовых отношениях.

Видимо, и в трудовом договоре собственник может выступить в качестве обязанного субъекта. Напомним, что ст. 8, 9 ТК РФ позволяют издавать акты и заключать договоры, улучшающие положение работников. Поэтому появление в трудовом договоре условия о солидарной ответственности собственника по обязательствам работодателя является допустимым. В связи с этим собственник может стать субъектом и трудовых отношений. Заметим, что в приведенном п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ он фактически назван стороной трудового договора, имеющей полномочия по его прекращению. Логичным видится и участие собственника в выполнении обязательств работодателя, который фактически исполняет его поручения.

* * *

Таким образом, работодатель, работники должны на коллективном и индивидуальном договорном уровне добиваться признания собственника субъектом трудового права, что может стать поворотным этапом в регулировании отношений, определяющих предмет трудового права.

Нельзя не заметить, что договорное регулирование выступает одной из ступеней совершенствования отношений собственника, работодателя, работника. Договор об ответственности собственника по обязательствам работодателя в трудовых отношениях может стать первым звеном на пути доверия, любви и свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С 55, 56.
2. *Брицкая Т.* Ученым поставили ультиматум // Новая газ. 2018. 16 февр. С. 6.
3. Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неи-

[14] См.: СЗ РФ. 2012. № 19, ст. 2334.

[15] См.: *Брицкая Т.* Ученым поставили ультиматум // Новая газ. 2018. 16 февр. С. 6.

[16] В настоящий момент упразднено (см.: Указ Президента РФ от 15.05.2018 г. № 215) // СЗ РФ. 2018. № 21, ст. 2981).

имущественные права: учеб. для студ. вузов / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 32.

4. *Графский В.Г.* Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 5–34.
5. *Долинская В.В.* Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–19.
6. *Капинус В.Н.* Трудоправовые аспекты смены собственника имущества организации, изменения ее подведомственности и реорганизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. С. 80–83.
7. *Кожевников С.Н.* Реализация права, юридическое толкование, законность: учеб.-метод. пособие по курсу «Общая теория права». Н. Новгород, 2002. С. 8.
8. *Лазарев В.В.* Особенности реализации правовых предписаний // Сов. государство и право. 1972. № 2. С. 21.
9. *Матузов Н.И.* Возможность и действительность в правовой сфере // Правоведение. 2000. № 3. С. 19.
10. *Миронов В.И.* Трудовое право: учеб. для вузов (+CD). СПб., 2009. С. 95, 96.
11. *Нерсесянц В.С.* Право: многообразие определений и единство понятия // Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 27.
12. *Николаенко Т.* Споры работников при смене собственника имущества организации // Трудовое право. 2017. № 9. С. 55–63.
13. Общая теория государства и права: акад. курс: в 3 т. Т. 2: Право / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 707.
14. Общая теория права: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 241.
15. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 766.
16. *Пластинина Н.* Увольнения, связанные со сменой собственника имущества организации // Трудовое право. 2015. № 6. С. 95–105.
17. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004. С. 373.
18. *Сенников И.Е.* Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 57.
19. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.). М., 1981. С. 1119.

REFERENCES

1. *Baitin M.I.* The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001. P. 55, 56 (in Russ.).
2. *Britskaya T.* Scientists put an ultimatum // Novaya gazeta. 2018. 16 Feb. P. 6 (in Russ.).
3. Civil Law: in 4 vols. Vol. 2: Real law. Inheritance law. Exclusive rights. Personal non-property rights: textbook for students for higher education institutions / ed. by E.A. Sukhanov. 3rd ed., reprint. and additional. M., 2005. P. 32 (in Russ.).
4. *Grafsky V.G.* Basic concepts of law and state in modern Russia (Based on the materials of the "Round Table" at the Center for theory and history of law and state of the ISL of the RAS). 2003. No. 5. P. 5–34 (in Russ.).
5. *Dolinskaya V.V.* The legal status and legal personality // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2012. No. 2. P. 6–19 (in Russ.).
6. *Kapinus V.N.* Labor law aspects change of the owner of the property of the organization, changes in its jurisdiction and reorganization // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 12. P. 80–83 (in Russ.).
7. *Kozhevnikov S.N.* Implementation of law, legal interpretation, legality: educational and methodical manual on the course "General theory of law". N. Novgorod, 2002. P. 8 (in Russ.).
8. *Lazarev V.V.* Features of the implementation of legal prescriptions // Soviet State and Law. 1972. No. 2. P. 21 (in Russ.).
9. *Matuzov N.I.* The possibility and reality in the legal sphere. 2000. No. 3. P. 19 (in Russ.).
10. *Mironov V.I.* Labor Law: textbook for higher education institutions (+CD). SPb., 2009. P. 95, 96 (in Russ.).
11. *Nersesyants V.S.* Law: the diversity of definitions and the unity of the concept // Soviet State and Law. 1983. No. 10. P. 27 (in Russ.).
12. *Nikolaenko T.* Disputes of employees when changing the owner of the organization's property // Labor Law. 2017. No. 9. P. 55–63 (in Russ.).
13. General theory of state and law: acad. course: in 3 vols. Vol. 2: Law / ed. by M.N. Marchenko. 3rd ed., reprint. and additional. M., 2007. P. 707 (in Russ.).
14. General theory of law: textbook for legal universities / under the general editorship of A.S. Pigolkin. 2nd ed., corrected and updated. M., 1996. P. 241 (in Russ.).
15. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1993. P. 766 (in Russ.).
16. *Plastinina N.* Dismissals associated with the change of the owner of the property of the organization // Labor Law. 2015. No. 6. P. 95–105 (in Russ.).
17. Problems of the General theory of law and the state: textbook for universities / under the general editorship of V.S. Nersesyants. M., 2004. P. 373 (in Russ.).
18. *Sennikov I.E.* The use of law as a form of direct implementation of legal norms: dis. ... PhD in Law. N. Novgorod, 2003. P. 57 (in Russ.).
19. Soviet Encyclopedia / Scientific and Editorial Council: A.M. Prokhorov (Chairman). M., 1981. P. 1119 (in Russ.).

Сведения об авторах

МИРОНОВ Владимир Иванович –
доктор юридических наук, профессор, член Независимого экспертно-правового совета и Научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Российской Федерации; г. Москва

БАРБАШОВА Татьяна Павловна –
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) им. И.М. Губкина;
119991 г. Москва, Ленинский проспект, д. 65, корп. 2

СИМОНОВ Владислав Иванович –
кандидат юридических наук, доцент; г. Москва

Authors' information

MIRONOV Vladimir I. –
Doctor of Law, Professor, member of the Independent Legal Expert Council and the Scientific Advisory Council of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; Moscow, Russia

BARBASHOVA Tatiana P. –
PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Gubkin Russian state University of Oil and Gas (National Research University);
65 Leninsky ave., 119991 Moscow, Russia

SIMONOV Vladislav I. –
PhD in Law, associate Professor; Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 174–180
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 174–180

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБЪЕКТА, ПРЕДМЕТА И МЕТОДОЛОГИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ

© 2021 г. А. Ю. Афанасьев*, А. Ф. Лубин**

Нижегородская академия МВД России;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**E-mail: afanasev_alexey@bk.ru*
***E-mail: ale-lubin@yandex.ru*

Поступила в редакцию 27.09.2020 г.

Аннотация. В настоящей статье выстраивается концептуальное представление об объекте, предмете и методологии уголовно-процессуальной науки через цель уголовного процесса в виде разрешения уголовно-правового спора. Авторами приводятся аргументы, указывающие на слаборазвитость внутринаучной рефлексии уголовно-процессуальной науки, а также исследовательской инфраструктуры инноваций в уголовно-процессуальной деятельности и приводится ряд рекомендаций методологического характера.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная наука, уголовно-процессуальная деятельность, цель уголовного процесса, объект науки, предмет науки, методология, закономерности.

Цитирование: *Афанасьев А.Ю., Лубин А.Ф.* Концептуальная модель объекта, предмета и методологии уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2021. № 12. С. 174–180.

DOI: 10.31857/S013207690009558-5

CONCEPTUAL MODEL OF THE OBJECT, SUBJECT AND METHODOLOGY OF CRIMINAL PROCEDURE SCIENCE

© 2021 A. Yu. Afanasyev*, A. F. Lubin**

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod

**E-mail: afanasev_alexey@bk.ru*
***E-mail: ale-lubin@yandex.ru*

Received 27.09.2020

Abstract. This article builds a conceptual understanding of the object, subject and methodology of criminal procedure science through the purpose of the criminal process in the form of the resolution of a criminal dispute. The authors present arguments pointing to the underdevelopment of the internal scientific reflection of criminal procedure science, as well as the research infrastructure of innovations in criminal procedure, and provide a number of methodological recommendations.

Key words: criminal procedure science, criminal procedure activity, the purpose of the criminal process, the object of science, the subject of science, methodology, regularity.

For citation: *Afanasyev, A. Yu., Lubin, A.F. (2021).* Conceptual model of the object, subject and methodology of criminal procedure science // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 174–180.

Основными атрибутами (признаками) любой науки выступают: особый объект, собственный предмет и своя методология. «Любой ученый, который дает определение науки, пытается указать на ее предмет. Беспредметность науки – признак незрелости научного сообщества»[1]. Вероятно, сюда можно отнести и «безобъектность», и отсутствие методологии. В качестве позитивных признаков следует назвать объективность, интерсубъективность, универсализм, воспроизводимость, достоверность, опытность знания и другие[2]. Полагаем, что данные признаки в совокупности служат инструментами для демаркации различных областей научного знания, а также для разграничения науки от псевдонауки, рациональных наук от иррациональных и т.д.

Вряд ли стоит возражать против общенаучных определений. Объект науки признается областью действительности, совокупностью реальных явлений и процессов, на изучение и обоснование которых направлена определенная отрасль научных знаний, а предметом науки – стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах; общие закономерности объекта[3]. Здесь подчеркивается связь между объектом и предметом науки.

При первом приближении складывается ощущение, что объект и предмет, а также методология уголовно-процессуальной науки уже определены. В действительности это не совсем так. Не имеется единого мнения ни об объекте, ни о предмете, ни о методологии науки уголовного процесса. Более того, можно обнаружить полярные позиции ученых-процессуалистов, которые могут одно и то же относить и к объекту, и к предмету уголовно-процессуальной науки. Так, одни авторы объектом уголовно-процессуальной науки называют уголовно-процессуальные нормы и практику их применения, т.е. уголовно-процессуальную деятельность[4], другие – в этом, напротив, видят ее предмет[5]. В то же время доктрина содержит подходы, в соответствии с которыми объектом науки уголовного процесса является некоторый фрагмент философской «картины мира»[6], предметом науки уголовного процесса называют: уголовно-процессуальное право и правоотношения, возникающие при реализации соответствующих норм[7]; вопросы, связанные с выявлением закономерностей правового регулирования производства по уголовным делам и определением возможных путей его совершенствования[8]; свойства уголовного судопроизводства, его связи, закономерности возникновения, функционирования и развития как социально-правового явления[9]; нормы уголовно-процессуального права; саму деятельность суда, прокуратуры и органов следствия; уголовно-процессуальные отношения[10]; само уголовное процессуальное право (в нормативном выражении) и практику его применения, выраженную в уголовно-процессуальной деятельности, а также исторический опыт ее развития[11] и др.

Здесь, на наш взгляд, демонстрируется, с одной стороны, явное отсутствие единого подхода в формулировании объекта и предмета уголовно-процессуальной науки, а с другой – смешение их между собой. Вероятно, все это обусловливается тем, что отграничить объект и предмет друг от друга представляется сложным в силу неразрывности их связи между собой. Такая генетическая связь исходит из того, что предмет есть закономерности объекта. Очевидно, что такая связь не означает их синонимичности, и не позволяет их противопоставлять и смешивать.

С методологией уголовно-процессуальной науки еще сложнее. Элементарное представление методологии лишь в виде системы или даже совокупности методов научного познания, транслируемое в словарях и научных работах[12], исключает ощутимую часть методологии любой области научного знания. С нашей точки зрения, о методологии следует говорить, как о пути научного познания или даже как о программе научного познания[13], которая приведет к формированию учения об организации научной деятельности[14]. В таком разрезе методология уголовно-процессуальной науки приобретает смысл, который должен быть ей свойствен в связке с объектом и предметом уголовно-процессуальной науки. В данной ситуации возникает необходимость концептуального осмысления связывающего их между собой звена. Таким звеном мы видим цель уголовного процесса. Это исходит из того, что объект отвечает на вопрос – для какой цели, для чего нужны результаты научных исследований, предмет науки – что должна изучать наука для достижения этой цели. Потому совершенно корректно ставить вопрос: должны ли совпадать цели уголовно-процессуальной науки и уголовного процесса как практической деятельности. Представляется, что ответ однозначен – должны совпадать. В ином случае – это параллельные и не пересекающиеся реальности.

---

[1] Криминалистика: курс лекций / под ред. А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 2018. С. 19.

[2] См.: *Черникова И.В.* Природа науки и критерии научности // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, культурология. 2012. № 3 (31). С. 93.

[3] См.: Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1963. С. 359.

[4] См.: *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 20, 21; *Их же.* Уголовный процесс. СПб., 2005. С. 12, 13.

[5] См.: *Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н.* Уголовный процесс: учеб. М., 2005. С. 18; *Адаменко Е.Н.* Уголовно-процессуальная деятельность как предмет науки уголовного процесса // Общество и право. 2014. № 2. С. 176.

[6] Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М., 2011. С. 6.

[7] См.: Уголовный процесс: учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002; Уголовный процесс: учеб. / отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М., 2009. С. 16.

[8] См.: *Зинатуллин З.З.* Российская уголовно-процессуальная наука: генезис развития и современные проблемы // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. «Экономика и право». 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 162, 163.

[9] См.: *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. С. 20. 21; *Их же.* Уголовный процесс. С. 12, 13.

[10] См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 75.

[11] См.: Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. С. 6.

[12] См.: Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. С. 263; *Гриненко А.В.* Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9. С. 54–60.

[13] См.: Педагогика и логика. М., 1992. С. 51, 64.

[14] См.: *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. М., 2007. С. 20.

Как отмечает М.П. Поляков, модель совершенного уголовного процесса не может быть разработана без уяснения его цели и расстановки приоритетов[15]. Как теоретическая, так и практическая модель уголовно-процессуальной деятельности должна исходить от единообразного понимания общей цели уголовного процесса. На этот счет Г.А. Печников указывает, что уголовный процесс, в котором отсутствует общая цель, претерпевает метаморфозу – средства становятся целью[16]. Это, как известно, может привести к беспредметности деятельности.

Для недопущения подобного сценария развития уголовно-процессуальных правоотношений требуется установить цель уголовного процесса – и науки, и практики. Если она недостаточно точно определена, то оказывается невозможным вычленить главные элементы предмета науки, т.е. закономерности, предопределяющие цель и результативность оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности соответствующих субъектов. Отсюда логичен вопрос: какая реальная цель практической уголовно-процессуальной деятельности? Лишь такой подход показывает то, что требуется изначально установить цель практической уголовно-процессуальной деятельности, которая, в свою очередь, является причиной возникновения уголовного процесса как науки с такой же целью.

Подходов к толкованию цели уголовного процесса наукой сформировано достаточное количество. Одни видят ее в установлении права на наказание[17], другие – в борьбе с преступностью[18], третьи – в установлении истины[19], четвертые – в определении справедливого наказания[20], пятые – в разрешении уголовно-правового спора[21] и др. Полагаем, что такая разнородность позиций ученых-процессуалистов исходит главным образом от отсутствия в Уголовно-процессуальном кодексе РФ закрепленной цели уголовного процесса. В ст. 6 УПК РФ приводится лишь назначение уголовного судопроизводства. Это, как известно, не одно и то же, о каком бы конкретно назначении уголовного процесса не говорили[22]. Отсюда же и сложности выяснения цели уголовно-процессуальной науки.

На наш взгляд, цель, обрисовываемая правоприменителем и к которой он стремится, безусловно имеет свойство будущности, хотя ее влияние на настоящее весьма существенно. Не будет ошибкой даже если заявить, что цель лежит в основе технологии всего уголовного процесса. Здесь уместно вспомнить, вероятно, не утратившую актуальности «немецкую теорию процесса как юридического отношения»[23]. Такого процесса, в котором имеются специфическая цель, а также особенности взаимодействия субъектов правоотношений. Ранее данная теория получила поддержку со стороны отечественных ученых. Она была развита и дополнена соответствующим уголовно-процессуальным содержанием.

Так, Н.Н. Розин в этой теории видел потенциал для искоренения признаков розыскного процесса. Им под процессом в широком смысле понималось взаимоотношение прав и обязанностей определенных субъектов (сторон процесса и суда), имеющее своей задачей разрешение правового спора[24]. Тем самым разрешение спора преподносилось как цель процесса, завершающее судопроизводство. То, что процесс проникнут началом стремления к определенному конечному решению, началу целесообразности отмечалось и другими авторами[25]. Ныне такое понимание цели уголовного процесса также получило развитие и поддержку[26].

Исходя из того, что данные положения прошли проверку временем, можно заявить о достаточности оснований для того, чтобы признать в качестве цели уголовного процесса разрешение уголовно-правового спора. Законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовно-правового спора должно выступать единой целью как для уголовно-процессуальной науки, так и для уголовно-процессуальной деятельности.

Следовательно, стремления по объединению усилий представителей науки и практики в деятельности по борьбе с преступностью сходятся в следующем: ученым-процессуалистам

---

[15] См.: *Поляков М.П.* Национальные интересы как приоритет отечественного уголовного процесса // Проблемные ситуации применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: материалы науч.-практ. конф. Саранск, 2004. С. 22.

[16] См.: *Печников Г.А.* О значении цели в судопроизводстве в свете диалектического взгляда Сократа о презумпциях, фикциях в уголовном процессе // «Черные дыры» в росс. законодательстве. 2004. № 3. С. 346.

[17] См.: *Полянский Н.Н.* Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.

[18] См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Советский уголовный процесс. Харьков, 1927. Вып. 1. С. 6; *Голунский С.А.* Советский уголовный процесс. М., 1953. С. 7.

[19] См.: *Строгович М.С.* Уголовный процесс. М., 1934. С. 15; *Его же.* Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 244; *Орлов Ю.К.* Проблемы истины в уголовном процессе // Государство и право. 2007. № 3. С. 50–56; *Зажицкий В.И.* Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74.

[20] См.: Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М., 1968. С. 12.

[21] См.: *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. СПб., 1916. С. 13; *Мизулина Е.В.* Технология власти: уголовный процесс / отв. ред. М.Ю. Мизулин. Ярославль, 1992. С. 4, 5.

[22] См.: *Михайловская И.Б.* Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 111–118; *Галузо В.Н., Якупов Р.Х.* Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., пере-раб. М., 2013. С. 37–48.

[23] *Rosshirt K.E.F.* Geschichte und System des deutschen Strafrechts. Stuttgart, 1838. Заметим, что в уголовно-процессуальной литературе ФРГ цели уголовного процесса определяются по господствующей доктрине. Она гласит: «Целью уголовного процесса является достижение решения относительно уголовной ответственности (наказуемости) обвиняемого, соответствующего уголовному закону, обеспечиваемого процессуально правомерным путем, восстанавливающего правовой мир (правопорядок)». При этом подчеркивается, что «в уголовном процессе существует конфликт целей» (см.: *Roxin C.* Strafverfharensrecht. 24 Aufl. München, 1995. S. 4).

[24] См.: *Розин Н.Н.* Указ. соч. С. 18.

[25] См.: *Люблинский П.И.* Новая теория уголовного процесса. Пг., 1916. С. 37.

[26] См., напр.: *Кувалдина Ю.В.* Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011; *Михайловская И.Б.* Указ. соч. С. 114; *Мизулина Е.В.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991; *Колоколов Н.А.* Российская наука в поисках оптимального формата учебника уголовного процесса // Юридический мир. 2009. № 6. С. 56–61.

следует разрабатывать предмет в виде закономерностей разрешения уголовно-правового спора, практикам – осуществлять свою деятельность в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона для достижения той же цели.

Закономерности предмета уголовно-процессуальной науки разнообразны. Например, Н.Г. Стойко в докторской диссертации отмечает, что таким предметом выступают «идеологическое, политическое и правовое содержание уголовно-процессуальной деятельности.., а также закономерности (тенденции) сближения и расхождения ее мировых типов и национальных видов...»[27]. А.Д. Назаров указывает на другой предмет – закономерности такой уголовно-процессуальной деятельности, в результате которой допускаются ошибки доказывания и принятия решений[28]. Наконец, называются закономерности взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве[29], закономерности структуры уголовно-процессуальной деятельности[30] и др.

На первый план выходит методология – научный путь выявления и апробации закономерностей, а также их верификации (проверки). Характерно, что такой «путь» рекламируется как универсальная «схема методологии», которая включает в себя: 1) характеристику исследуемой деятельности (особенности, принципы, условия, нормы деятельности); 2) логическую структуру деятельности (субъект, объект, предмет, формы, средства, методы, результат деятельности); 3) временну́ю структуру деятельности (фазы, стадии, этапы деятельности)[31].

Достаточно беглого взгляда, чтобы понять: на этом «пути» не указана технология, собственно методология исследования, а перечислены задачи или объекты анализа. Следует заметить, что в уголовно-процессуальной науке не развита методология, а также исследовательская инфраструктура инноваций в уголовно-процессуальной практической деятельности. Это проявляется в том, что допускается смешение практической уголовно-процессуальной деятельности с научной моделью уголовного процесса, а также средств практической уголовно-процессуальной деятельности со средствами методологического характера.

Уместна иллюстрация в виде тезиса, в котором, как полагаем, содержится полный комплект ошибок подобного рода. «Уголовный процесс, – пишет Ю.В. Колташев, – представляет собой фундаментальную науку о формах уголовного судопроизводства (производства по уголовному делу) в целом и не имеет прикладного характера, т.е. особенностей при производстве по отдельным видам преступлений»[32].

«Богатство» этого утверждения состоит в том, что автор одновременно: 1) отказывает науке уголовного процесса в использовании ее результатов практикой; 2) лишает науку целого направления исследований, связанных с дифференциацией уголовно-процессуальных форм; 3) объединяет уголовный процесс как науку, как учебный курс, как практическое правоприменение в нечто единое, существующее только в представлении обывателя.

В свое время назывались причины низкого качества исследований: отсутствие актуальности, новизны, заказной характер диссертаций и т.д.[33] Не была названа, пожалуй, лишь одна причина – методологическая ущербность диссертационных разработок. Но надо признать, что рассуждать о методологии научной деятельности не только непросто, но и, кажется, небезопасно. С одной стороны, те ученые, которые наиболее «продвинулись» в данном направлении, весьма успешно освоили «птичий» язык и не ограничивают себя в этом, с другой – практически каждый исследователь и есть сам себе методолог. Именно с помощью методологии автор указывает на то, чем его путь отличается от другого пути научного познания, и здесь же можно проследить соответствие полученных им результатов критериям научности. Тем самым в каждом отдельно взятом исследовании имеется собственная методология. Очевидно, что значительная часть исследователей смотрит на методологию сквозь свои убеждения, установки, формировавшиеся под влиянием различных факторов, и научные тренды, отразившиеся в разработках известных ученых, научной школы и научных руководителей.

В науке споры о сущностной и функциональной стороне методологии возникают часто. Несмотря на это, в этой области остается на высоком уровне неопределенность подходов. Все это не мешает сформулировать рабочее определение понятия «методология». Нами под ней понимается путь научного познания; система взаимосогласованных методов аккумуляции новых знаний об определенной области исследования и применения данных знаний для разрешения практических задач.

Уголовно-процессуальная деятельность не возникает перед нами, разделенной на дисциплины. Нельзя представить явления процессуальными, криминалистическими, психологическими и т.д. Научные дисциплины – это способы, с помощью которых исследуются явления: они обусловлены методологическими подходами и точками зрения, а не объектами наблюдений. Организацию науки не следует смешивать с организацией самой природы. Эти ипостаси нельзя противопоставлять, но различать необходимо.

Что же касается научного «инструментария» – методологии уголовного процесса, то, пожалуй, следует определиться, задача какого уровня поставлена: а) научная – теоретическая, методологическая; б) прикладная – методическая; в) описательная – когда мы имеем дело с описанием эмпирики. При этом заимствованный инструментарий, как правило, и ранее не принадлежал какой-либо смежной науке, не становится «уголовно-процессуальным» и после

---

[27] *Стойко Н.Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 7, 8.

[28] См.: *Назаров А.Д.* Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. С. 6, 7.

[29] См.: *Потапов Д.В.* Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 7.

[30] См.: *Адаменко И.Е.* Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 7.

[31] См.: *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Указ. соч. С. 24.

[32] *Колташев Ю.В.* Рецензия на авторскую программу «Предварительное расследование преступлений в сфере экономической деятельности». М., 2000. С. 1.

[33] См.: URL: http://www.regnum.ru/news/657750.html (дата обращения: 10.04.2020).

применения. Отсюда – масса схоластической литературы, с одной стороны, а с другой – описаний, в которых совершается одна и та же ошибка – преждевременное обобщение без всякой возможности верификации.

Очевидно, что поиск «золотой середины» между общностью, например теории доказательств, и содержательностью (спецификой практического доказывания) приводит к неразрешимым противоречиям. Зачастую авторам приходится выполнять «диалектические трюки», не рассчитывая при этом на положительный результат. «Дурные» абстракции (Гегель), проявляющие набор свойств, одинаково относящихся к качественно разным объектам, не приводят к выявлению единства связи общего, особенного и единичного. Иными словами, в уголовно-процессуальных (как и в других) исследованиях допускать смешение уровней анализа не следует. В действительности мы можем сталкиваться с методологией уровня методов, с методологией уровня подражания и с методологией уровня созидания.

Необходимо также понимать, что абстрагирование требует оговорок относительно исследовательского уровня, авторских трактовок тех или иных положений и т.д. Тем самым исследователь будет понятен для читателя, которому, в свою очередь, будут понятны авторские предубеждения, научные и профессиональные установки и т.д.

На наш взгляд, возможны некоторые рекомендации методологического характера: 1) сначала нужны пилотажные исследования реальности, а затем – решение вопроса об актуальности темы, например, диссертации; 2) при проведении пилотажных исследований должны выдвигаться и разрабатываться научные гипотезы; 3) одномоментно происходит изучение литературы и предпринимаются попытки формирования концептуального подхода, заключающего в себе непротиворечивые теоретические и методологические компоненты; 4) по итогам пилотажного исследования оценивается разработанность научной проблемы со стороны как теории, так и методологии; 5) в количественно-качественном отношении оценивается имеющаяся эмпирическая база.

Методические обобщения возможны при наличии соответствующего материала, пригодного для изучения и использования. В действительности наличие такого материала – это редкость. Преодолеть затруднения можно за счет применения прогностических методов (например, метода экспертных оценок). Однако зачастую эмпирические данные представляют собой хаотическую статистику, в которой нельзя проследить каких-либо явных тенденций. В подобной методологической ситуации возможно применение методов кластерного, корреляционного и факторного анализа. Использование математических методов многомерного статистического анализа позволяет выявить закономерные связи между вроде бы не связанными явлениями.

Основной методологический изъян – небрежное отношение к объекту исследования, к той самой реальной деятельности. Зачастую можно наблюдать как «восхождение» к научной категории начинается не с «подошвы», а с уже «покоренных высот» абстракций. Подобное «коллекционирование» мнений различных авторов создает не менее опасное состояние. С одной стороны, можно незаметно скатиться в схоластику, с другой – создается иллюзия конструктивного анализа.

Наряду с этим формируется другая методологическая ошибка: идея конкретного исследования выдается за саму конкретную деятельность. Противопоставление реальной деятельности и теории недопустимо также, как и недопустимо их смешение. Каждая из них выполняет свою часть миссии по достижению единой цели уголовного процесса – разрешению уголовно-правового спора.

* * *

Таким образом, можно заключить, что объектом уголовно-процессуальной науки является деятельность по разрешению уголовно-правового спора; предметом – закономерности разрешения уголовно-правового спора; методологией – путь разрешения уголовно-правового спора; система взаимосогласованных методов аккумуляции новых знаний и применения данных знаний для разрешения практических задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адаменко Е.Н.* Уголовно-процессуальная деятельность как предмет науки уголовного процесса // Общество и право. 2014. № 2. С. 176.
2. *Адаменко И.Е.* Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 7.
3. *Галузо В.Н., Якупов Р.Х.* Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 37–48.
4. *Голунский С.А.* Советский уголовный процесс. М., 1953. С. 7.
5. *Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н.* Уголовный процесс: учеб. М., 2005. С. 18.
6. *Гриненко А.В.* Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9. С. 54–60.
7. *Зажицкий В.И.* Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74.
8. *Зинатуллин З.З.* Российская уголовно-процессуальная наука: генезис развития и современные проблемы // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. «Экономика и право». 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 162, 163.
9. *Колоколов Н.А.* Российская наука в поисках оптимального формата учебника уголовного процесса // Юридический мир. 2009. № 6. С. 56–61.
10. *Колташев Ю.В.* Рецензия на авторскую программу «Предварительное расследование преступлений в сфере экономической деятельности». М., 2000. С. 1.
11. Криминалистика: курс лекций / под ред. А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 2018. С. 19.
12. *Кувалдина Ю.В.* Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.
13. *Люблинский П.И.* Новая теория уголовного процесса. Пг., 1916. С. 37.
14. *Мизулина Е.В.* Технология власти: уголовный процесс / отв. ред. М.Ю. Мизулин. Ярославль, 1992. С. 4, 5.
15. *Мизулина Е.В.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991.

16. *Михайловская И.Б.* Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 111–118.

17. *Назаров А.Д.* Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. С. 6, 7.

18. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология. М., 2007. С. 20, 24.

19. *Орлов Ю.К.* Проблемы истины в уголовном процессе // Государство и право. 2007. № 3. С. 50–56.

20. Педагогика и логика. М., 1992. С. 51, 64.

21. *Печников Г.А.* О значении цели в судопроизводстве в свете диалектического взгляда Сократа о презумпциях, фикциях в уголовном процессе // «Черные дыры» в росс. законодательстве. 2004. № 3. С. 346.

22. *Поляков М.П.* Национальные интересы как приоритет отечественного уголовного процесса // Проблемные ситуации применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: материалы науч.-практ. конф. Саранск, 2004. С. 22.

23. *Полянский Н.Н.* Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919. С. 21.

24. *Потапов Д.В.* Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 7.

25. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. СПб., 1916. С. 13, 18.

26. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс. СПб., 2005. С. 12, 13.

27. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 20, 21.

28. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М., 1968. С. 12.

29. *Стойко Н.Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 7, 8.

30. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 244.

31. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 75.

32. *Строгович М.С.* Уголовный процесс. М., 1934. С. 15.

33. Уголовный процесс: учеб. / отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М., 2009. С. 16.

34. Уголовный процесс: учеб. / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М., 2011. С. 6.

35. Уголовный процесс: учеб. для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

36. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1963. С. 263, 359.

37. *Чельцов-Бебутов М.А.* Советский уголовный процесс. Харьков, 1927. Вып. 1. С. 6.

38. *Черникова И.В.* Природа науки и критерии научности // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, культурология. 2012. № 3 (31). С. 93.

39. *Rosshirt K.E.F.* Geschichte und System des deutschen Strafrechts. Stuttgart, 1838.

40. *Roxin C.* Strafverfharensrecht. 24 Aufl. München, 1995. S. 4.

REFERENCES

1. *Adamenko E.N.* Criminal procedural activity as a subject of the science of criminal proceedings // Society and law. 2014. No. 2. P. 176 (in Russ.).

2. *Adamenko I.E.* Criminal procedural activity: system-forming foundations and components: abstract ... Doctor of Law. N. Novgorod, 2018. P. 7 (in Russ.).

3. *Galuzo V.N., Yakupov R.H.* Criminal proceedings: textbook. 7th ed., rev. M., 2013. P. 37–48 (in Russ.).

4. *Golunsky S.A.* Soviet criminal proceedings. M., 1953. P. 7 (in Russ.).

5. *Grigoriev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N.* Criminal process: textbook. M., 2005. P. 18 (in Russ.).

6. *Grinenko A.V.* Methodology of criminal procedure science // State and Law. 2003. No. 9. P. 54–60 (in Russ.).

7. *Zazhitsky V.I.* Truth and means of its establishment in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: theoretical and legal analysis // State and Law. 2005. No. 6. P. 67–74 (in Russ.).

8. *Zinatullin Z.Z.* Russian criminal procedure science: genesis of development and modern problems // Herald of the Udmurt University. Ser. "Economics and Law". 2018. Vol. 28. Issue 1. P. 162, 163 (in Russ.).

9. *Kolokolov N.A.* Russian science in search of the optimal format of the textbook of criminal proceedings // Legal world. 2009. No. 6. P. 56–61 (in Russ.).

10. *Koltashev V.V.* Review of the author's program "Preliminary investigation of crimes in the sphere of economic activity". M., 2000. P. 1 (in Russ.).

11. Forensic science: a course of lectures / ed. by A.F. Lubin. N. Novgorod, 2018. P. 19 (in Russ.).

12. *Kuvaldina Yu. V.* Preconditions and prospects of compromise solutions to conflict with the Criminal Law in Russia: dis. ... PhD in Law. Samara, 2011 (in Russ.).

13. *Lyublinsky P.I.* New theory of criminal proceedings. Petrograd, 1916. P. 37 (in Russ.).

14. *Mizulina E.V.* Technology of power: criminal proceedings / ed. by M. Yu. Mizulin. Yaroslavl, 1992. P. 4, 5 (in Russ.).

15. *Mizulina E.V.* Criminal proceedings: the concept of self-restraint of the state. Tartu, 1991 (in Russ.).

16. *Mikhailovskaya I.B.* The social purpose of criminal justice and the purpose of criminal proceedings // State and Law. 2005. No. 5. P. 111–118 (in Russ.).

17. *Nazarov A.D.* Investigative and judicial errors and the criminal procedure mechanism for their elimination: conceptual foundations: dis. ... Doctor of Law. SPb., 2017. P. 6, 7 (in Russ.).

18. *Novikov A.M., Novikov D.A.* Methodology. M., 2007. P. 20, 24 (in Russ.).

19. *Orlov Yu.K.* Problems of truth in criminal proceedings // State and Law. 2007. No. 3. P. 50–56 (in Russ.).

20. Pedagogy and logic. M., 1992. P. 51, 64 (in Russ.).

21. *Pechnikov G.A.* On the meaning of purpose in legal proceedings in the light of Socrates' dialectical view of presumptions, fictions in criminal proceedings // "Black holes" in Russ. legislation. 2004. No. 3. P. 346 (in Russ.).

22. *Polyakov M.P.* National interests as a priority of the domestic criminal proceedings // Problematic situations of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: materials of scientific and practical conference. Saransk, 2004. P. 22 (in Russ.).

23. *Polyansky N.N.* The purpose of the criminal proceedings. Yaroslavl, 1919. P. 21 (in Russ.).

24. *Potapov D.V.* Problems of interaction of the investigator, the head of the investigative body and the prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case: abstract ... PhD in Law. M., 2019. P. 7 (in Russ.).

25. *Rozin N.N.* Criminal proceedings. SPb., 1916. P. 13, 18 (in Russ.).

26. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.B.* Criminal proceedings. SPb., 2005. P. 12, 13 (in Russ.).

27. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.B.* Criminal procedure: textbook / under the general editorship of A.V. Smirnov. 4th ed., reprint and additional. M., 2008. P. 20, 21 (in Russ.).

28. The Soviet criminal proceedings / ed. by D.S. Karev. M., 1968. P. 12 (in Russ.).

29. *Stoiko N.G.* Criminal proceedings of Western states and Russia: comparative theoretical and legal research of the Anglo-American and Romano-Germanic legal systems: abstract ... Doctor of Law. SPb., 2009. P. 7, 8 (in Russ.).

30. *Strogovich M.S.* Rate of the Soviet criminal proceedings. M., 1958. P. 244 (in Russ.).

31. *Strogovich M.S.* Rate of the Soviet criminal proceedings. M., 1968. Vol. 1: Fundamentals of science of the Soviet criminal proceedings. P. 75 (in Russ.).

32. *Strogovich M.S.* Criminal proceedings. M., 1934. P. 15 (in Russ.).

33. Criminal proceedings: textbook / ed. by A.V. Grinenko. 2nd ed., rev. M., 2009. P. 16 (in Russ.).

34. Criminal proceedings: textbook / ed. by A.D. Proshlyakov, V.S. Balakshin, Yu.V. Kozubenko. M., 2011. P. 6 (in Russ.).

35. Criminal proceedings: textbook for students universities studying in the specialty "Urisprudence" / ed. by V.P. Bozhev. 3rd ed., corrected and additional. M., 2002 (in Russ.).

36. Philosophical Dictionary / ed. by M.M. Rosenthal and P.F. Yudin. M., 1963. P. 263, 359 (in Russ.).

37. *Cheltsov-Bebutov M.A.* Soviet criminal proceedings. Kharkov, 1927. Issue 1. P. 6 (in Russ.).

38. *Chernikova I.V.* Nature of science and criteria of scientific character // Humanitarian vector. Ser.: Philosophy, culturology. 2012. No. 3 (31). P. 93 (in Russ.).

39. *Rosshirt K.E.F.* Geschichte und System des deutschen Strafrechts. Stuttgart, 1838.

40. *Roxin C.* Strafverfharensrecht. 24 Aufl. München, 1995. S. 4.

Сведения об авторах

АФАНАСЬЕВ Алексей Юрьевич –
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России; 603950 г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; доцент кафедры судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603950 г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
ORCID 0000-0002-8319-0107

ЛУБИН Александр Федорович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России; 603950 г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; профессор кафедры судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603950 г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
ORCID 0000-0002-2937-5557

Authors' information

AFANASYEV Alexey Yu. –
PhD in Law, senior lecturer of the Department of criminalistics, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; 3 Ankudinovskoye shosse, 603950 Nizhny Novgorod, Russia; associate Professor of the Department of forensic expertise, Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarin ave., 603950 Nizhny Novgorod, Russia

LUBIN Alexander F. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of criminalistics, 3 Ankudinovskoye shosse, 603950 Nizhny Novgorod, Russia; Professor of the Department of forensic expertise, Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarin ave., 603950 Nizhny Novgorod, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 181–185
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 181–185

УДК 343.2
ББК 67.99 (5У) 8

О МЕРАХ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ МОШЕННИЧЕСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ФИШИНГА)

© 2021 г. А. Б. Сабырбаева

Академия МВД Республики Узбекистан, г. Ташкент

E-mail: a_sabyrbaeva@inbox.ru

Поступила в редакцию 27.11.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются виды мошенничества в сфере платежных систем, а также с использованием информационно-коммуникационных технологий, с приведением примеров из практики и выводов для противодействия распространенных видов мошенничества, таких как фишинг и скимминг.

Ключевые слова: кибермошенничество, скимминг, фишинг, информационно-коммуникационные технологии, платежные системы, лжесайт, противодействие.

Цитирование: *Сабырбаева А.Б.* О мерах по противодействию мошенничеству (на примере фишинга) // Государство и право. 2021. № 12. С. 181–185.

DOI: 10.31857/S102694520017465-2

ON MEASURES TO COUNTER FRAUD (USING THE EXAMPLE OF PHISHING)

© 2021 A. B. Sabyrbaeva

Academy of MIA of the Republic of Uzbekistan, Tashkent

E-mail: a_sabyrbaeva@inbox.ru

Received 27.11.2020

Abstract. The article discusses types of fraud in the field of payment systems, as well as using information and communication technologies, with examples from practice and conclusions to counter common types of fraud, such as phishing and skimming.

Key words: cyber fraud, skimming, phishing, information and communication technologies, payment systems, false website, counter.

For citation: *Sabyrbaeva, A.B. (2021).* On measures to counter fraud (using the example of phishing) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 181–185.

Общеизвестно, безналичная система расчетов с использованием банковских платежных карт продолжает внедряться в нашу жизнь из-за удобства в применении, возможности быстро осуществить оплату услуг без очереди и бумажной волокиты. В мире выпущено более 1.5 млрд пластиковых карт. Каждый год мировой оборот составляет свыше 3 трлн долл. Карты принимаются более чем в 20 млн торговых организаций[1].

[1] См.: URL: https://www.kp.ru/guide/plastikovye-karty-bankov.html

Согласно статистике Центрального банка Республики Узбекистан, в 2019 г. было эмитировано на 14.8% больше пластиковых карт, т.е. 20.5 млн штук. Объем платежей, осуществленных только через платежные терминалы, за 2019 г. составил 71 млрд сум[2]. Наибольшее количество карт среди госбанков эмитировано Народным банком – 4 млн (рост на 7.5%), с участием иностранного капитала 879.2 тыс. (рост на 27.6%), частными банками: Ориент Финанс Банком – 252.4 тыс. (рост на 16.1%)[3].

Данный показатель указывает на востребованность у населения банковских карт в связи с легкостью и выгодой его использования в плане экономии временных и материальных затрат. Но при использовании их необходимо помнить о некоторых негативных последствиях. Сфера оказания банковских услуг, платежи с использованием пластиковых карт, в частности электронные, при таком обороте денежных средств все больше привлекают мошенников.

Несмотря на то что данный вид мошенничества появился в Республике Узбекистан сравнительно недавно, уже в 90-х годах XX в. были разработаны технологии, позволявшие выявлять факт совершения мошенничества. Один из первых разработчиков таких технологий – Falcon; другие ведущие программные решения для т.н. пластикового мошенничества включают Actimize, SAS, BAE Systems Detica и IBM.

Техника фишинга была подробно описана в 1987 г., а сам термин появился 2 января 1996 г. в новостной группе alt.online-service.America-Online сети Usenet, хотя возможно его более раннее упоминание в хакерском журнале 2600[4].

Преступления с использованием платежных карт требуют повышенного внимания, поскольку мошенники причиняют ущерб не только непосредственно пострадавшим, но в т.ч. кредитным организациям и государству, подрывая доверие к ним. Достаточно вспомнить ситуацию, связанную с шифровальщиками WannaCry и ExPetr, которые парализовали работы компьютерных систем. Суть данной атаки была в том, что пользователи, подвергшиеся вирусной атаке, получали предупреждение о выплате выкупа в криптовалюте, в противном случае восстановление файлов невозможно. Как правило, большинство пострадавших, боясь потери ценной информации на устройстве, производили оплату, но даже в этом случае код расшифровки не присылался.

Мошенничество можно разделить на следующие виды:

с использованием банкоматов (скимминг, банкомат-призрак, Ливанская петля, траппинг);

путем создания фиктивных сайтов и рассылки e-mail сообщений (фишинг);

с выуживанием кода пластиковой карты пострадавшего под видом перевода денежных средств (интернет-благотворительность);

мошеннические приложения (MasterCraft for Minecraft, Skins, Mods, Maps for Minecraft PE, Boys and Girls Skins);

с использованием виртуального (фишинг) или офлайн (скимминг) пространства;

не существующие пластиковые карты Card not present fraud – CNP (в Австралии такой вид мошенничества составил 85% от общего числа пластикового мошенничества с убытком около 500 млрд долл.[5]).

Существует еще много разновидностей пластикового мошенничества. Хотелось бы акцентировать внимание на наиболее распространенных из них.

К примеру, фишинг (англ. *phishing*, от *fishing* – рыбная ловля, выуживание) – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям[6].

По данным центра жалоб на интернет-преступления ФБР, мошеннические действия типа BEC привели к фактическим потерям в размере более 4.5 млрд долл., и они представляют собой глобальную проблему[7]. Опасность данных писем заключается в призыве незамедлительно ответить на сообщение или перейти по ссылке из-за якобы чрезвычайной срочности дела. Именно данная уловка используется в большинстве случаев самими фишерами. Об опасности данного нового мошенничества говорила Л.С. Хафизова[8], об одном из видов фишинга – Н.С. Юрочкин[9].

Нельзя согласиться с мнениями Р.Х. Хурсанова и А.У. Анорбоева[10] о том, что фишинг осуществляется путем передачи писем пользователям от кредитных организаций. Это одна из разновидностей фишинга, но отправители и адресаты могут быть разные.

В недавней фишинговой кампании группа 74 (также известная как Sofact, APT28, Fancy Bear) нацелилась на профессионалов в области кибербезопасности. Было написано электронное письмо, якобы связанное с конференцией Cyber Conflict U.S. Conference, вложение являлось документом, содержащим вредоносный макрос Visual Basic для приложений (VBA), который загружал и запускал разведывательное вредоносное программное обеспечение, называемое Seduploader[11]. А это уже более усовершенствованный вид фишинга, который имеет больший охват, несмотря на узкий круг пострадавших.

---

[2] См.: Статистический бюллетень Центрального банка Республики Узбекистан. 2019 год. С. 322.

[3] См.: URL: www.nuz.uz

[4] См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B3#%D0%A0%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D1%84%D0%B8%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B3_%D0%BD%D0%B0_AOL

[5] См.: *William Joley.* Common credit card frauds and how to avoid them. July 10, 2019. URL: https://www.savings.com.au/credit-cards/credit-card-fraud

[6] См.: URL: https://ru.wikipedia.org. Фишинг

[7] См.: URL: https://www.osp.ru/winitpro/2019/03/13054903

[8] См.: *Хафизова Л.С.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия финансовому мошенничеству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.

[9] См.: *Юрочкин Н.С.* Кибермошенничество: характеристика, приемы и методы его совершения // Таврический науч. обозреватель www.tavr.science. 2016. № 12 (17). Ч. 2. С. 158.

[10] См.: *Хурсанов Р.Х., Анорбоев А.У.* Киберфирибгарлик жинояти: жиноий-ҳуқуқий ва криминологик тавсифи. Б. 306. Юридик фан ва ҳуқуқни қўллаш амалиётининг долзарб муаммолари мавзусидаги илмий-амалий конференция материаллари I жилд. Toshkent, 2020.

[11] См.: URL: https://www.osp.ru/winitpro/2019/03/13054903

С.А. Сторчак выделил некоторые виды антифишинговых технологий, таких как: IP-адрес, точки, слеши в URL, пустые якоря и т.д.[12]

В уголовных кодексах Российской Федерации, Испании, Италии, ФРГ, КНР, Швейцарии мошенничество с использованием платежных карт выступает в качестве квалифицирующего состава преступления. Учитывая, что в уголовном законодательстве нет квалифицирующего признака, предусматривающего ответственность за пластиковое мошенничество, предлагается *дополнить часть 3 ст. 168 УК Республики Узбекистан пунктом «г» – с «использованием платежных, поддельных карт или электронных средств платежа»*.

Многие государства не только усиливают уголовную ответственность за совершение такого вида мошенничества, но и применяют меры по их предотвращению. Это касается не только государства в целом, профилактика мошенничества проводится и в частном секторе. Так, многие компании проводят тренинги, семинары среди персонала с целью предотвратить фишинговые атаки на их компьютерные системы, т.к. атака и поражение одного компьютера может привести к сбою работы всей фирмы и принести огромный ущерб. Но эффективность данной практики как семинары и беседы с сотрудниками для того, чтобы они были бдительными и не нажимали на сомнительные ссылки, неизвестна. На сайте ООН опубликована статья «Остерегайтесь мошенников» с предупреждением о том, что мошенники, действуя от их имени, взимают плату за якобы трудоустройство, а также запрашивают номера и коды банковских карт.

Данный факт, что мошенники используют в своих интересах имена всемирных организаций, говорит о масштабе их деятельности. Многие организации, занимающиеся вопросами киберпреступности и борьбой с фишингом, остерегают от пользования «сомнительными» сайтами (не нажимать на ссылки, отправленные по электронной почте, и т.д.). Но как же определить, действительно ли эта ссылка сомнительна и есть угроза фишинговой атаки, ведь мошенники создают рассылки и лжевеб-сайты известных фирм с точностью до цветов и шрифта надписей. Так, к примеру, Яндекс отправляет своим зарегистрированным пользователям письма с предостережением от фишинговых атак мошенников с названием «Как отличить хорошие письма от писем мошенников». Однако в данном письме имеется лишь информация, что следует обратить внимание на внешний вид сайта. Хотя сами далее утверждают, что поддельные сайты часто выглядят как страницы реально существующих серверов. А в случае набора секретной информации злоумышленники получают доступ не только к почтовому ящику, но и к профилям в социальных сетях и интернет-банку. Хотя это и общеизвестный факт, но все же как сократить рост фишинговых атак и уберечь себя и свои накопления?

Для борьбы с фишингом А.А. Казыханов и И.Т. Байругин рекомендуют «проведение инструктажей со всем персоналом компании; использование защитного программного обеспечения; принцип доверия важной информации только квалифицированным сотрудникам»[13].

Национальный центр кибербезопасности Соединенного Королевства (NCSC)[14] указывает на ряд трудностей в ходе «антифишингового образования», в частности в связи с нарастающим количеством и объемом фишинговых угроз, а также необходимостью принятия мер по объединению технических средств защиты в виртуальном пространстве с повышением уровня осведомленности пользователей о распространенных видах фишинговых атак и способах информирования о них.

Так, получается повышение осведомленности пользователей это еще не залог успеха в борьбе с фишингом. Для изучения эффективности проведения профилактики, семинар-тренингов среди сотрудников, а также в целях изучения потенциального влияния на восприимчивость к фишингу ученые из Бристольского университета Э. Вильямс (Williams) и А. Джоинсон (Joinson) провели исследование, по результатам которого было выяснено, что «факторы относительно полученной эффективности защитной информации могут прямо влиять на будущее намерение на взаимодействие с данной информацией»[15], т.е. при установлении эффективности информации для защиты от фишинга пользователи склонны использовать ее в виртуальном пространстве.

Но не только эти меры могут защитить от фишинговой атаки. Согласно проведенному исследованию в большинстве случаев письма от мошенников, предлагающие перейти по ссылке на какой-то сайт, содержат бессмысленные наборы букв, цифр и символов. Официальный сайт банка или другого государственного учреждения, компании содержит название, которое имеет отношение к его деятельности.

Фишинговые атаки направлены на дезинформацию потенциального пострадавшего и побуждение перейти по ссылке, базируясь на таких человеческих качествах, как неосторожность, торопливость, невнимательность. Д.В. Бахтеев также считает, что «самая распространенная и опасная форма фишинга – рассылка пользователям интернет-банков электронных писем, содержащих уведомление о необходимости произвести какие-то действия с учетной записью и ссылку, внешне похожую на адрес входа в личный кабинет пользователя. В указанных способах интернет-мошенничества вместо прямого взлома защищенной системы (например, интернет-банка) мошенники используют уязвимость психологии пользователя, его невнимательность, индифферентное отношение к рутинным операциям, доверчивость, жажду наживы»[16].

На основании расследованных непосредственно самим автором уголовных дел касательно фишинга следует выделить несколько ключевых обстоятельств, в результате которых происходит виктимизация от фишинговых атак:

при наличии в фишинговых письмах аргументов с высоким качеством (более правдоподобные, соответствуют стилистике письма и манере написания «отправителя», соответствуют тематике ведения переписки);

---

[12] См.: *Сторчак С.А.* Обзор антифишинговых технологий // Проблемы науки. 2019. № 6 (42). С. 9–11.

[13] *Казыханов А.А., Байругин И.Т.* Фишинг, как проблема для специалистов отдела ИБ // Символ науки. 2016. № 10–2. С. 54.

[14] См.: NCSC Phishing Attacks: Defending Your Organisation. URL: https://www.ncsc.gov.uk/phishing (дата обращения: 10.07.2018).

[15] *Williams E.J., Joinson A.N.* Developing a measure of information seeking about phishing // Journal of Cybersecurity. 2020. Vol. 6. No. 1. P. 13.

[16] *Бахтеев Д.В.* О некоторых современных способах совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц // Росс. право. 2016. № 3. С. 25.

если они пришли от источника с «высоким уровнем» доверия (друзья, начальство, коллеги, банк);

если жанр письма соответствует источнику (фоновые иллюстрации, шрифт, картинки, цвета, контраст, расположение письма, качество изображений, надписи);

если имеет место большой временной прессинг («СРОЧНО!», «НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО», «ОЧЕНЬ ВАЖНО»).

Сообщения, используемые в фишинговых атаках, содержат по крайней мере некоторое ложное или противоречащее содержание, которое обычно может быть идентифицировано при достаточной систематической обработке. Существенным вкладом было исследование, проведенное Xin (Robert) Luo, Wei Zhang, Stephen Burd, Alessandro Seazzu[17], в котором было изучено влияние эвристической систематической модели обработки информации HSM, разработанной Чайкеном, на виктимизацию при фишинговых атаках. Они пришли к заключению, что концентрация на технологиях идентификации отправителей, а также обучении пользователей может способствовать привлечению внимания к выявлению поддельных и настоящих отправителей путем обучения специально ориентированным методам и навыкам.

Фишеры при попытке совершить фишинговую атаку на определенную организацию проводят исследование переписки, ведения дел, также изучают сотрудников, их увлечения по аккаунтам в социальных сетях. Целью является составление целевого фишингового письма, особенно данный метод применяется, когда в качестве пострадавшего выбирают самого руководителя, т.к. в отличие от простого сотрудника доступ к его данным может предоставить возможность получить более ценную информацию, которая впоследствии может принести большую прибыль. Поэтому необходимо быть осторожным при выкладывании частной информации, особенно о месте работы и обговаривать данный пункт (соблюдение конфиденциальности) при составлении договора при найме на работу.

Другая мера предосторожности для защиты в виртуальном пространстве – это необходимость включения функции оповещения о сомнительных или подозрительных сайтах, которая имеется в любом телефоне. Рекомендуется также не входить в такие сайты, даже если на этом сайте имеется необходимая информация или в ней объявлены невероятные скидки и акции по розыгрышу автомобиля или целого дома. Данные сайты служат для привлечения как можно большого количества людей для дальнейшего завладения информацией о пользователе или его банковских данных, в лучшем случае для проведения маркетинга или рекламы продукции.

К тому же, мало кто обращает внимание на аббревиатуры типа http и https. HTTP (Hypertext Transfer Protocol) – это протокол прикладного уровня передачи данных изначально – в виде гипертекстовых документов в формате HTML, используется для передачи произвольных данных[18].

Хотя большинство сайтов государственных учреждений, крупных компаний и в целом сайт организаций, осуществляющих легальную деятельность, начинаются с аббревиатуры www. либо https. Буква «S» в протоколе https означает слово «безопасный» (англ. *secure*). То есть данный сайт проверен на наличие опасности и является безопасным для использования, т.к. обеспечивает конфиденциальность информации путем ее шифрования. При использовании сторонних сайтов либо при поиске информации необходимо ориентироваться также и на такие нюансы безопасного интернета.

Данные правила являются далеко не исчерпывающими, но, поскольку мошенники всегда в поисках лазеек, чтобы обойти систему, осознав, что компьютер взломать труднее, они ориентируются на человеческий фактор (азарт, желание разбогатеть, получить скидку, выиграть в лотерее и т.д.) при фишинговых атаках. Поэтому необходимо соблюдать осторожность и обращать внимание на особенности и правила безопасного использования интернета во избежание траты денежных средств.

* * *

Исходя из вышеизложенного, автор сформулировал комплекс мер по противодействию одному из видов пластикового мошенничества – фишингу.

1. Дополнить часть 3 ст. 168 УК Республики Узбекистан пунктом «г» – с «использованием платежных, поддельных карт или электронных средств платежа».

2. Для защиты от фишинга отправлять пользователям только проверенную и доказавшую свою эффективность информацию.

3. В структуре и системе организации при найме на работу персонала проводить инструктаж по борьбе с кибермошенничеством и мерам противодействия фишингу, в случае фишинговой атаки на компанию сотрудник несет персональную ответственность за принесенные убытки.

4. Установление иерархии среди сотрудников, в соответствии с которой в зависимости от важности и конфиденциальности информации к каждой категории выдается допуск на ту или иную информацию, как в военных учреждениях.

5. Обращать внимание на аббревиатуры типа http и http**S**, где буква «S» (безопасный) указывает на предварительную проверку сайта на наличие опасности.

6. Выделены ключевые обстоятельства, в результате которых происходит виктимизация от фишинговых атак.

7. Обязательное включение функции оповещения о сомнительных или подозрительных сайтах, которая имеется в любом телефоне или компьютере.

Современные виды мошенничеств представляют большую опасность, нежели обычное мошенничество, в связи с тем, что предполагают создание преступной группы специалистов, владеющих компьютерными навыками, имеют более широкий круг пострадавших, в некоторых случаях имеют возможности, каналы для перенаправления денежных средств на зарубежные банковские счета, чтобы уклониться от ответственности. Поэтому усиление мер по их противодействию должно быть прерогативой правоохранительных органов.

[17] См.: *Xin (Robert) Luo, Wei Zhang, Stephen Burd, Alessandro Seazzu.* Investigating phishing victimization with the HeuristicSystematic Model: A theoretical framework and an exploration. Anderson School of Management, University of New Mexico, 1924 Las Lomas NE, MSC05 3090, Albuquerque, NM 87131, USA. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.cose.2012.12.003

[18] См.: URL: www.wikipedia.com; https://g.co/kgs/4PNRWv

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтеев Д.В.* О некоторых современных способах совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц // Росс. право. 2016. № 3. С. 25.
2. *Казыханов А.А., Байругин И.Т.* Фишинг, как проблема для специалистов отдела ИБ // Символ науки. 2016. № 10–2. С. 54.
3. *Сторчак С.А.* Обзор антифишинговых технологий // Проблемы науки. 2019. № 6 (42). С. 9–11.
4. *Хафизова Л.С.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия финансовому мошенничеству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
5. *Юрочкин Н.С.* Кибермошенничество: характеристика, приемы и методы его совершения // Таврический научный обозреватель www.tavr.science. 2016. № 12 (17). Ч. 2. С. 158.
6. *William Joley.* Common credit card frauds and how to avoid them. July 10, 2019. URL: https://www.savings.com.au/credit-cards/credit-card-fraud
7. *Williams E.J., Joinson A.N.* Developing a measure of information seeking about phishing // Journal of Cybersecurity. 2020. Vol. 6. No. 1. P. 13.
8. *Xin (Robert) Luo, Wei Zhang, Stephen Burd, Alessandro Seazzu.* Investigating phishing victimization with the HeuristicSystematic Model: A theoretical framework and an exploration. Anderson School of Management, University of New Mexico, 1924 Las Lomas NE, MSC05 3090, Albuquerque, NM 87131, USA. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.cose.2012.12.003
9. *Хурсанов Р.Х., Анорбоев А.У.* Киберфирибгарлик жинояти: жиноий-ҳуқуқий ва криминологик тавсифи. Б. 306. Юридик фан ва ҳуқуқни қўллаш амалиётининг долзарб муаммолари мавзусидаги илмий-амалий конференция материаллари I жилд. Toshkent, 2020.

REFERENCES

1. *Bakhteev D.V.* About some modern ways of committing fraud against the property of individuals // Russ. law. 2016. No. 3. P. 25 (in Russ.).
2. *Kazykhanov A.A., Bakhrushin I.T.* Phishing as a problem for specialists of the Information security Department // Symbol of Science. 2016. No. 10–2. P. 54 (in Russ.).
3. *Storchak S.A.* Review of anti-phishing technologies // Problems of Science. 2019. No. 6 (42). P. 9–11 (in Russ.).
4. *Khafizova L.S.* Criminal-legal and criminological aspects of countering financial fraud: abstract ... PhD in Law. N. Novgorod, 2008 (in Russ.).
5. *Yurochkin N.S.* Cyberbullying: characteristics, techniques and methods of its commission // The Tauride Scientific Observer www.tavr.science. 2016. No.12 (17). Part 2. P. 158 (in Russ.).
6. *William Joley.* Common credit card frauds and how to avoid them. July 10, 2019. URL: https://www.savings.com.au/credit-cards/credit-card-fraud
7. *Williams E.J., Joinson A.N.* Developing a measure of information seeking about phishing // Journal of Cybersecurity. 2020. Vol. 6. No. 1. P. 13.
8. *Xin (Robert) Luo, Wei Zhang, Stephen Burd, Alessandro Seazzu.* Investigating phishing victimization with the HeuristicSystematic Model: A theoretical framework and an exploration. Anderson School of Management, University of New Mexico, 1924 Las Lomas NE, MSC05 3090, Albuquerque, NM 87131, USA. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.cose.2012.12.003
9. *Khursanov R.H., Anorboev A.U.* Cyberfiribgarlik zhinoyati: zhinoy-xukukiy va criminologist tavsifi. B. 306. Yuridik fan vayukukni kyllash amaliyetining dolzarb muammolari mavzusidagi ilmiy-amaliy conference materiallari I zhild. Tashkent, 2020.

Сведения об авторе

САБЫРБАЕВА Айнура Бахыт кызы –
докторант Академии МВД Республики Узбекистан; 100197 Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, д. 68

Authors' information

SABYRBAEVA Aynura B. kizi –
doctoral candidate of the Faculty of Postgraduate education of the Academy of MIA of the Republic of Uzbekistan; 68 Intizor str., 100197 Tashkent, Republic of Uzbekistan

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 186–194
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 186–194

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ПУТИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ», ПОСВЯЩЕННОЙ 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

© 2021 г. С. Н. Бабурин*, Н. В. Кроткова, И. Л. Данилевская*****

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: 1357343@mail.ru*
***E-mail: krotkova2012@yandex.ru*
****E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru*

Поступила в редакцию 22.10.2021 г.

Аннотация. Приведен обзор Международной научной конференции «Александр Невский и пути российской идентичности», посвященной 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского. На конференции рассматривались наиболее значимые в условиях современного мирового устройства проблемы развития государства и права, актуальные тенденции в совершенствовании политических систем государств, перспективы укрепления взаимопонимания между государствами и народами различных цивилизаций, а также обсуждались роль личности в современных трансформациях государства и права, исторические особенности и сегодняшняя роль духовно-нравственных ценностей русской нации и других народов, нравственные причины конституционно-правовых проблем современного общества, проблемы трансформации цивилизационной основы конституционализма в условиях глобализации.

Ключевые слова: Александр Невский, российская идентичность, государство и право, духовно-нравственные ценности, конституционализм, глобализация, современное общество.

Цитирование: *Бабурин С.Н., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Обзор Международной научной конференции «Александр Невский и пути российской идентичности», посвященной 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского // Государство и право. 2021. № 12. С. 186–194.

DOI: 10.31857/S102694520017766-3

REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “ALEXANDER NEVSKY AND THE WAYS OF RUSSIAN IDENTITY”, DEDICATED TO THE 800th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE HOLY PRINCE ALEXANDER NEVSKY

© 2021 S. N. Baburin*, N. V. Krotkova, I. L. Danilevskaya*****

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: 1357343@mail.ru*
***E-mail: krotkova2012@yandex.ru*
****E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru*

Received 22.10.2021

Abstract. Review of the International Scientific Conference "Alexander Nevsky and the ways of Russian identity" dedicated to the 800th anniversary of the birth of the Holy Prince Alexander Nevsky is given. The conference considered the most significant problems of the development of the state and law in the conditions of the world order, current trends in improving the political systems of modern states, prospects for strengthening mutual understanding between states and peoples of various civilizations, and also discussed the role of the individual in modern transformations of the state and law, historical features and the today's role of spiritual and moral values of the Russian nation and other peoples, moral causes of constitutional and legal problems of modern society, problems of transformation of the civilizational basis of constitutionalism in the context of globalization.

Key words: Alexander Nevsky, Russian identity, state and law, spiritual and moral values, constitutionalism, globalization, modern society.

For citation: *Baburin, S.N., Krotkova, N.V., Danilevskaya, I.L. (2021).* Review of the International Scientific Conference "Alexander Nevsky and the ways of Russian identity", dedicated to the 800th anniversary of the birth of the Holy Prince Alexander Nevsky // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 186–194.

15 июня 2021 г. в Институте государства и права Российской академии наук прошла Международная научная конференция «Александр Невский и пути российской идентичности», посвященная 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского. В ее организации приняли участие Национальное движение русофилов (Болгария), Ассоциация юридических вузов и Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры.

На конференции с участием ведущих ученых российских вузов, а также представителей научных и учебных заведений из Белграда, Донецка, Киева, Луганска, Минска, Москвы, Омска, Софии, Тюмени рассматривались наиболее значимые в условиях современного мирового устройства проблемы развития государства и права, актуальные тенденции в совершенствовании политических систем государств, перспективы укрепления взаимопонимания между государствами и народами различных цивилизаций. В контексте мировоззренческого выбора святого благоверного князя Александра Невского участниками мероприятия обсуждались роль личности в современных трансформациях государства и права, исторические особенности и сегодняшняя роль духовно-нравственных ценностей русской нации и других народов, нравственные причины конституционно-правовых проблем современного общества, проблемы трансформации цивилизационной основы конституционализма в условиях глобализации.

* * *

Конференцию открыл **директор Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков**. Свое выступление А.Н. Савенков посвятил ***проблеме сохранения и защиты исторической памяти в рамках правового суверенитета с целью не допустить её профанации и маргинализации***. Он отметил, что изучение личности князя Александра Невского, истории его жизни и деятельности – это для него важная тема в личном плане, поскольку ещё 20 лет назад обратился к ее изучению. По утверждению А.Н. Савенкова, историческим событиям необходимо уделять больше внимания, оценивая при этом идеологизированность подходов в переводах о западных исторических личностях, жестокость и зверства завоевателей. По его мнению, личность благоверного князя Александра Невского является более значительной, чем принято считать, при этом роли этой выдающейся исторической личности уделено незначительно мало внимания в научной литературе. Следует учитывать, в каких исторических парадигмах и параллелях жили наши предки. Ключевым итогом исхода знаковой битвы – Ледового побоища являлось определение границ русского государства, владений русских княжеств и власти пришедших покорять русские земли Ливонских братьев. А.Н. Савенков подчеркнул, что он не разделяет позицию о якобы вассальных взаимоотношениях князя Александра Невского с монголо-татарами, поскольку этот период не так глубоко исследован в русской истории.

Князь Александр Невский не изменил российской государственности, выбрав путь сохранения русского народа. Образ князя Александра Невского, почитаемого не только в России, но и во многих странах, должен исследоваться через призму философско-правового осмысления его деятельности и личного вклада в становление российской государственности. Александр Невский для нас – гарант безопасности, воин, образ защитника Родины, Отечества, который в сложные моменты для нашего государства избрал путь подвижничества, дипломатии и борьбы, подчеркнул А.Н. Савенков.

С приветственным словом к участникам конференции обратился сопредседатель оргкомитета конференции, **лидер Национального движения «Русофилы», академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА) Николай Малинов (Болгария)**. Отметив, что не случайно центральный кафедральный собор в Болгарии носит имя

князя Александра Невского, он указал, что осмысление путей российской идентичности в контексте мировоззренческого выбора князя Александра Невского является актуальной темой, учитывая выбор, перед которым стоит славянский православный мир сегодня, как и в XIII в., выбирая своих друзей и определяя врагов, когда вмешиваются в его традиционный уклад жизни. Князь Александр Невский для нас – пример отстаивания символики, веры, традиций и главных ценностей, способа жизни, духовного и культурного исторического наследия.

В своем выступлении ведущий конференции – **президент МСА, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований ИГП РАН, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ С.Н. Бабурин** отметил научную и практическую значимость обсуждаемой проблематики и акцентировал внимание ***на мировоззренческом выборе великого князя Александра Невского как символе цивилизационной основы российской государственности***. Православные духовно-нравственные ценности, которые князю-воину удалось сберечь через мудрую дипломатию с Ордой, стали основой того цивилизационного союза славянских, тюркских, угро-финских, кавказских и иных народов, который в последующие века и сформировал уникальную русскую цивилизацию с её полиэтнической национальной самобытностью, веротерпимостью, соединенную русским языком и общими основами нравственного образа жизни. Последующие столетия, по мнению С.Н. Бабурина, шлифовали и обновляли элементы Российского государства, сохраняя в целостности особенности, заложенные во времена русской государственности.

Участников мероприятия приветствовал выдающийся болгарский археолог, **депутат Народного собрания (парламента) Болгарии, д-р ист. наук, проф. Станислав Станилов.** Он подчеркнул важность цивилизационного выбора Руси и Болгарии, общность зародившихся во времена Кирилла и Мефодия, Александра Невского и Сергия Радонежского духовных основ славянских народов. Роль конфессионального и языкового родства невозможно переоценить и ныне, подчеркнул С. Станилов. Он выразил сожаление, что у современной России нет геополитического плана в отношении болгар.

Декан Юридического факультета Белградского университета, д-р юрид. наук, проф. Зоран Миркович (Сербия) посвятил доклад ***западным и византийским влияниям в средневековой Сербии***. Он указал, что средневековая Сербия и Босния были в прямом контакте с Западной Европой и Византией. Босния была частью Рашки (Сербии) до середины X в. и с тех пор пошла путем независимого развития. В это время Босния была под властью Византии, но впоследствии западное влияние одержало верх. В средневековой Сербии видим уже и западное, и византийское влияние. Со времени Стефана Немани и его сына Саввы (Св. Саввы) византийское влияние одержало верх. Двойное (западное и византийское) влияние на средневековую Сербию и Боснию было раскрыто посредством анализа четырех вопросов: государственного устройства, общественного устройства, системы наказаний и духовной (церковной) сферы.

Врио первого заместителя директора ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф. Е.В. Виноградова отметила, что предложенные Президентом РФ в 2020 г. поправки в Конституцию РФ создали информационный повод для актуализации интереса к таким важнейшим вопросам, как суверенитет, территориальная целостность, национальная идентичность. Интеграционные процессы, ставшие основой для глобализации, способствующие переплетению и объединению многих государственных институтов, происходят в направлении, предполагающем возможность снижать значимость государственной поддержки вопросов обеспечения суверенных интересов государства. Это приводит к формированию ценностей, которые сейчас называют общечеловеческими. Однако такое единство сталкивается с существенными препятствиями, не создавая ожидаемой стабильности и доказывая важность защиты суверенных идейных ценностей.

Идеи и ценности представляют собой общие принципы и закономерности, в соответствии с которыми элиты в любой ситуации способны принимать политические решения. Ценности, которыми руководствуются субъекты политических процессов, являются глубокими и универсальными, их формирование происходит с принятием многоаспектности любой политической ситуации, несводимости ее к какой-либо из двух крайностей. Наличие характерных идей и ценностей также позволяет выстраивать градацию существующих интересов.

Идеология же – конструкт более жесткий, способный ограничивать возможности рамками догм. Причем не имеет значения, состоит ли она из ложных пониманий мировых процессов или из нейтральных наборов свойств, качеств, представлений о мироустройстве. В условиях идеологического противостояния даже хорошие идеи, предлагаемые противником, отвергаются, т.к. они априори выходят за рамки идеологии, признанной приемлемой. Возможна и обратная ситуация, при которой очевидно непродуманная или заведомо неэффективная идея, вписывающаяся в идеологию, будет иметь поддержку среди сторонников. Таким образом, опора на идейно-ценностные ориентиры позволит действовать более гибко, в то время как идеологическое превосходство не терпит компромиссов и выстраивается в рамках конкретной линии.

Главный редактор программы «Говорит Донбасс», канд. тех. наук, доц. Ф.А. Папаяни (Донецк) обратил

внимание на то, что у современников уже более нет общепризнанных понятий ни по одному серьезному вопросу, нет единого глоссария. К примеру, понятие «национализм» имеет ныне явный негативный подтекст. Однако если «национализм» классифицировать на культурный и политический, то первый выражается в любви к своему языку, Отчизне, народу, его культуре и традициям. Он не пропагандирует неуважение (или, тем более ненависть) к другим национальностям, народам и их культурам. Любя своё, культурный человек уважает и чужое.

Политический национализм можно разделить на освободительный и угнетающий. Освободительный национализм – он же антиколониальный, характерный, например, для национально-освободительного движения. Иногда освободительный национализм подразумевает практическую защиту условий жизни своего народа в рамках государства проживания. Угнетающий национализм – он же колониальный, нацистский, ультранационалистический, порабощающий, ставший причиной многих жестоких конфликтов и даже войн.

При такой типологии получается, что культурный национализм, а также политический освободительный национализм можно рассматривать как благо, а политический угнетающий национализм – как абсолютное зло.

Профессор Кемеровского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ А.М. Величко в докладе ***«Вселенская Церковь и национальная идея»*** остановился на современных уроках исторического выбора народов, подчеркнув, что национальная самоидентификация не должна перерастать в убежденность о собственной национальной исключительности. Он подчеркнул большую и печальную роль внутрислявянских и внутрихристианских противоречий, напомнил, что не славяне, а добровольцы из Генуи, Венеции, Испании, Франции, Шотландии отдали свои жизни в 1453 г., когда турки в очередной раз осадили Константинополь. И не братья-славяне, а именно Константинопольский патриарх и Византийский император, заняв сторону Москвы в ее споре с Вильнюсом, предопределили, по его мнению, портрет создаваемого Русского царства.

Профессор П.В. Тулаев представил доклад ***«Выбор Александра Невского»***, подготовленный выдающимся историком, филологом, лучшим биографом Александра Невского **акад. Ю.К. Бегуновым.** В докладе отмечено, что выбор князя был сделан в тяжелейших условиях двойного натиска с Запада и с Востока. Сущностью княжеского выбора была альтернативная политика Московского государства XIV–XVII вв.: меч – Западу, мир – Востоку. Исторические события в России и бурный XX в. не способствовали одухотворению «идеи Александра Невского» и осознанию справедливости его вынужденного выбора. Забвение исторической памяти тогда и сейчас есть следствие бездуховного отношения к наследию предков. Историческая функция «идеи Александра Невского» – объединить все здоровые силы нации ради Возрождения России.

Профессор кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, д-р ист. наук, канд. фил. наук, доц., протодиакон В.В. Василик в докладе ***«Александр Невский и основы русской государственности»*** указал на роль князя Александра Невского как защитника от варварства. Восприятие Александра Невского и его деяний как силы консервативной не является однозначным, поскольку он, будучи воином и подвижником, верным заветам православия, был творческой силой, обновившей русское общество на века.

Проректор по науке Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, д-р юрид. наук, проф. А.И. Левченков в своем выступлении осветил ***проблемы современных государств переходного типа***, когда уроки Александра Невского, его путь к российской идентичности крайне актуализируются для республик сегодняшнего Донбасса. В государствах переходного типа, по мнению А.И. Левченкова, целью правового регулирования может быть только закрепление и охрана существующих общественных отношений, а их развитие – только в ограниченном и спонтанном виде, первоочередной и безусловной сферой правового регулирования в таких государствах всегда будут отношения собственности и власти. Государства переходного типа, ограниченные в выборе сфер, средств и методов правового регулирования общественных отношений, неизбежно будут вынуждены использовать для достижения поставленной цели жесткое императивное регулирование.

Вице-президент МСА, председатель Прогрессивной социалистической партии Украины, д-р эк. наук, проф. Н.М. Витренко в своем выступлении выделила ***проблему неонацизма как угрозы православию и украинскому государству***. На примере Украины Н.М. Витренко ярко проиллюстрировала судьбу жертв трансформации либеральной демократии в либеральную диктатуру, а далее в фашизм.

Профессор МСА, акад. РАЕН, д-р эк. наук И.М. Братищев осветил ***проблемы идеологии развития правовой системы России, её исторические корни и ценностные грани***. С его точки зрения, необходимо отказаться от нелепой формулы ст. 13 Конституции РФ о запрете любой идеологии в качестве государственной или обязательной. Идеология любви к Отечеству, патриотических традиций и семейных ценностей должна быть обязательной, что явно нашло отражение в поправке к Конституции РФ 2020 г. Эта идеология, уходящая корнями в эпоху Александра Невского, должна лежать и в основе совершенствования российской политической системы.

Доктор филос. наук, профессор АТИСО, академик АПиСН В.И. Карасев в своем выступлении указал на то, что глобальное изменение реальности, которое имеет место в современных условиях, а также экспоненциальный характер кумулятивности и скорости этих изменений с неизбежностью приводят исследователя и практика к необходимости как констатации самого факта, так и выработки работающей модели происходящего и в ее параметрах создания механизмов ее реализации.

С точки зрения В.И. Карасева, сущность, главный качественный признак постиндустриальной цивилизации в том, что, во-первых, социум, как ранее природа, перестает быть той объективной данностью, границы которой для человека абсолютно непроницаемы. Человечество и человек во всей совокупности своих отношений становятся предметом и целью научных исследований и инновационных практических проектов. Познание и использование социальных законов с неизбежностью превращают их в мощное орудие биологической и социальной инженерии. Во-вторых, преодоление (снятие) основных социальных противоречий и исчерпание социальных ресурсов с силой природной закономерности востребуют действия иных оснований жизнедеятельности человеческих сообществ.

Кандидат юрид. наук, проф. С.И. Некрасов в своем выступлении обратился ***к правовым и нравственным аспектам конституционной терминологии***, отметив, что в ходе конституционной реформы 2020 г. текст Основного Закона страны обогатился новыми терминами и понятиями. При этом смыслы многих конституционных положений не всегда очевидны, следовательно, во-первых, эти смыслы необходимо выявлять, во-вторых, возможно столкновение смыслов, столкновение толкований. Это важно, поскольку конституционная новелла о государствообразующем народе, входящем в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации, и развивающие ее положения других правовых актов имеют непреходящую ценность в контексте обеспечения культурной ориентации в правовом регулировании, недопустимости игнорирования этноисторического аспекта природы права, обеспечения правовой охраны и защиты титульной нации, этноса, преобладающего количественно на той или иной территории. В то же время, заметил С.И. Некрасов, следует весьма взвешенно подходить к допустимости закрепления аналогичных норм на региональном, в частности на республиканском, уровне с тем, чтобы этнорелигиозный федерализм не трансформировался в этнорелигиозный сепаратизм.

Заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета, д-р юрид. наук, проф. О.П. Сауляк выступил с докладом ***о нравственных ценностях и проблемах совершенствования правового регулирования укрепления правового и социального порядка в современной России***.

В выступлении **послушника Сергея Скамьянова** была рассмотрена тема ***о святых заступниках Земли Русской и духовно-нравственном преображении России***. На примере памяти о великих предках и духовных подвижниках он подчеркнул роль исторической памяти народа и духовных приоритетов общественного развития.

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р фил. наук, проф. А.П. Миньяр-Белоручева и **канд. фил. наук П.И. Сергиенко** рассказали о роли PR в духовно-нравственном и патриотическом воспитании современной молодёжи. Они выделили мировоззренческое ядро любого воспитания, заложенное культурно-историческим развитием русского (российского) общества и религиозными традициями.

Доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, канд. юрид. наук А.А. Афанасьев в выступлении на тему ***«Место общинности в российской идентичности: правовой аспект»*** остановился на роли вечевой демократии и традиций народных сходов в эпоху Александра Невского и в настоящее время, подчеркнув, что именно в седую древность уходят корни социальной солидарности и социального партнерства, получившие ныне в России конституционное закрепление. Именно опыт вечевой демократии Древней Руси, крестьянского общинного самоуправления, волостного и земского самоуправления дореволюционной России, местных советов периода Советской власти должен определять направление дальнейшего конституционного реформирования современного местного самоуправления. Общинность как цивилизационный принцип сформировала в России, по мнению А.А. Афанасьева, правосознание (правовой менталитет) личности. Одновременно общинность стала условием сохранения духовно-нравственных ценностей российского народа.

Доцент Юридического факультета Белградского университета, д-р юрид. наук, доц. Н. Кршлянина (Сербия) посвятила доклад ***заседанию государственного Собора в 1389 г.*** после битвы на Косовом поле, гибели князя Лазаря и больших потерь. Государственный Собор – важнейший орган в средневековой Сербии после монарха. Он восходит к воинским собраниям, которые были известны еще в период возникновения первых славянских протогосударств (наподобие княжеской Думы на Руси), – этот мирской элемент соединился с заранее существующим православным церковным собором. Так создан орган, в котором вместе заседали представители важнейшей знати и сановники Сербской Православной Церкви под управлением монарха. Его юрисдикция не была определена в письменной форме, а формировалась

на практике через обычаи и прецеденты. Правители часто советовались с Собором и по поводу дел, по которым они могли принимать решения самостоятельно, особенно когда им была нужна дополнительная легитимация для какого-нибудь важного решения; но в то же время сформировался обычай, согласно которому монарх не может без согласия Собора делать крупные изменения, совершать сдвиги в существующем правопорядке и традициях страны. После обозначенных исторических событий Собор во главе с княгиней Милицей, правящей вместо малолетнего князя Стефана, принял решение подчинить государство султану Баязиду и выдать за него замуж княжну Оливеру, сестру Стефана.

Профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС, д-р филос. наук, эксперт ДОСААФ России, член Академии военных наук В.И. Лутовинов обратил внимание на то, что ***национальная идея – одна из наиболее социально значимых проблем современной России***. Он отметил, что дальнейшее полноценное и динамичное развитие страны возможно только посредством обращения к историческим истокам, возрождения духовности, подъёма патриотизма и созидательной энергии общества в целом. Поэтому среди многих проблем, требующих решения, определение, формулирование и обнародование общенациональной идеи представляется первоосновной и наиважнейшей. Это первоначало общественного сознания и всей социально значимой деятельности, любых идей, подходов, концепций, стратегий, программ и проектов, механизмов и технологий их реализации.

Высокая востребованность в общенациональной идее России XXI в. обусловлена её спецификой, которая выражается: в уникальности России как одной из мировых цивилизаций; особом историческом пути развития, величии и трагичности свершений; мессианской роли России в мире не только в прошлом, но и в современном мировом сообществе в качестве его важнейшего дееспособного субъекта; сложности и труднопреодолимости проблем, требующих решения с участием всего народа, а не только лишь его малой части в лице правящей элиты; наличии значительного опыта развития в процессе реализации общенациональной идеи на некоторых этапах отечественной истории (XV–XVI, XIX–XX вв.).

Находясь уже в начале третьего 10-летия третьего 1000-летия, Россия не обрела еще общенациональной идеи, способной сплотить сегодняшнее общество. Однако новая Стратегия национальной безопасности есть одна из основ укрепления единства, стабильности и развития созидательного потенциала общества, движущей силы возрождения величия России.

Доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, канд. юрид. наук В.А. Симонов в выступлении на тему ***«Укрепление исторического единства народа России – залог реальности его суверенитета»*** остановился на историческом пути развития межнациональных отношений, принципы которых были намечены в эпоху Александра Невского. Полиэтничность и многоконфессиональность русского общества, по его мнению, при продуманной государственной политике не просто укрепляют суверенитет государства, но делают его устойчивым к любым историческим вызовам.

Кандидат юрид. наук А.П. Антоненко (Минск, Республика Беларусь) в своем докладе обратил внимание на то, что ***духовность позволяет найти решение важнейшей проблемы развития общества – конфликта воли народа и воли носителей власти***. Именно с изменения мировоззрения и начинается путь к новой реальности. В основе мировоззрения лежит представление о первичности Духа или материи, однако ответ на вопрос о том, что первично, в сознании человека трансформирует диалектическое единство духовного и материального в их исключающее противопоставление: либо духовное, либо материальное. Возвращение к пониманию и безусловное принятие двойственной природы человека – сегодня важнейшая мировоззренческая задача человечества.

Именно духовность в ее нравственном проявлении позволяет найти подход и правовое обоснование решения, важнейшей, с его точки зрения, проблемы для развития общества и государства: конфликта воли народа и воли руководящего звена органов институциональной системы государства. Правовой механизм выявления воли народа хорошо известен как науке, так и законодателю. Это – референдум. Практическая организация проведения регулярных референдумов любого уровня возможна уже при существующем развитии цифровых технологий, но необходимо ее юридическое обеспечение. Для этого требуется принятие закона об электронном электоральном голосовании.

Профессор Международного юридического института, д-р ист. наук С.Д. Багдасарян уделила внимание ***проблеме выявления факторов исторического процесса в современных политических отношениях***, ***влияния на проводимые политические реформы исторических традиций институтов публичной власти в России не только в XX в., но и в новом столетии***. Новая политическая история последних трех десятилетий суверенного Российского государства находится в состоянии интенсивного формирования институтов государства, что и является актуальным для научных исследований и выработки концепции подачи исторического процесса. Как отметила С.Д. Багдасарян, политический процесс – это сложное историческое явление, обладающее истоками и традициями оформления политической власти, закономерностями влияния на общественные отношения и формирующее национальную идентичность ее носителей. Отсюда политические трансформации изучаются и исторической,

и политологической науками. Политическая история есть неотъемлемая часть исторического процесса, оформляющая институты публичной власти, структуру государственных институтов и закрепляющая форму правления с государственным режимом и устройством территории. Для любого государственного образования эволюционный процесс – это вопрос выживания в системе внутриполитических и международных отношений.

Новейшая история Российской Федерации охватывает небольшой по времени исторический промежуток времени, богатый на события и государственные политические решения, которые определили политическую трансформацию в государство евроазиатского региона, территориальное большое образование с геополитическими интересами восстановления статуса мировой державы, что преемственно историческому процессу, в котором развивались Российская Империя и Советский Союз.

Профессор, контр-адмирал, член Президиума ЦС РУСО, канд. ист. наук В.А. Попович посвятил выступление ***роли личности Александра Невского в исторической судьбе России***. Для каждого россиянина-патриота Александр Невский был и остается примером мужества, храбрости, стойкости, упорства, образцом для подражания, преданности, любви к своей Родине, своему народу и родной земле. Он понимал жизнеутверждающее значение того, что сегодня мы называем русским культурным наследием. Для него были дороги язык, песни, архитектурные сооружения, иконы, обряды, богослужение, т.е. всё то, что связанно с Русью. Он проявил себя не только как храбрый воин, но и как дипломат, понимая, что ослабленной Руси монголо-татарскую силищу не одолеть. Он много потрудился для Земли Русской, не только мечом, но и умом внес вклад в строительство Руси. Его пример бесценен, является образцом для подражания. Александр Ярославич был единственным православным светским правителем не только на Руси, но и во всей Европе, который не пошёл на компромисс с католической церковью ради сохранения власти.

Кандидат тех. наук, доц., член ЦС «За возрождение отечественной науки» Н.Л. Румянцева напомнила собравшимся, что русская и западная цивилизации сложились в разных географических условиях, что сформировало разные ценностные приоритеты в них. В России это – приоритет общего, тогда как западная цивилизация основана на приоритете индивидуальных интересов. Она отметила, что чувство коллективизма было исторически выработано русским народом как единственно возможный способ выживания в своей географической среде, так отличавшейся от географической среды Западной Европы. Более того, чувство коллективизма закреплялось в России и в совместном, общинном способе жизни, и в коллективистском способе организации жизни государства как семьи с централизованной патерналистской властью во все периоды её истории. Однако исторически в России не закрепилась собственная правовая система, а была привнесена из Европы. Противоречие ценностей русской культуры и правовой науки России, обосновывающей её идеологию, противоречие между правовой системой России, ценностями, на которых она основана, и ценностями русской культуры, русских традиций и способа жизнедеятельности приводят к неустойчивости общества и должны быть разрешены.

И.о. зав. сектором конституционного права и конституционной юстиции ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Ю.Л. Шульженко посвятил выступление ***анализу проблем современного самоуправления***. По его мнению, сегодня в России речь фактически идет о разработке, внедрении своей национальной конституционной модели, служащей в первую очередь российским интересам, обеспечению безопасности страны. Такая модель должна учитывать накопленный отечественный, исторический опыт, оправдавшую себя практику и приоритеты, воспринятые, осознанные не только властью, но и прежде всего народом. Яркий пример тому – поправки к Конституции РФ 2020 г. Самоуправление есть одна из основ конституционного строя современного российского общества, государства, важнейший атрибут конституционализма. Его место и роль определены в Основном Законе страны. Но процесс становления отечественного самоуправления, и прежде всего местного, реально на практике находится фактически лишь в начальной стадии, идет весьма и весьма сложно. Это обусловлено рядом как объективных, так и субъективных факторов. Необходима четкая, всем понятная концепция местного самоуправления, в основу которой был бы положен богатейший отечественный опыт, учет специфики современной России. Не вызывает сомнений утверждение, что самоуправление – это самая демократичная, идеальная форма управления обществом. Но в реальности ее следует отнести к категории целей, т.е. то, к чему следует постоянно стремиться, но чего никогда нельзя достигнуть на практике в полном завершенном объеме.

Заместитель научного руководителя Центра интеграционных и цивилизационных исследований, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Д. Керимов выступил с докладом на тему ***«Александр Невский и проблема сильного государства»***, отметив, что в истории нашего Отечества Александр Невский по праву испокон веков олицетворял сильное государство. И сегодня именно такое, т.е. могущественное, дееспособное, эффективное, государство персонифицируется для нас в его ярком, с годами ничуть не блекнущем образе. А.Д. Керимов сформулировал наиболее значимые, основополагающие

характеристики сильного государства, а также обратил внимание на непреложную необходимость его дальнейшего созидания и упрочения.

Кандидат юрид. наук, доц. И.А. Тарасевич (Тюмень) в выступлении на тему ***«Правовые проблемы государственно-религиозных отношений в современной России»*** предложил рассматривать мировоззренческую свободу и религиозную безопасность как заветы святого благоверного князя Александра Невского, уделив внимание современному звучанию цивилизационного выбора Александра Невского, его верности православию. В стабильности общества и легитимности государственной власти и ныне весомая роль принадлежит продуманной и твердой государственной политике в вопросах свободы совести, равноправия религиозных объединений при признании особой цивилизационной миссии Русской Православной Церкви.

Доцент кафедры отечественной истории и культуры Московского государственного университета геодезии и картографии, канд. ист. наук А.Н. Закатов основное внимание сосредоточил ***на деяниях князя Александра Невского, обозначив их как фундамент построения Русского централизованного государства***. В сложных исторических условиях им был выбран оптимальный исторический путь сохранения человеческих душ и ценностей. Сохраненный образ Александра Невского как символ единой Земли Русской должен оставаться в системе общих ценностей нашего государства.

Старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции ИГП РАН, канд. юрид. наук И.Л. Данилевская посвятила свое выступление ***конституционно-правовому наследию И.А. Ильина***, чьи взгляды на проблемы поиска новых аспектов в развитии и трансформации национальной идеи, сочетания личных и государственных интересов для решения задач возрождения России и укрепления её единства актуальны и в наши дни. На первый план философ ставил необходимость сильной, дифференцированной, децентрализованной, не слабой, но и не сковывающей творчество народа власти. Учитывая многонациональную, религиозную и историческую специфику Российского государства, он подчеркивал, что власть должна быть сильной, но при этом «выдержанно-правовой». По мысли И.А Ильина, это должно было реализовываться в ином понимании выборов и публичных обязанностей, в которых приоритетными станут патриотизм, талант и гласная ответственность и не будет места сговору и корысти. Обосновывая основы государственного устройства будущей России, философ исходил из того, что совершенной государственной формы для всех времен и народов не существует. Как полагает И.Л. Данилевская, с учетом современных реалий можно отметить актуальность позиций мыслителя в отношении исторически-преемственного единства Российского государства, патриотической солидарности и братского союза, которые, по существу, есть национальная идея сохранения общего Отечества, основанного нашими предками.

Заместитель председателя Совета депутатов городского округа Краснознаменск Московской области, канд. юрид. наук В.В. Вышкварцев уделил внимание современному подходу ***к институтам брака и семьи в контексте исторического и сравнительно-правового анализа законодательных актов, а также догматических норм церковного права***. Он отметил, что обязанности супругов следует рассматривать как нравственные и правовые регуляторы семейных отношений. Российское семейное законодательство требует последовательной и поступательной этизации и имплементации в него более широкого «каталога обязанностей» супругов, опираясь на источники русского права (церковного права) и теологические источники. Такой подход будет способствовать освобождению Семейного кодекса РФ от неолиберальных тенденций, существенно затрудняющих развитие исконно русской семейной традиции, семейной политики, борющейся против «вульгарного позитивизма» и идеологических ярлыков.

Научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, канд. ист. наук, доц. М.В. Раттур в докладе на тему ***«Историко-правовой опыт противодействия угрозам российской идентичности в XIII в.»*** подчеркнула, что системный кризис современного переустройства обусловливает обращение к историко-правовому опыту противодействия угрозам российской идентичности в прошлом. В этом отношении XIII в. стоит особняком. При феодальной раздробленности и нашествии монголо-татар, осознавая угрозу движения крестоносцев, благоверный князь Александр Невский принял решение, позволившее Руси сохранить православную веру, единство правовых норм (Русскую Правду) и язык на территории всех княжеств. Противодействие крестоносцам было организовано им с учетом уже имевшегося печального опыта Константинополя, который был разграблен в результате IV Крестового похода в 1204 г. Его блестящие победы в 1240 и 1242 гг., отказ от предложений папы римского позволили Руси сохранить национальную идентичность. Уже восемь веков память о благоверном князе бережно сохраняется. В судьбоносные моменты для российской истории происходило обращение к нему потомков: открытие мощей в 1380 г., когда произошла Куликовская битва; причисление к лику святых в 1547 г. (сразу после воцарения Ивана Грозного). Петр Великий во время Северной войны повелел основать Александро-Невский монастырь (позже ставший лаврой), вскоре после смерти первого российского императора был учрежден орден Александра Невского. Он представлен не только в государственной системе наград Российской Империи, но и Советского Союза,

Российской Федерации. Это уникальный случай в российской истории.

Соискатель Московского университета им. С.Ю. Витте Ю.Ф. Лунёв остановился ***на различиях национальной идентичности России и Востока, повлиявших на формирование правовых систем государств, уделив особое внимание праву тюркских народов в средние века***. Он подчеркнул роль духовно-нравственного характера национальной идентичности, проиллюстрировав её на примере духовно-судебной системы узбекских ханств, являвшейся надежной опорой ханской власти и составлявшей важную часть государственного аппарата ханств. Именно национальная идентичность раскрывается в структуре и функциях духовно-судебных органов, принципах их формирования и функционирования.

Младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции ИГП РАН Г.С. Патюлин отметил, что ***необходимость формирования гражданского общества и установления диалога общества и власти является необходимым условием функционирования правового демократического государства и его эффективного развития***. Эффективность такого диалога в значительной мере определяется зрелостью гражданского общества, формирование которого происходит крайне небыстро, что обусловлено историческими традициями. В 1918 г. Н.А. Бердяев писал, что русскому народу свойственна боязнь власти, он отказывается от создания государственной жизни. Эти слова находят подтверждение и в наши дни – в качестве одной из причин несформированности гражданского общества называют пассивность граждан, отсутствие личной ответственности за собственную судьбу и судьбу страны, чувство апатии, охватившее общество. Диалог власти и общества невозможен без осознания его участниками ответственности друг перед другом, а также за судьбу государства, что предполагает наличие общей, российской идентичности, формирование которой должно осуществляться на основе взаимного признания и уважения всех участников социальных отношений в обществе и государстве.

Сведения об авторах

БАБУРИН Сергей Николаевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1212-8150

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892
ORCID ID: 0000-0003-2853-1287

ДАНИЛЕВСКАЯ Инна Леонидовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 6990-8150

Authors' information

BABURIN Sergey N. –
Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, chief researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Scientific Director of the Center for integration and civilization studies of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
PhD of Law, leading researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

DANILEVSKAYA Inna L. –
PhD in Law, senior researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 195–210
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 195–210

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ. ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.А. ТУМАНОВА

© 2021 г. Н. В. Варламова*, Т. А. Васильева, Н. В. Колотова***, Е. А. Сорокина******

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: varlam_n@list.ru*
***E-mail: tan-vas@mail.ru*
****E-mail: kolotova.n@gmail.com*
*****E-mail: sorokina_ea@mail.ru*

Поступила в редакцию 11.11.2021 г.

Аннотация. 20 октября 2021 г. в Институте государства и права РАН состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Конституционализм: национальное и наднациональное измерения», посвященная 95-летию со дня рождения В.А. Туманова. В ее работе приняли участие 52 доктора и 32 кандидата наук, представлявшие четыре зарубежных государства, 14 субъектов Российской Федерации, 31 научное учреждение и вуз. В рамках мемориальной части конференции своими воспоминаниями о В.А. Туманове поделились его друзья и коллеги, работавшие с ним в разные годы. Участники конференции обсудили также широкий спектр проблем, в той или иной мере связанных с научными интересами В.А. Туманова: телеологические аспекты конституционализма, универсализация конституционных принципов и сохранение национальной конституционной идентичности, эволюция федерализма и местного самоуправления, развитие института конституционного контроля и обеспечение прав и свобод человека.

Ключевые слова: конституционализм, публичная власть, федерализм, конституционный контроль, права человека, В.А. Туманов.

Цитирование: *Варламова Н.В., Васильева Т.А., Колотова Н.В., Сорокина Е.А.* Конституционализм: национальное и наднациональное измерения. Всероссийская научная конференция с международным участием к 95-летию со дня рождения В.А. Туманова // Государство и право. 2021. № 12. С. 195–210.

DOI: 10.31857/S102694520017767-4

CONSTITUTIONALISM: NATIONAL AND SUPRANATIONAL DIMENSIONS. ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION DEVOTED TO THE 95th ANNIVERSARY OF V.A. TUMANOV

© 2021 N. V. Varlamova*, T. A. Vasilieva, N. V. Kolotova***, E. A. Sorokina******

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: varlam_n@list.ru*
***E-mail: tan-vas@mail.ru*
****E-mail: kolotova.n@gmail.com*
*****E-mail: sorokina_ea@mail.ru*

Received 11.11.2021

Abstract. All-Russian Scientific Conference with international participation "Constitutionalism: national and supranational dimensions" devoted to the 95th anniversary of V.A. Tumanov was held on the 20 of October 2021 in the Institute of State and Law of the RAS. It was attended by 52 doctors and 32 candidates of science who represented four foreign countries, 14 constituent entities of the Russian Federation, 31 research institutes and universities. During the memorial part of the conference his friends and colleagues, who worked with him in different years, shared their memories about V.A. Tumanov. The participants of the conference also discussed a wide range of problems, to this or that degree connected with the scientific interests of V.A. Tumanov: teleological aspects of constitutionalism, universalization of constitutional principles and preservation of the national constitutional identity, evolution of the federalism and local self-government, development of the constitutional review and ensuring of human rights and freedoms.

Key words: constitutionalism, public authority, federalism, constitutional review, human rights, V.A. Tumanov

For citation: *Varlamova, N.V., Vasilieva, T.A., Kolotova, N.V., Sorokina, E.A. (2021).* Constitutionalism: national and supranational dimensions. All-Russian Scientific Conference with international participation devoted to the 95th anniversary of V.A. Tumanov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 195–210.

20 октября 2021 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Конституционализм: национальное и наднациональное измерения». Она была посвящена 95-летию со дня рождения В.А. Туманова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ, действительного члена Международной академии сравнительного права, депутата Государственной Думы ФС РФ (1993–1994 гг.), Председателя Конституционного Суда РФ (1995–1996 гг.), судьи от Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека (1997–1998 гг.), Президента Международной ассоциации юридических наук под эгидой ЮНЕСКО (1994–1998 гг.), Председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия (1997–2011 гг.), члена Комиссии при Президенте РФ по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов (2008–2011 гг.).

Незаурядность личности В.А. Туманова привлекла к конференции большое внимание. В ее работе приняли участие 89 человек, в т.ч. 52 доктора и 32 кандидата наук, представлявшие четыре зарубежных государства, 14 субъектов Российской Федерации, 31 научное учреждение и высшее учебное заведение.

Конференцию открыл **директор Института государства и права РАН, чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф. А.Н. Савенков**. Масштаб личности В.А. Туманова, отметил А.Н. Савенков, придает конференции значение, выходящее далеко за пределы Института государства и права РАН и даже Российской Федерации. Он рассказал о государственной и общественной деятельности В.А. Туманова, его научных достижениях. Владимир Александрович в 1948 г. закончил юридический факультет Института внешней торговли при Министерстве внешней торговли СССР. В 1951 г. под научным руководством проф. Л.А. Лунца защитил кандидатскую диссертацию на тему «Случай и непреодолимая сила в советском гражданском праве», в 1969 г. – докторскую диссертацию «Современная буржуазная правовая идеология. Критика учений о праве», многие положения и выводы которой, нашедшие отражение в соответствующей монографии («Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве». М., 1971), не утратили актуальности и даже приобрели новое звучание.

Большая часть научной деятельности В.А. Туманова связана с Институтом государства и права РАН, где он работал с 1960 г. В течение многих лет он руководил сектором зарубежного права, впоследствии переименованном в сектор сравнительного права. Перед сектором стояла задача обобщения мирового опыта функционирования правовых систем, его разработки оказались востребованы в период реформирования российской государственности. Под руководством В.А. Туманова в секторе были подготовлены знаковые для того времени монографии: «Партии и выборы в капиталистическом государстве. Практика 70-х годов» (М., 1980); «Буржуазная конституция на современном этапе. Основные тенденции» (М., 1983); двухтомник «Современное буржуазное государственное право. Критические очерки» (М., 1987); «Судебные системы западных государств» (М., 1991). В.А. Туманов был членом редколлегии журнала «Советское государство и право», членом редсовета журнала «Государство и право».

В.А. Туманов многое сделал для становления сравнительного правоведения. В период работы в качестве судьи Европейского Суда по правам человека провел исследование деятельности этого органа, результатом чего явилась первая в России монография, посвященная Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Суда. До последних дней жизни руководил в Институте

государства и права проблемной группой по изучению права Совета Европы.

А.Н. Савенков подчеркнул, что В.А. Туманов был талантливым исследователем, тонким знатоком российского и иностранного права, отличавшимся глубиной и оригинальностью мышления, его научные разработки во многом опережали свое время и продолжают оставаться актуальными.

При этом В.А. Туманов не был сугубо кабинетным ученым. Его труды имели большое практическое значение для развития отечественной государственности и правовой системы, многие из своих идей ему удалось реализовать на практике.

С приветственным словом к конференции обратилась **директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, акад. РАН, д-р юрид. наук, проф. Т.Я. Хабриева**. Она подчеркнула, что тема конференции в полной мере отражает научные интересы В.А. Туманова, который занимался проблемами конституционализма и сравнительного правоведения. Т.Я. Хабриева акцентировала внимание на том, что современная теория конституционализма, как и Конституция РФ неразрывно связаны с именем В.А. Туманова. Он сыграл огромную роль в становлении авторитета Конституционного Суда РФ.

В.А. Туманов придерживался широкого понимания права, согласно которому права человека признаются его обязательным и основополагающим компонентом независимо от того, нашли они закрепление в позитивном праве или нет. Служение праву было творческим кредо и линией его жизни. Человек огромной творческой энергии, он всегда умел устанавливать и показывать взаимосвязи между фундаментальными основами юридической теории и юридической практикой, между отечественной юриспруденцией и зарубежной юридической наукой, между прошлым российской правовой системы и ее будущим. Высоко оценивая многогранную деятельность ученого, Т.Я Хабриева подчеркнула, что многие его труды не осмыслены еще в полной мере, а высказанные им идеи сохраняют актуальность.

Конференция началась с **мемориальной части**, в рамках которой своими воспоминаниями о В.А. Туманове поделились его друзья и коллеги, работавшие с ним в разные годы.

Многолетняя дружба связывала с В.А. Тумановым **чл.-корр. РАН, д-ра юрид. наук Е.А. Лукашеву**. Она отметила, что В.А. Туманов внес огромный вклад в исследование основных учений о праве в западной юриспруденции XIX–XX вв. Это был подлинно научный анализ, в отличие от иных работ по данной проблематике, которые носили откровенно пропагандистский «разоблачительный» характер. В.А. Туманов отдал немало сил научной реабилитации видных советских юристов, попавших под репрессии 30-х годов, и возвращению их работ в научный оборот – П.И. Стучки, Е.Б. Пашуканиса, Н.В. Крыленко и И.П. Разумовского. Неоценима заслуга В.А. Туманова в становлении и развитии отечественной науки сравнительного права.

В.А. Туманов был знаковой фигурой в юридической науке, но у него полностью отсутствовало «научное чванство», высокомерие, снисходительность к коллегам. Его кандидатская диссертация называлась «Случай и непреодолимая сила в гражданском праве». Всей своей жизнью он доказал, что непреодолимой силы для одаренного и целеустремленного человека не существует, а случай нередко оказывается счастливым.

О значении деятельности В.А. Туманова для развития в России конституционного правосудия рассказала **д-р юрид. наук, проф. Т.Г. Морщакова (НИУ ВШЭ)**. 20 октября – день рождения Владимира Александровича, а 25 октября 1995 г. состоялось еще одно знаковое событие в его судьбе, не отделимое от истории конституционного правосудия в России. В.А. Туманов обрел статус судьи Конституционного Суда РФ и вскоре был избран судьями его Председателем. Фигура В.А. Туманова на этом посту не была случайной. Крупный теоретик права на поприще государственной деятельности он был востребован как личность, которая способна продвигать идеи и практики конституционного правосудия и подлинного конституционализма.

Вместе с В.А. Тумановым в Конституционный Суд РФ пришло более стойкое стремление к защите верховенства права, а не политики, к акцентированию в конституционном правосудии не государственно-правовой идеи, а идеи обеспечения прав и свобод человека. По словам В.А. Туманова, всегда, когда в конституционном правосудии выигрывает человек, выигрывает и государство. Такое понимание сути конституционного правосудия особенно важно поддерживать.

Конституция РФ – это охранительный документ. Она защищает права человека, а также основные конституционные институты, в т.ч. и судебную власть. Идея охранительного характера Конституции РФ активно проводилась В.А. Тумановым. И именно наличие в Конституции РФ неизменяемых глав обеспечивает в условиях конституционных реформ стабильность принципов независимой судебной власти. Судебная власть – это тот конституционный институт, который, собственно, и делает реальным конституционный строй, основанный на принципе разделения властей. Будучи механизмом защиты всего правового инструментария, используемого во взаимоотношениях субъектов права, судебная власть сама

тоже обеспечена гарантиями на высшем конституционном уровне. Речь идет о гарантиях независимого, справедливого, объективного, законного суда, гласных и состязательных судебных процедур, субъективных прав участников процесса. Эти принципиальные идеи правосудия, образующие его статусные и процессуальные гарантии, закреплены в неизменяемых положениях гл. 1 и 2 Конституции РФ. Из Конституции РФ следует превалирующее значение этих положений, а также требование исключать противоречащее им толкование и применение остальных ее норм. Последнее является задачей судебной власти, которая правомочна обеспечивать восстановление верховенства неизменных положений Конституции РФ, в т.ч. и принципов правосудия, сохраняя таким образом подлинную конституционную сущность судебной власти – не ради себя самой, а ради прав граждан, которые обращаются в суд за их защитой.

Продолжая разговор о роли В.А. Туманова в становлении конституционной юстиции в Российской Федерации, **д-р юрид. наук, проф. М.А. Федотов (НИУ ВШЭ)** обратил внимание на малоизвестные факты его биографии. В частности, он отметил роль В.А. Туманова в знаменитом «деле КПСС», когда в 1992 г. в Конституционном Суде РФ рассматривался вопрос о конституционности указов первого Президента РФ Б.Н. Ельцина о запрете деятельности КПСС и об имуществе партии. Именно в выступлении эксперта В.А. Туманова прозвучала важная для последующего решения Конституционного Суда РФ мысль о том, что само понятие «партия» обретает подлинный общественно-политический смысл лишь в условиях многопартийной системы. Однопартийность же ведет к превращению партии в часть государственного механизма со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В марте 1993 г. В.А. Туманов вместе с рядом крупнейших отечественных правоведов выступил с резкой критикой Заключения Конституционного Суда РФ о соответствии Конституции РФ действий и решений Президента РФ Б.Н. Ельцина, связанных с его обращением к гражданам России 20 марта 1993 г. В подписанном им Открытом письме судьям Конституционного Суда РФ говорилось, в частности: «Чисто по-человечески можно понять и простить те многочисленные нарушения материального и процессуального права, которые в спешке были допущены при вынесении этого Заключения. <...>. Наша история знает мрачные периоды, когда в угоду политической целесообразности попирались азы правосудия. Сегодня подобное запрещено законом. Но закон без исполнения умирает. <...>. Нам хочется верить, что ошибка будет исправлена, ибо нет у судьи большей ценности, чем его честное имя».

М.А. Федотов рассказал также о роли В.А. Туманова в создании и деятельности квазисудебной структуры, чье влияние основывалось на репутации входящих в нее людей. Речь идет об Общественной коллегии по жалобам на прессу, сопредседателем которой Владимир Александрович был с момента ее создания в мае 2005 г. и до своей кончины. В рамках этой внекорпоративной структуры гражданского общества В.А. Туманов участвовал в рассмотрении жалоб на нарушения норм журналистской этики и стандартов профессионального поведения журналистов, опираясь, помимо прочего, на свой опыт Председателя Конституционного Суда РФ и судьи Европейского Суда по правам человека.

В начале своего выступления **д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Тихомиров (ИЗиСП при Правительстве РФ)** отметил, что судьба подарила ему тесную дружбу и плодотворное научное сотрудничество с В.А. Тумановым. Владимир Александрович успешно использовал знания разных отраслей права, а также легко переходил из сферы науки в сферу практики. Но прежде всего В.А. Туманов был крупным теоретиком права. Его любовь к теории носила какой-то вдохновенный характер: он ценил юридическую стилистику, тонко истолковывал различные юридические конструкции, глубоко уважал закон как акт высшей юридической силы и как документ, отражающий процесс познания права. Он умел нащупывать проблемные вопросы, выявлять юридические коллизии. Эти способности В.А. Туманов блестяще использовал на посту Председателя Конституционного Суда РФ, а позднее – Председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия. В.А. Туманов не слишком много писал о судебной власти, он как Сократ вел диалоги в узком кругу профессионалов-единомышленников и привлекал внимание широкой общественности к существующим проблемам, что помогало находить их практические решения.

Как бы оценил Владимир Александрович нынешнее состояние теории права, какие перспективы бы для нее наметил? Он, вероятно, сказал бы, что теория права должна бережно сохранять классическое наследие, но ей не следует «застревать на месте», вращаясь вокруг тех понятий и конструкций, которые требуют переосмысления. Теория права нуждается в обогащении понятийного аппарата, в формировании новых юридических конструкций. Она должна плотнее срастаться с отраслевыми науками и развиваться в тесном контакте с философией, экономикой, политологией, социологией, психологией.

Компаративистика – второе направление, которое Ю.А. Тихомиров выделил в творчестве В.А. Туманова. На международных конгрессах

и конференциях ученый проявлял себя как человек находчивый, легко импровизирующий, умеющий очень деликатно налаживать контакты с зарубежными коллегами, которые высоко его ценили. В сравнительном правоведении он видел прежде всего живой дух общения юристов разных стран, без предубеждений и резкой критики позиций друг друга. Сейчас этого явно не хватает. Владимир Александрович с удовольствием отметил бы мощный рывок в развитии российской компаративистики, восприятие многих иностранных практик и подходов. Но он бы призвал не механически копировать чужие институты, а выдвигать свои правовые инициативы.

Владимир Александрович был живым, любознательным человеком с разносторонними интересами. Он ходил с друзьями в походы на байдарках, болел за «Спартак». И полифоническое звучание его многогранной личности складывалось в светлую мелодию.

Научная часть пленарного заседания открылась докладом **д-ра юрид. наук, проф. А.И. Ковлера (ИЗиСП при Правительстве РФ)** об использовании сравнительного метода в решениях Европейского суда по правам человека и в заключениях и докладах Венецианской комиссии Совета Европы. В последнее время они все чаще обращаются к этому методу для обоснования своих правовых позиций по поводу сложных проблем, требующих всестороннего анализа существующей в Европе и в мире практики правоприменения (например, по таким вопросам как биоэтика, защита персональных данных при использовании цифровых технологий, защита прав человека в чрезвычайных ситуациях). Примечательно, что и Европейский Суд, и Венецианская комиссия все чаще прибегают к анализу правовых позиций друг друга, а также запрашивают консультативные заключения или приглашают выступить с *amicus curiae*. Так, Европейский Суд использовал позиции Венецианской комиссии в более чем 200 делах, в частности в решениях по делам «Российская консервативная партия предпринимателей и другие против России» от 11 января 2007 г.,[1] «Республиканская партия России против России» от 12 апреля 2011 г.,[2] «Лашманкин и другие против России» от 7 февраля 2017 г.,[3] «Коростелев против России» от 12 мая 2020 г.[4] Последний пример – решение по делу «Федотова и другие против России» от 13 июля 2021 г.,[5] которое российская пресса толковала как якобы возлагающее на Россию обязанность легализовать однополые браки. В свою очередь, Венецианская комиссия часто обращается к позициям Европейского Суда как в своих заключениях по проблемам организации судебной системы и судебного процесса, так и в обобщающих докладах по избирательному праву, в частности в отношении применения цифровых технологий в ходе выборов. Такое использование сравнительного метода представляет собой уникальный пример синергии судебного толкования и мнения экспертного сообщества.

В докладе **д-ра юрид. наук, проф. М.А. Краснова (НИУ ВШЭ)** решение Европейского Суда по правам человека от 13 июля 2021 г. по делу «Федотова и другие против России» было подвергнуто критике. В данном решении Европейский Суд признал необходимость регистрации однополых союзов. При этом он не обязывает признавать такой союз семьей, однако, по мнению М.А. Краснова, на самом деле речь идет именно о приравнивании однополого сожительства к традиционной семье. Европейский Суд, полагает докладчик, устанавливает новые принципы и затем, считая их аксиомами, основывает на них свои решения. В данном деле Суд исходит из аксиоматичности трех положений: уважение государством частной и семейной жизни предполагает не только запрет вмешательства в нее, но и позитивные обязательства по ее обеспечению; отказ юридически признавать однополые союзы образует дискриминацию; отсутствие границ между понятиями «частная жизнь» и «семейная жизнь». Именно на этих аксиомах строится толкование Европейским Судом ст. 8 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, формулировки которых сами по себе отнюдь не дают для этого оснований. Эти и подобные аксиомы, выработанные Европейским Судом, разрушают право, поскольку игнорируют общественную нравственность. Между тем ч. 2 ст. 8 Конвенции среди оснований допустимого вмешательства в осуществление гарантированных прав называет и общественную нравственность. По мнению М.А. Краснова, это позволяет государству ради охраны общественной нравственности отказаться от юридического признания однополых союзов, даже и не в форме брака.

Доклад **д-ра юрид. наук, проф. Л.Р Сюкияйнена (НИУ ВШЭ)** был посвящен исламскому (мусульманскому) праву. В науке сравнительного правоведения оно традиционно рассматривается в качестве самостоятельной правовой системы, образуя

[1] См.: ECtHR. Russian Conservative Party of Entrepreneurs and Others v. Russia. Applications nos. n 55066/00 and 55638/00. Judgment of 11 January 2007.

[2] См.: ECtHR. Republican Party of Russia v. Russia. Application no. 12976/07. Judgment of 12 April 2011.

[3] См.: ECtHR. Lashmankin and Others v. Russia. Applications nos. 57818/09 и 14 others. Judgment of 7 February 2017.

[4] См.: ECtHR. Korostelev v. Russia. Application no. 29290/10. Judgment of 12 May 2020.

[5] См.: ECtHR. Fedotova and Others v. Russia. Applications nos. 40792/10, 30538/14 and 43439/14. Judgment of 13 July 2021.

вместе с индусским и иудейским правом т.н. семью религиозных правовых систем. Позиция, отрицающая такой статус исламского права, встречается, но крайне редко. Однако в понимании исламского права как самостоятельной правовой системы можно выделить два основных подхода. Первый из них сводит исламское право к шариату, причем выступающему не в виде реально действующих норм, а в его доктринальном варианте. В рамках другого подхода рассматривается не исламское право как таковое, а правовые системы (позитивное право) мусульманских стран. Такая позиция игнорирует мнение ряда компаративистов (в т.ч. Рене Давида), призывающих не отождествлять исламское право с действующим правом мусульманских стран. Вместе с тем некоторые российские авторы до сих пор нередко допускают такую подмену.

Изучение исламского права (особенно его современного варианта) способно уточнить некоторые принципиальные положения, утвердившиеся в сравнительном правоведении. В частности, исламское право не укладывается в принятое определение правовой семьи как группы национальных правовых систем, объединенных общими структурными и иными (например, идеологическими) чертами. Дело в том, что не существуют правовые системы отдельных стран, которые полностью представлены исламским правом. С учетом этого под исламским правом как правовой системой можно понимать совокупность структурных особенностей и иных специфических черт данного юридического феномена, не сводимого к позитивному праву конкретной страны. В любом случае материал исламского права должен использоваться наукой сравнительного правоведения для дальнейшей разработки понятий правовой системы (семьи), а также смешанных и религиозных правовых систем.

В докладе **д-ра юрид. наук, проф. А.Е. Постникова (ИЗиСП при Правительстве РФ)** подчеркивалось, что конституционализм – это единство гуманистических идей и принципов построения государства и практики их реализации. В каждой национальной модели конституционализма присутствуют общие и особенные черты. В XX в. активно формировались международно-правовые стандарты конституционализма в виде как обязательных норм международного права, так и *soft law* (особенно яркий пример последнего – документы Венецианской комиссии), что создавало определенные предпосылки для сближения правовых систем различных стран, формирования универсальных конституционных ценностей. В то же время становится очевидной иллюзорность излишне оптимистических представлений о сближении исходных начал конституционализма в различных странах.

Многие государства (и Российская Федерация здесь не исключение) стали активно противопоставлять всеобщим конституционным ценностям, носящим наднациональный характер, доктрину национальной конституционной идентичности. Как правило, обращение к ней обусловлено конкретными событиями, прежде всего коллизиями в реализации в национальной правовой системе определенных международно-правовых норм, стандартов, решений международных органов. Представляется, что национальная конституционная идентичность сама по себе не образует самостоятельную конституционную ценность, как утверждают некоторые исследователи. Она скорее инструмент для выстраивания на уровне национальной правовой системы особой иерархии конституционных ценностей.

В настоящее время в России мы наблюдаем сложный процесс трансформации практики конституционализма. Она все больше обретает особенные формы (речь идет о новых конституционно-правовых институтах и процедурах, преобразовании ранее действовавших институтов и процедур), которые сначала апробируются на законодательном уровне, а затем получают конституционное признание, в т.ч. и посредством конституционного правосудия. Это создает условия для непрерывного конституционного процесса, и возникает риск утраты изначального содержания основ конституционного строя. Практика реализации Конституции РФ отрывается от ее исходных принципов. Задача научной конституционной доктрины видится в том, чтобы выявлять эти риски и с их учетом оценивать новые проявления в развитии основ конституционного строя. Именно в рамках научной конституционной доктрины возможен полный учет универсальных конституционных ценностей. Научная конституционная доктрина является важнейшим инструментом обеспечения преемственности конституционного развития Российской Федерации, формирования ее конституционной идентичности на основе универсальных конституционных ценностей.

Обсуждение проблем национальной конституционной идентичности продолжила **д-р юрид. наук, проф. Е.В. Виноградова (ИГП РАН)**. Она отметила, что в российской конституционно-правовой практике это понятие появилось относительно недавно. Впервые оно было использовано в постановлениях Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П[6] и от 19 апреля 2016 г. № 12-П[7], принятых в связи с решением Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против

[6] См.: СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4658.

[7] См.: СЗ РФ. 2016. № 17, ст. 2480.

России»[8]. В данных постановлениях Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию о невозможности исполнения решения Европейского суда, если оно основано на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к их противоречию с Конституцией РФ. Следует подчеркнуть, что подходы к решению этой проблемы были намечены Конституционным Судом РФ еще в Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П[9], принятом в связи с делом «Константин Маркин против России»[10].

В контексте доктрины национальной конституционной идентичности представляет интерес преамбула Конституции РФ, где характеристика России как части мирового сообщества дополняется указанием на то, что народы России соединены общей судьбой на своей земле, чтут память предков и несут ответственность перед будущими поколениями.

Идею конституционной идентичности в той или иной мере используют органы конституционного контроля многих государств. Например, Верховный суд Индии в решении по делу *Minerva Mills Ltd. & Ors vs Union of India & Ors* от 31 июля 1980 г.[11] подчеркнул, что Конституция – это драгоценное наследие, идентичность которого невозможно изменить. Федеральный конституционный суд Германии в решении от 30 июня 2009 г.[12] отмечал, что в Основном законе существуют такие положения, которые выражают фундаментальные основы немецкого государства, и базирующиеся на них государственные полномочия не могут быть переданы наднациональному образованию.

К доктрине конституционной идентичности обращался также Верховный суд Аргентины. В решении 14 февраля 2017 г.[13] он впервые в своей истории признал невозможность исполнения решения Межамериканского суда по правам человека, касающегося свободы распространения информации в СМИ, вынесенного в 2011 г. против Аргентины[14]. Еще одним примером может служить обращение Конституционного суда Италии в Суд ЕС по вопросу о соотношении положений Конституции и права ЕС[15], который рассматривался ранее в деле Таррико по инициативе одного из итальянских судов[16].

Конституционные правопорядки разных государств, безусловно, связаны между собой и влияют друг на друга, но доктрина национальной конституционной идентичности призвана сдерживать экспансию наднационального регулирования.

В докладе **члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. М.И. Клеандрова (ИГП РАН)** обосновывалась неизбежность принятия новой Конституции РФ. Он отметил, что первые поправки в Конституцию РФ 1993 г. начали вноситься в 1996 г., это было связано с изменением наименований некоторых субъектов Российской Федерации. Поправки 2008 и 2014 гг. были существеннее, ибо они затронули институт Президента РФ, законодательную, исполнительную и судебную власти. Наконец, в 2020 г. произошла конституционная реформа всей системы публичной власти в стране. Таким образом, можно говорить о шестилетнем цикле изменения Конституции РФ, причем с каждым разом количество вносимых поправок возрастает – в 2008 г. их было три, в 2014 г. – 11, в 2020 г. – 216. Это дает основания предположить, что следующая конституционная реформа состоится также через шесть лет, и уже оставить неприкосновенными первую, вторую и девятую главы Конституции РФ не получится. Сейчас налицо определенные противоречия между отдельными новыми положениями и неизменяемыми статьями Конституции РФ. По мнению М.И. Клеандрова, новая Конституция РФ должна содержать положения о государственной идеологии (что предполагает наличие национальной идеи, без чего невозможна никакая воспитательная работа среди подрастающего поколения); положения о главной движущей силе развития общества и государства – науке; принципиально иную структуру судебной власти, включающую несколько самостоятельных

[8] ECtHR. Anchugov and Gladkov v. Russia. Applications nos. 11157/04 and 15162/05. Judgment of 3 July 2013.

[9] См.: СЗ РФ. 2013. № 50, ст. 6670.

[10] ECtHR. Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. Judgment of 7 October 2010; Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. [GC] Judgment of 22 March 2012.

[11] См.: Supreme Court of India. Minerva Mills Ltd. & Ors vs Union of India & Ors on 31 July, 1980 // Indian Kanoon. URL: https://indiankanoon.org/doc/ 1939993/?__cf_chl_jschl_tk__=BiTd3yiPNbdv2Le0SL_iaivkFuZ_Lr2.nq.q7t9TkTY-1635979736-0-gaNycGzNCH0 (дата обращения: 04.11.2021).

[12] См.: BVerfG, 2 BvE2/08 Unteil des Zweiten Senats vom 30. Juni 2009 // Bundesverfassungsgericht. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/ SharedDocs/ Entscheidungen/EN/2009/06/es20090630_2bve000208en.html (дата обращения: 05.11.2021).

[13] См.: Corte Suprema de Justicia de la Nacion. Sentencia 14 de Febrero de 2017. Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto s/ informe sentencia dictada en el caso "Fonteveccia y D'Amico vs. Argentina" por la Corte Interamericana de Derechos Humanos // SAIJ. Ministerio de Justicia y Derechos Humanos Argentina. URL: https://www.corteidh.or.cr/ docs/casos/articulos/seriec_238_esp.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

[14] См.: Corte Interamericana de Derechos Humanos. Fontevecchia y D'Amico *vs.* Argentina. Sentencia de 29 de noviembre de 2011 // Corte Interamericana de Derechos Humanos. URL: casos/ articulos/ seriec_238_esp.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

[15] См.: CJEU. Grand Chamber. Case C-42/17. Criminal proceedings against M.A.S. and M.B. Request for a preliminary ruling from the Corte costituzionale. Judgment of 5 December 2017.

[16] См.: CJEU. Grand Chamber. Case C-105/14. Criminal proceedings against Ivo Taricco and Others. Request for a preliminary ruling from the Tribunale di Cuneo. Judgment of 8 September 2015.

судебных систем (специализированных и судов общей юрисдикции), принципиально измененную мировую юстицию, а также новый конституционный орган – Совет судебной власти, занимающийся кадровым, информационным, ресурсным обеспечением деятельности судов.

Проблемы создания конституционных (уставных) советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации, которые могут заменить упраздненные конституционные (уставные) суды, были рассмотрены в докладе **Председателя Конституционного совета Республики Саха (Якутия), д-ра юрид. наук П.В. Гоголева и д-ра юрид. наук, проф. В.А. Кряжкова (НИУ ВШЭ)**. Учреждение данных органов позволяет субъектам Российской Федерации сохранить прерогативы по обеспечению демократического функционирования власти на основе верховенства своих учредительных актов и принципа разделения властей, собственными средствами защищать права и свободы граждан. На основании ч. 7 ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»[17] субъекты Российской Федерации обладают широким усмотрением при определении статуса конституционных (уставных) советов. При этом они могут учитывать опыт действовавших ранее Конституционно-правового совета Венгрии и Комитета конституционного надзора СССР или функционирующей в Парламенте Финляндии Конституционной комиссии. Важно, чтобы конституционные (уставные) советы стали не декоративными, а эффективно работающими государственными органами.

Республика Саха (Якутия) – пока единственный субъект Российской Федерации, где образован Конституционный совет как орган внесудебного конституционного контроля (надзора). Его статус определен Конституцией Республики, в которую внесены соответствующие изменения (ст. 67.1) и специальным Конституционным законом от 26 мая 2021 г. № 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)»[18]. Конституционный совет состоит из девяти конституционных советников (четверо из них занимают государственную должность, а остальные привлекаются к исполнению полномочий без отрыва от основной деятельности). Это организационно обособленный и функционально независимый постоянно действующий государственный орган, наделенный полномочиями по осуществлению толкования Конституции Республики Саха (Якутия), предварительного и последующего нормоконтроля правовых актов республиканского и муниципального уровня. Решения Конституционного совета носят окончательный характер и должны в установленный срок рассматриваться органом, принявшим соответствующий акт, который может изменить норму, признанную неконституционной. Практика покажет, насколько эффективна избранная Республикой Саха (Якутия) модель Конституционного совета. Однако уже сейчас просматриваются определенные ее дефекты, связанные с кругом субъектов обращения в Совет, из числа которых исключены граждане и их объединения, а также с юридической силой его решений.

Конференция продолжила работу в рамках **двух секций**. На **первой секции *«Конституционализм в сравнительной перспективе»*** обсуждались телеологические аспекты конституционализма, развитие его универсальных принципов, проблемы сохранения национальной конституционной идентичности и обеспечения конституционных прав.

Работа секции открылась докладом **канд. юрид. наук, доц. М.А. Штатиной (РУДН)**, посвященным анализу роли цивилизационных ценностей в формировании правовых систем. В сравнительном правоведении правовые системы традиционно классифицируются по разным основаниям: историческим особенностям их формирования, источникам права, идеологии и юридической технике, общественно-экономическим формациям. Поиски новых критериев классификации продолжаются и ныне, когда процессы глобализации привели к сближению правовых систем, а информационно-коммуникационные технологии – к новому этапу общественного развития.

Цивилизационный подход к праву позволяет выделить ценности, которые формировались обществами в течение столетий и оказали существенное воздействие на право. В соответствии с антропоцентрическими ценностями западной цивилизации главное внимание обращается на: структуру и содержание права, определяющим критерием оценки которого выступают права человека; ценности этатизма выдвигают на первое место идеологию и политику, вопросы развития государства; ценности космизма определяют место человека во вселенной и рассматривают право в качестве одного из нормативных регуляторов, порожденных закономерностями развития духа и бытия.

Цивилизационные ценности, не являясь собственно правовыми категориями, влияют на формирование и развитие права, его направленность и целеполагание, содержание и системность, на соотношение права с обществом и государством. В эпоху ускорения общественного развития происходит

[17] См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I), ст. 8029.

[18] См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202105280005 (дата обращения: 27.10.2021).

переосмысление аксиологического подхода к праву, меняется понимание общечеловеческих, цивилизационных и национальных ценностей.

К проблеме ценностного дискурса в современном конституционном праве обратилась **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламова (ИГП РАН)**. Она отметила, что он активно развивается как на доктринальном уровне, так и на практике. Направленность конституционного права на обеспечение определенных ценностей практически не подвергается сомнению. Ценностную аргументацию в своих решениях используют национальные органы конституционного контроля и наднациональные судебные органы. С одной стороны, это свидетельствует об отказе от сугубо формального, позитивистского понимания конституции, конституционности и конституционализма, стремлении дать этим категориям содержательное наполнение, определить их социальное назначение. С другой стороны, их ценностная интерпретация представляется для этого не самым удачным инструментом.

Ценности *a priori* не универсальны и относительны. Признание чего-либо ценностью всегда субъективно, а потому допускает и отказ в таком признании, т.е. деобъективирует (в юридическом смысле – денормативирует) соответствующее требование (притязание). Стремление объявить ценностью практически каждое юридическое понятие (конституционные принципы, права человека, институты публичной власти, федерализм, наконец, конституционализм и конституционное право в целом) ведет к утрате ими самостоятельного значения и собственно правового смысла. При этом регулятивный потенциал самих ценностей невелик. Ценность определяет конечную цель, которая требует реализации, но не предлагает каких-либо критериев допустимости ведущих к этому действий. Фактически ценность оправдывает любые средства ее достижения, что таит в себе немалую опасность.

Кроме того, апеллирование к ценностям неизбежно повышает конфликтногенность любой правовой проблемы, переводя ее в морально-нравственную плоскость, сферу жизненных смыслов и приоритетов, где какие-либо уступки и компромиссы наименее возможны и налагаемые ограничения наиболее болезненны. Между тем конституционализм призван обеспечить условия для реализации различных ценностей, являющихся личным выбором человека или предпочтениями того или иного сообщества, которые совместимы с его базовыми принципами. Именно на этих принципах и должен основываться содержательный конституционный дискурс.

Появление новых направлений исследований в сфере конституционного права обсуждалось в докладе **д-ра юрид. наук, проф. И.А. Кравца (Новосибирский государственный университет)**. Среди них он выделил право общественных формирований, конституционную телеологию, конституционную футурологию и футуристику, цифровой конституционализм, права поколений в условиях Антропоцена[19].

Конституционная реформа 2020 г. в Российской Федерации продемонстрировала определенное ослабление интереса к ценностям либерального конституционализма, обращение в публично-правовой сфере к идее самобытности, ретрадиционализацию правовых институтов. Однако в нынешних условиях, по мнению докладчика, наибольшую актуальность приобретает формирование прав поколений в условиях Антропоцена, а также их конституционализация. В системе конституционных целей и ценностей необходимо позиционировать права поколений, что предполагает отход от теории поколений прав человека, имеющей в силу своего методологического и исторического обоснования ограниченный характер. К правам поколений можно отнести права на благое и эффективное управление, на ресурсосберегающие технологии, на здоровую и благоприятную окружающую среду, на рост социального благополучия, на сохранение планетарного температурного режима, на ответственное взаимодействие с органами публичной власти.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. С.А. Денисова (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург)** анализировалось такое новое направление исследований, как конституционная имиджелогия. Она изучает имитации конституционного строя, используемые для создания позитивного образа государств, не желающих или не способных перейти к конституционному строю, и вырабатывает методологию их познания. Для выявления подлинного конституционного строя необходимо применить аксиологический подход. Такой строй обеспечивает реализацию двух основных ценностей – социократии, т.е. господства общества граждан над аппаратом государства, и верховенства прав человека. В свою очередь, имитация означает создание видимости перехода к конституционным отношениям при сохранении их доконституционной сущности (господство аппарата государства над обществом). В рамках конституционной имиджелогии выделяют субъекты, привлеченные к деятельности по имитации конституционного строя (аппарат государства, клиентела бюрократии, служилая интеллигенция, массы населения), и объекты воздействия (социальные группы внутри страны

[19] Этот термин введен американским биологом Ю.Ф. Стормером, но получил содержательное наполнение на рубеже XX–XXI вв. благодаря нидерландскому ученому П. Крутцену. Антропоцен – это различные виды активности человека, которые вызывают биогеофизические изменения планетарного масштаба.

и внешние наблюдатели). Для осуществления имитации конституционного строя необходимы не только определенные средства (конституционные акты, специфический юридический и политический язык), но и технологии создания имитационных институтов и пропаганды.

Влияние интеграционных процессов в рамках Европейского Союза на развитие конституционного права в государствах-членах рассматривалось в докладе **д-ра юрид. наук, доц. Т.А. Васильевой (ИГП РАН)**. Исследования показывают, что от 10 до 40% законов в ФРГ, Нидерландах, Дании, Швеции и Финляндии разрабатываются в связи с европейским правовым регулированием, от 60 до 70% законодательных актов ЕС затрагивают не только общенациональные органы, но и регионы и муниципалитеты государств-членов.

В развитии европейского конституционализма можно отметить разновекторные тенденции. С одной стороны, в Италии Конституционный суд использует положения права ЕС в качестве критерия при вынесении решений о конституционности законов в порядке абстрактного контроля (в последнее десятилетие до 20% решений выносилось на основании этого критерия). С другой стороны, регулярно возникают споры о приоритете положений национального права по отношению к праву ЕС. И если «старые» государства-члены даже в самых острых противостояниях с ЕС ведут речь о корректном разграничении полномочий, то «новые» государства-члены (Польша, Венгрия) ставят под сомнение и основополагающие принципы, на которых базируется Европейский Союз. Венгрия – первое государство, которое на конституционном уровне закрепило концепцию конституционной идентичности. Венгерские власти последовательно отстаивают эксклюзивную версию этой концепции, ориентированную на этнокультурные подходы и предполагающую защиту титульной нации, ее религии и исторической конституции в качестве основополагающих ценностей. Именно на данную концепцию ориентируются венгерские власти в противостоянии с институциональными структурами ЕС. В связи с негативным развитием ситуации с защитой национальной идентичности в некоторых «новых» государствах – членах Европейского Союза особую актуальность для ЕС приобретает установление правовых и институциональных пределов в отношении признания национальной идентичности государств-членов.

Проблеме соотношения конституционной самобытности (идентичности) и государственного суверенитета был посвящен доклад **канд. юрид. наук К.В. Карпенко (МГИМО МИД России)**. Конституционная самобытность – относительно новая категория в конституционной теории и практике. Ее широкое использование в государствах Европы обусловлено несогласием государств-членов с конституционализацией Европейского Союза после вступления в силу Лиссабонского договора. Самобытность, таким образом, служит пределом интеграции, подчеркивая верховенство национальной конституции. В то же время основой национальной политики выступает государственный суверенитет, в немалой степени опирающийся на ценности, защищаемые конституцией. Эти ценности характеризуют конкретное государство, делают его непохожим на прочие и одновременно обеспечивают его историческую преемственность.

Содержание государственного суверенитета и ныне с трудом поддается определению, поскольку за последние 150 лет его объем значительно сузился. Тенденция неуклонного ограничения суверенных прав стала, по всей видимости, необратимой после 1945 г., что во многом обусловлено последствиями двух мировых войн и неизжитым наследием тоталитаризма. Достаточно подчеркнуть, что обеспечение прав и свобод человека более не является прерогативой национальных правительств. Ограничения суверенитета, добровольно принимаемые государствами, лишают его былой ценности, превращают в предмет торга на международном уровне.

В трех докладах рассматривались проблемы взаимоотношений Европейского Союза и Польши, в которых нашла отражение продолжающаяся на протяжении нескольких десятилетий дискуссия о соотношении права ЕС и национального права государств-членов. В докладе **канд. юрид. наук, доц. В.И. Чехариной (ИГП РАН)** отмечалось, что Польша в своих взаимоотношениях с ЕС занимает довольно жесткую позицию. С 2015 г. органы ЕС предупреждали правительство Польши, что осуществляемые в стране реформы судебной системы ставят под угрозу принципы верховенства права, в частности независимость судебной власти, и идут вразрез с общими ценностями Европейского Союза. Конституционный трибунал Польши отказался признать верховенство права ЕС по отношению к Конституции страны, исходя из данного им понятия конституционной идентичности, связанного с исключительной компетенцией государства по вопросам, относящимся к «жесткому ядру» Конституции Польши, т.е. основам конституционного строя государства. В.И. Чехарина проанализировала решение Конституционного трибунала Польши от 7 октября 2021 г.[20], в котором ряд положений Договора о ЕС были признаны несовместимыми с Конституцией Польши, поскольку органы Европейского Союза вышли за пределы

[20] См.: Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 7 października 2021 r. Sygn. akt K 3/21.Ocena zgodności z Konstytucją RP wybranych przepisów Traktatu o Unii Europejskiej // Dziennik Ustaw. 2021. Poz. 1852.

переданных им полномочий. По мнению Трибунала, ценности, перечисленные в ст. 2 Договора о ЕС, не являются правовыми принципами и не имеют юридического значения. Судебная власть принадлежит государствам-членам в силу конституционной идентичности, и государства используют разные способы назначения судей. Верховенство права, упоминаемое в Договоре о ЕС, в толковании Конституционного трибунала определяет не способ назначения судей, а требование их независимости и беспристрастности. Именно Конституция Польши устанавливает правовые гарантии независимости судебной власти, и эти стандарты не могут изменяться руководящими указаниями институтов Европейского Союза по толкованию Договора о ЕС.

Решение Конституционного трибунала следует рассматривать в более широком контексте сложных взаимоотношений Европейского Союза с Польшей и Венгрией.

На наличие в конфликтных ситуациях такого типа политической составляющей обратил внимание **канд. филос. наук М.А. Беляев (МГЮА)**. Вопрос заключается в том, трансформируются ли политические позиции обеих сторон в юридические доводы по мере нарастания напряженности. Характерная особенность данного конфликта заключается в апеллировании обеими сторонами к ценностям, оказавшимся под угрозой в связи с действиями противоположной стороны. Каждая из сторон полагает, что данные ценности позитивированы в действующем праве, что придает их доводам дополнительный вес. В силу этого все возможные рациональные варианты разрешения конфликта – от крайне маловероятных (изменение Конституции Польши или, соответственно, Договора о ЕС) до прогнозируемых (выход Польши из состава ЕС) – чреваты потерей легитимности той стороной спора, которая согласится на данное решение. И в этих условиях более вероятным оказывается затягивание разрешения конфликта.

На примере Польши **Я.И. Лебедева (ИЗиСП при Правительстве РФ)** рассмотрела влияние права ЕС на конституционное право государств-членов. Наднациональные ценности формировались в Европейском Союзе на базе конституционных традиций европейских государств. Одна из основных целей Европейского Союза – поддержание указанных ценностей на уровне ЕС и в государствах-членах. На протяжении длительного периода времени институты Европейского Союза располагали лишь судебными средствами защиты отдельных положений права ЕС, что не обеспечивало эффективные гарантии уважения ценностей как таковых. Потребовалась разработка политических механизмов их защиты. Казус Польши показывает, что государства-члены обладают слабым инструментарием для противодействия политическому давлению ЕС. Единственные «контрмеры» – это вынесение решения органом конституционного контроля и угроза выхода из ЕС. «Конституционная однородность» способствует поддержанию духа взаимного доверия между государствами-членами, однако ее достижение такими методами может создавать угрозу для политической стабильности.

В докладе **канд. юрид. наук Е.А. Сорокиной (ИГП РАН)** рассматривались проблемы, связанные с обращением органов конституционного контроля государств – членов Европейского Союза с преюдициальными запросами в Суд ЕС. Первоначально большинство органов конституционного контроля не использовали эту возможность, однако в последние десятилетия ситуация изменилась, поскольку другие национальные суды активно обращались к данному инструменту и ставили перед Судом ЕС вопросы конституционного характера. Расширение взаимодействия с Судом ЕС свидетельствует о том, что конституционные суды намерены активно участвовать в диалоге по преодолению разногласий, касающихся применения положений европейского права на национальном уровне.

Ряд докладчиков обратились к проблеме обеспечения прав человека. На роль международного права прав человека в развитии конституционализма указала **канд. юрид. наук С.А. Грачева (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. В частности, она отметила особое значение принципа субсидиарности, предполагающего первичность ответственности государств – участников международных договоров за обеспечение гарантированных ими прав. Утверждению этого принципа способствовала практика Европейского Суда по правам человека по реализации положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Принцип субсидиарности – надежная основа для совместной деятельности государств и международных и наднациональных органов по защите прав человека.

Роль конституционных положений в становлении цифровых прав анализировалась в докладе **д-ра юрид. наук Э.В. Талапиной (ИГП РАН)**. В учредительных актах многих государств предусмотрено право на информацию. Распространение новых технологий привело к оформлению на конституционном уровне права на доступ к Интернету (ст. 5а Конституции Греции, ст. 35 Конституции Португалии) или к признанию данного права органами конституционной юстиции (Франция). Право на защиту персональных данных «отпочковалось» от конституционного права на уважение частной жизни. Это право закрепляется в Хартии ЕС об основных правах (ст. 8), и уже сформировалась европейская судебная практика в данной сфере. В Российской Федерации в целом прослеживаются те же

тенденции. Благодаря внесению в 2020 г. поправок в Конституцию РФ, в ней появилось новое понятие – «оборот цифровых данных» (п. «м» ст. 71). Это открывает возможности для изменения законодательства об информации, ориентированного в значительной мере на информацию в доцифровом ее понимании, урегулирования отношений частных лиц и бизнес-структур при обработке данных в коммерческих интересах, определения государственной политики в области обработки данных граждан при оказании государственных услуг и др., позволяет осуществлять необходимые изменения системно и последовательно.

Проблеме конституционализации права на информационное самоопределение был посвящен доклад **С.А. Карпова (ИГП РАН)**. Развитие технологий является вызовом для обеспечения прав человека в информационном обществе, поэтому актуальность приобретает формирование системы их конституционно-правовой защиты. Ключевым элементом такой системы может стать право на информационное самоопределение, впервые сформулированное Федеральным конституционным судом Германии в решении от 15 декабря 1983 г. по делу о конституционности некоторых положений закона о переписи населения[21]. В Швейцарии право на информационное самоопределение также формировалось судебной практикой. Это право становится основой конституционно-правовой системы защиты персональных данных, выдвигаются предложения о его закреплении в Конституции.

Актуальные вопросы защиты прав трудовых мигрантов в Российской Федерации освещались в докладе **канд. юрид. наук Н.А. Ворониной (ИГП РАН)**. Отсутствие надлежащей системы адаптации мигрантов ведет к их культурному и языковому обособлению, формированию замкнутых этнических сообществ, порождает мигрантофобию. Развитие межгосударственных интеграционных образований может способствовать решению этих проблем. Так, в соответствии с Договором о ЕАЭС иностранным работникам на территории государств-членов гарантированы большие преференции в сфере труда, пенсионного обеспечения и социальной помощи.

Участники конференции также уделили внимание проблемам конституционного развития конкретных государств. Доклад **канд. юрид. наук Т.А. Алексеевой (НИУ ВШЭ)** был посвящен учреждению в Королевстве Испания Суда конституционных гарантий – юрисдикционного органа, осуществлявшего контроль за соответствием законов Конституции в период Второй Республики. На Учредительных кортесах в 1931 г. и 1933 г. активно обсуждался вопрос о возможном заимствовании опыта США, однако предпочтение было отдано австрийской модели конституционного контроля. Одной из особенностей органа конституционного контроля Королевства Испания являлось разграничение материальных и формальных оснований несоответствия законов Конституции, что влекло различные последствия в случае их установления. По мнению докладчика, практика функционирования Суда конституционных гарантий в 1934–1935 гг. свидетельствовала о политизации данного органа, в том числе и в связи с определенным отходом от предложений Г. Кельзена и классической «австрийской» модели. Вместе с тем при разработке Конституции Испании 1978 г. обращались к опыту регулирования статуса данного органа.

К конституционным реформам в Соединенном Королевстве конца XX – начала XXI в. привлекла внимание **канд. юрид. наук Е.А. Водяницкая (МГИМО МИД России)**. Эти реформы, начавшиеся с приходом к власти лейбористов в 1997 г., до сих пор не завершены. В результате деволюции представительные учреждения Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса наделены правом принимать собственные законы. Парламент Соединенного Королевства сохранил право издавать законы для соответствующих регионов, но только после обсуждения с региональным парламентом. В результате реформы Палаты лордов доля наследственных пэров в ней сократилась с 60% до менее 20%, а пожизненных – возросла с 37 до 83%. Вопрос о дальнейшем реформировании верхней палаты и реформе избирательной системы пока остается открытым.

В 2016 г. почти 52% избирателей высказались на референдуме за выход Соединенного Королевства из Европейского Союза. С 1 января 2021 г. нормы права ЕС формально перестали действовать на территории государства, и суды Соединенного Королевства уже не связаны решениями Суда ЕС. В долгосрочной перспективе *Brexit* может спровоцировать серьезные перемены в Соединенном Королевстве. Шотландская национальная партия планирует проведение второго референдума о независимости Шотландии с целью вступления в ЕС. Все чаще делаются заявления о возможном объединении Северной Ирландии с Ирландией. Кроме того, выход из ЕС предполагает перераспределение полномочий, ранее переданных институтам Европейского Союза, между центром и регионами.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. А.Г. Арутюняна (Северный университет Еревана)** рассматривались вопросы обеспечения конституционного порядка в Республике Арцах, где с 2005 г. действует военное положение и 27 сентября 2020 г. в соответствии с ч. 1 ст. 131 Конституции была объявлена мобилизация населения в связи с вооруженным

[21] См.: BVerfGE65, 1 – Volkszählung. URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv065001.html (дата обращения: 05.11.2021).

нападением, ограничена свобода передвижения и установлен особый режим выезда из Республики Арцах.

Вторая секция была посвящена ***истории, доктринальным интерпретациям и практике функционирования российского конституционализма***. Работа секции открылась докладом **канд. юрид. наук И.И. Бутрима (ИГП РАН)** о конституционных аспектах формирования Стратегии национальной безопасности России[22]. В последнее время национальная безопасность приобрела свойства комплексного института, основанного на нормах конституционного права. В Конституции РФ вопросы безопасности государства прямо или косвенно изложены в 84 статьях, а термин «безопасность» непосредственно употребляется 21 раз в 12 статьях. К числу главных правовых критериев безопасности государства отнесены суверенитет и государственная целостность. В Конституции РФ определены основные правовые инструменты обеспечения национальной безопасности, однако не упоминаются конкретные правовые механизмы реализации полномочий в данной сфере и контроля за их исполнением. Теория конституционного права в области обеспечения национальной безопасности недостаточно разработана, не сформирована единая правовая терминология. Заслуживают внимания предложения о включении в Конституцию РФ специальной главы, определяющей место национальной безопасности в системе конституционного строя, формы, способы и механизмы ее обеспечения.

В докладе **канд. юрид. наук, проф. С.И. Некрасова (Межрегиональная ассоциация конституционалистов России)** были сопоставлены правовые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека относительно допустимых ограничений прав человека в экстраординарных ситуациях в интересах обеспечения национальной безопасности и поддержания (восстановления) правопорядка. Европейский суд (в частности, в делах «Нурай Шен против Турции»[23] и «Акчай и другие против России»[24]) исходит из того, что национальные власти в особых ситуациях, связанных с угрозой национальной безопасности, могут осуществлять ограничения основных прав человека, однако их усмотрение имеет пределы, а основной гарантией от произвола органов исполнительной власти является эффективный судебный контроль. Многие решения Европейского Суда обязывают Российскую Федерацию принять системные меры по совершенствованию национального правопорядка в части обеспечения эффективного судебного контроля за действиями и решениями органов исполнительной власти, связанными с ограничением прав человека.

Конституционный Суд РФ (в частности, в Постановлении от 31 июля 1995 № 10-П по т.н. чеченскому делу[25]) допускает, что Вооруженные Силы РФ могут использоваться в экстраординарных ситуациях, которые не исчерпываются целями обороны страны от внешних угроз или решением внутренних конфликтов в рамках конституционных режимов военного или чрезвычайного положения. Решение о таком использовании Вооруженных Сил РФ может и обязан принять Президент РФ в случае угрозы национальной безопасности даже в отсутствие прямо установленных в Конституции РФ полномочий («доктрина подразумеваемых полномочий»).

По мнению докладчика, и Конституционному Суду РФ, и Европейскому Суду по правам человека не удается абстрагироваться от политического контекста при рассмотрении дел, связанных с обеспечением национальной безопасности.

В докладе **д-ра юрид. наук Н.М. Колосовой (ИЗиСП при Правительстве РФ)** ставился вопрос о необходимости сбалансированности национальной и наднациональной судебных доктрин и разработки качественно нового подхода для взаимодействия Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. Она предложила использовать единые судебные доктрины как согласованные алгоритмы разрешения конкретных коллизий. Особенно важным является формирование согласованной доктрины государственного суверенитета с учетом национальных и международных подходов.

Во взаимодействии Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ следует придерживаться принципов самоограничения, взаимного уважения и разумного доверия, исключающих навязывание в одностороннем порядке как национальной, так и наднациональной позиции. Без этого в условиях глобализации трудно избежать опасных конфликтов. Данные принципы предполагают, что Европейский Суд не должен требовать от Российской Федерации изменения основ конституционного строя. В свою очередь, Конституционному Суду РФ не следует отказываться от исполнения решений Европейского Суда, когда это можно обеспечить путем корректировки официального толкования положений Конституции РФ без изменения ее текста.

Проблему соотношения частных и публичных интересов в конституционном измерении

[22] См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

[23] См.: ECtHR. *Nuray Şen v. Turkey. Application* no. 41478/98. Judgment of 17 June 2003. Para. 25.

[24] См.: ECtHR. Akçay and Others v. Russia. Application no. 66729/16. Judgment of 11 December 2018. Para. 47.

[25] См.: СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3424.

проанализировала **д-р юрид. наук, проф. М.В. Немытина (РУДН)**. Она отметила, что частные интересы лежат в основе широкого спектра конституционных прав и свобод человека и их не следует отождествлять исключительно с правом собственности и свободой предпринимательской деятельности, а публичные интересы – с интересами государства, поскольку они реализуются также различными корпоративно-публичными образованиями, созданными на локальных, конфессиональных, политических, профессиональных и др. основаниях.

Отрасли, традиционно относящиеся к частному праву, обогащаются за счет использования элементов публично-правового регулирования (защита слабой стороны в правоотношениях), и, наоборот, отрасли публичного права активно используют юридические конструкции частного права (например, договорное регулирование). Таким образом, утрачивается принципиальная основа для противопоставления частного и публичного в правовой системе. Единой целью регулирования как частного, так и публичного права являются человек, его интересы, права и свободы, поэтому в законодательстве и правоприменении необходимо искать справедливый баланс интересов, и общие (публичные) интересы не должны подавлять индивидуальную свободу. Это актуализирует задачу построения теоретических моделей гармонизации частных и публичных интересов правовыми средствами.

Доклад **д-ра юрид. наук, проф. А.А. Гришковца (ИГП РАН)** был посвящен солидарности как новому конституционно-правовому явлению (ст. 75^1 Конституции РФ). Центральным элементом общественной солидарности, по мнению докладчика, должна быть признана экономическая солидарность, поскольку она образует материальные основы для иных составляющих этого понятия. Политическая солидарность базируется на положениях ч. 1 и 2 ст. 13 Конституции РФ, в которых закрепляются идеологическое многообразие и запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной. В целом солидарность следует понимать как основанную на положениях Конституции РФ совокупность экономических возможностей и правовых средств, обеспечивающих консолидацию общества путем постепенного повышения уровня жизни большинства населения и его выравнивания в условиях политического плюрализма при безусловном приоритете прав и свобод человека и гражданина как высшей конституционной ценности, а также признании обязательств собственников перед согражданами и обществом.

Необходимость расширения участия структур гражданского общества в обсуждении и принятии законопроектов обосновывалась в докладе **канд. юрид. наук, доц. О.А. Фомичевой (Московский финансово-юридический университет (МФЮА), филиал в г. Орске)**. Для этого требуются новые формы участия граждан на разных этапах законотворческого процесса, способы целевого вовлечения в него заинтересованных представителей гражданского общества, правовая регламентация участия общественных объединений в законотворчестве, допускающая возможность самостоятельного выбора ими форм такого участия, а также процедур учета мнения участников обсуждения законопроектов.

В докладе **д-ра юрид. наук, доц. А.Н. Черткова (Московский государственный областной университет)** отмечалось, что единство публичной власти составляет основу существования любого государства, а разделение власти призвано повысить ее эффективность и приблизить к гражданам. Разрушение диалектического сочетания единства и разделения власти в 1990-х годах привело к череде конфликтов, нестабильности, проявлениям сепаратизма и ухудшению условий жизни населения. Потребовался комплекс мер, направленных на обеспечение государственного единства, в частности приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным. Но постепенно «мера централизации» оказалась превышена, а пределы необходимого вмешательства в вопросы регионального развития и местного самоуправления не установлены. Единство публичной власти не должно поглощать местное самоуправление и девальвировать федерализм. Нарастание централизации приведет к фактическому унитаризму, сворачиванию самоуправленческих начал властвования, обессмыслит принятие региональных и местных нормативных правовых актов. Процесс централизации публичной власти требует корректировки, обеспечение единства власти должно сочетаться с определенной децентрализацией ее осуществления в оптимальных пределах.

В докладе **д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Андриченко (ИЗиСП при Правительстве РФ)** подчеркивалось, что в каждом государстве сложилось определенное понимание федерализма и собственная федералистская традиция. Поэтому сложно выбрать какую-то одну концепцию федерализма в качестве эталона для идентификации федеративных государств. Практика показывает пластичность федерализма и трудность объединения всех его характерных черт в одну теорию. Федерациями признаются государства, имеющие многоуровневое территориальное строение политической, экономической, социальной и правовой систем. Главная идея федерализма – уравновесить единство и разнообразие – находит свое практическое воплощение в процессе эволюции. Иногда некоторые из принципов федерализма настолько видоизменяются, что сохраняются лишь как дань конституционной традиции.

В Российской Федерации каталог принципов федерализма расширился в результате конституционной реформы 2020 г. Он пополнился новым принципом сохранения и защиты общероссийской государственной идентичности (п. 3 Заключения Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З[26]). Вместе с тем важно не просто провозгласить данный принцип, а добиться того, чтобы человек осознанно принял на себя обязательство разделять общественные ценности, что предполагает конкретизацию соответствующих моральных требований применительно к специфическим условиям его повседневной жизни.

Сравнительный анализ Конституции СССР и конституций союзных республик в период 80–90-х годов был представлен в докладе **канд. юрид. наук, доц. Ф.С. Сосенкова (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)**. Вплоть до середины 80-х годов несоответствия между ними были сугубо техническими, не имели политического конфронтационного характера и легко устранялись. В период перестройки советский федерализм, основанный на праве наций на самоопределение вплоть до отделения, идеократический и удерживаемый во многом партийной дисциплиной, вошел в полосу кризиса. Первоначально идеи открытой конституционной конфронтации рождались в среде официально непризнанных политических групп, например, грузинских националистов[27]. Затем проекты изменения республиканских конституций, идущие вразрез с Конституцией СССР, стали выдвигаться на уровне республиканских организаций КПСС. Так, на XIX партийной конференции эстонская делегация внесла ряд предложений, в том числе по переделу общесоюзной собственности в пользу республик, которые не получили отрицательной оценки. Вскоре Эстонская ССР на законодательном уровне признала верховенство республиканского законодательства над общесоюзным, а Литва – восстановила действие Конституции от 12 мая 1938 г.[28] Отсутствие адекватной реакции со стороны союзных государственных и партийных органов привело к тому, что стал теоретически возможен вопрос о судьбе СССР в целом, который и был решен путем заключения международного договора – Соглашения о Содружестве Независимых Государств от 8 декабря 1991 г.

В докладе **канд. юрид. наук, доц. А.И. Черкасова (ИГП РАН)** местное самоуправление рассматривалось в качестве элемента конституционализма. Использование институтов представительной демократии на местном уровне сопряжено с определенными трудностями, связанными с отчуждением граждан от процесса принятия решений. Поэтому на современном этапе традиционные формы представительной демократии дополняются элементами прямой и партисипативной демократии. Одновременно демократические институты начинают применять процедуры нового публичного менеджмента, ориентированные на результативность, эффективность и экономию. Но при этом существует опасность девальвации местной демократии, нарушения базовых принципов конституционализма, превращения местных властей в инструмент реализации политики центрального правительства.

В условиях усложнения социальной и экономической жизни местных сообществ необходима адаптация демократических институтов к новым вызовам. На местном уровне складываются горизонтальные и сетевые системы взаимоотношений с участием неправительственных организаций, разнообразных партнерств и многочисленных, пусть и не всегда отчетливо проявляющихся, групп интересов.

Необходимость перенастройки системы местного самоуправления, связанная с конституционными преобразованиями 2020 г., обсуждалась в докладе **канд. юрид. наук С.Б. Нанбы (ИЗиСП при Правительстве РФ)**. Введение в конституционный оборот категорий «публичная власть», «система публичной власти» требует новых законодательных решений. Необходимо одновременно решить две задачи: усилить взаимодействие в рамках единой системы публичной власти, а также сохранить гарантии самостоятельности местного самоуправления и участие населения в его осуществлении.

Доклад **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Колотовой (ИГП РАН)** был посвящен формированию доктрины социальных прав в решениях Конституционного Суда РФ. Особое внимание было уделено периоду 1995–1997 гг., когда Председателем Суда был В.А. Туманов. В это время Конституционным Судом РФ был принят ряд важных решений, заложивших основы интерпретации конституционных принципов социального государства, социальной защиты, государственной поддержки граждан. В частности, Конституционным Судом РФ были признаны: ограниченность влияния судебной власти на осуществление социальной политики государства, кумулятивный эффект принципов социального и правового государства, недопустимость произвольного отказа государства от выполнения взятых на себя публично-правовых обязательств и др. Данные подходы получили свое подтверждение и развитие в последующих решениях Конституционного Суда РФ.

Роль конституций и уставов субъектов Российской Федерации в конкретизации правового положения человека, закреплении дополнительных социальных гарантий была показана в докладе **канд. юрид. наук, доц. Э.В. Малиненко (Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте**

[26] См.: СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1850.

[27] См.: ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 2. Д. 91. Л. 11, 12.

[28] См.: ГАРФ. Р-9654. Оп. 2. Ед. хр. 143.

РФ, г. Ростов-на-Дону). Обеспечение равного доступа к социальным благам вне зависимости от субъекта Российской Федерации требует, по мнению докладчика, закрепления соответствующих норм непосредственно в учредительных актах и расширения сотрудничества субъектов Российской Федерации.

Ряд выступающих затронули проблемы влияния информационных технологий на обеспечение прав человека. В докладе **канд. юрид. наук, доц. Е.А. Мамая (Нижегородская академия МВД России)** акцентировалось внимание на том, что в цифровой среде многие конституционные права (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защита чести и доброго имени, тайна переписки, свобода мысли и слова, политические права) приобретают новое содержание. При разрешении споров, связанных с ограничением указанных прав, национальные и наднациональные суды исходят из необходимости критериев, позволяющих определить разумный баланс частных и публичных интересов в сети Интернет. К числу таких критериев, как правило, относят достаточность и ясность нормативного регулирования осуществления прав и оснований их ограничения, разумную продолжительность предусмотренных ограничений и возможность их обжалования.

Проблемы реализации свободы совести в условиях цифровой глобализации рассматривались в докладе **канд. юрид. наук, доц. С.А. Бурьянова (Московский городской педагогический университет)**. Он предложил рассматривать право на свободу совести как юридическое измерение возможности свободного мировоззренческого выбора. Опасность нарушения свободы совести, неконтролируемого воздействия на человеческую волю и интеллект существенно повышается в условиях перехода к новым информационным технологиям. Однако развитие концепции цифровых прав человека позволяет минимизировать данные риски.

В докладе **А.К. Дубеня (ИГП РАН)** отмечалось, что защита личного пространства в информационной среде основывается на конституционном принципе уважения достоинства человека. Данный принцип находит выражение в правилах беспрепятственного получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при применении информационных технологий, обеспечении информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей.

Сведения об авторах

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна –
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

КОЛОТОВА Наталья Валерьевна –
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, и.о. заведующей сектором прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

СОРОКИНА Елена Александровна –
кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. –
PhD in Law, associate Professor, leading researcher, Department of the human rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASILIEVA Tatiana A. –
Doctor of Law, associate Professor, chief researcher, Department of the human rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KOLOTOVA Natalia V. –
PhD in Law, associate Professor, leading researcher, Acting Head of the Department of the human rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

SOROKINA Elena A. –
PhD in Law, researcher, Department of the human rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 211–212
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 211–212

ПЕРСОНАЛИИ

К ЮБИЛЕЮ ГАЛИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ ШИНКАРЕЦКОЙ

5 декабря 2021 г. отмечает юбилей Галина Георгиевна Шинкарецкая, выдающийся ученый, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Г.Г. Шинкарецкая родилась 5 декабря 1941 г. в г. Москве. В 1967 г. окончила Московский государственный институт международных отношений при Министерстве иностранных дел СССР.

В 1974 г. под руководством д-ра юрид. наук Б.М. Клименко защитила кандидатскую диссертацию на тему «Международно-правовой режим вод архипелагов». В 1983 г. – магистерскую диссертацию в Институте общественных исследований в Гааге (Нидерланды). В 2010 г. успешно защитила докторскую диссертацию «Судебные средства разрешения международных споров (тенденции развития)».

На протяжении более полувека профессиональная деятельность Галины Георгиевны неразрывно связана с Институтом государства и права. Г.Г. Шинкарецкая – лидер современного научного направления в российском правоведении, пользуется заслуженным авторитетом в профессиональном сообществе нашей страны и за рубежом как крупный специалист по судебному разрешению международных споров, вопросам международного судебного и арбитражного разбирательства. Ее исследования стали значимым вкладом в развитие отечественной юриспруденции.

Г.Г. Шинкарецкая – автор свыше 200 научных работ, в т.ч. более 10 монографий. Специалистам также широко известны ее труды, написанные индивидуально или в соавторстве: «Государства на архипелагах: международный режим», «Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров», «Россия в меняющемся миропорядке», «Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства».

Г.Г. Шинкарецкая – член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел РФ. Принимала участие в подготовке документов для Третьей конференции ООН по морскому праву (1969–1982 гг.), в качестве руководителя группы по проблемам СНГ – в разработке документов Содружества Независимых Государств, в качестве эксперта Российско-украинской комиссии по вопросам пребывания российского Черноморского флота на территории Украины участвовала в уточнении различных нормативных актов. Вице-президент международной организации ученых «Исследования для развития», член Научного совета Российской академии наук по проблемам СНГ. Член трех диссертационных советов на базе Института государства и права РАН.

Г.Г. Шинкарецкая входит в состав редакционных советов журналов «Современное право» и «Международное право и международные организации».

Большое внимание Галина Георгиевна уделяет подготовке научных и педагогических кадров. Широко известны ее труды, направленные на обучение студентов: «Международное право. Элементарный курс» (в соавт., 2000, 2004, 2005), «Международное право. Практикум» (2002), «Международное право. Учебник» (отв. ред. Г.Г. Шинкарецкая, Е.Т. Усенко, 2003), «Содружество Независимых Государств. Правовые основы создания и деятельности. Учебное пособие» (2006), «Применение международного права в Российской Федерации. Учебное пособие» (2009).

За значительный вклад в развитие отечественной юриспруденции и другие заслуги перед Отечеством Г.Г. Шинкарецкая награждена Серебряной медалью им. Н.Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке», Почетной грамотой Федеральной службы судебных приставов, Почетной грамотой Суда ЕЭС, медалью «За вклад в реализацию государственной политики в области научно-технологического развития».

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редколлегия журнала «Государство и право» РАН поздравляют Галину Георгиевну Шинкарецкую с юбилеем и желают крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии и новых научных успехов.

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук от всей души поздравляет Галину Георгиевну Шинкарецкую с юбилеем и желает здоровья, счастья, успешной творческой деятельности!

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 12, с. 213–221
STATE AND LAW, 2021, № 12, pp. 213–221

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО» В 2021 ГОДУ

Авдеев Д.А. Современная проблематика деятельности органов публичной власти в свете их легитимности — № 7 — 36–46

Бабурин С.Н. Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права — № 6 — 73–86

Виноградова Е.В. Конституционные поправки. Российский опыт государственных преобразований — № 5 — 19–25

Габов А.В., Колотова Н.В. Дистанционное (удаленное) участие в защите диссертаций — № 4 — 35–49

Иванов Н.Г. Великие и Божественные хулители закона — № 2 — 16–25

Клеандров М.И. Иной Разум и право — № 10 — 41–61

Клеандров М.И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия — № 3 — 7–23

Клеандров М.И. О необходимости института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права — № 8 — 7–20

Корнев В.Н. Теория государства и права как юридическая наука — № 7 — 7–21

Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Позитивная и негативная ответственность как проявление диалектической логики в юридических исследованиях — № 1 — 17–25

Малько А.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность в правовой системе России: некоторые итоги исследования и перспективы проекта — № 12 — 24–34

Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности — № 9 — 7–30

Савенков А.Н. Международное право и политика западных государств в период между мировыми войнами (К 80-летию вероломного нападения фашистской Германии на СССР) — № 6 — 7–62

Савенков А.Н. Хабаровский процесс как важнейший этап реализации Нюрнбергских принципов и формирования международного уголовного правосудия — № 10 — 7–40

Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения — № 4 — 7–34

Сигалов К.Е., Салин П.Б., Чувальникова А.С. Коронавирус как фактор трансформационного кризиса: правовой аспект и международно-правовые последствия — № 6 — 87–98

Таева Н.Е. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств — № 2 — 7–15

Тихомиров Ю.А., Черепанова Е.В., Цомартова Ф.В. Правовые векторы реальных процессов – новый подход в теории — № 1 — 7–16

Ударцев С.Ф. Космическое государство: начало новой эпохи в эволюции государственности — № 8 — 21–34

Федотов М.А. Закон РФ «О средствах массовой информации»: новации, тенденции, перспективы — № 12 — 7–23

Чернявский А.Г. Право как регулятор отношений по поводу ценностей: теоретико-правовые аспекты — № 1 — 26–35

Шульженко Ю.Л. Правовая охрана Конституции Российской Федерации — № 5 — 7–18

Эбзеев Б.С. Равноправие и самоопределение народов в конституционном правопорядке России — № 10 — 62–76

Экимов А.И. Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы — № 6 — 63–72

Giakoumopoulos Christos. La Convention européenne des droits de l'homme au 21esiècle: en quête d'équilibre — № 7 — 22–35

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кряжков В.А., Митюков М.А. Прошлое и настоящее Конституционного Суда РФ: формирование и изменение параметров его конституционно-правовой модели — № 12 — 35–60

К 90-ЛЕТИЮ САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Кабышев В.Т. Саратовская научная школа конституционного права — № 5 — 26–32

К 85-ЛЕТИЮ СЕКТОРА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Кобзарь-Фролова М.Н. От государственного права до административного права и административного процесса (К 85-летию сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН)	№ 10	77–85

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Бочкарёв С.А. Истоки постмодерна о подлинном смысле и предназначении постправа	№ 11	24–36
Бочкарёв С.А. Философия и её урок для современного правоведения	№ 4	59–69
Жуков В.И. Справедливость в парадигме философии права: аналитический обзор	№ 11	7–23
Касаткин С.Н. Типология правовых теорий: позитивистская традиция и вызовы интерпретативизма	№ 4	70–80
Кравец И.А. Dignitatis Humanae: философско-правовые, международные, конституционные и экзистенциальные аспекты	№ 2	26–39
Лапаева В.В. Идея безусловного базового дохода и концепция цивилизма: различия в философско-правовых основаниях	№ 6	99–113
Мартышин О.В. Коллизии ценностей и перспективы развития российской государственности	№ 4	50–58
Степаненко Р.Ф. Кумулятивный интерес правовой и экономической наук в междисциплинарных исследованиях современных социальных проблем	№ 5	42–54
Фролова Е.А. Исторический и логический методы изучения права: из истории философии права	№ 1	36–42
Фролова Е.А. Философские проблемы права в теории Е.Б. Пашуканиса	№ 5	33–41

АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВА

Жуков В.Н. З. Фрейд. Агрессия: между Эросом и Танатосом	№ 11	37–47
Жуков В.Н. З. Фрейд: культура, власть, право	№ 7	47–61
Жуков В.Н. Религия и первобытная власть в концепции З. Фрейда	№ 9	31–42

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Гольцов А.Т. О свойствах уголовного судопроизводства как разновидности социальной действительности	№ 7	62–71

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

Агамиров К.В. Сила права и слово Божие: о наказании, предупреждении правонарушений и грехопадения в праве и религии	№ 5	55–67

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА

Рябинина Т.К. Отвод судьи как гарантия его независимости при отправлении справедливого правосудия	№ 6	114–123

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Бабурин С.Н. Новое достижение российского конституционализма и конституционного права Конституционное право: академический курс: учебник: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова	№ 3	36–43
Бастрыкин А.И. Рецензия на книгу профессора И.М. Рагимова «Религия и наказание» (СПб., 2020. – 217 с.)	№ 4	81–103
Бондарь Н.С. Новеллизация Конституции–2020: освобождаясь от политических иллюзий и правового романтизма Н.М. Добрынин. Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства	№ 9	43–49
Веденеев Ю.А. Открытие юриспруденции: *эпохи и стиль* (Окончание)	№ 1	43–53
Газизуллин Р.И. Концепция социально-правовой ответственности бизнеса: методологический дискурс	№ 9	50–57
Глазунова И.В., Образцов В.А. Следователь и его полномочия. Не пора ли обновить парадигму?	№ 12	73–82
Голик Ю.В. Бюрократизация науки недопустима (заметки после прочтения книги В.Н. Протасова «Методологические проблемы защиты диссертаций (на примере юриспруденции)»)	№ 12	67–72

Данилюк С.Е. Место категории «источник права» – в музее юридического позитивизма № 5 68–80

Добрынин Н.М. Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат? № 6 124–135

Добрынин Н.М. Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат? (Окончание) № 7 72–82

Еникеев А.З. Теория насильственного происхождения государства (теория завоевания) в свете междисциплинарных исследований № 7 106–114

Ивакина Д.С. Методологические основы исследования концепта «культура» и института культурных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации № 10 107–116

Иванова С.А., Грудцына Л.Ю., Пьянков М.Н. Об идее аддитивных технологий в построении системы права № 2 40–48

Карасев В.И. Право и мировоззрение в современном обществе
С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма № 7 83–93

Кожевников В.В. О недемократических государственных режимах № 8 35–49

Мазаев В.Д. Нравственное государство через конституционные аспекты экономики (в рамках дискуссии о проблеме нравственного государства и его российских особенностях, предложенной И.М. Рагимовым в связи с книгой С.Н. Бабурина «Нравственное государство...») № 7 94–105

Мельник В.В. Философские и научные основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познавательной деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве № 10 97–106

Панищев А.Л. Будущее государства как формы и способа бытия человека: перспективы и противоречия № 12 61–66

Семыкина О.И. «Консенсусное правосудие» по уголовным делам: новации государств – участников СНГ № 8 50–58

Стовба А.В. О предметной новизне неклассической философии права: продолжение диалога № 11 48–54

Тимошенко А.А. Обеспечение справедливости уголовного судопроизводства: философские основания построения частной отраслевой теории № 5 94–107

Умнова-Конюхова И.А. Конституционная футурология и конституционная футуристика в контексте глобальных перемен № 5 81–93

Уткин Г.Н. Безусловное и условное как категории диалектики права № 9 58–64

Хмелевская С.А., Ермаков Д.Н. Этапы и цели реформирования современной российской пенсионной системы сквозь призму этики добродетели Аристотеля № 1 54–62

Цветков Ю.А. Игра и логические парадоксы в правосудии: от царя Соломона до наших дней № 6 136–146

Чаннов С.Е. Изменения, эволюция, трансформация права: соотношение понятий № 3 24–35

Червонюк В.И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции № 10 86–96

Шарипова А.Р. Конвергенция в процессуальных отраслях права: перспективы судебного права и уголовного процесса № 7 115–124

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Варламова Н.В., Васильева Т.А., Колотова Н.В., Сорокина Е.А., Чехарина В.И. Государственная политика в отношении соотечественников, проживающих за рубежом: понятия и приоритеты № 11 55–65

Курячая М.М. Гражданская активность как фактор формирования и развития гражданского общества в современной России № 5 108–117

Нудненко Л.А. Правоприменительная практика Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в постановлениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека № 1 63–71

Скобликов П.А. Право на получение квалифицированной юридической помощи: субъекты оказания и получения помощи, основное содержание права и его развитие № 9 90–98

Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Права человека и этика в условиях развития информационных цифровых технологий и биоинженерии № 9 75–89

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

Турищева Н.Ю. Императивность и диспозитивность избирательного процесса в контексте ценностного подхода реализации избирательных прав № 10 117–126

В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кряжков В.А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов — № 9 — 65–74

ХОЗЯЙСТВО, ТРУД, ПРАВО

Габов А.В. Притворные сделки в отечественном праве: история и современность — № 2 — 49–64

Еременко В.И. О введении правовой охраны географического указания в Российской Федерации — № 1 — 72–80

Еременко В.И. О введении правовой охраны географического указания в Российской Федерации (Окончание) — № 2 — 65–73

Ефимов А.В. Систематизация организационно-правовых форм юридических лиц — № 8 — 59–70

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов – основа природоресурсного права — № 11 — 66–80

Кожокарь И.П. Особенности правового режима зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации — № 9 — 99–106

Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. Антропогенные изменения климата и международно-правовая деятельность по смягчению их последствий
Часть 2. Реализация климатических правовых актов на современном этапе и их перспективы — № 5 — 118–124

Полонский А.Б., Пекарникова М.Е. Антропогенные изменения климата и международно-правовая деятельность по смягчению их последствий
Часть 1. От Рамочной конвенции ООН до Парижского соглашения — № 4 — 104–113

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Андреева Е.М., Запольский С.В. Нарушение целей и условий использования бюджетных субсидий – уголовно-правовой аспект — № 8 — 71–80

Борков В.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с провокацией преступлений и фальсификацией преступников — № 10 — 127–134

Брусницын Л.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения и вне этой системы — № 1 — 81–88

Генрих Н.В. Экономика и криминализация: взаимообусловленность и взаимовлияние — № 2 — 74–82

Дамаскин О.В., *Красинский В.В.* Информационное противодействие фальсификации истории и реабилитации нацизма — № 6 — 147–157

Дамаскин О.В., Воеводина А.И. Криминологические аспекты неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования — № 3 — 44–56

Куракин А.В. К вопросу о соотношении и эффективном применении административного и полицейского принуждения — № 3 — 57–66

Мельник В.В. Системный анализ существующих подходов к пониманию и познанию истины в российском уголовном процессе — № 5 — 125–135

Поляков М.М., Саламова С.Я. Коррупция в сфере науки и образования: нормативно-правовые основы противодействия — № 4 — 114–119

Руднев А.С. Проблемы установления административной ответственности юридических лиц за правонарушения в области дорожного движения и пути их решения — № 8 — 81–89

Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за убийство беременной женщины в российском законодательстве: становление, развитие и современное состояние — № 3 — 67–82

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Дамаскин О.В., *Красинский В.В.* Криминологические и уголовно-правовые аспекты безопасности транспортного комплекса России в контексте регулирования иностранных инвестиций — № 12 — 83–96

Левакин И.В. Конституционно-правовые основы экономической системы России XX – начала XXI века (К вопросу о конституционной реформе 2020 г.) — № 3 — 83–92

Лихтер П.Л. Изменения законодательства в условиях общества потребления — № 7 — 125–134

Салиева Р.Н. Система способов государственного регулирования в сфере осуществления предпринимательской деятельности пользователями недр в современной России — № 10 — 135–142

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Андреев В.К. Правовое регулирование применения цифровых технологий: теоретические размышления — № 11 — 81–89

Лялькова С.П., Наумов В.Б. Интеллектуальная собственность и конкуренция: единство и борьба противоположностей — № 2 — 83–94

Павловская О.Ю. Занятость как правовая категория в отечественной доктрине: классика и современность — № 8 — 90–99

Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» — № 9 — 107–116

Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Роль компаративного метода при исследовании правового регулирования криптоактивов — № 5 — 144–153

Свиридова Е.А. Изобретения, созданные программным обеспечением искусственного интеллекта: проблемы правоприменения — № 11 — 90–99

Свиридова Е.А. Проблема определения субъекта авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом — № 2 — 95–103

Шавин В.А. Трансформация принципа свободы труда в цифровую эпоху — № 2 — 104–113

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Вершило Т.А., Шарандина Н.Л. Налоговые расходы публично-правового образования в системе доходов и расходов бюджетов — № 3 — 93–101

Фролова Е.Е., Цепова Е.А. Перспективы реформирования подходов к наделению физических лиц правовым статусом резидента Российской Федерации — № 6 — 158–172

ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО

Габов А.В., Черкесова Л.И. Реализация принципа свободы договора при заключении договоров купли-продажи электрической энергии на розничных рынках электроэнергии — № 7 — 135–150

Гусяков В.Ю. Конституционно-правовые основы публичной организации предпринимательской деятельности в нефтяной сфере энергетики — № 9 — 117–124

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Летова Н.В. Защита прав и интересов ребенка в случае его отобрания (изъятия) из семьи — № 3 — 102–111

Трофимец И.А. Темпоральность института государственной регистрации заключения брака в России: тенденция расширения цифровизации — № 10 — 143–153

Ярош А.В. Правовой статус эмбриона как объект семейных ценностей — № 5 — 136–143

ПРАВО И МЕДИЦИНА

Капинус О.С. Актуальные биоэтические проблемы и их правовое измерение — № 11 — 100–110

Пестрикова А.А., Сморчкова Л.Н. Правовой режим биологического материала человека: теоретическое осмысление — № 6 — 173–182

Полубинская С.В., Шишков С.Н. Некоторые правовые проблемы соблюдения врачебной тайны в психиатрической практике — № 11 — 111–122

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) — № 12 — 97–108

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Галкин И.В. Догматический и критический аспекты западноевропейской политико-правовой мысли раннего Нового времени (ок. 1600–1750) — № 2 — 121–131

Небратенко Г.Г. Государственно-правовая доктрина Муаммара Каддафи: взгляд в будущее — № 2 — 114–120

Небратенко Г.Г., Ларина О.Г. Доктрина возрождения постсоветской туркменской государственности Сапармурата Ниязова — № 12 — 118–126

Чернявский А.Г., Синяева Н.А. Современное значение понимания сущности и идеи государства — № 12 — 109–117

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аль Али Н. Проблема регулирования использования природных ресурсов Луны и других небесных тел в коммерческих целях — № 8 — 100–109

Глазатов М.В. Субсидии в законодательстве отдельных стран – членов ВТО и интеграционных объединений: сравнительно-правовой анализ — № 4 — 120–130

Гулиева М.Э. кызы Роль и значение международного сотрудничества государств в рамках ОПЕК и ОПЕК+ — № 4 — 131–136

Гуцуляк В.Н., Клюев В.В. Правовые проблемы эксплуатации морских судов без экипажей — № 10 — 163–172

Ермакова Е.П. ESG-банкинг в России и Европейском Союзе: понятие и проблемы правового регулирования — № 7 — 161–174

Карташкин В.А. Развитие международных отношений и универсализация прав человека — № 9 — 125–137

Копылова Е.А. Об институте *amicus curiae* в практике Международного Суда ООН и Международного трибунала по морскому праву — № 2 — 132–144

Крупко С.И. Значимые коллизионные интересы и их влияние на формирование коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав — № 10 — 186–197

Крупко С.И. Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере коллизионного регулирования интеллектуальной собственности — № 8 — 110–119

Крылов Н.Б., Шинкарецкая Г.Г. Интертемпоральное толкование Договора по космосу и негосударственные акторы — № 3 — 112–121

Лазутин Л.А. Применение международных норм о правах человека как комплексная общеправовая проблема — № 10 — 154–162

Новикова Т.В. О подходах к осмыслению автономии воли в международном частном праве — № 6 — 183–191

Смирных С.Е. Гарантии субъективных прав наиболее уязвимых групп населения в меняющемся миропорядке — № 1 — 89–97

Смирных С.Е. Международно-правовой статус детей-солдат как участников вооруженных конфликтов — № 11 — 137–144

Тузмухамедов Б.Р. Универсальные договорные органы по правам человека и их место среди международных институтов — № 7 — 151–160

Шиянов А.В. Особенности применения международно-правового стандарта экспроприации в спорах энергетического характера — № 12 — 143–152

Butler W.E., Erpyleva N. Yu. Proceeding on cases with the participation of foreign persons in International Procedure Law of Russia and Belarus — № 10 — 173–185

Butler W.E., Erpyleva N. Yu. Proceeding on cases with the participation of foreign persons in International Procedure Law of Russia and Belarus (The end) — № 11 — 123–136

Getman-Pavlova I.V., Kasatkina A.S. Conflict of laws regulation of the international family relations in the Russian Federation (legislation and jurisprudence) — № 12 — 127–142

ЗА РУБЕЖОМ

Васильева Т.А. Специфика осуществления парламентских полномочий в условиях пандемии COVID-19: опыт Италии — № 9 — 138–147

Ирхин И.В. Конституционно-правовой статус особого административного района Гонконг как территориальной автономии в составе Китайской Народной Республики: актуальные траектории трансформации — № 8 — 120–137

Исаев М.А. Модернизация материальной Конституции: опыт Норвегии — № 1 — 98–110

Хейрбаут Д., Котляр И.А., Лысенко О.Л. «Молниеносная» кодификация гражданского права в Бельгии: Гражданский кодекс 2020 г. — № 11 — 145–163

Хлуденева Н.И., Фицай Д.А. Правовые аспекты судебной защиты прав граждан и общественных интересов в сфере охраны окружающей среды в Китайской Народной Республике — № 10 — 198–204

Черкасов А.И. Местные советы и их комитеты в муниципальной системе европейских государств — № 6 — 192–198

Чучаев А.И., Коробеев А.И. Реформирование Уголовного кодекса Китайской Народной Республики: неоднозначные решения законодателя — № 12 — 153–163

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Асланян Р.Г. Формирование и развитие Особенной части уголовного права в период X – начала XX в.	№ 8	150–163
Афанасьев Д.В. О патентной системе в зарубежных государствах и в России: историко-правовой аспект	№ 3	122–130
Бельский К.С. Финансы и наука финансового права в правление императора Николая I	№ 10	219–233
Жуков В.И., Раттур М.В. Генезис пенсионных идей в истории Российского государства и теории права (конец XIX – начало XX в.)	№ 4	137–148
Звягинцев А.Г. Прокуратура и законность в период Гражданской войны	№ 9	148–158
Звягинцев А.Г. Прокуратура и законность в период Гражданской войны (Окончание)	№ 10	205–218
Лысенко О.Л. Антиростовщические законы 1880, 1893 гг. и их влияние на развитие права Германии. Понятие «нажива» (“Wucher”)	№ 1	121–129
Матеев М.М. Мировая юстиция в Болгарии и в России (историко-правовое исследование)	№ 1	111–120
Родионов К.С. О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть вторая	№ 8	138–149

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Алферова Е.В., Алешкова И.А. Служение науке: прошлое и настоящее отдела правоведения ИНИОН РАН в лицах ученых и научных трудах	№ 4	149–154
Афанасьев А.Ю., Лубин А.Ф. Концептуальная модель объекта, предмета и методологии уголовно-процессуальной науки	№ 12	174–180
Вохидов Т.Т. Процессуальный статус защитника по Уголовно-процессуальному кодексу Таджикской ССР 1961 г.	№ 3	131–136
Гуторова А.Н. Юридическая природа депутатского мандата в теории конституционного права	№ 7	175–182
Кемрюгов Т.Х. Конституционные принципы и ценности как предмет баланса (пропорциональности): к вопросу о сложностях теоретического и практического содержания	№ 1	135–142
Линько В.В. Влияние глобализации на применение судебного прецедента в Российской Федерации	№ 6	199–204
Ломакина Л.А. Соотношение частных и публичных начал в трудовом праве	№ 11	168–172
Лютова О.И. Теория налоговой обязанности в цифровую эпоху: перспективы исследования	№ 11	164–167
Миронов В.И., Барбашова Т.П., Симонов В.И. Роль собственника в реализации трудовых прав работника	№ 12	168–173
Панищев А.Л. Архетип государственности в природе человека и общества	№ 1	143–148
Сабырбаева А.Б. О мерах по противодействию мошенничеству (на примере фишинга)	№ 12	181–185
Сорокин В.В. Дух права – фундаментальная категория юридической науки	№ 12	164–167
Уваров А.А. Генезис инноваций в праве	№ 1	130–134

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Курданова М.Х. Современная конституционная реформа в контексте реального народовластия	№ 7	183–189
Летова Е.А. Защита прав селекционеров как стимулирующий фактор развития агробизнеса	№ 8	171–175
Подшивалова Д.Я. Подход Российской Федерации к понятию «уклонение от налогообложения»	№ 8	164–170
Шичанин М.А. К вопросу о месте цифровых технологий в системе публичного финансового контроля	№ 5	154–158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бабурин С.Н., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л. Обзор Международной научной конференции «Александр Невский и пути российской идентичности», посвященной 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского	№ 12	186–194
Баранов В.М., Баранова М.В., Кроткова Н.В. Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло? Обзор XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)»	№ 11	173–185
Борисова Л.В., Лебедь К.А., Летова Н.В., Лизикова М.С., Лукьянова И.Н., Пушкина А.В. Обзор Второй Международной научно-практической конференции «Абовские чтения»	№ 3	137–146
Борисова Л.В., Летова Н.В., Соколова Т.В., Пушкина А.В., Соловяненко Н.И. Обзор Международной научной конференции «Цивилистические юбилеи» к столетию Н.С. Малеина «Юридическая ответственность и справедливость в цифровой среде»	№ 7	190–196

Варламова Н.В., Васильева Т.А., Колотова Н.В., Сорокина Е.А. Конституционализм: национальное и наднациональное измерения. Всероссийская научная конференция с международным участием к 95-летию со дня рождения В.А. Туманова — № 12 — 195–210

Грудцына Л.Ю. Обзор III Международного историко-правового конгресса «Правовые традиции становления российской государственности» — № 9 — 182–184

Дзюбак А.В., Летова Н.В., Соколова Т.В., Чуча С.Ю. Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» — № 6 — 205–208

Каплунов А.И., Ухов В.Ю. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права — № 9 — 185–197

Кобзарь-Фролова М.Н., Васянина Е.Л. Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации (Международная научно-практическая конференция («Пискотинские чтения – 2021»), 15 апреля 2021 г.) — № 8 — 176–182

Кроткова Н.В. XV Международная научно-практическая конференция «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики» и научный «круглый стол» «Правовая наука как социокультурный институт: интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала» — № 9 — 159–181

Лизикова М.С., Шапсугова М.Д. Проблемы развития и перспективы предпринимательского права в современных экономических условиях (Обзор III Международной научно-практической конференции «Лаптевские чтения–2020») — № 5 — 172–181

Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В. Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) — № 2 — 145–159

Малько А.В., Затонский В.А., Красюков А.В., Кроткова Н.В. Противодействие коррупции в современной российской правовой жизни (Обзор материалов «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура») — № 3 — 147–159

Малько А.В., Кроткова Н.В., Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Обзор Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура» на тему «Проблемы взаимосвязей, взаимодействия и устранения противоречий правовой культуры и правосознания с юридической ответственностью» — № 5 — 159–171

Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю., Трофимов В.В. Проект Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области): обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая культура», «Государственно-правовые исследования» — № 10 — 234–253

Нижник Н.С., Нудненко Л.А. История Российской Империи в контексте теоретико-правового анализа (К 300-летию Российской Империи) — № 11 — 186–195

Чуча С.Ю. Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики (Обзор «круглого стола») — № 4 — 155–160

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Алферова Е.В., Алешкова И.А. Верховенство права в контексте решения проблем взаимодействия международных и национальных судов
И.А. Умнова-Конюхова. Национальное правосудие и международное правосудие: теория и практика взаимодействия в публично-правовых отношениях (принципы государственности и прав человека) — № 8 — 183–187

Грудцына Л.Ю. Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. Смена технологических укладов и правовое развитие России — № 1 — 149–150

Денисенко В.В. Актуальный учебник по философии права
О.Ю. Рыбаков. Философия права — № 5 — 182–184

Загоров Орлин. Актуальное исследование благодетельного государства
С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма — № 7 — 197–200

Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. COVID-19 и борьба с ним
Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции — № 10 — 254–259

Князев С.Д. Н.М. Добрынин. Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства — № 9 — 198–199

Краковский К.П. Правовая история российского гражданского общества и как ее писать — № 1 — 151–154

Малько А.В., Хужин А.М. О юридической ответственности и безответственности в контексте национальной безопасности
Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей / Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко, А.А. Мусаткина и др.; под ред. Д.А. Липинского — № 6 — 209–211

Невинский В.В. Е.А. Осавелюк. Конституционно-правовые основы статусных полномочий высших органов государственной власти / отв. ред. Б.С. Эбзеев	№ 4	165–167
Осавелюк А.М. Правовой статус коренных народов: прошлое, настоящее и будущее Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах / под ред. А.В. Малого, С.В. Бухмина, Р.Ш. Гарипова	№ 10	260–263
Редкоус В.М. О перспективах развития государства и права в Российской Федерации (На примере прокуратуры) В.Н. Галузо. Власть прокурора в Российской Федерации. Часть IV. Возрождение права	№ 7	201–204
Ручкина Г.Ф. Е.М. Ашмарина. Инновационная технология «экономическое право» в условиях глобализации	№ 8	188–190
Рыбаков О.Ю. К.В. Агамиров. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы	№ 11	196–198
Субочев В.В. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского, А.А. Мусаткиной	№ 2	160–163
Томашевский К.Л. В.М. Лебедев. Философия трудового права	№ 5	185–188
Хорошильцев А.И. В.В. Дорошков. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве	№ 6	212–214
Цуканов Н.Н. П.П. Серков. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования)	№ 4	161–164
ПЕРСОНАЛИИ		
Алферова Е.В., Алешкова И.А. К юбилею И.А. Умновой-Конюховой – ученого, педагога, общественного деятеля	№ 11	199–201
К 65-летию Владимира Васильевича Дорошкова	№ 8	194–195
К 75-летию Михаила Ивановича Клеандрова	№ 8	191
К 90-летию члена-корреспондента Российской академии наук М.В. Баглая	№ 3	160
К юбилею академика РАН А.Г. Лисицына-Светланова	№ 10	264–265
К юбилею Анисима Ивановича Экимова	№ 6	215
К юбилею Виктора Николаевича Корнева	№ 9	200–201
К юбилею Владимира Ивановича Червонюка	№ 7	208–210
К юбилею Галины Георгиевны Шинкарецкой	№ 12	211–212
К юбилею члена-корреспондента Российской академии наук А.Н. Савенкова	№ 3	162–163
Профессору В.М. Сырых – 80 лет	№ 7	205–207
Профессору И.М. оглы Рагимову – 70 лет	№ 3	161
Россинский Б.В. Юбилей профессора А.Ю. Якимова	№ 2	164–165
Юбилей профессора В.Н. Жукова	№ 1	155–156
Юбилей члена-корреспондента РАН М.И. Клеандрова	№ 8	192–193
IN MEMORIAM		
Дубовик Ольга Леонидовна (22.11.1949–28.03.2021)	№ 4	170–171
Невинский Валерий Валентинович (05.12.1950–11.02.2021)	№ 4	168–169
ПОПРАВКИ	№ 11	202

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ
40.03.01
Юриспруденция (гражданско-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА
40.04.01
Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА
40.06.01
Теория и история права и государства; история правовых учений

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку юристов на классической академической основе с ориентацией на практическое обучение. Студенты изучают базовые и специальные дисциплины, отражающие современный уровень теоретической и практической юриспруденции в России и в мире.

Изучение обширного комплекса правовых дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к правоприменительной деятельности во всех сферах бизнеса, гражданского общества и государства, позволяет быть конкурентоспособным юристом-профессионалом.

Занятия на юридическом факультете проходят в самом центре Москвы, у метро Октябрьская, рядом с парком «Музеон».

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Костяк преподавателей составляют ученые научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

На каждом курсе учится не более 60 студентов. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других ведущих вузов России и зарубежных стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН участвуют в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).